АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ОЧЕРКИ СРАВНИТЕЛЬНОЙ МОРФОЛОГИИ АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКОВ



ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
Ленинградское отделение
1978

Ответственный редактор
О. П. СУНИК

О $\frac{70103\text{-}568}{042\,(02)\text{-}78}$ 376-77

© Издательство «Наука», 1978

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Со времени начала специальных исследований и первых публикаций в области алтаистики, предпринятых группой сотрудников сектора алтайских языков Института языкознания АН СССР, прошло уже немало лет. Наряду с продолжением работ, посвященных отдельным алтайским языкам или их группам (преимущественно тунгусо-маньчжурской и тюркской), сектор подготовил и издал в 1971 г. тематический сборник, в котором получили различное освещение некоторые важные проблемы происхождения общности алтайских языков.[1] Годом позже вышел в свет другой коллективный труд сектора, посвященный сравнительной лексикологии алтайских языков.[2]

Предлагаемые «Очерки сравнительной морфологии» — третья публикация в серии запланированных работ. К печати готовятся и другие коллективные труды, посвященные вопросам сравнительной фонетики и исследованиям в области этимологии алтайских языков.

Наши первые публикации в этой сложной и все еще дискуссионной отрасли компаративистики, известной под названием «алтаистика» или «сравнительное изучение алтайских языков» (тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, а также корейского и японского), получили различные отклики отечественных и зарубежных лингвистов — сторонников и противников «алтайской теории» — теории, объясняющей материальную и структурно-типологическую общность указанных групп языков не одними лишь взаимозаимствованиями в относительно поздние периоды контактного развития отдельных алтайских языков или их групп, но и очень древними связями — генетическим родством этих языков, восходящим, как предполагается, к весьма ранним

---

[1] Проблема общности алтайских языков. Л., 1971, 404 с. (в дальнейшем — ПОАЯЗ).

[2] Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972, 362 с.

эпохам становления и развития первобытных племен, говоривших на праалтайском языке или праалтайских диалектах.[3]

В отзывах на упомянутые выше публикации, появившихся в периодических изданиях, наибольшее внимание, естественно, уделено общим проблемам алтаистики (природе алтайской языковой общности) и методам исследования относящихся к этой проблеме языковых материалов. На некоторых из замечаний необходимо здесь остановиться.

Положительную в целом оценку наши первые опыты в области алтаистики получили в обзорно-критической статье известного алтаиста, исследователя монгольских, тунгусо-маньчжурских и тюркских языков Н. Н. Поппе.[4]

Находя рецензируемый коллективный труд (в котором приняли участие и лингвисты из других научных учреждений нашей страны) «чрезвычайно интересной и ценной публикацией» (с. 38), Н. Н. Поппе соглашается с той критикой, которая содержалась в ряде статей по поводу нигилистического отношения к алтаистике со стороны некоторых ее активных оппонентов, неоднократно объявлявших эту отрасль сравнительно-исторического языкознания несостоятельной, а по словам, например, Г. Дёрфера, даже пагубной или вредной (destructive).[5]

В обзоре Н. Н. Поппе нашли мотивированную поддержку и аргументированное одобрение принципиальные соображения методологического и общетеоретического характера, высказанные в статьях компаративистов-индоевропеистов — Н. Д. Андреева «Методы индоевропеистики и проблема алтайской общности» (ПОАЯЗ, с. 47—50) и Л. Г. Герценберга «Алтаистика с точки зрения индоевропеиста» (ПОАЯЗ, с. 34—46).

В связи со статьей китаиста С. Е. Яхонтова «Лексика как признак родства языков» (ПОАЯЗ, с. 110—120), высказавшего сомнения в родстве алтайских языков ввиду отсутствия в них общей лексики из так называемого основного фонда, Н. Н. Поппе привел серию примеров из области общеалтайских лексем, о которых даже специалист не может сказать сколько-нибудь определенно, кто у кого из алтайских народностей их заимствовал, да и заимствовал ли вообще.

Количество подобных примеров, как отмечает Н. Н. Поппе, таково, что трудно поверить, будто бы все они или почти все из этих слов являются перекрестными заимствованиями.

Находя верной мысль относительно того, что для доказа-

---

[3] Подробнее, с указанием литературы вопроса, см.: Суник О. П. К актуальным проблемам алтаистики. — ВЯ, 1976, № 1, с. 18—30.

[4] Poppe N. A new symposium on the altaic theory. — CAJ, 1972, vol. 1, p. 37—58 (далее цитируется с указанием страниц в тексте). См. также его рецензию на «Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков» (Л., 1972) — UAJ, 1976, № 46.

[5] Подробнее см.: Суник О. П. К актуальным проблемам. . ., с. 19—20.

тельства или опровержения родства языков важны не одни лишь лексические аналогии сами по себе, а взятые в системе словообразовательных и словоизменительных средств, наличие которых может быть объяснено только как развитие системы языка-основы, Н. Н. Поппе приводит ряд примеров с суффиксами, характерными для тунгусских, монгольских и тюркских языков, показывая их идентичное грамматическое значение во всех группах этих языков (с. 45—46).

Автор указанного отзыва соглашается с методикой сравнительно-исторического изучения общих морфем в алтайских языках, предложенной в статье японист-алтаиста Н. А. Сыромятникова (ПОАЯЗ, с. 51—64), приводя и по этому случаю ряд дополнительных фактов, подтверждающих эффективность предложенной Н. А. Сыромятниковым методики. Ссылаясь попутно на известные работы Р. А. Мюллера об общих японско-алтайских элементах, Н. Н. Поппе признает вполне вероятной гипотезу о принадлежности японского к группе алтайских языков, которую развивает в своих исследованиях Н. А. Сыромятников.[6]

Положительную оценку в рассматриваемом обзоре получила также статья Г. П. Мельникова (ПОАЯЗ, с. 65—76), предложившего для обоснования алтайской теории методику системной лингвистики. Н. Н. Поппе подкрепляет дополнительными фактами небезызвестный вывод, согласно которому тюркские языки ушли дальше по пути упрощения (адаптации) своей системы. За ними следуют монгольские, а тунгусские представляют наиболее раннюю ступень такого рода адаптации по общей для всех алтайских языков «тенденции к экономии вспомогательных элементов их структуры».

Положительно оценил автор цитируемого обзора и методику сравнительно-лексикологических исследований в области алтайских языков, обоснованную в статье В. И. Цинциус (ПОАЯЗ, с. 77—89), — изучение словарного состава по этимологически связанным гнездам слов.[7]

В другой рецензии, написанной на наш первый коллективный труд известным компаративистом-индоевропеистом Э. М. Макаевым, вопросам методики сравнительно-исторического изучения алтайских языков также уделяется большое внимание.[8]

Признавая алтаистику одной из составных частей сравнительно-исторического языкознания, Э. М. Макаев отвергает скептическое отношение противников алтаистики, находя, что авторы рецензируемой им книги находятся на правильном пути и предлагают много интересных и плодотворных решений.

---

[6] См.: Сыромятников Н. А. Как отличить заимствования от исконных общностей в алтайских языках? — ВЯ, 1975, № 3.

[7] Подробнее см.: Цинциус В. И. Задачи сравнительной лексикологии алтайских языков. — В кн.: Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972, с. 3—14.

[8] См.: «Вопросы языкознания», 1973, № 4, с. 139—142.

На примере уже упоминавшейся выше статьи В. И. Цинциус, посвященной методике сравнительно-лексикологических исследований, Э. М. Макаев подчеркивает принципиальную важность сравнительного изучения лексики для решения общей проблемы о характере связей алтайских языков, возражая тем, кто считал до недавнего времени, будто бы лексика не может служить опорным пунктом при решении вопроса о языковом родстве. Свой вывод он обосновывает рядом аргументов и ссылкой на опыт сравнительно-исторического изучения лексики индоевропейских языков. Вместе с тем рецензент показывает несостоятельность лексикостатистических методов, иногда рекомендуемых для проверки алтайской теории.[9] В общей оценке этого метода для компаративистики и непригодности его для установления (или опровержения) языкового родства Э. М. Макаев солидаризируется с Л. Лигети.[10]

Останавливаясь на одном из важнейших методологических вопросов компаративистики — разных теориях происхождения языкового родства, — Э. М. Макаев решительно возражает против смешения (или «взаимного дополнения») понятия «лингвистической семьи» и понятия «языкового союза». Только на базе генетически родственных языков может быть создана сравнительная грамматика. Возможность создания такой грамматики — доказательство генетического родства той группировки языков, по материалам которой эта сравнительная грамматика создается.

Полагая, что рецензируемый коллективный труд — «яркое доказательство того, что влачившая долгие годы жалкое существование алтайская гипотеза постепенно превращается в строго научное сравнительное алтайское языкознание», Э. М. Макаев в качестве очередных задач рекомендует издать еще две книги — книгу, посвященную морфологии, и книгу, посвященную фонетике алтайских языков.

Как сказано выше, подготовительные работы для создания таких книг на основе уже имеющихся в алтаистической литературе исследований в секторе алтайских языков ведутся. В качестве одной из такого рода работ предлагается и данная книга, посвященная отдельным вопросам сравнительной морфологии алтайских языков.

Завершением указанных и некоторых других подготовительных работ должны по нашим перспективным планам явиться «Сравнительно-историческая грамматика алтайских языков» и «Этимологический словарь алтайских языков». Но это — дело не столь ближайшего будущего.

Сравнительно-историческому изучению морфологии алтайских языков придавали и придают особое значение многие алта-

---

[9] Клоусон Дж. Лексикостатистическая оценка алтайской теории. — ВЯ, 1969, № 5.

[10] Лигети Л. Алтайская теория и лексикостатика. — ВЯ, 1971, № 3.

исты, как и компаративисты, работающие в других отраслях сравнительно-исторического языкознания.

На пути сравнительно-исторического изучения алтайских языков, в том числе и их морфологии, имеется, как известно, много больших трудностей.

Так, если распад индоевропейского праязыка произошел, по заключению специалистов, около 6—8 тысяч лет тому назад, то распад предполагаемого алтайского праязыкового единства должен измеряться не 3—4 тысячелетиями, как предполагал В. Котвич, а по крайней мере 10 тысячелетиями. Пытаться поэтому возводить к протоалтайскому состоянию все или почти все, что имеется в засвидетельствованных высокоразвитых алтайских языках, и нельзя, и не нужно.

Очень близкое родство этих языков в пределах каждой из перечисленных выше групп существенно отличается от отдаленного родства алтайских языков, взятых в целом.

Существенно различными могут быть поэтому и результаты реконструкции, — как правило, ближней для близкородственных языковых групп и дальней для отдаленнородственных языков, каковыми нам представляются алтайские, взятые в целом. Реконструкции эти, не различаясь принципиально по методам их осуществления, не могут не различаться в количественном и качественном отношениях.

Вот почему неоднократно выдвигавшиеся предложения реконструировать сначала праязыки для близкородственных языков (по каждой из групп), а затем в зависимости от результатов таких реконструкций приступить и к опытам реконструкции праалтайского языка, оказываются несостоятельными хотя бы уже потому, что реконструкции близкородственных языков (без так называемого внешнего сравнения, т. е. без опоры на алтаистику) обычно мало чем отличаются (или отличаются только «звездочками») от того, что имеется в тех или иных засвидетельствованных языках (например, тюркских).

Для дальней внутренней реконструкции групп близкородственных алтайских языков отсутствуют, к сожалению, необходимые языковые данные, которые бы документально отражали развитие этих языков на протяжении двух-трех тысячелетий, как это имеет место в некоторых иных отделах компаративистики.

Опыты сравнительного изучения близкородственных алтайских языков (их групп) показали, что без общеалтайских реконструкций или опоры хотя бы на их отдельные выводы создание сравнительно-исторической грамматики отдельных близкородственных групп языков (в частности, тюркской) оказывается практически невозможным, если, конечно, не пытаться заменить (или подменить) компаративистическую реконструкцию «конструированием» неких теоретически возможных, но ничем не обоснованных «исходных состояний», «синхронных праязыковых срезов» и т. п.

Сравнительно-исторический метод, с тех пор как сложилась и развивается уже более полувека научная алтаистика, был и остается важнейшим и при опытах ближних реконструкций, и при опытах реконструкции дальней — общеалтайской (или праалтайской). Структурно-типологической аспект сравнительно-исторического изучения алтайской языковой общности, особенно при опытах дальней реконструкции, тоже может и должен играть свою роль, но ни он и никакие иные «комплексные лингвистические методы» не могут заменить метода сравнительно-исторического. Немаловажное значение имеет еще и аспект социолингвистический при попытках реконструкции элементов алтайского праязыка (алтайских прадиалектов). Социолингвистический подход к истории языков должен предостеречь алтаистов от антиисторических по существу попыток проецировать или переносить в примитивный язык ранних протоалтайских этнических общностей все (или почти все), что имеется в высокоразвитых современных, а также в документально засвидетельствованных древних алтайских языках.

Без применения сравнительно-исторического метода, разработанного компаративистами прежде всего на материале индоевропейских языков, т. е. без той методики, которую применяли З. Гомбоц, Г. Рамстедт, Б. Я. Владимирцов, Н. Поппе, К. Менгес, М. Рясянен и некоторые другие алтаисты, невозможно заниматься сравнительно-историческим изучением ни алтайских языков, взятых в целом, ни их отдельных групп, родство которых (в пределах каждой из групп) давно уже никем не оспаривается ввиду его очевидности.

Сравнительно-историческое изучение морфологии — корневых и аффиксальных морфем, — как это давно доказано индоевропеистами, было и остается важнейшей задачей при исследовании проблем родства и истории языков различных групп, в том числе и алтайской.

Трудности и недостатки, связанные со слабой изученностью некоторых материалов или с их отсутствием, не должны, на наш взгляд, изменить общего направления алтаистических исследований — сравнительно-исторического изучения алтайских языков.

Даже «заимствования, так сказать, на уровне праязыков», вошедшие в алтайскую общность (из пратюркского, прамонгольского, пратунгусо-маньчжурского), которые допускает, например, Г. Дёрфер, в принципе не исключают, а предполагают необходимость сравнительно-исторического изучения такого рода «заимствований», представляющих древнейшие элементы во всех алтайских языках, но существенно отличающихся от поздних заимствований в различные периоды контактного развития обособленных алтайских языков, как между собой, так и между другими (неалтайскими) языками.

Таких общих элементов, о которых невозможно сказать, являются ли они «заимствованиями на уровне праязыков», или представляют изначально родственные праалтайские элементы, по-видимому, немного. На это важное обстоятельство уже неоднократно указывалось. Но если эти немногочисленные общие элементы, получив затем разные модификации в различных алтайских языках, все же имеются и алтаистами обнаруживаются (реконструируются), то не свидетельствует ли это об отдаленном, но все же генетическом родстве алтайских языков?

Многое в области морфологии засвидетельствованных алтайских языков находит пока главным образом структурно-типологическую общность, хотя и эта последняя не лежит на поверхности наблюдаемых явлений. Ее обнаружение и интерпретация требуют серьезных исследований и соответствующих объяснений. Простое сличение типологических сходств и различий в выражении сходных значений, разумеется, тоже необходимо, но не в нем суть алтаистики как одного из отделов сравнительно-исторического языкознания.

В предлагаемый коллективный труд вошли очерки по нескольким темам сравнительной морфологии алтайских языков. Некоторые предварительные выводы из этих исследований уже обсуждались на упомянутой алтаистической конференции и получили то или иное отражение в сборнике «Проблема общности алтайских языков». В рукописи предлагаемая книга была предметом специального дополнительного обсуждения на Ученом совете Ленинградского отделения Института языкознания (1975 г.). Ряд замечаний, высказанных на этом заседании, учтен авторами и редактором книги. В нее включены работы, посвященные сравнительному изучению отдельных глагольных форм (каузатив, способы глагольного действия, служебные глаголы «быть» и «стать»), а также работы, посвященные отдельным именным формам (формы множественности и формы определительного местоимения «сам/свой» с его морфологическими дериватами — суффиксами безличной притяжательности, свойственными ряду тунгусо-маньчжурских и монгольских языков).

И. В. КОРМУШИН

КАУЗАТИВНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Предлагаемая работа посвящена сравнительно-историческому изучению формантов глагольного каузатива на материале трех ветвей алтайской семьи языков — тюркской, монгольской и тунгусо-маньчжурской. Как в указанных ветвях, так и в четвертой — японо-корейской, материалы которой в работе не привлекались, каузативные формы глагола хорошо представлены начиная с письменных памятников и составляют важную особенность их грамматической системы. Эта морфологическая категория видится исконной для праалтайского не только на основе внутриалтайских данных, но и в случае внешнего сравнения при построении более отдаленного (глубокого) родства алтайских языков с уральскими, дравидскими, индоевропейскими, семитохамитскими и картвельскими в рамках так называемой ностратической гипотезы.[1] В названных семьях глагольный каузатив до сих пор продуктивен, за исключением индоевропейских, где теперь он прослеживается остаточно, но широко был развит в древних языках.

Большая часть рассмотренных в работе каузативных аффиксальных морфем (далее в работе постфиксально-суффиксальные морфемы алтайских языков по тюркологической традиции автор часто именует просто аффиксами) в современных алтайских языках является непродуктивной, вышедшей из активного грамматического употребления. Образования с такими аффиксами в той или иной мере лексикализовались и вошли в словарь. В работе приводятся по возможности полные списки непродуктивных образований в каждой из трех ветвей на материале нескольких классификационно разноплановых языков, что может иметь также самостоятельное значение.

Динамика исторического соотношения продуктивных и непродуктивных форм, отчетливее вскрываемая на более массовидном

---

[1] Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь (b—ḳ). М., 1971, с. 13.

тюркском материале, показывает значительное число и большую роль инноваций. Складывается совершенно отчетливое впечатление, что здесь произошла неоднократная смена одних форм другими, причем прежние формы либо продолжали сосуществовать рядом с новыми, либо срастались с ними, и показатель подновлялся путем морфологического усложнения. В орбиту взаимодействия, как теперь ясно, были вовлечены помимо собственно каузативных семантически близкие форманты интенсивности, итеративности, дуративности и т. п., а также обнаруживающие точки соприкосновения с каузативом показатели пассива, почему рассмотрение указанных форм имеет место в работе. В силу сказанного естественный порядок реконструкции — установление относительной хронологии и отделение разновременных и семантически различных форм — оказывается нелегко реализуемым, а цель (одна из целей) диахронического анализа — отыскание под поздними напластованиями тех немногих (или даже одного) формантов, которые могут быть генетически тождественны и, следовательно, обозначены как пра- и общеалтайские, — вообще труднодостижимой, в особенности при объективной недостаточности исторического материала.

Каузативные и некоторые семантически однородные с ними формы исследуются в работе в их взаимоотношениях в плане диахронии. При этом своеобразное соотношение различных форм в синхронии — нарушения системности, ограничения одних форм за счет других — ведет к поиску иной, более широкой, прасистемы. Таким образом, последняя строится [2] под знаком проспективной увязки правил и исключений, живых и отмирающих явлений в истории алтайских языков. Указанные построения производятся автономно в каждой из ветвей, после чего предпринимается сопоставление полученных результатов.

Вопросы функционирования каузативных конструкций в грамматическом механизме, многообразие типов семантических оппозиций глагольных каузативов [3] в нашем исследовании рассмотрены кратко. В публикуемой работе по сравнению с нашей диссертацией опущены разделы о соотношении каузатива и залога,[4] о лексикализации глагольных каузативов,[5] пересмотрено решение ряда вопросов, некоторые вопросы изложены подробнее.

---

[2] Виноградов В. А. О реконструкции протоязыковых состояний. — В кн.: Система и уровни языка. М., 1969, с. 38—39.

[3] См. разработку этих вопросов в кн.: Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л., 1969.

[4] Кормушин И. В. Категория каузатива в алтайских языках. Канд. дисс. Институт языкознания АН СССР, Л., 1968, с. 139—153; см.: а. к. д., Л., 1968, с. 14, 17.

[5] Кормушин И. В. 1) Категория каузатива. . ., с. 154—180; 2) а. к. д., с. 15—16; 3) О грамматическом и лексическом в глагольных каузативах. (На материале турецкого языка). — В кн.: Тюркологический сборник. К 60-летию А. Н. Кононова. М., 1966, с. 64—73.

Часть I

КАУЗАТИВНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

§ 1. Продуктивный аффикс *-m(⁰) p-*[6] и его непродуктивный алломорф

В зафиксированных — современных и древних — тюркских языках из всего множества каузативных морфем (общим числом 19) наиболее продуктивным является аффикс *-m(⁰)p-*: чув., як. *-m(a)p-*, все остальные (огуз., кыпч., с.-вост., ю.-вост.) — *-m(ы)p-*. В чувашском к тому же этот аффикс единственно продуктивный, тогда как во всех, кроме чувашского, тюркских языках наряду с *-m(⁰)p-* продуктивен еще аффикс *-m-*. Соотношение в употреблении этих аффиксов, которое подробно будет рассмотрено ниже, в общем виде характеризуется принципом дополнительности, однако в заметном числе случаев и во многих тюркских языках, по нашим наблюдениям, аффикс *-m(⁰)p-* захватывает сферы употребления аффикса *-m-*, что и позволяет говорить о большей продуктивности первого по сравнению со вторым, ставшим непродуктивным формантом только в чувашском языке, но продолжающим оставаться продуктивным во всех остальных тюркских языках.

Морфонологические правила присоединения каузативного форманта *-m(⁰)p-* к глагольной основе аналогичны правилам присоединения к основе любых других аффиксов: действует закон прогрессивной ассимиляции согласных и гласных.

Во всех тюркских начальный согласный аффикса является глухим *т* после глухих в основе и звонким *д* после основ, оканчивающихся на сонорный или на гласный (звонкие согласные несонорные в подобной позиции — в конце слога — не встречаются). В якутском языке, помимо этого, происходит еще уподобление начального согласного аффикса согласным основы *л*, *н*, *ҥ* и в части случаев *м*, например: *ыллар-* ‘заставлять брать’ от *ыл-* ‘брать’, *миннэр-* ‘сажать верхом’ от *мин-* ‘садиться верхом’, *таҥнар-* ‘заставить приводить в порядок’ от *таҥ-* ‘перебирать, приводить в порядок’ *симнэр-//симтэр-* ‘заставить набивать’ от *сим-* ‘набивать’.[7]

На вокализме аффикса *-m(⁰)p-* (имея в виду и все последующие форманты) остановимся несколько подробнее. В современных

[6] Здесь и далее характер гласного в аффиксе условно передается следующим образом: (*а*) — широкий гласный, (*ы*) — узкий гласный, (⁰) — гласный любого качества; последнее означает, что в алломорфах представлены и широкие, и узкие гласные. Также условно обобщается согласный аффикса, почему в работе часто приводится один алломорф; в необходимых случаях приводятся все или некоторые алломорфы.

[7] Примеры заимствованы из кн.: Харитонов Л. Н. Залоговые формы глагола в якутском языке. М.—Л., 1963, с. 54—55.

тюркских языках действуют такие типы гармонии гласных, которые не позволяют совмещать широкие и узкие гласные в вариантах одного и того же аффикса. Так, например, в турецком языке вариантами аффикса множественного числа, дательного, местного и исходного падежей являются алломорфы с широкими гласными *a*, *e* и не могут быть алломорфы с узкими гласными *ı*, *i*, *u*, *ü*. В противоположность этому в аффиксах категории принадлежности винительного и родительного падежей представлены алломорфы только с узкими гласными.[8] Аналогично положение и для глагольных категорий. В однопорядковых с каузативом формантах взаимно-совместных, возвратных и страдательных глаголов допустимы только узкие гласные. В такой морфологически разветвленной категории, как время, так же, как и в падеже, сходятся формы с разным вокализмом, но в пределах одной формы представлен вокализм одного типа, ср.: будущее на *-acak/-ecek*, настоящее-длительное на *-makta/-mekte* (не могут быть формы с узкими гласными **-mikti*, **-icik*), но прошедшее (претерит) на *-dı/-di/-du/-dü*, перфект на *-mış/-miş/ muş/-müş* (не могут быть формы с широкими гласными **-da/-de*, **-maş/-meş*).

Указанный принцип несовмещения широких и узких гласных в сингармонических вариантах живого грамматического форманта действует во всех современных тюркских языках как основная тенденция, как правило, знающее исключения. Для многих словообразовательных и части словоизменительных аффиксов существуют образования с гласным в аффиксе, противоположным регулярному. В якутском в аффиксе претерита узкий гласный представлен в 1 и 2 л. ед. и мн. ч., но в 3 л. ед. — широкий гласный (*бар-дым* 'я ушел', *бар-дың* 'ты ушел' *бар-да* 'он ушел'); в чувашском претерит во всех лицах и числах имеет широкий редуцированный гласный (ед. ч. 1 л. *-тӑм*, 2 л. *-тӑн*, 3 л. *-тӑ*); во всех остальных языках претерит всегда имеет узкий гласный. В турецком в аффиксе настоящего общего времени (аориста) после многосложных основ на согласный употребляются алломорфы с узким гласным (*-ir/-ır/-ur/ür*), после односложных — алломорфы с широким (*-ar/-er*), но в виде исключения после 15 односложных основ на согласный употребляются алломорфы с узким гласным.[9] В древне-уйгурском аффикс аблатива в большинстве текстов имел в своем составе узкий неогубленный гласный (*-дын/-дин*), в некоторых — широкий (*-дан/-дэн*),[10] при этом необходимо заметить, что во всех современных языках формы аблатива с широким гласным.

Формы, обнаруживающие подобное колебание состава гласных, Ж. Дени назвал «суффиксами с двойным вокализмом».[11]

---

[8] Deny J. Grammaire de la langue turque. Paris, 1920, p. 116—117.
[9] Там же, с. 392—394; Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, с. 225—226.
[10] Насилов В. М. Древнеуйгурский язык. М., 1963, с. 37.
[11] Deny J. Grammaire. . ., p. 1094.

Если в ряду словоизменительных показателей подобных двувокалических формантов немного, то число их заметно возрастает при обращении к формо- и словообразованию. Среди рассмотренных Э. В. Севортяном аффиксов тюркского именного словообразования[12] более половины принадлежит к формантам подобного рода: а) продуктивный отыменной — *-ч(ы)к* (с. 98, 104) и *-ч(а)к* (непродуктивный, с. 110); б) продуктивные отглагольные — *-(ы)ш* и *-ш/-аш/-еш* (с. 140—142); в) непродуктивные отыменные — *-(а)к* и *-(ы)к* (с. 166), *-(а)ш* и *-(ы)ш* (с. 171), *-(а)н* и *-(ы)н* (с. 172), *-сал* и *-сул* (с. 178); г) непродуктивные смешанного образования (от глаголов и имен) — *-ч(а)к* и *-ч(ы)к* (с. 186), *-(а)л* и *-(ы)л* (с. 191), *-мур* и *-мар* (с. 196), *-к(а)р* и *-к(ы)р* (с. 199—200); д) непродуктивные отглагольные — *-(а)к* и *-(ы)к* (с. 200—201), *-к(а)* и *-к(ы)* (с. 227 и 232—233), *-ы/-и/-у/-у* и *-а/-э* (с. 239 и 263), *-(а)ч* и *-(ы)ч*, *-(ы)нч* и *-(а)нч* (с. 269—272), *-к(а)ч* и *-к(ы)ч* (с. 276—277), *-(ы)т* и *-(а)т* (с. 279 и примеры на с. 281), *-(ы)м* и *-(а)м* (с. 295), *-м(а)к* и *-м(ы)к* (с. 303 и 308), *-к(а)н/-г(а)н* и *-к(ы)н/-г(ы)н* (с. 310—313 и 325—326), *-(а)н* и *-(ы)н* (с. 322 и 332), *-(а)р* и *-(ы)р* (с. 340). К таким же двувокалическим формантам можно, по-видимому, отнести высокопродуктивные отыменные аффиксы *-л(ы)к* и *-л(ы)* с их вероятными непродуктивными дублетами *-л(а)к* и *-л(а)*.[13] Необходимо заметить, что из перечисленных выше формантов непродуктивные словообразовательные аффиксы *-м(а)к*, *-к(а)н*, *-(а)р/-(ы)р* имеют филиации в виде общетюркских словоизменительных (т. е. высокопродуктивных) показателей имен действия и форм времени.

Аналогичные проявления двойного вокализма прослеживаются при анализе аффиксов глаголообразования:[14] а) отыменной высокопродуктивный *-л(а)-* и единичные формы с *-л(ы)-* (с. 36—38); б) отыменные непродуктивные *-а-/-э-* и *-ы-/-и-/-у-/-у-* (с. 230—231), *-к(а)-/-г(а)-* и *-к(ы)-/-г(ы)-* (с.238), *-(а)р-* и *-(ы)р-* (с. 247), *-к(а)р-/-г(а)р-* и *-к(ы)р-/-г(ы)р-* (с. 259), *-(а)л-* и *-(ы)л-* (с. 270—271), *-(а)н-* и *-(ы)н-* (с. 316—317), *-к(а)н-/-г(а)н-* и *-к(ы)н/-г(ы)н* (с. 317), *-ш(а)-* и *-ш(ы)-* (с. 331); в) отглагольный продуктивный аспективный афф. *-к(а)ла-/-г(а)ла-* и *-к(ы)ла-/-г(ы)ла-* (с. 349); г) отглагольные продуктивные залоговые — *-(ы)н-* и непродуктивный *-(а)н-* (с. 478), *-(ы)ш-* и редко *-(а)ш-* (с. 529); каузативные форманты подробно рассматриваются ниже.

Таким образом, двувокаличность широко пронизывает систему аффиксальных морфем тюркских языков. Действием опи-

---

[12] Севортян Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М., 1966. Ссылка на страницы книги далее дается непосредственно в тексте.

[13] Там же, с. 20, 53 и 217—218, 178; ср. в особенности прим. 101 на с. 217: «Можно напомнить, что показатель *-лак* в узб. имеет вариант *-лик*».

[14] Севортян Э. В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М., 1962. Ссылка на страницы книги дается непосредственно в тексте.

санного принципа одновокаличности современных аффиксов двувокаличные форманты разъединены и предстают в синхронном плане как обособленные аффиксы.

Если суммировать мнения, высказывавшиеся в литературе по данному вопросу, то в качестве причин, породивших явление двувокаличности аффиксов, можно назвать следующие: а) для некоторой части формантов не следует исключать гетерогенно-морфологического происхождения данной альтернации «в результате соединения в единую (часто относительно единую) фонетическую систему аффиксов разных исторических пластов»;[15] примером такого рассмотрения могут быть названы афф. *-с(а)-* и *-с(ы)-*, различия в значениях которых были утрачены «еще в давние времена, и эти показатели смешались, превратившись ... в формальные, хотя и не всегда регулярные, параллели»;[16] б) для некоторой части формантов можно допустить фонетическое изменение, развитие одного типа вокализма из другого, например, путем «ослабления низкого (широкого) тембра в высокий (узкий), как полагал Ж. Дени для *-ч(ы)к* < *-ч(а)к*;[17] в) в большей части формантов, как кажется, чередование двух типов вокализма является исконным[18] фонетическим (морфонологическим) чередованием, отражая тот этап истории тюркских языков, когда состав сингармонических вариантов аффиксальных морфем не ограничивался действием принципа однотипности тембра вокализма. Заключение о той или иной причине в каждом конкретном случае должно основываться на учете фонетических моментов, а также на тщательном семасиологическом анализе, позволяющем увидеть несводимые к общему знаменателю семантические отличия близких по значению форм или, наоборот, подтвердить их семантическое тождество и функциональную дублетность.

Возвращаясь к вокализму рассматриваемого аффикса *-m(°)p-*, укажем, что альтернацию широкого и узкого гласных в аффиксе помимо соответствия продуктивных як., чув. *-m(а)p-*/остальные тюрк. *-m(ы)p-* подтверждает также небольшое число каузативов на *-m(а)p-* в языках, где продуктивен аффикс с узким гласным, т. е. языки, кроме якутского и чувашского.

Список I.[19]

1. туркм. *āгдар-* 1) ‘переворачивать, опрокидывать, пере-

---

[15] Кононов А. Н. [Рец. на кн.:] Э. В. Севортян. Фонетика турецкого литературного языка. М., 1955. — ВЯ, 1956, № 3, с. 135.

[16] Севортян Э. В. Аффиксы глаголообразования . . ., с. 295; здесь же литература вопроса.

[17] Deny J. Grammaire. . ., p. 1093—94, 634—35.

[18] Там же, с. 1094; Севортян Э. В. Аффиксы глаголообразования..., с. 36—37.

[19] Некоторые каузативы (№ 1, 4, 8, 11 списка I) приведены в кн.: Севортян Э. В. Аффиксы глаголообразования. . ., с. 514—515; Ж. Дени, говоря о «следах двойного вокализма суффикса -dir-», указал на два глагола (№ 10 и 12 списка I), см.: Deny J. Grammaire. . ., p. 1107—1108. А. Н. Ко-

мешивать', 2) 'сваливать'; тур. диалектн.[20] *aydar-* 'переворачивать', перен. 'ездить на велосипеде (< крутить педали)'; тат. *аудар-* 'сваливать, опрокидывать'; казах. *аудар-* 1) 'свалить, стащить', 2) 'опрокинуть', 3) 'переводить'; узб. *ағдар-* 1) 'переворачивать, опрокидывать', 2) 'сваливать', 3) 'выворачивать (наизнанку), перелицовать', обл. *онтар-* 'переворачивать'; кирг. *аңтар-* 'выворачивать наизнанку, обыскивать', *оодар-* 'стащить с лошади, переворачивать, сваливать', южн. 'сдирать шкуру, резать овцу', уст. 'переводить с языка на язык'; тув. *аңдар-* 'перевертывать, опрокидывать'; хак. *анъдар-* 'уронить, повалить, столкнуть'; як. *охтор-* 'свалить, повалить'. В части перечисленных языков сохранилась производящая основа: туркм. *āг-* 1) 'разливаться, выходить из берегов', 2) 'миновать (о сроке)', 3) 'сваливаться, падать', 4) 'переваливать, переходить через что-л.'; тат. *ав-* 'сваливаться, опрокидываться'; казах. *ау-* 1) 'сваливаться, опрокидываться', 2) 'переваливать'; узб. *оғ-* 1) 'наклоняться, накреняться', 2) 'съезжать на одну сторону' (каузатив продуктивен: *оғдир-*), кирг. *оо-* (< **ав-* < **аг-*) 'свешиваться на одну сторону; переваливать'. В чувашском данная основа встречается только в осложненном виде: *йава-н-* 'повалиться, свалиться', от которой и существует каузатив *йавантар-* 'повалить';[21] чув. **йава-* фонетически точно соответствует общетюрк. *āг-*.[22]

2. туркм. *агтар-* 'обшаривать, разыскивать'; тур. *aktar-* 'переносить, переводить, пересаживать, перегружать, перекладывать'; тат. *актар-* 1) 'обшаривать', 2) 'перелистывать'; казах. *актар-* 1) 'обшаривать', 2) 'выливать, опрокидывать'; узб. *ахтар-* 1) 'искать, разыскивать', 2) 'обыскивать, обшаривать'; кирг. *аңтар-* 'выворачивать наизнанку; обыскивать', *ухтар-/охтар-* 'обыскивать, обшаривать' (< тат. — ?). Казах. 'выливать, опрокидывать' и, возможно, тат. 'перелистывать' (если оно не имеет оттенка 'беспорядочно перелистывать') принадлежат предыдущему глаголу. В значении производящей основы, которая нигде, за исключением чувашского, не сохранилась, явно восстанавливается сема итеративности, ср. чув. *ух-* 1) 'кивать, мотать (головой)'; 2) 'полоскать (белье)' с развитием 'стирать, мыть'; 3) 'натираться (чем-либо)' (Ашм. III, 340—41), в связи с чем тур. *aktar-* 'перекладывать' и др. надо понимать как 'перекладывать с места на место и с одного места на другое'. Преобладающие по языкам значения 'обшаривать, разыскивать' являются пере-

---

нонов отметил «фонетический вариант афф. понудительного залога -dir. . . с широким гласным» в глаголах *gös-ter-* 'показывать' (о котором см. ниже особо) и в № 10 по нашему списку, см.: К о н о н о в А. Н. Грамматика. . . турецкого . . . языка, с. 203.

[20] В говорах Делиормана на севере Болгарии (по нашим наблюдениям).

[21] А ш м а р и н Н. И. Словарь чувашского языка. Вып. I—XVII. Казань—Чебоксары, 1928—1950 (далее в тексте: Ашм.), вып. V, с. 40—43.

[22] С е в о р т я н Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974 (далее в тексте и в примечаниях ЭСТЯ), с. 69.

носными от этого последнего, но они лучше сохраняют оттенок многократности действия: ‘разыскивать, обшаривать, перерывать’ и т. п. < ‘перекладывая вещь (вещи) с места на место, искать нужную’. К исходной для данной группы каузативов основе *аг- со значением ‘быть в движении (перемещении) из стороны в сторону’, а не к предыдущей āг- 1) ‘съехать на сторону, свеситься, накрениться’, 2) ‘свалиться, упасть, опрокинуться, перевернуться’ восходит второобразная общетюрк. основа *аγïпа-* (ДТС, 18) *агна-* ‘переворачиваться с боку на бок, валяться, кататься’ (ЭСТЯ, 75), сюда же еще: тур. *ağıl-* ‘валяться на спине, барахтаться на спине’. По-видимому, не следует сводить *аг- и āг- к единому корню *āŋ-, а также возводить *агна-* к *āг-*, как это предлагается у Э. В. Севортяна.[23] Различие *аг- и āг- могло состоять в характере (качестве) смычки согласного: в *аг-, возможно, *г* — звонкий слабый, в зависимости от позиции мог отражаться и как звонкий, и как глухой; в āг- согласный *г* — звонкий сверхслабый сонант (*г* или γ) отражался только как звонкий, для этого звука характеристичен переход *г* > *в* (γ > *v*). Различение *г* и *ґ* наряду с сильным глухим *к* (ср. общетюрк. *ак-* ‘течь’) имеет значение для восстановления троичности серий смычных не только в анлаутной, но и в ауслаутной позиции,[24] о чем еще несколько подробнее ниже.

3. аз. *бүкдәр-* ‘скручивать (нитки)’ (*//бүкдүр-* понуд. от *бүк-* 1) ‘кутать, опутывать, сворачивать, завертывать, складывать’; 2) ‘закрывать’; 3) ‘скручивать (папиросу)’); туркм. *бөкдәр-* ‘привязывать что-л. позади седла’ (*//бүкдүр-* ‘вить (веревку)’); казах. *бөктеріншек* ‘притороченная поклажа’ (< *бөктер-* ‘приторачивать’); узб. *бўктар-* 1) ‘приторачивать (к седлу поклажу, груз)’, 2) ‘сделать скатку (из халата, шинели)’; кирг. *бөктер-* ‘приторачивать’; хак. *пӱктер-* диалектн. ‘привязывать в торока’. Приведенные формы произведены от общетюрк. *бүк-*, значения которого по языкам можно обобщить следующим образом: 1) ‘сгибать(ся) по вертикальной оси, гнуть(ся), пригибать(ся)’; 2) ‘обвертывать, свертывать, скатывать, скручивать вдоль вертикальной оси’. Со вторым основным значением связано значение большинства каузативов данного списка: ‘приторачивать’ — лексикализация от конкретного ‘обвязывая поклажу вкруговую по длине, прихватывать к седлу’. В производящей основе теперь редко выступает непереходное значение, чаще же — переходное, почему каузативный формант становится как бы неоправданным, но это вторичное — нарушенное — соотношение исходной основы и каузатива. По-видимому, обособившийся в лексическом и фономорфологическом плане каузатив сохранил также в ряде языков и первоначальный широкий гласный корня, что подтверждается

[23] Там же, с. 78, 75.

[24] Иллич-Свитыч В. М. 1) Алтайские дентальные t, d, δ. — ВЯ, 1963, с. 37—56; 2) Соответствия смычных в ностратических языках. — В кн.: Этимология, 1966. М., 1968, с. 305—306.

как собственно тюркскими филиациями, так и вокализмом данного корня в части монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Ср.: кирг. *бөк-* 1) 'припасть ничком к земле', 2) 'опуститься на колени для случки (о верблюдице)' при наличии *бук-* в общераспространенных значениях 'гнуть, сгибать; свертывать'. Для монг.: халх. *бөхий-* 1) 'сгибаться, наклоняться', 2) 'горбиться, быть горбатым' и производные; калм. и монг. также имеют широкий *ө*, но бур. и монгор. — узкий *у*; в целом *ө* выглядит исходным, так как представлен в обоих основных подразделениях — зап. и вост. монг. Для тунг.-ма.: эвен. *бөкчэн-* (Ол, Ск) 1) 'сгорбиться; сделаться горбатым', 2) 'нагнуться, наклониться, припасть к земле' (ср. кирг.!), — это наряду с формами с *у* в корне в других эвенских говорах и других тунгусских языках; *бохо* 'горб, горбатый' в удэгейском и других тунгусских языках наряду с *у*-формами.[25]

4. туркм. *эӈтер-* 1) 'выливать, высыпать'; 2) 'сваливать, опрокидывать'; кирг. *эӈтер-* 'перевернуть, свернуть набок'. Производящая основа сохранилась только в киргизском языке с несколько измененной семантикой: *эӈ-* 'наклонившись или опустившись, коснуться земли (о всаднике и некоторых хищных птицах)', — ср. *эӈил-* 'нагибаться', в котором нет семантических ограничений исходного *эӈ-*. Как формы с заднеязычным носовым (**аӈ-* в *аӈдар-*, см. выше, № 1) входят в одно гнездо с *аг-*, так и *еӈ-* должно быть гомогенно с общетюрк. *ег-* 'гнуть, сгибать, наклонять' (ДТС, 165), более широко представленным по современным языкам в каузативной форме *ег-ир-* 1) 'прясть, сучить' (также: *еӈir-* ДТС, 175), 2) 'поворачивать, вертеть' (ЭСТЯ, 227 и след.). С возведением *егир-* к *ег-*, предложенным В. Бангом, не согласился Э. В. Севортян (ЭСТЯ, 230), не считая правдоподобным переход от значения 'гнуть' к 'прясть' и др., однако на примере глагола *бук-* (см. выше, № 3) мы наблюдали аналогичный переход. Судя по семантическому наполнению *ег-* — 'наклонять ветку, голову, сгибать ноги' — глагол *егир-* имел значение 'поворачивать, вертеть вокруг горизонтальной оси в вертикальной плоскости' (ср. еще: *evril-* 'вращаться (о колесе телеги, о небесной сфере)' ДТС, 190), отсюда и 'прясть веретеном' в отличие от *бүкдэр-* 'скручивать нитки (вокруг вертикальной оси)'. По признаку плоскости вращения данный глагол *егир-* отличается также и от фонетически близкого *егир-/евир-/ебир-/ейир-/өвүр-* 1) 'поворачивать, повертывать', 2) 'отворачивать(ся)', 3) 'вертеть', 4) 'обходить кругом' (ЭСТЯ, 498 и след.), в котором как видно по (2) и (4), вращение происходило в горизонтальной плоскости. Таким образом, различение этих двух глаголов, на

[25] Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения. . ., с. 191; ТМС-I, 104. Об аналогичности отражений корневого *ө* на примере общеалт. **көке-(и)* 'сосать (грудь)' см.: Колесникова В. Д. Названия частей тела человека в алтайских языках. — В кн.: Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972, с. 78—81.

котором настаивает Э. В. Севортян, можно обосновать подобным семантическим построением. Фонетическое различие, видимо, можно объяснить, как и в случае *āź-/аг-*, существованием тоже двух корней: **ег-* со слабым звонким гуттуральным и **еź-* со сверхслабым гуттуральным сонантом. Ясно, что в каузативе на *-ир-* в позиции между двумя гласными эти два *г* впоследствии давали некоторые одинаковые рефлексы и формы, их содержащие, частично смешивались.

5. *jumdar-* 'собирать, накапливать' (перех.). Этот глагол зафиксирован в Словаре Махмуда Кашгарского и «Кутадгу билиг» (ДТС, 279). В тех же памятниках и в современных языках есть глагол *jum-* 'зажмуривать (глаза)', 'сжимать (кулак)'. Между глаголами *jum-* и *jumdar-*, промежуточными по семантике, могут явиться слова следующего ряда: *jumur* 'место сбора, лежки животных', *jumγï, jumγu, jumγïn* 'все' (< 'собранные вместе', так же как *alqu* 'все' от *al-* 'брать' > 'взятые (вместе)'). Ср. также значения тат. *йом-* 1) 'закрывать'; 2) 'зажимать, сжимать'; 3) *перен.* 'скрывать, утаивать'; 4) *перен.* 'присваивать, красть'.

6. тур. *kaytar-* 'повернуть поводья'; в узб. *кайтар-* 'возвращать, поворачивать', а также в аналогичных по форме и значению туркм., каз., кирг. *кайтар-* выглядит как образование на *-ар* от глагола *кайт-* 'возвращаться'; последний сам является производным на *-(ы)т-* от глагола *кай-*, сохранившегося в чувашском в несколько измененном значении 'идти, уходить' (от него продуктивный каузатив *кайтар-*) и часто встречающегося в древнетюркских памятниках: *qaj-* 'поворачиваться, оборачиваться' (ДТС, 406). В некоторых современных языках и древних памятниках существует дублетная каузативная форма с другим аффиксом *-ыр-*, что также подтверждает исходность формы *кай-* (см. список III, № 26). В «Кутадгу билиг» зафиксирована фонетически более полная по отношению к *кайт-* форма *qajït-*[26] 'свернуться, подвернуться, наклониться на сторону'. Каузативный аффикс *-(ы)т-* еще выступает в этих текстах с пассивным значением (об этом подробнее ниже), что, возможно, и определяет медиопассивную семантику современных глаголов *кайт-* с опростившимся *-т-* в удобной для этого фонетической позиции после сонанта. Несмотря на заманчивую возможность в формах *qajït-* и *qajtar-* видеть последовательные этапы сложения аффикса *-tar-* из аффикса *-ït-* плюс аффикс *-ar-*, мы при составлении соответствующих статей ДТС отказались от этой возможности, дав при слове *qajtar-* помету *побуд. от qaj-* ввиду их непосредственной семантической соотнесенности; тур. *kaytar-* семантически однородно с др.-тюрк. *qajtar-*.

7. тур. *kantar-* 'поить вволю' (*kandır-* 'насыщать; утолять жажду' и перен.) от глагола *kan-* 'насыщаться', безотносительно —

[26] Наличие гласного здесь подтверждается размером стиха. Форма *qajït-* встречается и в нестихотворных памятниках.

едой и питьем. Возможно, здесь получил расширение семантики непроизводный глагол, поскольку значение ‘насыщаться водой’ представляется исходным; ср. казах. *кан-* ‘утолить свою жажду’, *кандыр-* ‘напоить, утолить чью-л. жажду’.

8. аз. *гондар-* 1) ‘сочинять, выдумывать’, 2) ‘вставлять, устанавливать на место’ (//*гондур-* ‘посадить’) от глагола *гон-* ‘садиться, оседать’.

9. аз. *көндер-* ‘посылать, отправлять’; туркм. *гөндер-* 1) ‘направлять, посылать’, 2) ‘выпивать залпом’; тур. ‘отправлять, посылать’ (чув. *кăнтар-* ‘вытянуть’ — продуктивная форма); тат. *кундер-*(<**көндәр-*)*уст. книжн.* ‘посылать’ (//*кундер-* ‘уговаривать, склонять’); (узб. *кўндир-* I ‘уговаривать’, II ‘посылать’ — продуктивные формы); (як. *көннөр-* ‘выпрямлять’, *перен.* ‘приводить в порядок’ — продуктивная форма); кирг. *көңтөр-* 1) ‘перевернуть, опрокинуть’, 2) *перен.* ‘взбудоражить’, *жер көңтөрт-* ‘высылать (в административном порядке)’, т. е. ‘заставить взять направление (=направиться) в земли [«не столь отдаленные»]’, (//*көндүр-* ‘заставить согласиться’).

Связь данных каузативов с исходными основами, сохранившимися к тому же не везде, во многих случаях едва различима: туркм. *гөнүк-* 1) ‘направляться’, 2) ‘налаживаться, организовываться’, *гөнүкдир-* ‘направлять, указать направление’ и перен., *гөнел-* ‘выпрямляться’; чув. *кăн-* (*кон-*, *кын-*) ‘выпрямляться, разогнуться’; тат. *кун-* ‘соглашаться, склоняться’, *кунек-* ‘привыкать’; узб. *кўн-* ‘соглашаться; уступать’, *кўник-* 1) ‘привыкать’, 2) ‘смиряться’, як. *көн-* ‘выпрямляться’, кирг. *көн-* ‘соглашаться, уступать’, *көнүк-* 1) ‘привыкать’, 2) ‘смиряться’.

В чувашском и якутском языках сохранились исходные, не осложненные медиальными показателями основы с древним значением, которое подтверждается материалами XI в. из Словаря Махмуда Кашгарского (ДТС, 314): *kön-* ‘выпрямляться’: *jïγač köndi* ‘дерево выпрямилось’. Тогда уже образовались и переносные значения: ‘исправляться, становиться на правильный путь’ и ‘исправляться, становиться покладистым’. В татарском, узбекском и киргизском языках некаузативные глаголы сохранили только переносные значения, тогда как каузативные формы — как с непродуктивным *-д(а)р-*, так и с продуктивным *-д(ы)р-* ближе к исходной семантике. В целом развитие здесь представляется следующим образом: ‘выпрямляться, разгибаться’ > ‘принимать правильное положение’ > ‘принимать определенное положение’, от последнего каузатив ‘заставлять взять (в своем движении) определенное направление’, т. е. ‘посылать, отправлять куда-либо’.

10. аз. *дөндер-* 1) ‘поворачивать, сворачивать’, 2) ‘опрокинуть’, 3) ‘обращать, превращать’; туркм. *дөндер-* 1) ‘переворачивать (с одной стороны на другую)’; 2) ‘возвращать, поворачивать; направлять (в противоположную сторону)’, здесь же семантико-фонетическая филиация: *дуңдер-* ‘опрокидывать, пере-

кидывать, переворачивать вверх дном'; узб. *тўнтар-* 'опрокидывать, переворачивать (дном кверху)', тув. *дүңдер-* 'переворачивать вверх дном (что-л.), опрокидывать'. Каузативы от основ аз. *дөн-* 1) 'поворачиваться, обернуться', 2) 'вернуться', 3) 'превращаться', 4) 'перевернуться', туркм. *дӧн-* 'перевернуться (с боку на бок), возвращаться'. Приведенные каузативы во всех языках легко ощущаются как живые формы.

11. туркм. *тӧндер-* 'поворачивать (альчик)' от *тӧн-* 'поворачиваться (об альчике)'.

12. туркм. *дындар-* 1) 'избавлять, освобождать (кого-л. от чего-л.)'; 2) 'лишать (чего-л.)' (продуктивн. *дындыр-* 1) 'избавлять'; 2) 'успокаивать, утешать') от *дын-* 'избавляться; заканчивать; прекращаться; успокаиваться'.

Рассмотренные глаголы списка I распадаются на две группы, внутри которых обнаруживается известная лексико-семантическая однородность: глаголы 1—4, 6, 8—11 выражают перемещение, движение с поворотами, причем № 9 передает обратное действие — движение из согнутого состояния; глаголы 5, 7, 12 передают достижение какой-либо совокупности предметов, причем № 12, как и № 9 в первой группе, имеет обратное по действию значение. Интересно отметить, что вторая группа представляется более поздней по образованию ввиду относительно меньшей численности, более легкой морфологической членимости и большей однородности значений со своими дублетами с продуктивным аффиксом.

Приведенные в списке I каузативные основы, образованные с помощью аффикса *-т(а)р-*, весьма немногочисленны в современных языках, кроме чувашского и якутского, и в основном представлены в нашем списке. Вместе с тем они по ряду признаков совершенно недвусмысленно должны быть признаны архаичными. Немногочисленность и архаичность в совокупности позволяют говорить о непродуктивности аффикса *-т(а)р-* (поскольку одна лишь немногочисленность производных не свидетельствует еще о непродуктивности данной модели, так как немногочисленным может быть нарождающееся явление). Архаичность глаголов с *-т(а)р-* можно усмотреть в следующем: а) исходные производящие основы — общетюркские односложные непереходные глаголы; б) производящие основы в исконных значениях имеют древний лексико-семантический облик (значения конкретного движения—перемещения, нюансы различий которых в современных языках почти стерлись); в) производные основы соотносимы преимущественно с этими древними значениями и в свою очередь имеют значения, характерные для старого уклада; г) производные основы обнаруживают известную сращенность форманта и производящей основы в связи со смещением лексических значений в производной основе, или в производящей основе, или в обеих сразу; д) сравнительно с каузативами на *-т(а)р-* дублетные каузативы с продуктивным *-т(ы)р-* охватывают весь круг — древ-

нейших и более новых, вторичных — значений производящей основы.

Как соотносятся между собой в генетическом плане непродуктивный афф. *-m(a)p-* (А), продуктивный в як. и чув. афф. *-m(a)p-* (Б) и продуктивный в остальных, кроме як. и чув., тюрк. афф. *-m(ы)p-* (В)? В тюркологии, как это можно было уже заметить из ряда приводившихся цитат (см. выше прим. 19) считается очевидным, что это — алломорфы одного и того же аффикса. Тем не менее представляется необходимым привести некоторые соображения в пользу подобного мнения: а) лексические реализации непродуктивных каузативов на *-m(a)p-* совпадают с таковыми продуктивных каузативов як., чув. на *-m(a)p-* (А=Б); б) як., чув. продуктивный формант *-m(a)p-* фонетически соответствует продуктивному форманту *-m(ы)p-* в остальных тюркских языках (Б=В). И все же остается некоторая вероятность некорректности равенства А=В в том смысле, что каждое промежуточное равенство (А=Б, Б=В) складывалось исторически разными путями. Поэтому наибольший интерес представляют соображения, обосновывающие непосредственно А=В. Соображения эти заключаются в следующем.

Почти все глаголы списка I содержат в корне (первообразной основе) широкий гласный (исключения: № 5 *jumdar-*, что, по-видимому, можно объяснить влиянием *j*, и предположить для этого глагола именно на основании каузативной формы *jum-* < **jom-*; № 12 *дындар-* объяснить пока не удается). Это наблюдение приобретает еще больший вес в связи с тем, что в других рассматриваемых ниже случаях алломорф каузативного показателя с широким гласным (*-(a)m-* — см. список III, *-(a)p-* — см. список V) преимущественно, за некоторыми, пока не объясненными исключениями, сочетается с глаголами с широким гласным в основе. Таким образом, огласовка аффикса оказывается связанной с огласовкой производящей основы. Поскольку все подобные случаи употребления широкого гласного в каузативном аффиксе архаичны, то можно предположить, что некогда в прошлом в каузативных аффиксах (как и во многих других, упоминавшихся выше) могли быть и широкие и узкие гласные в зависимости от гласного основы, что принцип однотипности вокализма аффикса еще не действовал и гармония гласных осуществлялась по ряду и подъему.

В дальнейшем в показателях каузатива, как и целом ряде других формантов глагола, начинают превалировать узкие гласные. Каузативные показатели с узкими гласными вытесняют в подавляющем большинстве показатели с широкими гласными, и только в небольшом числе основ эти последние сохранились благодаря процессам лексикализации и фактического слияния с основой.

В принципе дальнейшее решение альтернативно: либо восстанавливаемая в таком виде морфонология гласных в форманте является исходной, и тогда будем считать, что якутский и чу-

вашский устранили алломорфы с узкими гласными, перейдя исключительно на алломорфы с широкими, как остальные тюркские устранили, наоборот, алломорфы с широкими гласными (за несколькими исключениями), перейдя на алломорфы с узкими гласными; либо якутский и чувашский отражают более ранний этап состояния вокализма формантов, когда в данных аффиксах были лишь широкие гласные, затем во всех, кроме якутского и чувашского, тюркских языках, развился двувокализм формантов, который сменился одновокализмом на основе узких гласных, оставив ограниченное количество реликтов с широкими. В пользу второго решения говорит как будто тот факт, что в якутском и чувашском не зафиксированы, хотя бы единично, формы с узкими гласными. Однако автор склоняется к первой альтернативе, считая неоправданной излишнюю архаизацию якутских и чувашских данных.

При любом дальнейшем решении нельзя обойтись без допущения о таком этапе (для всех или для всех, за исключением якутского и чувашского, тюркских языков), когда форманты каузатива имели алломорфы с широкими и узкими гласными, употреблявшимися в зависимости от характера гласного в основе. Следовательно, *-т(а)р-* в глаголах списка I и продуктивный *-т(ы)р-*, вероятнее всего, непосредственно соотносимы друг с другом как историко-фонетические вариации одного и того же аффикса (А=В), при этом в афф. *-т(а)р-* списка мы имеем непродуктивный исторический алломорф продуктивного афф. *-т(ы)р-*.

§ 2. Продуктивный аффикс *-т-* и его непродуктивные алломорфы

Аффикс *-т-* во всех современных языках присоединяется к многосложным (два и более слогов) основам на гласный, на *р* и *л*, например (из туркменского): *окат-* ‘заставлять, велеть читать, учиться, учить’ кауз. от *ока-* ‘читать; учиться’,[27] *габарт-* кауз. от *габар-* ‘набухать, вспухать’, *узалт-* кауз. от *узал-* ‘удлиняться’. По-видимому, исторически *-т-* мог присоединяться к двусложной основе на любой сонант, и следы такого употребления мы встречаем в живых языках: узб. *иржайт-//иржайтир-* кауз. дублеты от *иржай-* ‘ухмыляться’, *саргайт-//саргайтир-* кауз. дублеты от *саргай-* ‘желтеть’ и т. д., всего 8 каузативов на *-т-* от двусложных основ на *-й*, причем все с дублетами по более правильной современной модели: основа на *-й* плюс каузативный аффикс *-тир-*, что еще в 9 случаях является единственным: *зурайтир-* кауз. от *зурай-* ‘усиливаться’, *тиржайтир-* кауз. от *тиржай-*

[27] В целях экономии места автор вынужден в дальнейшем снимать русские переводы каузативных лексем в тех случаях, когда каузативы не подверглись лексикализации и значения их описываются по-русски с помощью слов «заставлять», «велеть» и т. д. плюс значение производящего глагола.

'скалить зубы' и т. д. В киргизском аффикс *-т-* вполне продуктивен после многосложных основ на *-й* и *-н* (помимо общетюркской продуктивности после основ на *-р* и *-л*): *азайт-* каус. от *азай-* 'уменьшать', *айлант-* каус. от *айлан-* 'двигаться вокруг' и т. д., всего 118 случаев, и только в 8 из них имеются дублеты с продуктивным аффиксом *-тир-*: *адаттант-* то же, что *адаттандир-* каус. от *адаттан-* 'приобрести привычку', и т. д.

Во всех современных языках все односложные основы, т. е. не только на шумные согласные, но и на сонорные *л-* и *-р* и на гласные, принимают каузативный аффикс *-т(и)р-* (из турецкого): *dedir-* каус. от *de-* 'говорить', *yedir-* каус. от *ye-* 'есть, кушать', *sildir-* каус. от *sil-* 'вытирать', *yardır-* каус. от *yar-* 'рассекать' и т. п.

Употребление продуктивных каузативных аффиксов *-т(⁰)р-* и *-т-* в современных тюркских языках связано, таким образом, не столько с фонетическими особенностями конечного звука в основе (на что всегда указывалось в грамматиках при описании правил употребления этих аффиксов), сколько с количеством слогов в основе. В таком случае смысл правил состоит, по нашему мнению, в том, что там, где это возможно, каузативная основа стремится стать двусложной (все односложные основы присоединяют *-т(г)р-*) или остаться двусложной (все двусложные на гласный, *-р*, *-л* — в ряде языков еще и на *-й*, *-н* — присоединяют *-т-*, т. е. аффикс, не увеличивающий количества слогов).

Выведенное нами правило или, лучше сказать, выявленная норма хорошо подтверждается и остальным материалом каузативных образований. Так, древние односложные непроизводные основы присоединяли аффиксы (которые ныне непродуктивны) с соединительным гласным впереди аффикса: аффиксы *-(⁰)р-*, *-(⁰)т-*, *-(⁰)з-*, о которых подробнее ниже.

При общем правиле распределения типов основ между аффиксами *-т(⁰)р-* и *-т-* во всех тюркских языках, в одних — в меньшей степени, в других — в большей, наблюдается тенденция захвата аффиксом *-т(⁰)р-* позиций аффикса *-т-*, о чем было сказано в начале параграфа. В такой «экспансии» — явлении, которое прежде не отмечалось в литературе, — возможны четыре ряда случаев.

1. По ныне установившимся морфонологическим нормам должна была бы быть форма с аффиксом *-т-*, но таковой нет, а есть форма с аффиксом *-т(⁰)р-*, например (из узбекского): *интилтир-* каус. от *интил-* 'направлять к чему-л.', *семиртир-* каус. от *семир-* 'полнеть', *супуртир-* каус. от *супур-* 'подметать' и др. (всего нами собрано, включая приведенные, 25 примеров из узбекского языка, в остальных языках подобных примеров несколько меньше — от 1 до 2 десятков).

2. В языке сосуществуют дублетные формы на *-т-* и *-т(⁰)р-*, причем в подавляющем большинстве собранных нами случаев живой, действующей формой является каузатив на *-т (⁰)р-*, на-

пример (из узбекского): *буюрт-//буюртир-* кауз. от *буюр-* 'приказывать', *югурт-//югуртир-* кауз. от *югур-* 'бегать' и др. (всего нами собрано 17 дублетных пар).

3. Наряду с каузативной формой на *-т-* в языке существует дублетная, равная ей по значению форма, в которой располагаются оба аффикса — *-т-* и *-т(⁰)р-*, не образуя при этом каузатива второй степени (каузатива от каузатива), например (из турецкого): *acıt-//acıttır-* обе формы от основы *acı-* 'жалеть', *arat-//arattır-* обе формы от основы ага- 'искать', *beklet-//beklettir-* обе формы от основы *bekle-* 'ждать'.

4. Тот же случай, что и предыдущий, с той разницей, что первая из дублетных форм перестает употребляться, например (из азербайджанского): *батыртдыр-* кауз. от *батыр-* погружать в воду', *биширтдир-* кауз. от *бишир-* 'варить'.

Из приведенных примеров видно, что в настоящее время идет процесс замещения аффикса *-т-* в некоторых сферах его применения аффиксом *-т(⁰)р-*, почему мы и говорим о большей продуктивности последнего по отношению к продуктивному же аффиксу *-т-*.

В такой же мере это положение подтверждается образованиями с непродуктивными алломорфами продуктивного *-т-*, имеющими структуру *-(⁰)т-*, полные списки которых для части огузских (аз., туркм., тур.), кыпчакских (тат., казах.) и «кыпчакизованных» узбекского и киргизского собраны ниже (списки II и III).

Список II.

1. аз. *ахыт-*, туркм. *акыт-* (*//акдыр-*), тур. *akıt-* (*//aktır-//akıttır*) кауз. от *ак-*, *ах-* 'течь, протекать (о жидкости)', ср. список VI, № 1. 2. тур. *azıt* (*//azdır*) кауз. от *аz-* 'сбиваться с пути'. 3. тур. *burkut-* 'вывихнуть' (исходной основы **bur(u)k-* 'получить вывих, вывихнуться' не сохранилось, ср. *buruk* 'вывих', которое, как и **buruk-*, является производным с омонимичным аффиксом от основы *bur-* 'крутить, вертеть'). 4. туркм. *бүкүт-* 'ежиться (от холода, боли); сутулиться' (семантика производной основы несколько удалилась от семантики исходного глагола *бүк-* 'гнуться, сгибаться' (см. список I, № 3) главным образом за счет лексикализации по линии пассивного значения каузативного аффикса. 5. тат. *чәнчет-* кауз. от *чәнч-* 'колоть'. 6. кирг. *жалкыт-* кауз. от *жалк-* 'стать боязливым'. 7. тат. *яньчет-* кауз. от *яньч-* 'вдавливать, мять'. 8. казах. *жосыт-* кауз. от *жос-* 'двигаться массой'. 9. узб. *юрит-* (*//юрдир-//юргиз-*) кауз. от *юр-* 'идти'. 10. тат. *калкыт-*, казах. *калкыт-* кауз. от *калк-* 'подниматься', 'всплывать, плыть на поверхности'. 11. тур. *kanıt-* (*//kandır-*) кауз. от *kan-* 'насыщаться'. 12. тат. *кыркыт-* кауз. от *кырк-* 'стричь'. 13. аз. *горхут-* (*//горхуз-*), тур. *korkut-*, тат. *куркыт-*, казах. *коркыт-*, узб. *қўрқит-*, кирг. *коркут-* кауз. от *корк-* 'бояться'. 14. тур. *kokut-* кауз. от *kok-*

'пахнуть'. 15. аз. *сапыт-* 'лавировать' (*//сандыр-* 'отводить, отклонять'), тур. *sapıt* (*//saptır-*) 'сбивать с дороги; совращать' кауз. от *сап-/sap-* 'поворачивать, сворачивать с пути'. 16. тур. *sarkıt-*, тат. *саркыт-* кауз. от *sark-* 'свешиваться', *сарк-* 'просачиваться; стекать по капле'. 17. тат. *селкет-* кауз. от *селк-* 'отряхивать, трясти'. 18. узб. *сингит* (*//сингдир-*) от *синг-* ~ *сингги-* 'впитываться'; узб. *шимит-* (*//шимдир-*) кауз. от *шим-* 'впитывать' (ср. список IV, № 51). 19. тат. *шуыт-* от *-шу* 'скользить'. 20. кирг. *тыныт-* кауз. от *тын-* 'оправиться, окрепнуть'. 21. кирг. *тозут-* кауз. от *тоз-* 'распыляться'. 22. аз. *үйүт-*, тур. *öğüt-/övüt-* 'молоть', 'много говорить' кауз. от несохранившейся основы **өг-/*үг-* размалывать (см. подробнее: ЭСТЯ, 618 и след.). 23. аз. *үркүт-*, тур. *ürküt-*, казах. *үркіт-*, кирг. *үркүт-* кауз. от *үрк-* 'пугаться'.

В целом ряде каузативных основ на *-т-* в кыпчакских и юго-восточных языках мы не можем однозначно определить, принадлежит предшествующий *т* гласный аффиксу или основе, поскольку соответствующие глагольные основы исторически существовали в тюркских языках в двух вариантах: нераспространенном, типа (С)ГС, и распространенном, типа (С)ГСГ, где последний гласный, часто — узкий, «может иметь разное морфологическое происхождение» (ЭСТЯ, 160). ср.: *ар-/ары-* 'утомляться', *ач-/ачи-* 'быть / становиться кислым, горьким', *йүр-/йүру-* 'ходить', *санч-/санчи-* 'колоть', *эр-/эри-* 'плавиться' и т. д. Поэтому, например, в тат. *арыт-* 'утомлять' неясна структурная расчлененность, так как дублет каузатива *ардыр-* 'утомлять' указывает на основу *ар-*, а иные формы типа *арыды* 'утомился' на основу *ары-*.*

В северо-восточных, в частности в якутском, афф. *-(ы)т-* представлен в некотором числе основ, преимущественно на *-й*, например: *байыт-* кауз. от *бай-* 'богатеть', *тэйит-* кауз. от *тэй-* 'отдаляться', *сойут-* кауз. от *сой-* 'стынуть', *дөйүт-* кауз. от *дөй-* 'глохнуть', *көбүт-* кауз. от *көб-* 'всплывать', *хотут-* кауз. от *хот-* 'осиливать, побеждать,' *ыйыт-* 'спрашивать' (от **ый-*/общетюрк. *ай-* 'говорить'), *этит-* (*//эттэр-*) кауз. от *эт-* 'сказать', *ойут-* (*//ойдор-*) кауз. от *ой-* 'прыгнуть', *дайыт-* (*//дайдыр-*) кауз. от *дай-* 'вспархивать на бегу'.[28]

Удалось зарегистрировать всего четыре глагола с широким гласным в аффиксе *-(а)т-* (см. список III), причем только два из них — из лексического фонда современных языков, а два — из памятников; гласный корня в этих глаголах также широкий.

---

* За справки по татарским основам благодарю С. Н. Муратова и Х. Ф. Исхакову. Пользуясь случаем, выражаю С. Н. Муратову признательность за некоторые замечания по материалу тюркологической части работы, ряд из которых я сумел учесть при подготовке рукописи к печати.

[28] Примеры заимствованы из кн.: Харитонов Л. Н. Залоговые формы. . ., с. 54, 56, 58.

Список III.

1. тур. *göçet-* (*//göçer-//göçür-*) кауз. от *göç-* 'переселяться'. 2. узб. *тўлат-* (*//тўлдир-//тўлгаз-//тўлгиз-*) кауз. от *тўл-* (<**тол-*) 'наполняться'. 3. *tonat* 'одевать' (Китаби-Деде Коркуд [29]) кауз. от *ton-* 'одеваться'. 4. *čökät-* кауз. от *čök-* 'опускаться' (ДТС, 155).

В древних языках, судя по памятникам VIII—XIII вв., аффикс -(°)*m-* был гораздо более распространен, что подтверждается на примере нижеприводимых двух десятков каузативных форм из ДТС (буквы *a—k*), которые во всех современных языках образуются с продуктивным аффиксом *-m(u)p-*: *aγït-* от *aγ-* 'подниматься', *ajït-* от *aj-* 'говорить' (см. также ниже), *baqït-* от *baq-* 'смотреть', *basït-* от *bas-* 'давить', *bekit-* от *bek-* 'укреплять', *bökät-* от *bök-* 'насыщаться', *čapït-* от *čap-* 'отрубать', *ekit-* от *ek-* 'сеять', *eŋit-* от *eŋ-* 'удивляться', *etit-* от *et-* 'делать', *evit-* от *ev-* 'торопиться', *ezit-* от *ez-* 'сдирать (шкуру)', *jaγït-* от *jaγ-* 'идти (о дожде)', *jajït-* от *jaj-* 'рассеивать', *julut-* от *jul-* 'отнимать', *kečit-* от *keč-* 'проходить', *kerit-* от *ker-* 'лаять', *kezit-* от *kez-* 'бродить', *könit-* от *kön-* 'выпрямляться' и т. д.

Во всех тюркских языках имеется некоторое число (в пределах нескольких десятков) основ типа (С)ГСС, в которых согласный, следующий за гласным, — сонант, а следующий за сонантом согласный — *m*. В этом последнем специальный анализ, иногда довольно предположительный, позволяет увидеть сросшийся с основой каузативный показатель. Иногда такое сращение происходит с полной десемантизацией показателя, т. е. значения каузативности уже не ощущается. Один из наиболее ярких примеров здесь кирг., узб. и др. *айт-* 'говорить', при отсутствии *ай-* в современных языках, но наличии этой основы в значении 'говорить' в памятниках, где еще встречается форма *ajït-* в каузативном значении 'заставить говорить, спрашивать', а иногда и в некаузативном значении 'говорить', причем уже для того времени отмечаются написания *ajt-*.[30] Ср. также, рассматривавшийся выше (список I, № 6) глагол *кайт-*. Еще несколько примеров: тур. *yont-* 'строгать', ср. узб. *йўн-* 'строгать'; узб. *йикит-* 'валить, сваливать' (при глаголе *йик-* дана помета: редк. см. *йикит-*), ср. туркм. *йык-* 'разрушать'; аз. *гоху-//гохут-* 'пахнуть', ср. тур. *kok-* 'пахнуть', *kokut-* 'пропитывать запахом'.

Все же, очевидно, в большинстве случаев опростившийся показатель каузативности оставляет следы в лексическом облике глагола, с которым он срастается, в виде переходности основы, как например, в узб. *арт-* 1) 'вытирать'; 2) 'очищать', которое не осознается каузативной формой от *ари-* 'иссякать; исчезать' не только из-за выпадения *и* в корне, но и из-за некоторого сужения

[29] Рагимов М. Ш. Форма на *-са, -сə* в памятнике «Китаби-Деде Коркуд». — В кн.: Исследования по грамматике и лексике тюркских языков. Ташкент, 1965, с. 101.

[30] См. подробнее материал: ДТС, с. 25 и 29; ЭСТЯ, с. 99—100 и 111—112.

семантики исходной основы, ср. тур. *arı-* 1) 'очищаться, избавляться'; 2) 'быть чистым, опрятным'; 3) 'выздоравливать, поправляться'; 4) 'похудеть, истощаться' и кауз. от него *arıt-* 'мыть, чистить, очищать'.

§ 3. Непродуктивный аффикс *-(⁰)р-*

Все остальные каузативные аффиксы, помимо рассмотренных выше *-т(⁰)р-* и *-т-*, являются в современных тюркских языках непродуктивными, т. е. не производящими новых образований. Некоторые из непродуктивных аффиксов, в частности *-(⁰)р-*, *-к(⁰)з-*, еще сравнительно недавно были продуктивными и поэтому сохранились в довольно значительном числе производных, среди которых много высокоупотребительных глаголов. Вот почему в большинстве тюркологических работ не давалось ясной их квалификации как непродуктивных форм, хотя и отмечалась ограниченность употребления,[31] архаичность [32] и т. п. Однако уже Ж. Дени для турецкого языка совершенно отчетливо определил, что «некоторое число односложных корней образует каузатив неправильно (irrégulièrement) прибавлением суффиксов *-ir-* или *-er-* и, еще более редко, суффикса *-it-*».[33] Он привел списки «неправильных каузативов»: с суффиксом *-ir-* — 24 глагола, с *-er-* — 6 глаголов, с *-it-* — 9 глаголов.[34] Разграничение каузативных форм на продуктивные и непродуктивные проведено в двух уже цитировавшихся специальных работах по азербайджанскому [35] и якутскому [36] языкам; здесь же содержатся довольно полные списки непродуктивных каузативов. По нашим собственным наблюдениям, положение о продуктивности аффиксов *-т(⁰)р-* и *-т-* (для последнего, за исключением чувашского) распространяется и на остальные тюркские языки.

В нижеследующих списках приводятся (по возможности) все образования с аффиксами *-(ы)р-* (список IV) и *-(а)р-* (список V). Суммарное число каузативов в списке IV — 71 номер — дает представление о былой производительности афф. *-(ы)р-*, однако необходимо помнить, что данный список составлен на материале 10 языков, в каждом из которых количество непродуктивных форм на *-(ы)р-* не превышает двух—трех десятков.

Список IV.

1. узб. *очир-* (*//очтир-*), кирг. *ачыр- I* (*//ачтыр-*) 'заставлять открывать' кауз. от *ач-* 'открывать'. 2. кирг. *ачыр- II* 'дово-

---

[31] Кононов А. Н. Грамматика . . . турецкого . . . языка, с. 202.
[32] Исхаков Ф. Г., А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. М., 1961, с. 277.
[33] Deny J. Grammaire. . ., p. 369.
[34] Там же, с. 369—371.
[35] Севортян Э. В. Аффиксы глаголообразования, . . ., с. 513.
[36] Харитонов Л. Н. Залоговые формы. . ., с. 57.

дить до голодания', як. *ācapт-* 'заставлять голодать' кауз. от *ач-/āс-* 'голодать' (в як. на афф. *-ар-* нарос другой кауз. афф. *-т-*). 3. аз. *артыр* (*//артдыр-*), тур. *artır-*) (*//arttır-*) 'увеличивать' кауз. от *арт-* 'увеличиваться'. 4. аз. *ашыр-*, туркм. *āшыр-*, тур. *aşır-*, тат. *ашыр-* (*//аштыр-*), казах. *асыр-*, узб. *ошир-*, кирг. *ашыр-* (*//аштыр-*), тув. *ажыр-* (*//аштыр-*), як. *āсар-* 'переправлять; перебрасывать; превышать' кауз. от *аш-/āш-/аş-/ош-/ас-* 'переходить, переправляться'. 5. аз. *атыр-* (*//аттыр-*) 'заставлять бросать' (только в устойчивых словосочетаниях) кауз. от *ат-* 'бросать'. 6. туркм. *басыр-* (*//басдыр-*), кирг. *басыр-* (*//бастыр-*) (кирг. *басыр-* — неупотребителен, обнаруживается только в составе производных форм), тув. *базыр-* (*//бастыр-*), чув. *пусар-* кауз. от *бас-/пус-* 'давить'. 7. аз. *батыр-*, туркм. *батыр-*, тур. *batır-*, тат. *батыр-*, казах. *батыр-*, узб. *ботыр-*, кирг. *батыр-*, тув. *бадыр-*, як. *батар-*, чув. *путар-* 'погружать в воду, топить' кауз. от *бат-/bat-/бот-/пут-* 'погружаться (в воду)', як. 'вмещаться'. 8. аз. *бишир-*, туркм. *бишир-*, тур. *pişir-*, тат. *пешер-*, казах. *пісір-*, узб. *пишир-*, кирг. *бышыр-*, тув. *быжыр-*, як. *буһар-* 'варить, приготовлять (пищу)' кауз. от *быш-/piş-/пеш-/піс-/пиш-/быш-/бус-* 'вариться'. 9. аз. *битир-*, туркм. *битир-*, тур. *bitir-*, тат. *бетер*, казах. *бітір-*, узб. *битир-*, кирг. *бүтүр-* (*//бүткөр-*), тув. *бүдүр-* 'производить', як. *бүтэр-*, чув. *петер-* 'заканчивать' кауз. от *бит-/bit-/бүт-/біт-/пет-* 'завершаться'. 10. аз. *чашыр-* (*//чашдыр-*) 'сбивать с толку, озадачивать' (старо-аз. *ташир-* [37]), туркм. *чāшыр-* 'разбрасывать, раскидывать', перен. 'лишать сознания', тур. *şaşır-*, узб. *шошир-* (*//шоширт-*) 'растеряться (от чего-л.)' кауз от *чаш-/чāш-/şaş-/шош-* 'находиться в разбросанном, беспорядочном виде', 'сбиться с толку, растеряться'. 11. аз. *чевир-*, тур. *çevir-* 'поворачивать' кауз. от основы *чев-*, которая сохранилась в прилагательном на *-к* аз. и тур. *чевик* 'проворный'. 12. тат. *чигер-* (*//чиктер-*), узб. *чегир-* (*//чектир-*) 'вычитать' кауз. от *чиг-/чек-* 'вытягивать, тянуть; вытаскивать'. 13. тат. *чумыр-* (*//чумдыр-*) 'окунать, погружать' кауз. от *чум-* 'окунаться, погружаться'. 14. узб. *чўкир-* (*//чўктир-*) 'заставлять опускаться на колено' кауз. от *чўк-* 'присаживаться, опускаться на пол', ср. список V, № 2. 15. тур. *ivir-* 'торопить; поворачивать', чув. *авар-* (*авыр-*) 'навивать (веревку на палку)' кауз. от *iv-* 'спешить, торопиться', *ав-* 'гнуть, сгибать' (<**ег-* [38]). 16. аз. *ичирт-*, туркм. *ичир-*, тур. *içir-*, тат. *эчер-*, казах. *ішір-* (*//ішкіз-*), узб. *ичир-* (*//ичкиз-*), кирг. *ичир-*, тув. *ижирт-*, як. *исэрт-* 'поить' кауз. от *ич-/іç-/иш-* 'пить' (в як., как и в № 2 данного списка, два кауз. афф.). 17. туркм. *йашыр-* (орфогр. *яшыр-*),

---

[37] Казем-Бек М. А. Общая грамматика турецко-татарского (=азербайджанского) языка. Казань, 1846, с. 303.

[38] О каузативах на *-ир-* от глаголов **ег-* и **еґ-*, вычленяемых по большей части этимологически, подробно сказано выше, см. список I, № 4.

тат. *яшер-* ‘укрывать, прятать’ кауз. от туркм. *яш-* ‘заходить, исчезать (о солнце)’, ср. др.-тюрк. *jaš-* ‘прятаться’ (ДТС, 246) (в тат. производящая основа не сохранилась). 18. аз. *јатырт-* (*//јатыздыр-*), туркм. *ятыр-*, тур. *yatır-* (*//yattır-*) ‘укладывать спать’ кауз. от *јат-/јат-/ят-* ‘спать’, ‘ложиться (спать, в постель)’ (в аз. на афф. *-ыр-* нарос другой кауз. афф. *-т-*). 19. аз. *јетир-*, туркм. *етир-*, тув. *чедир-*, як. *ситэр-*, чув. *çитер-* ‘заставлять достигать, доставать; доставлять’ кауз. от *јет-/чет-/сит-/çит-* ‘доходить, достигать; хватать, быть достаточным’. 20. аз. *итир-*, туркм. *йитир-*, тур. *yitir-* (*//yittir-*), казах. *жытыр-*, кирг. *житир-*, тув. *чидир-*, як. *сутэр-*, чув. *çĕтер-* кауз. от *ит-/йит-/жит-/жыт-/чит-/сут-/сĕт-* ‘теряться, пропадать, исчезать’. 21. туркм. *йыгыр-* (*//йыгдыр-*) ‘комкать; делать сборки; свертывать; подбирать’, тув. *чыыр-* ‘уплотнять, суживать’ кауз. от *йыг-/чыг-* ‘собирать’. 22. тур. *yoğur-* ‘месить тесто’ кауз. от *yoğ-* ‘густеть, становиться плотным’. 23. туркм. *җӧшур-* (*//җӧшдур-*) ‘вызывать половодье’ кауз. от *җӧш-* ‘разливаться, выходить из берегов’. 24. тур. *kavra-* ‘охватывать, обнимать’, перен. ‘постигать, догадываться’ (<**kav-+-ir-+-a-*), тув. *хавыр-* ‘собирать (налог), пригнать (овец), случаться (о верблюдах)’ кауз. от **kav-* ‘соединяться, быть соединенным’, ср. *kavuş-* ‘соединяться’ (<**kav-+ +-uş-* взаимно-совместный аффикс). 25. аз. *гачыр-*, туркм. *гачыр-*, тур. *kaçır-*, тат. *качыр-*, каз. *кашыр-*, кирг. *качыр-* (*//качтыр-*), тув. *кажыр-* ‘прогонять, обращать в бегство; дать убежать’ кауз. от *гач-/кач-/каш-* ‘убегать’. 26. башк. *кайыр-* ‘закручивать, вывертывать’, узб. *кайир-* ‘отворачивать’, кирг. *кайыр-* ‘отворачивать, поворачивать, возвращать’, тув. *кадыр-* ‘вывихнуть’, чув. *хайар-* ‘гнуть, нагибать’ от *кай-/кад-/хай-* ‘поворачивать’, ср. выше, список I, № 6. 27. туркм. *гаңыр-* ‘гнуть, сгибать’ кауз. от *гаң-* ‘поворачиваться, заворачиваться’ с возможным соответствием глаголу *кай-*, см. список I, № 6 и настоящий список, № 26. 28. тат. *катыр-*, узб. *котир-*, тув. *каъдыр-*, як. *хатар-*, чув. *хытар-* ‘засушивать, закаливать (металл)’ и перен. ‘укреплять’ кауз. от *кат-/кот-/хыт-* ‘засыхать, затвердевать’. 29. аз. *кечир-*, туркм. *гечир-*, тур. *geçir-*, тат. *кичер-*, кирг. *кечир-* (*//кечкиз-//кечтир-*), тув. *кежир-*, чув. *каçар-* (*//каçтар-*) ‘проводить через что-л.’ кауз. от *кеч-/геч-/кеж-/каç-* ‘проходить’. 30. тув. *кедир-*, як. *кэтэрт-* ‘одевать кого-л.’ кауз. от *кет-* ‘надевать на себя’ (в як., как и в № 2, 16 данного списка, два кауз. афф.). 31. кирг. *кетир-* ‘удалять, заставлять удаляться’ кауз. от *кет-* ‘уходить’, ср. список V, № 3. 32. туркм. *говшур-* ‘доставлять’ кауз. от *говуш-* ‘доходить, прибывать (о чем-л. посланном)’. 33. аз. *көчүр-*, туркм. *гөчүр-*, тур. *göçür-*, тат. *күчер-*, казах. *көшір-*, узб. *кўчир-*, кирг. *көчүр-*, тув. *көжүр-*, як. *көһөр-*, чув. *куçар-* (*//куçтар-*) кауз. от *көч-/гөч-/көш-/көс-/куç-* ‘кочевать; переселяться’, ср. список V, № 5. 34. аз. *көтүр-*, тур. *götür-* ‘брать с собой, уносить’ и др., в частности, аз. ‘поднимать’ кауз. от несохранившейся основы **көт-/*göt-*

'быть унесенным, подниматься'; в др.-тюрк. уже редко встречается основа *köti-* 'подниматься' (ДТС, 319), ср. список V, № 6. 35. туркм. *омур-*, тат. *умыр-* 'отламывать', кирг. *омур-* 'разворотить' каус. от несохранившейся основы **ом-* 'отламываться' (по Э. В. Севортяну, **ом-* < **оң-*, см. ЭСТЯ, 462). 36. туркм. *опур-* 'разрушать, разваливать', казах. *опыр-* 'отвалить, разворотить', кирг. *опур-* 'отрывать, отхватывать большими кусками' каус. от туркм. *оп-* 'проваливаться, оседать', ср. тат. *уп-* 'проваливаться (о земле)' (в казахском и киргизском исходная основа не сохранилась; см. подробнее ЭСТЯ, 466). 37. як. *оһор-* 'заживлять' каус. от *ос-* 'заживать'. 38. тув. *өлүр-*, як. *өлөр-*, чув. *велер-* 'убивать' каус. от *өл-/вил-* 'умирать'. 39. тур. *ölçür-* (по Ж. Дени; в словаре Д. А. Магазанника каузатива от *ölç-* не приводится) каус. от *ölç-* 'мерить'. 40. казах. *өшір-*, кирг. *өчүр-*, тув. *өжүр-* каус. от *өч-/өш-* 'гаснуть'. 41. аз. *өтүр-*, туркм. *өтүр-* 'пропускать', чув. *витер-* 'продевать' каус. от *өт-/вит-* 'проходить, миновать'. 42. тур. *savur-*, аз. *совур-*, туркм. *совур-* 'веять, провеивать' каус. от *sav-/сов-* 'проходить, миновать', 'быстро пройти, пролететь'. 43. туркм. *согур-* 'вытягивать, вытаскивать' каус. от *сӧг-* 1) 'просачиваться', 2) 'издавать протяжный звук' (производящаяся основа равна аз. *саг-*, тур. *sağ-* 1) 'доить'; 2) 'доставать мед из сот', 3) 'вытягивать, выманивать у кого-л. деньги' — основам, имеющим продуктивные каузативы *сагдыр-*, *sağdır-*). 44. туркм. *саркыр-* (*//саркдыр-*) каус. от *сарк-* 'капать, стекать по капле'. 45. тув. *чежир-* каус. от *чеш-* 'развязывать'. 46. тур. *seğir-* 'двигаться, вздрагивать, нервно подергиваться', *segirt-* 'бежать, быстро идти, спешить' от *sek-* 1) 'ходить вприпрыжку; прыгать, скакать'; 2) 'убегать, улепетывать'. 47. аз. *сычра-*, тур. *sıçra-* (<**сыч-+-ыр-+-а-*, аналогично *kavra-*, см. выше, № 24) 'обрызгать; подскочить, вскочить', тур. *sıçırt* (с двумя афф. каузатива; *//sıçtır-*) 'вызывать понос', перен. 'сильно напугать', кирг. *чычыр-* 'извлекать (нить) из шелковичного червя', перен. 'нагонять страх', обе формы — распространенная на *-а-* и нераспространенная — каус. от *сыч-/чыч-* 'испражняться'. 48. туркм. *сыгыр-* (*//сыгдыр-*) 'поместить, вместить' каус. от *сыг-* 'вмещать'. 49—50 аз. *сијир-* 1) 'сдирать, оцарапать, облупить'; 2) 'очищать пальцем или хлебом с посуды остатки пищи'; 3) 'обнажать (вынуть из ножен)', туркм. *сыдырт-* (два каус. афф.) 'содрать, поцарапать', *сыпыр-* 'обдирать, лущить', тур. *sıyır-* 1) 'сдирать; снимать; оцарапать; облущить, ощипать'; 2) 'тронуть, коснуться слегка'; 3) 'вынуть, выдернуть', тат. *сыдыр-* 1) 'сдирать'; 2) 'стегать (лошадь кнутом)', *сыпыр-* 1) 'гладить, поглаживать'; 2) 'сметать (например, крошки со стола)', тув. *сывыр-* II 1) 'засучивать рукава'; 2) 'вытаскивать через что-л.', кирг. *сыдыр-* 1) 'соскабливать'; 2) 'срывать горстью ягоды', *сыйыр-* 'сдирать, обдирать' каузативные формы от двух глаголов: 1. *сыа-/сыв-/сыг-/сый-* и 2. *сыд-/сый-*, т. е. в аз. и тур. *сијир-*, *sıyır-* сошлись оба корня. 51. аз. *синир-/сыныр-* 'пере-

варивать (съеденное)', туркм. *сиңир-* (*//сиңдир-*), тур. *sinir* (*//sindir-*), казах. *сіңір-*, тув. *сиңир-*, як. *иҥэр-* 'впитывать' кауз от *син-/сын-/сиң-/иҥ-* 'впитываться'. 52. тур. *sızır-* (у Д. А. Ма газанника: *sızır-* см. *sızdır-*; у Ж. Дени с пометой: *inusité*) кауз от *sız-* 'сочиться, протекать'. 53. туркм. *сүйшүр-* 'двигать передвигать' от *сүйш-* 'двигаться, передвигаться'. 54. аз. *сү мүр-* 'всосать; тянуть', туркм. *сумүр-* I 'жрать, пожирать'; II 'на хлобучивать', тур. *sümür-* 'вылакать, выпить, съесть зараз', тат *чөмер-* 1) 'пить, процеживая сквозь зубы'; 2) 'есть (жидкую пищу), хлебать; пить большими глотками' кауз. от туркм. *сум* 'пролезать, проникать внутрь', тур. *süm-* 1) 'сосать, ударя головой о вымя'; 2) 'толкать, бросать на землю' (в аз. и тат. про изводящая основа в словарях отсутствует). 55. тур. *tapşır-* тат. *тапшыр-* 'доставлять' кауз. от тат. *тап-* 'находить' (*-ыш* взаимно-совместный показатель, *-ыр-* каузативный показатель оба показателя срослись с основой; в тур. в исходной основе из менилась семантика: 'поклоняться').[39] 56. аз. *дашыр-* (*//да шырт-*), тур. *taşır-*, узб. *тошир-* 'лить через край' кауз. от *даш таш-/тош-* 'переливаться через край'. 57. туркм. *дегир-* (*//де гдир-*), тур. *değir-* (*//değdir-*), чув. *тиверт-* (*тив-ер-т-* — два кауз афф.) кауз. от *дег-/тив-* 'касаться'. 58. аз. *догур-* (*//догуздур-*) туркм. *догур-*, тур. *doğur-* 'рождать; помогать при родах' кауз от *дог-* 'рождаться'. 59. аз. *доjур-*, туркм. *доюр-*, тур. *doyur-* як. *тотор-* 'насыщать' кауз. от *дой-/тот-* 'насыщаться'. 60. як *толор-* 'наполнять' кауз. от *туол-* 'наполняться'. 61. тув *доҥур-*, як. *тоҥор-* 'замораживать' кауз. от *доҥ-/тоҥ-* 'мерзнуть' 62. тур. *duyur-*, туркм. *доюр-* 'давать чувствовать, знать' кауз. о *duy-/дой-* 'чувствовать'. 63. туркм. *дӯшур-* 'дать возможност встречаться кому-л.; сводить' кауз. от *дӯш-* 'встречаться'. 64. аз *дүшүр-* (*//дүшүрт-*), туркм. *дүшүр-*, тур. *düşür-*, тат. *төшер-* казах. *түсір-*, узб. *тўшир-*, кирг. *түшүр-*, тув. *дүжүр-*, як *түһэр-*, чув. *тӗшӗр-* 'ронять' кауз. от *дүш-/түс-/* 'падать' 65. чув. *тӗтӗр-* 'окуривать' кауз. от *тӗт-* (<*общетюрк. *түт-* 'дымить'. 66. аз. *учур-*, туркм. *учур-*, тур. *uçur-*, тат. *очыр-* казах. *ұшыр-*, узб. *ўчир-*, тув. *ужур-*, кирг. *учур-* (*//учтур-* 'выпускать в воздух, заставлять лететь' кауз. от *уч-/уш-* 'лететь взлетать'. 67. тур. *uyur-* 'повиноваться, подчиняться', тув *удурт-* (два кауз. афф.) 'руководить' кауз. от *иу-* (=аз. *уj-*) 'под

---

[39] А. М. Щербак ошибочно вычленил в данном глаголе афф. «понуди тельного залога» *-чур-*: *тапчурдум* 'я передал' (МК II 175) (см.: Щ е р б а к А. М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв из Восточного Туркестана. М.—Л., 1961, с. 168), не обратив внимания на то что Махмуд Кашгарский делает в этом месте ремарку, предполагая здесь пере ход *ч* < *ш*, поскольку ему был известен глагол с той же семантикой в форм *tapšur-*. Обычность подобного звукового перехода для языка, описываемог Махмудом Кашгарским, отмечена Т. А. Боровковой, см.: Б о р о в к о в а Т. А. Грамматический очерк языка «Дивану лугат-ит-турк» Махму да Кашгари». Канд. дисс. Институт языкознания АН СССР, Л., 1966, с. 3

ходить, соответствовать (в тувинском исходной основы не сохранилось; пассивное значение в турецком объясняется тем, что каузатив может принимать пермиссивно-пассивное значение, о чем ниже; материал подробнее: ЭСТЯ, 573—574). 68. туркм. *уйшур-*, тур. *üşür-* 'собирать, складывать в кучу' кауз. от *уйш-/üş-* 'собираться, стекаться'. 69. чув. *ӳкер-* 'ронять' кауз. от *ӳк-* 'падать'. 70. аз. *шиширт-* (два кауз. афф.), туркм. *чӣшир-*, тур. *şişir-*, узб. *шишир-* 'вызывать опухоль; надувать' кауз. от основы глагола *ишш-/чӣш-* 'опухать; надуваться'. 71. чув. *шӑтӑр-* 'продырявить, проращивать' кауз. от *шӑт-* 'продырявиться'.

В киргизском и тувинском языках встречается основа, в которой совершенно очевидно содержится каузативный показатель: кирг. *кийир-* понуд. от *кир-* (помета автора словаря К. К. Юдахина, — И. К.) 'ввести, внести, ввезти', тув. *киир-* 'ввозить, вносить' (в данном случае без пометы *понуд.* — И. К.). Если предположить, что каузативным аффиксом в указанных основах является *-ир-*, то исходная основа будет равна *кий-/ки-*, но никак не *кир-*, однако такой основы в тюркских языках как будто не сохранилось.

В древнетюркских текстах с аналогичной семантикой каузативности зафиксирована основа *kigür-* 1) 'вводить', 2) 'вносить, доставлять' и производные (ДТС, 306). Исходная основа также не зафиксирована, поэтому точно вычленить каузативный аффикс невозможно: это либо *-gür-*, либо *-ür-*. Во всяком случае, древнетюркские примеры подтверждают предположение о том, что в киргизском *кийир-* и тувинском *киир-* производящей основой была не *кир-* (ср. помету К. К. Юдахина), а другая основа: *киг-* > *кий* или *ки-*. Точный состав аффикса и исходной основы может быть установлен только после обнаружения каких-либо следов этой производящей основы.

Менее десяти глаголов обнаруживает непродуктивный каузативный аффикс с широким гласным *-ар-/-әр-* (список V).

Список V.

1. аз. *чыхар(т)-*, туркм. *чыкар-*, тур. *çıkar-*, казах. *шыгар-*, узб. *чиқар-* (*//чиқаз-*), кирг. *чыгар-* 'выводить' кауз. от *чык-/чик-/шык-* 'выходить'. 2. туркм. *чөкер-*, тур. *çöker-* (*//çökert-//çöktür-*), казах. *шөгер-*, узб. диалектн.[40] *чөкур-* 'заставить опускаться на колени, осаждать' кауз. от *чөк-/шөк-* 'опускаться, осаждаться'; ср. список IV, № 14. 3. тур. *gider-* 'удалять; устранять' кауз. от *git-* 'уходить'; ср. список IV, № 31. 4. тур. *kopar-* 'отрывать', туркм. *гопар-*, узб. *қўпор-* 'выкорчевывать' кауз. от основы глагола *гоп-/қўп-/кор-* 'отрываться'. 5. тур. *göçer-* (*//göçür-//göçet-*) 'переселять' кауз. от *göç-* 'переселяться';

[40] Абдуллаев Ф. Хоразм шевалари лексикаси. — В кн.: Ўзбек шевалари лексикаси. Тошкент, 1966, с. 117.

ср. список IV, № 33. 6. туркм. *гөтер-*, тат. *кутәр-* 'брать с собой, уносить', 'поднимать' кауз. от несохранившейся основы **көт-* 'подниматься; быть унесенным'; в др.-тюрк. уже редко встречается основа *köti-* 'подниматься' (ДТС, 319); ср. список IV, № 34. 7. тур. *unar-*, узб. *унгар-* 'улучшать' кауз. от *унг-/un-* 'улучшаться', 'удаваться, быть или оказываться успешным'.

В «Грамматике» А. Н. Кононова [41] указывается, что глагол *kızar-* 'краснеть' является каузативной формой наряду с формой *kızdır-* 'накалять; сердить' от глагола *kız-* 'сердиться'. В действительности глагол *kızar-* имеет среднее значение, и аффикс *-ar-* необходимо соотнести с аффиксом, образующим непереходные глаголы от прилагательных и имен существительных: *karar-* 'чернеть' от *kara* 'черный', *içer-* 'заключать в себе, содержаться' от *iç* 'нутро, внутренность (чего-л.)' и т. п.

В глаголе тур. *kurtar-* 'спасать' из сопоставления с глаголом *kurtul-* 'спасаться' (исходная форма *kurt-* не сохранилась) может быть выделена аффиксальная часть *-ar-*. По-видимому, это не каузативный аффикс *-ar-*, а часть каузативной морфемы *-qar-/-γar-*, образовавшаяся благодаря выпадению *q-/γ-*. В узбекском и казахском языках рассматриваемый глагол сохранился в форме *кутқар-*, т. е. здесь выпал уже другой согласный *р*.[42] Полная форма глагола *qurtqar-* зафиксирована в древнетюркских манихейских памятниках: Man II 9_7, Man III 31_5 (ДТС, 469). В этих же памятниках встречается и усеченная форма *qutqar-*: Man III 47_1, ср. еще: *qutγar* MK II 192 (ДТС, 473).

А. Бомбачи [43] считает глаголы *qutqar-* и *qurtul-* образованиями от слова *qut* 'счастье', объясняя *qurtul* метатезой *qutrul-*. Но такой этимологии препятствует полная, по нашему мнению, каузативная форма этого глагола *qurtqar-*.

По соображениям, изложенным выше, глаголы *kızar-* и *kurtar-* не включены в список V каузативов с аффиксом *-ар-/-әр-*.

Глаголы списка V имеют или этимологически имели широкий гласный в корне, чем и объясняется огласовка аффикса.

В глаголе *git-* исторически был долгий широкий гласный, который в турецком языке часто отражался как узкий, а в близкородственном ему азербайджанском, ср. аз. *кет-* 'уходить', как /е/, в отличие от /э/, являющегося отражением краткого, т. е. тур. *git-* $<$ **kēt-*. Глагол *un-* также имеет этимологически широкий гласный: *un-* $\sim$ *on-*, указанный глагол встречается в древнетюркских памятниках: *oŋ-* 'улучшаться' (Uig I).[44]

---

[41] Кононов А. Н. Грамматика . . . турецкого . . . языка, с. 202.

[42] В таком же звуковом составе этот глагол сохранился и в каракалпакском языке, ввиду чего Н. А. Баскаков возводит его к глаголу къуд-//къут-// къуй- 'лить', что в свете излагаемого здесь представляется ошибочным, см.: Баскаков Н. А. Каракалпакский язык. II. Фонетика и морфология. Ч. I. М., 1952, с. 346.

[43] Bombaci A. Qutluγ bolsun. — UAJb, 38 (1966), S. 23.

[44] Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, с. 195.

В глаголе *чык-* ‘выходить’ в качестве предположения представляется допустимым восстанавливать в корне широкий гласный, в целом реконструируя: *чык-* < **так-*, опираясь на формы этого глагола в якутском *тагыс-* (где *-ыс* опростившийся взаимносовместный показатель) и в чувашском *тух-* < **так-*.

§ 4. Непродуктивный аффикс *-(⁰) з-*

В кыпчакских, карлукских и огузских языках около двух десятков глагольных основ обнаруживают непродуктивный каузативный аффикс *-(г)з-* с узким соединительным гласным (список VI), два из них принадлежат текстам древнетюркских памятников.

Список VI.

1. тат. *агыз-*, казах. *ағыз-*, кирг. *ағыз-*, узб. *оқиз-* кауз. от *ак-* ‘течь’, ср. список II, № 1. 2. алт. *артыс-* (*//артыр-*) ‘оставить в излишке’ кауз. от *арт-* ‘оставаться в излишке’. 3. узб. *боқиз-* (*//боқтир-*) кауз. от *боқ-* ‘смотреть’.[45] 4. аз. *эмиз-*, узб. *эмиз-* (*//эмдир-*), кирг. *эмиз-* (*//эмгиз-*), алт. *эмис-*, казах. *эмиз-* (*//эмгіз-*) кауз. от *эм-* ‘сосать’. 5. кирг. *жугуз-* (*//жуктур-*) кауз. от *жук-* ‘прилипать’. 6. туркм. *ириз-* ‘надоедать, докучать’ от *ир-* ‘утомляться’. 7. аз. *јатыздыр-* (*//јатырт-*) кауз. от *јат-* ‘ложиться спать’. 8. тат. *кабыз-* ‘зажигать’ (*//каптыр-* ‘заставлять брать в рот’) кауз. от *кап-* ‘брать, хватать’. 9. аз. *галхыз-* (*//галдыр-*) ‘поднимать’ кауз. от *галх-* ‘вставать’. 10. туркм. *гириз-* (*//гирдир-*) кауз. от *гир-* ‘входить’. 11. туркм. *горкуз-*, аз. *горхуз-* ‘пугать’ кауз. от *горк-* ‘пугаться’, ср. список II, № 13. 12. аз. *дамыз-*, тат. *тамыз-*, узб. *томиз-* (*//томдир-*), кирг. *тамыз-*, казах. *тамыз-* (*//тамгыз-*) кауз. от *там-* ‘капать’. 13. аз. *дадыздыр-//дадыз-* ‘дать отведать, попробовать на вкус’ кауз. от *дад-* ‘пробовать’. 14. узб. *тегиз-* (*//тегдир-*) кауз. от *тег-* ‘касаться’; ср. список IV, № 57. 15. аз. *докуздур-* ‘помогать при родах’ кауз. от *дог-* ‘рожать’; 16. *tujuz-* кауз. от *tuj-* ‘чувствовать, замечать’ (встретился в тексте сутры «Säkiz jükmäk», см. ДТС, 100, в парном сочетании с глаголом *biltiz-* — каузативной формой глагола *bil-* ‘знать’, см. ниже, список XI). 17. туркм. *дуруз-* ‘останавливать, ставить’, *туруз-* ‘поднимать; будить’ от глаголов *дур-* ‘стоять; останавливаться’, *тур-* ‘вставать, подниматься’ являющихся филиацией некогда единого глагола ‘вставать / стоять’. 18. аз. *тутуздур-* ‘влепить (пощечину)’, *tutuz-* ‘вручать, поручать, вверять’ («Кутадгу билиг», Словарь Махмуда Кашгарского и др.) от глагола *tut-* ‘брать, хватать’ (ДТС, 593). 19. кирг. *угуз-* (*//уктур-*) кауз. от *ук-* ‘слушать’. 20. аз. *удуз-* ‘проиграть’ от *уд-* ‘выиграть’. 21.

[45] Форма приводится: Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, с. 196. В Узбекско-русском словаре зафиксирована только форма с продуктивным аффиксом: *боқтир-*.

udïz- ~ *uduz-* ʿвести' от основы *ud-* ʿследовать' (ДТС, 605—606). 22. туркм. *уркуз-* ʿпугать, вспугивать' от основы *урк-* ʿпугаться'.

Каузативный аффикс *-(а)з-* с соединительным широким гласным зарегистрирован нами только в одном случае: в узбекском языке это глагол *чиқаз-* — дублетная форма по отношению к обычной распространенной форме *чиқар-* (см. выше, список V, № 1) от глагола *чик-* ʿвыходить'.

Рассмотренные выше каузативные аффиксы *-(⁰)р-* и *-(⁰)з-* исследователи часто считают фонетическими вариантами даже для современных языков.[46] В современных тюркских языках так же, как и в наиболее ранних древнетюркских памятниках, указанные звуки нигде не образуют живых чередований, поэтому, конечно, и форманты *-(⁰)р-* и *-(⁰)з-*, и образованные на их основе сложные аффиксы следует считать самостоятельными морфемами, а не алломорфами.

Итак, представляется необходимым считать каузативные аффиксы *-(г)з-* и *-(г)р-* двумя различными аффиксами для пратюркского и четырьмя: *-аз-/-эз-*; *-ыз-/-из-*; *-ар-/-эр-*; *-ыр-/-ир-* — для современных языков начиная уже с древнетюркских текстов.

§ 5. Непродуктивный аффикс *-ж(⁰) з-*

Перейдем к рассмотрению группы непродуктивных аффиксов, встречающихся во всех классификационных группах языков (см. ниже, с. 39), причем наиболее массово в карлукских и кыпчакских языках. В списке VII собраны каузативные формы глаголов, зафиксированные соответствующими словарями для киргизского, узбекского и казахского языков с аффиксом *-кыз-/-киз-/-куз-/-күз-/-гыз-/-гиз-/-гуз-/-гүз-*.

Список VII.

1. кирг. *айткыз-* (*//айттыр/-*), казах. *айтқыз-* (*//айттыр-*) кауз. от *айт-* ʿговорить'. 2. кирг. *аткыз-* (*//аттыр-//аткыр-//атыр-*) кауз. от *ат-* ʿбросать'. 3. кирг. *баргыз-* (*//бардыр-*) кауз. от *бар-* ʿдвигаться'. 4. кирг. *безгиз-* (*бездир-*) кауз. от *без-* ʿотрекаться'. 5. кирг. *бергиз-* (*//бердир-*), узб. *бергиз-* (*//бердир-*) кауз. от *бер-* ʿдавать'. 6. кирг. *билгиз-* (*//билдир-*), узб. *билгиз-* (*//билдир-*) кауз. от *бил-* ʿзнать'. 7. узб. *биткиз-* (*//битказ-*) кауз. от *бит-* ʿпроизрастать'. 8. узб. *биткиз-* (*//битказ-//биткар-//битир-*) кауз. от *бит-* ʿкончаться'. 9 кирг. *бургуз-* (*//бурдур-*) кауз. от *бур-* ʿвертеть'. 10. кирг. *буугуз-* (*//буудур-*) кауз. от *буу-* ʿсдавливать, связывать'. 11. узб. *дегиз-* (*//дедир-*), кирг. *дегиз-* (*//дедир-*) кауз. от *де-* ʿговорить'. 12. узб. *егиз-* (*//едир-*), кирг. *жегиз-* (*//жедир-*), казах. *жегиз-* кауз. от *е-* (*~же-*) ʿесть, кушать'. 13. казах. *енгіз-* (*//ендір*) кауз. от *ен-* ʿвходить'. 14. узб. *еткиз-* (*//етказ-//ет-*

[46] Баскаков Н. А. Каракалпакский язык, с. 345.

кар-), кирг. *жеткиз-* (*//жеткир-*), казах. *жеткиз-* кауз. от *ет-* (*~жет-*) ‘достигать’. 15. узб. *ёткиз-*, кирг. *жаткыз-* (*//жаткыр-*), казах. *жатқыз-* кауз. от *ёт-* (*~жат-*) ‘лежать’. 16. казах. *жазғыз-* (*//жаздыр-*) кауз. от *жаз-* ‘писать’. 17. казах. *жазғыз-* (*//жаздыр-*) кауз. от *жаз-* ‘развернуть, разгибать’. 18. кирг. *жаргыз-* (*//жардыр-*), казах. *жарғыз-* кауз. от *жар-* ‘рассекать’. 19. кирг. *жылгыз-* (*//жылдыр-*) кауз. от *жыл-* ‘двигаться’. 20. казах. *жырғыз-* (*//жырдыр-*) кауз. от *жыр-* ‘прорыть’, ‘процарапать’. 21. казах. *жібергіз-* кауз. от *жібер-* ‘отпустить’. 22. кирг. *жургуз-* (*//журдур-*), узб. *юргиз-* (*//юрит-//юрдир-*) кауз. от *жур-* (*~юр-*) ‘двигаться’. 23. узб. *ютқиз-* (*//ютқаз-//юттир-*), казах. *жұтқыз-* (*=жұтқыздыр-*) кауз. от *ют-~жұт-* ‘проглотить’. 24. казах. *жойғыздыр-* (в данном случае два каузативных аффикса *-ғыз-* и *-дыр-*) от глагола *жой-* ‘уничтожить’ (*//жойдыр-*). 25. кирг. *илгиз-* (*//илдир-*) кауз. от *ил-* ‘зацепить’. 26. узб. *ичкиз-* (*//ичкар-//ичир-*), казах. *ішкіз-*(*//ішір-*) кауз. от *ич-* (*~іш-*) ‘пить’. 27. кирг. *кечкиз-* (*//кечир-//кечтир-*) кауз. от *кеч-* ‘переходить’. 28. узб. *кийгиз-*, кирг. *кийгиз-*, казах. *кигіз-* (*//кидір-*) кауз. от *кий-* ‘одеваться’. 29. узб. *киргиз-*, кирг. *киргиз-* (*//кийир-*, об этой форме см. с. 33), казах. *кіргіз-* кауз. от *кир-* ‘входить’. 30. кирг. *койгуз-* (*//койдур-*) кауз. от *кой-* ‘класть’. 31. казах. *көргіз-* (*//көрсет-*, см. ниже с. 39) кауз. от *көр-* ‘смотреть’. 32. казах. *қыйғыз-* кауз. от *қый-* ‘резать’. 33. кирг. *ойгуз-* (*//ойдур-*) кауз. от *ой-* ‘выдалбливать’. 34. кирг. *олтургуз-* (*//олтурт-*), узб. *ўтиргиз-* (*<*олтиргиз-*; *//ўтирт-*) кауз. от *олтур-~ўтир-* ‘сидеть’. 35. кирг. *өргүз-*, казах. *өргіз-* кауз. от кирг. *өр-~өру-* ‘двигаться массой’, казах. *өр-* ‘расходиться на пастбище (о скоте)’. 36. казах. *өткіз-* (*//өткөр-*), узб. *ўткиз-* (*//ўтказ-//ўткар-*) кауз. от *өт-~ўт-* ‘проходить’. 37. кирг. *сайгыз-* (*//сайдыр-*) кауз. от *сай-* ‘вонзить’. 38. кирг. *сийгиз-* (*//сийдир-*) кауз. от *сий-* ‘мочиться’. 39. кирг. *сойгуз-* (*//сойдур-*), узб. *сўйгиз-* (*//сўйдир-*) кауз. от кирг. *сой-* ‘сдирать кожу’, узб. *сўй-* ‘резать’. 40. кирг. *соргуз-* (*//сордур-*) кауз. от *сор-* ‘сосать’. 41. узб. *сотқиз-* (*//соттир-*) кауз. от *сот-* ‘продавать’. 42. кирг. *сунгуз-* (*//сундур-*) кауз. от *сун-* ‘протягивать’. 43. кирг. *сүйгүз-* (*//сүйдүр-*) кауз. от *сүй-* ‘любить’. 44. кирг. *сыйгыз-* (*//сыйдыр-*) кауз. от *сый-* ‘вмещаться’. 45. кирг. *тайгыз-* (*//тайдыр-*) кауз. от *тай-* ‘скользить’. 45а. казах. *тамғыз-* (*//тамыз-*) кауз. от *там-* ‘капать’. 46. кирг. *тарткыз-* (*//тарттыр-*) кауз. от *тарт-* ‘тянуть’. 47. кирг. *таткыз-* (*//таттыр-//татыр-*) кауз. от *тат-* ‘пробовать на вкус’. 48. кирг. *тийгиз-* (*//тийдир-*), казах. *тигіз-* кауз. от *тий-* ‘касаться’. 49. кирг. *тойгуз-* (*//тойдур-*), казах. *тойғыз-*(*//тойдыр-*), узб. *тўйғиз-* (*//тўйғаз-//тўйдир-*) кауз. от *той-* ‘насыщаться’. 50. узб. *тўлғиз-* (*//тўлғаз-//тўлдир-//тўлат-*) кауз. от *тўл-* ‘наполняться’. 51. кирг. *туйгуз-* кауз. от *туй-* ‘чувствовать’. 52. кирг. *тургуз-* (*//турдур-*), узб. *турғиз* (*//турғаз-*) кауз. от

тур- 'стоять'. 53. кирг. *туткуз-* (*//туткур-*), узб. *тутқиз-* (*//тутқаз-//туттир-*) кауз. от *тут-* 'брать'. 54. кирг. *туугуз-* (*//туудур-*) кауз. от *туу-* 'рожать'. 55. кирг. *түйгүз-* (*//түйдүр-*) кауз. от *түй-* 'вязать'. 56. казах. *тұртқіз-* кауз. от *тұрт-* 'толкать'. 57. кирг. *ургуз-* (*//урдур-*) кауз. от *ур-* 'ударять'. 58. кирг. *үйгүз-*, казах. *үйгіз-* (*//үйдір-*) кауз. от *үй-* 'складывать в кучу'. 59. казах. *үйткіз-* (*үйттір-*) кауз. от *үйт-* 'поступать таким образом, делать так'. 60. казах. *ургіз-* (*//ургіздір-*) кауз. от *ур-* 'лаять (о собаке)'. 61. казах. *ұтқыз-* (*//ұттыр-*) кауз. от *ұт-* 'выигрывать', ср. список IX, № 8. 62. кирг. *чечкиз-* (*//чечтир-*) кауз. от *чеч-* 'развязывать'. 63. кирг. *эмгиз-* (*//эмиз-*), казах. *эмгіз-* (*//эмиз-*) кауз. от *эм-* 'сосать'. 64. кирг. *эткиз-* (*//эттир-*) кауз. от *эт-* 'делать'.

Около десяти глагольных каузативов сохранили древний вариант рассмотренного аффикса с широким соединительным гласным.

Список VIII.

1. узб. *битказ-* (*//биткиз-//биткар-//битир-*) кауз. от *бит-* 'кончаться'. 2. узб. *битказ-* (*//биткиз-*) кауз. от *бит-* 'произрастать'. 3. узб. *етказ-* (*//еткиз-//еткар-*) кауз. от *-ет* 'достигать'. 4. туркм. *гөркез-*, узб. *кўргаз-* (*//кўрсат-*), кирг. *көргөз* (*//көрсет-//көрдүр-*) кауз. от *кўр-* ~ *көр-* 'видеть' (см. также ниже, с. 39). 5. узб. *ўтказ-* (*//ўткиз-//ўткар-*), кирг. *өткөз-* (*//өткөр-*) кауз. от *ўт-* ~ *өт-* 'проходить'. 6. узб. *тўйғаз-* (*//тўйғиз-//тўйдир-*) кауз. от *тўй-* 'насыщаться'. 7. кирг. *толгаз-* южн. (*//толтур-*), узб. *тўлғаз-* (*//тўлғиз-//тўлдир-//тўлат-*) кауз. от *тол-* ~ *тўл-* 'наполняться'. 8. узб. *турғоз-* (*//турғиз-*) кауз. от *тур-* 'стоять'. 9. узб. *тутқаз-* (*//тутқиз-//туттир-*) кауз. от *тут-* 'брать'.

§ 6. Непродуктивный аффикс *-к(⁰)р-*

Особым аффиксом по тем же соображениям, которые были изложены выше (см. с. 36) в отношении аффиксов *-(⁰)р-* и *-(⁰)з-*, следует считать аффикс *-к(ы)р-* и его исторический алломорф с широким соединительным гласным.

В списке IX зафиксированы каузативы с аффиксом *-к(ы)р-*.

Список IX.

1. кирг. *азгыр-* (*//аздыр-*), казах. *азғыр-* (*//аздыр-*) кауз. от *аз-* 'сбиваться с пути'. 2. кирг. *аткыр-* (*//аттыр-//аткыз-//атыр-*) кауз. от *ат-* 'бросать'. 3. кирг. *жазгыр-* (*//жаздыр-*), казах. *жазғыр-* кауз. от *жаз-* 'ошибаться'. 4. кирг. *жаткыр-* (*//жаткыз-*) кауз. от *жат-* 'лежать'. 5. кирг. *жеткир-* (*//жеткиз-*) кауз. от *жет-* 'достигать'. 6. кирг. *сызгыр-* (*//сыздыр-*) кауз. от *сыз-* 'сочиться'. 7. кирг. *туткур-* (*//туткуз-*) кауз.

от *тут-* ‘брать’. 8. кирг. *уткур-* (*//уттур-*) кауз. от *ут-* ‘выиграть’, ср. список VII, № 61.

В списке X собраны глагольные каузативы с аффиксом *-к(а)р-*.

Список X.

1. узб. *биткар-* (*//битказ-//биткиз-//битир-*), кирг. *бүткөр-* (*//бүтүр-*) кауз. от *бит-* ‘кончаться’. 2. узб. *еткар-* (*//етказ-//еткиз-*) кауз. от *ет-* ‘достигать’. 3. узб. *ичкар-* (*//ичкиз-//ичир-*) кауз. от *ич-* ‘пить’. 4. кирг. *омкор-* ‘выворачивать’ кауз. от несохранившейся основы **ом-* (см. выше, список IV, № 35). 5. кирг. *өткөр-* (*//өткөз-*), узб. *ўткар-* (*//ўтказ-//ўткиз-*), казах. *өткөр-* кауз. от *өт-* ‘проходить’. 6. кирг. *түткөр* кауз. от *түт-* ‘терпеть’. 7. кирг. *унуткар-* (*//унуттур-*) кауз. от *унут-* ‘забывать’. 8. кирг. *үзгөр-* (*//тяньш. үскөр-//үздүр-*) кауз. от *үз-* ‘рвать’. 9. узб. *қутқар-*, казах. *құтқар-*, кирг. *куткар-* ‘спасать’ (все $<$ **куртқар-*, ср. др.-уйг. *qurtqar-* ‘спасать’ — ДТС, 469; для актуализации основы ср. тур. и др.-тюрк. *kurtul-*, *qurtul-* ‘спасаться’).

Аффиксы *-к(ы)з-* и *-к(а)з-*, *-к(ы)р-* и *-к(а)р-*, как сказано выше, являются достоянием не только карлукских и кыпчакских языков, представленных в списках VII—X материалами по узбекскому, киргизскому и казахскому языкам, как сохранившим наибольшее число подобных образований, но и спорадически отмечаются в огузских языках,[47] а также в языках противоположной классификационной ветви — северо-восточных: *-к(ы)р-* и *-к(ы)з-* в хакасском,[48] *-к(ы)р-* в сарыг-югурском,[49] *-к(ы)з-* в тувинском,[50] *-ыар-* $<$ **-гар-* в якутском.[51] В древнетюркских памятниках встречаются каузативы с аффиксом *-к(⁰)р-*,[52] а в более поздних памятниках с кыпчакско-огузским влиянием как с аффиксом *-к(⁰)р-*, так и с *-к(⁰)з-*.[53]

§ 7. Непродуктивные аффиксы единичного образования: *-сет-*, *-зир-*, *-т(ы)з-*, *к(⁰)т-*

В целом ряде тюркских языков глагол *көр-* ‘видеть’ образует каузативную форму с аффиксом *-сät-*: аз. *көрсәт-*, узб. *кўрсат-* (наряду с редко употребляемой дублетной формой *кўргаз-*), казах. *көрсет-//көргіз-*, тат. *күрсәт-//күргәз-*, кирг. *көрсөт-//көргөр-//көрдүр-* и др. в значении ‘показывать’. В тур. *göster-* обычно

---

[47] Севортян Э. В. Аффиксы глаголообразования. . ., с. 518—520.
[48] Грамматика хакасского языка. М., 1975, с. 179—181.
[49] Тенишев Э. Р. Строй сарыг-югурского языка. М., 1976, с. 102.
[50] Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка, с. 277.
[51] Харитонов Л. Н. Залоговые формы. . ., с. 57.
[52] Gabain A. Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1950, S. 80; ДТС, 665.
[53] Насилов В. М. Язык тюркских памятников уйгурского письма XI—XV вв. М., 1974, с. 30.

вычленяют в качестве каузативного аффикса *-ter-*, выводя исходную основу из *gös // göz ~ gör* 'глаз'.[54] Скорее всего, в данном случае имела место метатеза: *göster-* < **görset-*. К тому же в тюркских языках нет глагола **gös-*, а только существительное *gös/z* 'глаз'. Произведенным от этого последнего следует считать и глагол gözük-, на что указывает и его значение 'виднеться; показываться, предстать перед глазами'.

По Э. В. Севортяну, «аффикс *-сат-* представляет, по-видимому, сращение глаголообразующего аффикса *-са-* и показателя понудительности *-т-*. На такой анализ дают право медиальные формы *-сал-* и *-сан-*, в которых присутствует тот же общий элемент *-са-* и аффикс страдательного (*-л-*) или возвратного (*-н-*) залога».[55]

В действительности страдательный и возвратный аффиксы *-сал-* и *-сан-* «дают право» лишь на расчленение аффикса *-сат-* < *-са-* + *-т-*, но сопоставление этого *-са-* с глаголообразующим аффиксом со значениями «желательности, подражательным и оценочным» [56] представляется нам неверным, ибо никаких следов подобных значений в глаголе *көрсәт-* нет. Азербайджанская диалектная форма, которую приводит Э. В. Севортян, *көрсән-* 'показываться', убедительно свидетельствует о каузативности элемента *-сә-*: исходная форма *көр-* 'видеть'; *көр-* + **сә-* (каузативный аффикс) > **көрсә-* 'показывать' (!, а не «желать видеть»);

көрсә- + *-т-* (каузатив.) > *көрсәт-* 'показывать'

көрсә- + *-н-* (рефлексивн.) > *көрсән-* 'показываться'.

Иными словами, если в *көрсән-* рефлексивное значение падает на *-н-*, то каузативное (поскольку глагол значит 'показывать', а не 'видеть') падает на *-сә-*.

Фонетически каузативный формант *-сә-* в глаголе *көрсәт-* 'показывать' необходимо сопоставить с непродуктивным каузативным аффиксом *-(0)з-*, широкий соединительный гласный подчеркивает архаичность образования. Древнетюркские памятники фиксируют употребление после сонантов *р*, *л*, *н* глухих согласных в аффиксах, например: *олуртым* 'я сел' ($КТм_1$), *йл-тә* 'в государстве' ($КТм_3$) и т. д. В современных языках, например турецком, в данной позиции употребляются варианты аффиксов со звонкими согласными: *otur-dum* 'я сел', *el-de* 'в стране'. Следовательно, допустив архаичность самой глагольной формы *көрсәт-*, мы вправе предположить, что здесь *с* закономерно отражает звонкий аффикса *-з-*: *көрсет-* < **көрзет-*.

В единственном глаголе тур. *emzir-* (*//emdir-*) кауз. от глагола *em-* 'сосать (грудь)' вычленяется аффикс *-zir-*.

---

[54] Кононов А. Н. Грамматика. . . турецкого. . . языка, с. 203.
[55] Севортян Э. В. Аффиксы глаголообразования. . ., с. 520.
[56] Там же. . , с. 315; см. также с. 237 и след.

Только в древнетюркских памятниках в трех глаголах содержится каузативный аффикс *-m(ы)з-* (список XI).

Список XI.

1. *biltiz-* кауз. от *bil-* 'знать' (см. список VI, № 16). 2. *altïz-* ($КТ_{38}$), *alduz-* (МК) кауз. от *al-* 'брать'. 3. *bulduz-* (МК) кауз. от *bul-* 'находить'.

В древнетюркских памятниках в двух глаголах зафиксирован каузативный аффикс *-кит-*, *-кӱт-* (*-гит-*, *-гӱт-*).

Первый глагол с вариациями гласного *jelgit-/jelgüt-* (ДТС, 254) (арабская графика имеет один знак для *k/g*, поэтому вероятнее все же *jelkit-/jelküt-*, судя по глухому началу в афф. *-tir-* после плавных) употребляется в «Кутадгу билиг» в устойчивом словосочетании *kӧgül jelgit-* 'заставлять волноваться сердце'. Исходный глагол *jel-* 'скакать, мчаться' (Памятник в честь Тонюкука, «Кутадгу билиг», Словарь Махмуда Кашгарского) сохраняется и в живых тюркских языках: кирг. *жел-* 'бежать рысцой', тур. *yel-* 'спешить, торопиться' и др.

Второй глагол *körgit-/körgüt-* (ДТС, 317) (вероятнее: *körkit-/körküt-*) 'показывать' — форма от глагола *kör-* 'видеть' — зафиксирован в Словаре Махмуда Кашгарского, встречается в тексте «Кутадгу билиг», в некоторых уйгурских памятниках (ТТ III, ТТ V) и «Среднеазиатском тефсире»; в последнем памятнике,[57] а также в тексте средневекового памятника «Хосров и Ширин» [58] интересующий нас аффикс выступает с широким соединительным гласным: *көркӓт-* 'показывать'.

Единственный пример на рассматриваемый аффикс, приведенный в книге «Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана»,[59] ошибочен: *ол йып йӱргӓттми* (МК II 354) — исходный глагол в этом примере *йӧргӓ-* 'обвязывать' плюс продуктивный каузативный аффикс *-т-*. Эта неточность устранена самим автором «Очерка» в тексте Древнетюркского словаря. Вся фраза теперь читается: 'он заставил обвязать ниткой' (ДТС, 276).

§ 8. Некоторые аффиксы интенсивного и пассивного значения, исторически связанные с аффиксами каузативности: *-(ы)к-*, *-с(ы)к-*, *-т(ы)к-*

Как пишет Б. А. Серебренников, «по некоторым языкам имеются данные, свидетельствующие о возможности происхождения суффиксов каузативных глаголов от суффиксов многократного

---

[57] Боровков А. К. Лексика среднеазиатского тефсира XII—XIII вв. М., 1963, с. 185.

[58] Фазылов Э. Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XIV века. Т. I. Ташкент, 1966, с. 625.

[59] Щербак А. М. Грамматический очерк. . ., с. 169.

действия».[60] В качестве примеров автор приводит данные индоевропейских и финно-угорских языков. Тюркские языки также предоставляют материал для подобных выводов.

К числу показателей, связанных с каузативными, должен быть отнесен прежде всего аффикс -(ы)*к*-, который А. Габэн определила как интенсивный, приведя следующие примеры: *alq-* 'прекращать' от *al-* 'брать'; *ök-* 'размышлять' от *ö-* 'думать', *könük-* 'сгорать до тла' от *kön-* 'гореть'.[61]

А. Н. Кононов полагает, что «аффикс -(ы)*к*- имел понудительное (каузативное) значение: субъект не действует сам, а дает возможность, позволяет (попустительствует) совершить действие, обозначенное исходной основой», например: *ja+k-* 'жечь' (*ja+н-* 'гореть')».[62]

Г. И. Рамстедт еще в своем «Verbstammbildungslehre», а затем позднее во «Введении» приводил в числе примеров на суффикс *-k-*, помимо глагола *jaq-* 'жечь', следующие: *jük-* 'грузить, нагружать', ср. *jü-* и *jü-d-* 'брать на себя, нагружаться'; тюрк. *saq-*, як. *āk* 'считать', тюрк. *sa-* 'считать', уйг. *saq-yn-* 'думать' > 'вспоминать' . . .».[63] Правда, Рамстедт говорит здесь о каузативном *-k-*; однако ввиду однотипности *ök-* и *saq-* можно быть уверенным, что речь идет об одном и том же интенсивно-каузативном форманте, что и в примерах Габэн. В дополнение к последним можно привести всего несколько примеров: *ačïq-* 'сильно голодать' (МК 104_{14}) — от *ač-* 'быть голодным'; *ašuq-* 'спешить' (МК, Suv), ср. казах. *асық-* 'торопиться' — от *aš-* 'переваливать, переходить'; *savruq-* 'волноваться, бушевать (о воде); обильно течь, брызгать (о слезах)' (МК) — от *savur-* 'веять; рассыпать'; *turuq-* 'застаиваться, запекаться (о крови)' (МК) — от *tur-* 'стоять'; тур. *arık-* исхудать — от *ar-~arı-* 'быть худым'. Значение этого аффикса, судя по единичности примеров, уже для древнетюркских памятников было непродуктивным.

Гораздо шире представлено в памятниках и современных языках медиопассивное значение аффикса -(ы)*к*-, причем как в отименных, так и в отглагольных образованиях.[64]

В нескольких образованиях от переходных основ в Словаре Махмуда Кашгарского аффикс -(ы)*к*- имеет пассивное значение: *basïq-* 'подвергаться ночному нападению' — от *bas-* 'нападать'; *sančïq-* 'быть побежденным' — от *sanč-* 'побеждать'; *sojuq-* 'быть

---

[60] Серебренников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974, с. 175—176.

[61] Gabain A. Alttürkische Grammatik, S. 82.

[62] Кононов А. Н. [Рец. на кн.:] Щербак А. М. 1) Огуз-наме. Мухаббат-наме; 2) Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. — ВЯ, 1963, № 5, с. 138.

[63] Рамстедт Г. И. Введение в алтайское языкознание. Морфология. Перев. с немецкого (Helsinki, 1952), М., 1957, с. 157 (в дальнейшем: Рамстедт Г. И. Введение).

[64] Севортян Э. В. Аффиксы глаголообразования. . , с. 282 и сл.

раздетым, ограбленным' — от *soj-* 'снимать, обдирать шкуру'.[65] Ниже подробнее будет освещена связь некоторых каузативных и пассивных аффиксов, образовавшихся путем филиации каузативного и пассивного значений единого аффикса через промежуточное пермиссивное значение. Пока же отметим, что наличие интенсивного, пассивного и медиопассивного значений рассматриваемого аффикса делает вероятным и наличие в прошлом у него каузативного значения, не сохранившегося в засвидетельствованных языках.

Также только в древнетюркских памятниках встречается около десятка образований с аффиксом *-sïq-/-sik-* в пассивном значении:[66] *alsïq-* 'быть ограбленным' от *al-* 'брать', *arsïq-* 'поддаваться обману' от *ar-* 'обманывать', *bassïq-* 'подвергаться ночному нападению' от *bas-* 'нападать', *bilsik-* 'стать известным' от *bil-* 'знать', *čalsïq-* 'быть разбитым' от *čal-* 'бить', *jetsik-* 'быть настигнутым' и 'достигать предела в чем-л.', от *jet-* 'достигать', *sojsuq-* 'быть ограбленным' от *soj-* 'снимать, обдирать шкуру', *tutsuq-* 'быть схваченным' от *tut-* 'хватать', *ursuq-* 'быть побитым' от *ur-* 'бить', *utsuq-* 'проигрывать' от *ut-* 'побеждать' (ДТС, 39, 55, 86, 100, 137, 259, 507, 592, 615, 619).

Параллельность образований *basïq-//bassïq-*, *sojuq-//sojsuq-*, а также медиальное значение в *jetsik-*, шире представленное в образованиях на *-(ы)к-*, свидетельствуют о принципиально одинаковом семантическом потенциале аффиксов *-(ы)к-* и *-с(ы)к-*. Предположение о связи этих форм с каузативными подтверждается еще и такой характерной особенностью, что образования от глаголов, получивших пассивное значение в формах на *-(ы)к-* и *-с(ы)к-*, также получают пассивное значение в формах на несомненно и преимущественно каузативные аффиксы *-т(ы)р-*, *-(ы)т-*, *-т(ы)з-*, *-(ы)р-*, *-(ы)з-*, например: *al-duz-* 'быть ограбленным' (список XI, № 1), *bas-ït-* 'быть разбитым' (ДТС, 86), тур. *çaldır-* 'дать украсть' (наряду с кауз. знач.), *jet-ür-* 'достигнуть преклонного возраста' (наряду с кауз. знач.; ДТС, 260), *ut-uz-* 'проигрывать' (ДТС, 619); см. подробнее ниже, § 20.

По-видимому, аналогичным рассмотренным является аффикс пассивного значения *-т(ы)к-* в таких немногих случаях: *boltuq-* страд. от *bol-* 'быть' (ДТС, 112), *bultuq-* 'быть найденным' страд. от *bul-* 'находить' (ДТС, 123).

§ 9. Типы соотношения дублетных каузативных форм в синхронии и выводы диахронического порядка

Взаимоотношения между образованиями с продуктивными и непродуктивными показателями каузативности в современных

---

[65] Там же, с. 294.

[66] K o w a l s k i T. De la nature du causatif et du passif dans les langues turques. — «Rocznik orientalistyczny», Krakow, 1949, t. XXV, p. 431.

и древних тюркских языках могут характеризоваться следующими тремя возможностями.

I. Глагольная основа — и таких основ подавляющее большинство в языках — образует каузатив только посредством продуктивного аффикса; можно условно считать (для древних основ), что каждая такая основа некогда образовывала каузатив при помощи непродуктивного в дальнейшем показателя, но ныне непродуктивный тип полностью вытеснен продуктивным; принятие такой условной диахронической модели вполне допустимо, поскольку в древних памятниках для большого количества основных широкоупотребительных глаголов, образующих в современных языках только продуктивные каузативы, характерны формы с непродуктивными ныне аффиксами.

II. Глагольная основа образует каузатив только с помощью непродуктивного аффикса; таких глаголов ничтожно мало: в списке глаголов на *-(и)р-* из 71 только 5 по всем десяти обследованным языкам не имели в том или ином языке дублета с продуктивным *-т(и)р-*.

III. Глагольная основа образует дублеты каузативов с помощью продуктивного и непродуктивного аффиксов. Имеется два основных типа с несколькими разновидностями соотношения указанных дублетов.

1. Непродуктивный каузатив ощущается как архаичный по сравнению со своим дублетом с продуктивным показателем каузативности, хотя еще недавно он употреблялся и семантически целиком соответствовал продуктивному, что видно из «пустых» словарных статей: азерб. *чашыр-* см. *чашдыр-*, тур. *artır-* см. *arttır-* и т. д. Показательны в этом отношении и данные словарей и грамматик, близких друг другу по времени. Так, Ж. Дени (1921 г.) в списке из 22 глаголов на *-(ы)р-* приводит два глагола, каузативные формы которых в нынешних словарях даны с продуктивным аффиксом *-д(ы)р-*.

Подобные случаи (замены на наших глазах) — число их невелико — являются наглядным подтверждением нашего представления о направленности диахронического процесса — смене непродуктивных типов продуктивными, — о чем упоминалось в п. I.

2. В противоположность только что рассмотренному типу соотношения дублетов нижеописываемые случаи характеризуются в общем стремлением непродуктивного типа сохраниться в языке.

а. Между значениями непродуктивной и продуктивной основы наметилась или четко определилась специализация лексического облика; обычно у продуктивного каузатива объем лексического значения больше, чем у непродуктивного, продуктивный каузатив соотнесен с большим числом значений исходной производящей основы, к тому же и сам развивает новые, в том числе переносные, значения, ср. значения таких дублетов, как: аз. *букдур-* и *букдэр-* от основы глагола *бук-*, *дургуз-* и *дурдур-* от ос-

новы *дур-*, тур. *duyur-* и *duydur-* от основы *duy-*, туркм. *акыт-* и *акдыр-* от основы *ак-*, узб. *тутқиз-* и *туттир-* от основы *тут-*, *чеғир-* и *чектир-* от основы *чек-* и т. п.

б. Другой подтип соотношения каузативных дублетов образуется в результате того, что непродуктивный аффикс оказывается как бы уже недостаточным для выражения каузации, к нему присоединяется еще один — продуктивный, — но без влияния на значение основы, т. е. без образования каузатива 2-й степени. В языке одинаково могут функционировать обе основы: аз. *гачыр-* и *гачырт-* в одном и том же значении 'прогонять' от основы *гач-* 'убегать', *дадыз-//дадыздыр-*, тур. *akıt-//akıttır-* и т. п. Таких дублетов, например, в азербайджанско-русском словаре — одиннадцать, в турецко-русском — десять ($2б_1$).

Следующая стадия развития явления дублирования аффикса состоит в том, что первый из дублетов перестает функционировать, и в языке закрепляется форма с двумя, представляющими теперь уже единое целое, аффиксами: аз. *догуздур-* от основы *дог-* (< **дог-* + *-уз-* + *-дур-*); *ичирт-* от основы *ич-* (< **ич-* + *-ир-* + *-т-*). Подобных основ в азербайджанско-русском словаре — восемь ($2б_2$).

Если только что описанные случаи ($2б_1$) и $2б_2$) характеризуются наметившимся или же осуществившимся сращением аффиксов друг с другом, то случаи, описанные в п. 2а, характеризуются фактическим сращением непродуктивных аффиксов с основой, поскольку непродуктивный каузатив с несколько особым лексическим обликом на фоне продуктивного является по существу особой лексемой. Сюда же примыкает еще ряд случаев.

$в_1$. Происходит опрощение каузативного форманта, т. е. значение каузативности перестает присутствовать в производной основе, и она семантически полностью равна исходной: аз. *гоху-// гохут-* 'пахнуть' (ср. туркм. *кока-* 'плохо пахнуть', *кокат-* понуд. от *кока-* [67]).

Только в редких случаях в языке сосуществуют в качестве дублетов производящая и десемантизованная производная основы, гораздо чаще производящая основа исчезает из языка, ср. приводившиеся выше примеры: тув. *ажыт-*, тур. *yont-*, узб. *йиқит-*.

$в_2$. Производящая основа отсутствует в языке, но производная каузативная основа не равна по значению исходной производящей (в данном случае — этимологически реконструируемой), как в случае 2 $в_1$, поскольку значение каузативности не исчезло и по некоторым признакам (чаще всего по переходности) обнаруживается в семантике сохраняющейся производной основы, подвергшейся только формальному переразложению, ср. приводившиеся выше примеры: узб. *арт-*, туркм. *бүкүт-*, тур. *burkut-*.

---

[67] Туркменско-русский словарь. М., 1968, с. 403; лексические значения *кокат-* в словаре не даются.

Рассмотренные случаи частичной ($2в_2$) или полной ($2в_1$) десемантизации каузативных показателей в глаголе лишь условно рассматриваются в рамках соотношения дублетных образований с тем, чтобы охватить все каузативные формы. Десемантизацией захватываются не только непродуктивные и продуктивные на *-m-* глагольные каузативы, но и продуктивные на *-m(⁰)p-*, причем в ряде описанных нами случаев это происходит только с частью значений многозначного слова,[68] в чем можно усмотреть начало пути (или одного из путей) десемантизации каузативного аффикса.

В качестве дублетов могут выступать формы с обоими продуктивными аффиксами *-m-* и *-m(⁰)p-*. В таких случаях форма с *-m-* оказывается фактически приравненной непродуктивному образованию, и в соотношении таких дублетов, как можно было видеть из примеров, приведенных в конце § 2, встречаются различные типы и подтипы (III 1, III 2а, III 2б).

Дублеты типа 2 сохраняются в языке либо за счет постепенного сращения непродуктивного аффикса с корнем (2а, 2в), либо за счет сращения непродуктивного аффикса с продуктивным аффиксом (2б). По контрасту с этими подтипами дублеты типа 1 характеризуются распадением непродуктивного образования, поскольку производящая основа жива в языке, а ее сочетание с непродуктивным аффиксом на фоне существующего рядом продуктивного образования становится нехарактерным для определенного времени — архаичным, устаревающим.

Выявление типов соотношения регулярных и нерегулярных (продуктивных и непродуктивных) каузативных образований на современном синхронном срезе в сопоставлении с таким же соотношением на максимально древнем для тюркских языков срезе проливает свет на некоторые закономерности (тенденции) процессов сложения данной языковой микросистемы. Выводы данного рода могут быть следующими.

1. В истории тюркских языков мы застаем процесс замены каузативных аффиксов *-(⁰)p-*, *-(⁰)з-*, *-к(⁰)p-*, *-к(⁰)з-* и др., рассмотренных в § 3—8 аффиксом *-m(⁰)p-*.

2. Подобная смена происходила благодаря образованию дублетной формы на *-m(°)p-* наряду с существовавшей формой с другим аффиксом из числа ныне непродуктивных и постепенному выхождению из языковой практики более старой формы.

3. Имели место процессы дублирования каузативных аффиксов в пределах одного слова, что фактически вело к сращиванию этих формантов.

4. Имели место процессы приращения каузативных показателей к основе с полной (опрощение) или частичной десемантизацией форманта.

---

[68] К о р м у ш и н И. В. О грамматическом и лексическом в глагольных каузативах, с. 66—67.

§ 10. К методике сравнительно-исторической интерпретации синхронных данных. Ближняя и дальняя реконструкции общетюркского состояния в части каузативных форм

Сравнительно-историческое исследование какой-либо грамматической категории или словообразовательного типа,[69] в том числе исследование каузативных форм глагола в алтайских языках, предполагает восстановление во времени, или диахронно, картины исходного состояния и развития исследуемой категории или типа. Для такого восстановления лингвист имеет в своем распоряжении в качестве отправного материала (или по крайней мере может иметь) синхроническое описание данной категории или типа в определенную историческую эпоху. Синхроническое описание является статической характеристикой динамического объекта, поэтому для неискаженного отражения динамизма объекта синхроническое описание должно включать в себя в соответствии с диалектическим пониманием движения и развития моменты устойчивости и изменчивости или, точнее, соотношение устойчивого и изменчивого. В языке указанное соотношение можно увидеть в характерных для определенного среза нарушениях системной противопоставленности, наличию живых и мертвых, нарождающихся и отмирающих форм и значений. Анализ противоречий системы и сравнение результатов аналогичного анализа разных синхронных срезов и дает материал для построения диахронической модели развития исследуемой системы. Достоверность компаративистических выводов растет с увеличением в глубь истории числа возможных для исследования срезов языка и количества родственных языков.

Праязыковое состояние накануне распада (так называемая ближняя реконструкция) восстанавливается приемами внешней реконструкции, путем выявления общего для всех языков-рефлексов и отмеченного на всех исторических срезах репертуара форм и значений, т. е. на основе обобщения устойчивого и отвлечения от изменчивого. Однако само праязыковое состояние может рассматриваться как синхронный — хотя и доисторический — срез с присущим ему обязательным соотношением устойчивого и изменчивого. Восстановление протоязыкового состояния (так называемая дальняя реконструкция) выполняется приемами внутренней реконструкции, т. е. на основе анализа противоречивости и неустойчивости формально-смысловой микросистемы той или иной категории или словообразовательного типа (системы типов) в их восстанавливаемом для праязыка облике.

Грамматическая категория и словообразовательный тип как единство значения и выражающих это значение формальных

---

[69] О словообразовательном типе см.: Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 39.

средств реализуется в целом классе слов. Каждый член класса, каждое слово представлено двумя (или более) противопоставленными формами слов в грамматической категории; в словообразовательном типе каждый член класса соотнесен с мотивирующим словом (основой). Причины системных изменений, формирования и переформирования микросистем языка относятся к его имманентным законам, однако очевидно, что осуществляются все изменения в конкретных словах путем — как это хорошо показывает материал каузативных форм — постепенного накопления вариативно-дублетных образований с последующим обобщением одного (или нескольких) из вариантов в качестве ведущего типа и постепенным устранением остальных. Сравнительно-исторические построения отражают данные процессы как хронологические скачки (такая-то форма сменила такую-то), часто без указания причин или с указанием некоторых частных, несистемного свойства причин. С точки зрения синхронного состояния подобные изменения могут быть обнаружены как какие-либо отклонения от господствующей нормы — от регулярного характера корня и аффикса и их значений, — фиксируемые для каждой словоформы. Такие отклонения выразятся в невоспроизводимости или только частичной воспроизводимости корня или аффикса в других словоформах или словах. Непродуктивность аффиксов и корней может иметь место как в отношении их формы — звукового состава, так и в отношении их значения.

Синхронически непродуктивные образования в плане диахронии могут быть рассмотрены либо как нарождающиеся, либо как отмирающие явления. Различная их интерпретация в этом смысле зависит, во-первых, от широты представленности и характера функционирования в современных языках, во-вторых, от соотношения в представленности в древних и современных языках. В отношении рассмотренных непродуктивных аффиксов (§§ 3—7) решение этого вопроса практических трудностей не вызывает: все они относятся к архаическим, отмирающим формам. Характер функционирования их в современных языках таков, что по ряду признаков видно, что они сокращают сферу своего употребления в пользу продуктивного *-m(⁰)p-* (см. выводы § 9).

Более серьезной проблемой является определение того, все ли архаические аффиксы восходят к праязыковому состоянию и восходят ли к праязыку продуктивные аффиксы. Решается эта проблема на основании тех же критериев, что и вопрос об архаичности непродуктивных аффиксов, однако с меньшей степенью достоверности.

Наиболее продуктивный в тюркских языках аффикс *-m(⁰)p-* представлен абсолютно во всех тюркских языках и с древнейших памятников. Его архаическая фономорфологическая разновидность с широкой огласовкой, сохранившаяся в небольшом числе образований от непереходных глаголов старого лексического облика (список I), также равно представлена по языкам и памят-

никам. Все это служит основанием считать аффикс *-т(⁰)р-* пратюркским показателем.

Продуктивный аффикс *-(⁰)т-* и непродуктивные аффиксы *-(⁰)р-*, *-(⁰)з-*, *-к(⁰)р-*, *-к(⁰)з-* по аналогичным соображениям — представленность в языках различных классификационных групп и в древних памятниках, одинаковое по различным языкам сохранение архаичных фономорфологических вариаций в одних и тех же древних глаголах — необходимо так же, как и аффикс *-т(⁰)р-*, отнести к формантам, восходящим к общетюркскому состоянию.

Отнесенность аффикса *-(⁰)к-* к праязыковому состоянию обосновывается рядом косвенных соображений, о чем ниже особо. Ограниченность образований с аффиксами *-сет-*, *-зир-*, *-т(ы)з-*, *-с(ы)к-*, *-т(ы)к-* заставляет усомниться в их принадлежности праязыку; некоторые соображения, которые также будут изложены ниже, позволяют решить этот вопрос скорее отрицательно.

Таким образом, общетюркское языковое состояние накануне распада праязыка (ближняя реконструкция) в части каузативных форм характеризуется наличием аффиксов *-т (⁰)р-*, *-(⁰)т-*, *-(⁰)р-*, *-(⁰)з-*, *-к(⁰)р-*, *-к(⁰)з-*.

Значительное совпадение состава форм праязыка и засвидетельствованных языков говорит о том, что данная система показателей в самом праязыке укрепилась достаточно рано. Это значит также, что соотношения в системе каузативных форм, одинаково проявившиеся после распада праязыка, были характерны для нее, заложены в ней еще в эпоху общетюркского. Следовательно, мы вправе перенести в праязык распределение по продуктивности/непродуктивности приписываемых ему форм из языков засвидетельствованных. Разная продуктивность форм в синхронии, в том числе на реконструируемом праязыковом срезе, представляет собой результат тех хронологических скачков, которые, как сказано выше, произошли в микросистеме через постепенные количественные изменения, т. е., иными словами, в снятом виде отражает диахронию. Наряду с апелляцией к различной продуктивности форм методика внутренней реконструкции использует прием анализа на историческую составность некоторой части аффиксальных морфем, поскольку и в этом случае добывается диахроническая информация: составные аффиксы являются более поздними элементами микросистемы, чем аффиксы, их составляющие.

Система каузативных показателей тюркских языков предоставляет возможности для применения и этого последнего приема. В данной микросистеме прежде всего обращает на себя внимание формальное многообразие показателей. Исследователи давно и неоднократно высказывали предположения об исторически составном характере *-т(⁰)р-* и других двухконсонантных каузативных аффиксов так же, как целого ряда других двух- (и более) консонантных аффиксов. В тюркологии и алтаистике теория возникновения многоконсонантных аффиксальных морфем путем сращения

или сплавления (фузии) в единый аффикс двух (или более) одноконсонантных (с огласовкой) некогда самостоятельных аффиксов была впервые высказана В. В. Радловым,[70] нашла широкое применение в работах Г. И. Рамстедта начиная с его первого крупного труда по алтаистике,[71] а затем получила признание многих ученых.[72]

Дублирование аффиксов в пределах одного слова и случаи их фактического сращения в историческое время (рассмотренные выше в § 9 под рубрикой 2б) делают допустимым усмотреть подобное явление и в доисторическое время. Представление о семантической стороне такого рода процесса сводится к тому, что одноконсонантные аффиксы, вовлеченные в сращение, были близки между собой по значению, поэтому могло происходить как выравнивание, так и сложение значений в композитах.

Разнообразие материального состава двухконсонантных каузативных аффиксов, которое обнаруживается в случае полного учета форм, в том числе — представленных единичными образованиями, вполне может быть объяснено спонтанностью процессов сращения, что наглядно видно из следующей таблицы.

Таблица 1

Одноконсонантный аффикс в препозиции при сращении	Одноконсонантный аффикс в постпозиции при сращении			
	-(°)*т*-	-(°)*р*-	-(°)*з*-	-(ы)*к*-
-(°)т-	—	-*т*(°)*р*-	-*т*(ы)*з*-	-*т*(ы)*к*-
-(°)р-	-(°)*рт*-	—	—	—
-(°)з-	-*сет*- (<*-*зет*-)	-*зир*-	—	-*с*(ы)*к*- (<*-*з*(ы)*к*-?)
-(ы)к-	-*к*(°)*т*-	-*к*(°)*р*-	-*к*(°)*з*-	—

Спонтанность процессов сращения подтверждается тем, что, как видно из таблицы, имели место композиции исходных элементов почти во всех возможных вариантах, за исключением

[70] Radloff W. Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morfologie der türksprachen. — «Записки имп. Акад. наук, историко-филол. отд.», т. VII, Спб., 1906.

[71] Ramstedt G. J. Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen. — JSFOu, 1912, t. XXVIII.

[72] Обстоятельное изложение истории вопроса и сводка литературы даны в работах А. Н. Кононова, см.: Кононов А. Н. 1) О фузии в тюркских языках. — В кн.: Структура и история тюркских языков. М., 1971, с. 108—120; 2) Актуальные тюркологические заметки. — «Советская тюркология», 1975, № 2, с. 77—86. Краткий анализ литературы начального этапа содержится в нашей статье, см.: Кормушин И. В. Лексико-семантическое развитие корня *qa в алтайских языках. — В кн.: Тюркская лексикология и лексикография. М., 1971, с. 9—13.

*-$p(^0)з$- и плеоназмов из повторений одного и того же аффикса. Последнее как будто говорит за то, что в сращениях участвовали аффиксы, семантически однородные, но не тождественные. Некоторые последовательности составных аффиксов не получили распространения и представлены в единичных образованиях, некоторые получили ограниченное распространение, а последовательность в виде -$(^0)m$-+-$(^0)p$- > -$m(^0)p$- получила абсолютное распространение, став со временем наиболее продуктивным аффиксом. Не все последовательности архаичны; так, -pm-[73] и -$зир$-возникли в результате достаточно позднего переразложения при дублировании менее продуктивного аффикса более продуктивным, тогда как древние композиты возникали, вероятно, в результате сложения еще продуктивных показателей.

На продуктивность как составных аффиксов, так и оставшихся самостоятельными составляющих их аффиксов влияли морфонологические и семантические факторы, о которых пока невозможно составить вполне определенных суждений. Например, можно думать, что морфонологически выразительным было сочетание смычный + плавный (с огласовкой), несколько менее — смычный + щелевой, тогда как обратные последовательности и в большей степени сочетания плавного и щелевого морфонологически были менее приемлемы. Не есть ли, однако, подобная формулировка скорее обобщением фактов исторического распределения продуктивности аффиксов, чем указанием на фактор развития? Еще меньше возможностей для интерпретации в области значений данных показателей, поскольку в большинстве случаев наблюдается параллелизм образований с различными формами, что затрудняет выявление каких-либо сфер их разграничения.

Наряду с морфонологическими и семантическими — конкретно трудноопределимыми — факторами имел значение и фактор хронологический, о котором можно сделать некоторые предположения. Очевидно, что форманты, вошедшие в данную микросистему показателей позднее, т. е. относительно более «молодые», становились и более продуктивными. В связи с этим из числа одноконсонантных аффиксов -$(^0)m$- следует признать самым «молодым», что вытекает из того, что он сам остался продуктивным и дал наиболее продуктивный аффикс в сращении с -$(^0)p$-. Самый старый в системе аффикс -$(^0)к$-, поскольку существуют лишь косвенные свидетельства его каузативности в виде нескольких образований в древних текстах с пассивным значением; не успела получить распространение его композиция с аффиксом -$(^0)m$-, тогда

[73] Грамматики обычно не выделяют -pm- как особый аффикс, см., однако: Грамматика хакасского языка, с. 180; см. также азербайджанские примеры выше, § 9, в рубрике $2б_2$. Нельзя согласиться с предположением о более древнем характере якутского -apm-, из которого затем путем «разложения» произошли аффиксы -ap- и -m-, см.: А ф а н а с ь е в П. С. Говор верхоянских якутов. Якутск, 1965, с. 142.

как с более старыми аффиксами -(⁰)*з*- и -(⁰)*р*- композиции -*к*(⁰)*з*- и -*к*(⁰)*р*- имели большее распространение. При этом, аффиксы -*к*(⁰)*р*- и -*к*(⁰)*з*- не выглядят заведомо архаичнее аффикса -*т*(⁰)*р*-, как можно было бы ожидать исходя из гипотезы о более древнем характере -(⁰)*к*- по сравнению с -(⁰)*т*-. Все эти композиты продуцировали некогда одновременно, что подчеркивают такие формы, как кирг. *олтургуз*- 'сажать' от *олтур*- 'садиться' (см. список VII, № 34), поскольку производящая основа *олтур*- исторически сама является каузативом на -*тур*- от глагола *ол*- 'быть'; см. также список VII, №№ 23, 24. Из аффиксов -(⁰)*р*- и -(⁰)*з*- первый более «молодой», так как, во-первых, он участвует в самой продуктивной композите -*т*(⁰)*р*- и, во-вторых, образований с -(⁰)*р*- сохранилось заметно больше, чем образований с -(⁰)*з*- (ср. списки IV и VI).

Таким образом, реконструированная праязыковая система каузативных показателей в составе -*т*(⁰)*р*-, -(⁰)*т*-, -(⁰)*р*-, -*к*(⁰)*р*-, -(⁰)*з*-, -*к*(⁰)*з*-, -(⁰)*к*- в свою очередь восходит к протоязыковой системе в составе -(⁰)*т*-, -(⁰)*р*-, -(⁰)*з*-, -(⁰)*к*-, а также -(⁰)*п*/*б*-, о котором речь пойдет ниже, § 21. Все или часть показателей должны были быть собственно каузативными; некаузативные были семантически близки и впоследствии адаптированы ими. То, что в прототюркском был каузатив, нельзя доказать исходя из внутренних тюркских данных, поскольку допустимо предполагать, что все реконструируемые в данной микросистеме показатели на протоязыковом срезе были некаузативными, т. е. имели значение интенсивности, итеративности, дуративности и т. д. Однако если учесть возможность алтайского родства, то на основании внешних данных, по наличию каузатива во всех алтайских ветвях, его необходимо восстанавливать уже в праалтайском, не говоря о прототюркском, протомонгольском и т. д. Как сказано во вступлении, каузатив может присутствовать и наностратическом уровне, поскольку он известен как древняя морфологическая категория всем членам ностратической гиперсемьи.

Если признавать каузатив морфологической категорией глагола в прототюркском и в праалтайском, тогда этимологизацию каузативных показателей, заключающуюся в возведении аффикса к полнозначному слову и предполагающую наряду с прочим язык иного типологического строя, следует определять как предельную точку сравнительных построений и предусматривать для протоалтайского, — возможно, и более глубокого — уровня реконструкции. В связи с этим имеющиеся в литературе многочисленные опыты возведения каузативных (и ряда иных) морфологических показателей к полнозначным словам на собственно тюркском материале [74] являются по существу панхроничными

---

[74] Сводки литературы содержатся в работах: К о н о н о в А. Н. Грамматика. . . узбекского. . . языка, с. 194—196; R ä s ä n e n M. Materialen zur Morphologie der türkischen Sprachen. — «Studia Orientalia», 1957, t. XXI, S. 153—160.

и могут быть верны, а могут быть неверны. Подмена же этимологизацией реконструкции показателей грамматических категорий и словообразовательных типов в их системных (формально-семантических) соотношениях нарушает основной принцип хронологической последовательности (resp. относительности) сравнительно-исторических построений.

Часть II

КАУЗАТИВНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА В ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ ЯЗЫКАХ

§ 11. Продуктивные каузативные аффиксы

В северных — иначе эвонкийских — языках [75] (эвенкийский, солонский, эвенский, негидальский) в качестве продуктивного каузативного аффикса используются фономорфологические и фонетические варианты одного и того же показателя: *-вкан-*, *-укан-*, *-пкан-*, *-мукан-* и т. п. с долгим гласным *ā* в большинстве языков и говоров, но не везде и не у всех авторов одинаково; так, краткий *а* выступает в большинстве эвенских говоров, например: эвенк. *дӯлдӣвкāн-*, эвен. *долдъвкан-* Ол, М, П (*долдавкан-* Ох, *долдовкан-* Ск) ‘известить’ кауз. от эвенк. *дӯлдӣ-*, эвен. *долдъ-* (*долда-*, *долдо-*) ‘слышать’.[76]

В эвенкийском языке после основ, оканчивающихся на носовые согласные *м-*, *н-*, *ӈ-*, употребляется «ассимилированный вариант» продуктивного аффикса *-вкāн-* — форма *-мукāн-/-мукэ̄н-*, например: *даринмукāн-* от *дарин-* ‘развести руки в стороны’, *илтэнмукэ̄н-* от *илтэн-* ‘пройти, миновать’; после основ, оканчивающихся на остальные согласные, а также на гласные, употребляется основная форма аффикса: *-вкāн-/-вкэ̄н-/-вкō̄н-* [77] или, по другим говорам, форма *-пкāн-/-пкэ̄н-/-пкō̄н-*,[78] например: *гапкāн-* (*гавкāн-*) кауз. от *га-* ‘брать’, *сурупкэн-* (*сурувкэ̄н-*) кауз. от *суру-* ‘уходить’. В форме аффикса *-пкāн-* *п* объясняется как результат

---

[75] О различных классификациях тунгусо-маньчжурских языков см.: Цинциус В. И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949, с. 7—35; Сунник О. П. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. М.—Л., 1962, с. 16—19.

[76] Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Т. I, Л., 1975, с. 214. — Здесь и далее, кроме особо оговариваемых случаев, материал подается по указанному словарю; ссылки, когда они даются, приводятся в тексте или в подстрочных примечаниях, и словарь обозначается сокращенно: Т. I — ТМС; Т. II (Л., 1977) — ТМС-II, после обозначения тома через запятую следует номер страницы.

[77] Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958, с. 747 и 776.

[78] Константинова О. А. Эвенкийский язык. М.—Л., 1964, с. 157.

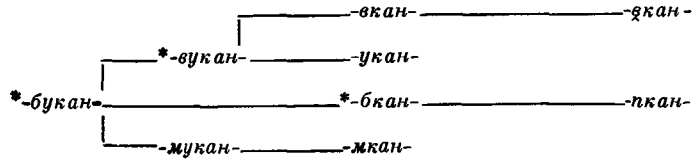
оглушения звонкого согласного перед глухим *к*, и именно это обстоятельство указывает на то, что исходным здесь был гоморганный по отношению к *п* звонкий смычный *б*, т. е. в равной мере *-вкāн-* и *-пкāн-* оба восходят к **-бкāн-* ~ **-б(у)кāн-*. Об этом же говорит форма аффикса *-мукāн-* после основ на носовой согласный, которую тоже можно объяснить ассимиляцией *б* после *н* в *м*: *-мукāн-* < **-букāн-*, но не <**-вукāн-*.

В эвенском языке после основ на гласный выступают формы *-вкан-/-вкэн-*; после основ «на все согласные, кроме неусеченных основ на *н*», — формы *-укан-/-укэн-*; после неусеченных основ на *н* — формы *-мкан-/-мкэн-*.[79]

В негидальском языке исследователи отмечали аффиксы *-tkap-* после основ на *н*, и *-fkap-* [80] (точнее: *-ẇkap*, так как указано на билабиальный характер f),[81] или *-шкāн-*, *-пкāн-*.[82]

В солонском языке рассматриваемый показатель выступает в форме *-ūхāп-/-ūхēп-* (*-ӯхāн-/-ӯхэ̄н-*), при этом краткий гласный основы сливается с гласным аффикса, и в производной основе остается долгий гласный аффикса, например: *ǯавӯхан-* от *ǯава-* 'схватить'; основы с долгим гласным при слиянии с гласным аффикса сохраняют свою огласовку, так что аффикс фактически выступает здесь в форме *-хāн-/-хэ̄н-*, например: *газӯнāхāн-* от *газӯнā-* 'идти, чтобы принести'.[83] Как и в эвенском *-укан-*, в солонском *-ӯхан-* гласный *у* представляет собой дальнейшее развитие первой части морфемы: **-бу-* > *-ву-* > *-ӯ-* ~ *-у-*.

Исходный архетип рассмотренного в различных фономорфологических и фонетических вариациях показателя, являющегося единственным продуктивным каузативным формантом северных языков, видоизменялся по нескольким направлениям, что можно отобразить на следующей схеме:



Историческая составность данного показателя не вызывала сомнений у многих исследователей,[84] причем у всех названных

---

[79] Цинцпус В. И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Л., 1947, с. 177.

[80] Мыльникова К. М., Цинциус В. И. Материалы по исследованию негидальского языка. — В кн.: Тунгусский сборник. I. Л., 1931, с. 176.

[81] Там же, с. 136.

[82] Колесникова В. Д., Константинова О. А. Негидальский язык. — В кн.: Языки народов СССР. Т. V. Л., 1968, с. 118.

[83] Поппе Н. Н. Материалы по солонскому языку. Л., 1931, с. 120.

[84] Поппе Н. Н. Материалы по солонскому языку, с. 120; Цинциус В. И. Очерк грамматики эвенского. . . языка, с. 160; Рам-

авторов осуществляется членение на *-бу-*+*-кан-* как несомненно очевидное; Г. И. Рамстедт, а также Н. Н. Поппе предположили составность и второй части морфемы: *-ка-*+*-н-*.[85] Первая часть аффикса **-букан-* — формант *-бу-* отождествляется с рядом морфем (самостоятельных показателей и частей аффиксов): а) с продуктивным для всех тунгусо-маньчжурских языков аффиксом пассива *-бу-*~*-ву-*~*-у-*; б) с непродуктивным каузативным и транзитивным показателем *-бу-*~*-ву-*~*-у-*, общим также всем тунгусо-маньчжурским языкам, см. подробнее § 12; в) с аналогичной первой частью продуктивного каузативного аффикса *-буван-* ряда южных языков; г) с продуктивным маньчжурским показателем каузатива и пассива *-бу-*.

В южных, кроме маньчжурского, — иначе нанийских — языках (орочский, удэгейский, ульчский, орокский, нанайский) в качестве продуктивного каузативного аффикса используются фономорфологические и фонетические варианты отличного от северного **-букан* показателя *-ван-/-вэн-*; в нанайском и ульчском после ряда основ вместо этого основного показателя морфонологически выступает аффикс *-бован-*, *-бувэн-*; при этом орочский и в части каузативных образований удэгейский обнаруживают северный показатель.

В нанайском языке после основ на гласные употребляется каузативный аффикс *-ван-/-вэн-*, например: *ичэвэн-* ‘показывать’ кауз. от *ичэ-* ‘видеть’, *сāван-* ‘известить’ кауз. от *сā-* ‘знать’; после основ на согласные, в том числе многочисленный класс основ на *н*, каузативный показатель выступает в морфологически осложненном виде *-бован-/-бувэн-*, например: *бајамбован-* ‘обогащать’ кауз. от *бајан-* ‘разбогатеть’, *бурбувэн-* ‘умертвить’ кауз. от *бур-* (*//бу-*) ‘умереть’;[86] в двух (из четырех) неправильных глаголах употребляется морфологически осложненная разновидность каузативного показателя, при этом с начальным глухим: *опован-* ‘сделать‘ кауз. от *о-* ‘делаться, становиться’ (ТМС-II, 4), *ǯипувэн-* Нх ‘прислать’ кауз. от *ǯи-* ‘приходить, приезжать’ (ТМС, 255). Поскольку неправильные глаголы сохраняют многие древние как морфологические, так и морфонологические черты, приходится особо выделить вариацию *-пован-/-пувэн-*.

Аффиксы *-ван-/-вэн-*, *буван-/-бувэн-* зафиксированы также и в ульчском языке.[87] Помимо варианта *-пован-* в глаголе *опован-*

стедт Г. И. Введение, с. 143; Benzing J. Die tungusischen Sprachen. Versuch einer vergleichenden Grammatik. Wiesbaden, 1955, S. 123; Сунник О. П. Глагол. . ., с. 130.

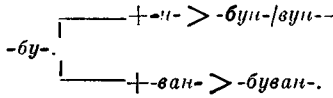
[85] Рамстедт Г. И. Введение, с. 157; Poppe N. Über einige Verbalstammbildungssuffixe in den altaischen Sprachen. — «Orientalia Suecana», 1972, XXI, Uppsala, 1973, S. 124, 130.

[86] Петрова Т. И. Очерк грамматики нанайского языка. Л., 1941, с. 62; Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Т. 2, М.—Л., 1961, с. 36.

[87] Сунник О. П. Ульчский язык. — В кн.: Языки народов СССР. Т. V. Л., 1968, с. 167.

'создать' при исходной основе *-о* 'делаться, становиться' (ТМС-II, 4), в ульчском языке обращают на себя внимание редкие каузативные образования следующего типа: *бакавамбу-* 'заставить найти' при исходном *бака-* 'найти', *балдивамбу-* 'рожать' при *балди-* 'родиться', *лайқпйвамбӯ-* 'сделать вывихнутым' при *лайқпй-* 'вывихиваться', *н'йлавамбу-* 'обнажить' от незафиксированной основы **н'йла-* 'быть (ходить) обнаженным' (ср. орок. *нйлада-* 'ходить голым, босым') при наличии другой производной от нее — медиальной формы *н'йлавӯ-* 'обнажиться' (ТМС, 67, 70, 487, 643). В аффиксе *-вамбу-*, который здесь вычленяется вполне надежно, составные компоненты соединились в обратном порядке, нежели в *-буван-*; результаты аналогичного явления мы наблюдали и при анализе тюркской системы каузативных форм, см. выше, § 10. Сращение показателей в противоположных последовательностях не только наиболее яркий аргумент в пользу исторической составности многокомпонентного аффикса, но и свидетельство былой одновременной продуктивности составляющих его формантов.

В орокском языке продуктивный каузативный аффикс выступает в формах *-вэн-* и *-ун-*, например: *ӯэнэун-*(*//ӯэнэвэн-*) 'заставить, позволить идти' при *ӯэнэ-* 'идти', *дапаун-* 'заставить взять, подарить' при *дапа-* 'брать', *сāун-* 'извещать' при *сā-* 'знать', *дэпун-* 'кормить' при *дэп-* 'есть'.[88] Форма *-ун-* восходит к **-вун-*, что подтверждает морфонологический вариант последней в образованиях от основ на *н*: *мӯмбун-* (так же ульч. *мӯмбун-*) 'остужать' при исходной основе *мӯн-* 'остывать', *сāмбон-* 'растянуть, расправить (шкуру)', при *сāн-* 'растянуться, вытягиваться' (ТМС, 553; ТМС-II, 59). Можно думать, что форма **-вун-* произошла путем редукции из *-буван-*: *-буван-* > *-буан-* > *-бӯн-* ~ *-бун-* > *-вӯн-* ~ *-вун-*. Однако не исключено, что продуцировавший некогда в качестве самостоятельного аффикса *-бу-* получил приращение форманта *-н-* (присутствующего во *-вкан-*, *-ван-* и *-буван-*), как он мог получать и приращение составного форманта *-ван-*:



В бикинском диалекте нанайского языка[89] зафиксирована форма *-ōн-/-ӯн-*, восходящая к **-вон-/-вун-* (аналогичной только что рассмотренной орокской *-ӯн-/-бун-*), наряду с формой *-ān-/-ӕн-*, восходящей к более обычной **-ван-/-вэн-*; здесь же отмечена форма *-ӯмбу-* в глаголе *афс'йӯмбӯ-* 'усынить', аналогичная рассмотренной ульчской *-вамбу-*.

[88] Петрова Т. И. Язык ороков (ульта). Л., 1967, с. 90. — Заметим, что в другой работе того же автора аффикс *-вэн-* не упоминается, см.: Петрова Т. И. Орокский язык. — В кн.: Языки народов СССР. Т. V. Л., 1968, с. 186.

[89] Сем Л. И. Очерки диалектов нанайского языка. Бикинский (уссурийский) диалект. Л., 1976, с. 64.

В орочском языке продуктивные каузативные показатели являются общими с таковыми северных (эвонкийских) языков. После основ на *н* здесь выступает форма *-мӯкан-/-мукэн-*; после основ на *ӯ*, *у* аффикс имеет вид *-кан-/-кэн-*, точнее же сказать, огубленные гласные основы и аффикса фузионно сливаются; после основ прочих фонетических типов или «для большинства глагольных основ» каузатив образуется аффиксом *-кун-/-кун-*.[90] Последняя форма, вероятно, восходит к **-укан-* с перегласовкой второй части морфемы под влиянием первого гласного *у* и одновременной его утратой. Орочская форма *-кун-* как будто подтверждает возможность аналогичного образования рассмотрённых выше форм *-бун-*, *-вун-* ряда нанийских языков из формы *-бован-*. Орочский глагол *бу-* 'умереть' (один из серии «неправильных» для орочского и удэгейского языков) образует каузатив с помощью аффикса *-букэн-*: *бубукэн-* 'умертвить, уморить';[91] это, кажется, единственный случай сохранения начального смычного исходной формы **-букан-* в неассимилированном (как в *-мукан-* после *н*) виде.

В удэгейском языке продуктивным каузативным аффиксом является «южная» форма *-ван-/-вэн-*;[92] после основ на *н* используется форма *-муан-*.[93] Класс основ на *н* в удэгейском языке — немногочисленный и непродуктивный, поэтому можно привести лишь несколько примеров каузативов с аффиксом *-муан-*: *илактамуан-а-* 'заставлять появляться, выставлять' кауз. от *илактан-а-* 'появляться'; *ӯмуан-а-* 'заставлять раскрыть рот' кауз. от *ӯн-и-* 'зевать'; *лагбамуан-а-* 'прилеплять, налеплять' кауз. от *лагбан-а-* 'прилипать'; *ӯмуан-а-* (*//ӯнаван-а-*) 'заставлять (позволять) сесть в лодку, на лошадь и т. п.' кауз. от *ун-а-* 'садиться в лодку, на лошадь, и т. п.'.

Согласно выявленным В. И. Цинциус закономерностям отражения в удэгейском языке общетунгусоманьчжурского *к* в позиции между гласными, в положении *у* + *к* + *а* в уд. будет звонкий *г*, типа эвенк. *лāлбука* 'мох'—уд. *лабуга* 'мох'.[94] В ряде случаев удэгейский *г* < **к*, как и исконный *г*, между гласными выпадает: уд. *ӯуа* 'летом' (эвенк. *ӯуга*), уд. *сугэсэ* 'топор' (эвенк. *сукэ*) ~*сӯӯэсэ* ~ *суэсэ*. Поэтому можно предположить, что каузативная форма *-муан-* в удэгейском восходит к **-мукан-* через ступень **-муган-*. Таким образом, в удэгейском в отличие от орочского лишь оста-

---

[90] Аврорин В. А., Лебедева Е. П. Орочский язык. — В кн.: Языки народов СССР. Т. V. Л., 1968, с. 202.

[91] Там же, с. 202; ТМС, 99.

[92] Шнейдер Е. Р. Грамматический очерк [удэйского языка]. — В кн.: Краткий удэйско-русский словарь. М.—Л., 1936, с. 142.

[93] Цинциус В. И. Сравнительная фонетика. . ., с. 174. — Е. Р. Шнейдер и вслед за ним О. П. Суник неточно указывают эту форму: *-уан-*, см.: Шнейдер Е. Р. Указ. соч., с. 142, прим. 1; Суник О. П. Удэгейский язык. — В кн.: Языки народов СССР. Т. V. Л., 1968, с. 227.

[94] Цинциус В. И. Сравнительная фонетика. . ., с. 223.

точно сохранилась «северная» форма, заменившись повсюду «южной», как это, в частности, показывают дублеты *ӯмуан-а-// ӯнаван-*. В кур-урмийском диалекте нанайского языка, как и в орочском, используются «северные» каузативные формы: *-(в)ӯкан(а)-/-(в)укэн(э)-* и редуцированная *-кан(а)-/-кэн(э)-*.[95]

В маньчжурском языке продуктивным каузативным аффиксом является *-бу-*.[96] Глаголы с аффиксом *-бу-* участвуют и в выражении пассивного значения (при определенных условиях), о чем подробнее ниже, § 20, что и дает возможность исследователям генетически отождествлять тунгусо-маньчжурские показатели пассива и каузатива. Аффикс *-бу-* письменного языка в живом маньчжурском теряет смычность согласного: *тикъвъм//тикувум* — письм. *тиku-bu-me* ‘тушить’, *тоqтuвум//тоxтuвум//тоqтъвъм// тоxтъвъм* — письм. *тоqтu-bu-me* ‘утверждать’, *ʃенčъвъм//ʃенčъвум* — письм. *ʃунče-bu-me* ‘оставить остаток’.[97]

Данное обстоятельство — потеря смычности и редукция гласного *у* > *ъ* — еще более укрепляет правомерность сопоставления маньчжурского письменного *-бу-* с соответствующими формантами эвонкийских и нанийских языков, чаще всего, но не всегда (см. выше) отражавшихся в варианте с проточным губно-губным согласным.

Помимо продуктивного аффикса *-бу-*, в маньчжурском языке около полусотни глагольных основ обнаруживают непродуктивную форму *-мбу-*. В подавляющем большинстве случаев эти образования оказываются дублетами форм с продуктивным аффиксом *-бу-*, например: *аксамбу-//аксабу-* кауз. от *акса-* ‘пугаться, страшиться’; *алгимбу-* кауз. от *алги* ‘прославиться’; *бактамбу-// бактабу-* кауз. от *бакта-* ‘помещаться’; *гочимбу-//-гочибу-* кауз. от *гочи-* ‘тянуть’; *йумбу-* кауз. от *йу-* ‘погружаться’ и т. п.

По поводу *-м-* в каузативной морфеме *-мбу-* высказано предположение, что это синкопированное деепричастие *-мэ-* плюс обычный каузативный аффикс *-бу-*.[98] Нам кажется, целесообразнее *-м-* считать здесь переразложившимся *-н-* основы (т. е. «отошедшим» от основы к аффиксу), имея в виду правила фонетической ассимиляции в южных тунгусо-маньчжурских языках, ср. нан. *агбимбо-* ‘извлечь’ < *агбин-+-бо-*, благодаря регрессивной ассимиляции по месту образования; в противовес последнему в эвенкийском и других северных языках в аналогичных условиях происходит прогрессивная ассимиляция по активному органу:[99] *олонму-* ‘испугать’ < *олон-+-му-* (< **-бу-*).

---

[95] Суник О. П. Кур-урмийский диалект. Л., 1958, с. 91.

[96] Захаров И. Грамматика маньчжурского языка. СПб., 1879, с. 159.

[97] Цит. по: Menges K. Zu einigen Charakteristika des Gesprochenen Manǯu. — «Central Asiatic Journal», 1971, Bd XV, N 1, S. 43.

[98] Захаров И. И. Грамматика. . ., с. 159.

[99] Цинциус В. И. Сравнительная фонетика. . ., с. 181.

§ 12. Непродуктивный каузативный аффикс *-бу-∼-му-∼-ву-∼-у-*

Рассматриваемый аффикс, встречающийся во всех эвонкийских и нанийских языках (т. е. всех тунгусо-маньчжурских, за исключением маньчжурского), неоднократно описывался и иллюстрировался в литературе. Приводимый ниже список XII имеет цель показать, с одной стороны, несколько большую, чем это обычно имелось в виду, распространенность формообразований данного типа, с другой стороны, продемонстрировать количественную ограниченность типа при отсутствии новообразований, а также его архаический облик, в особенности с точки зрения семантических соотношений с производящей основой. Последнее — ограниченность и архаичность — являются свидетельствами непродуктивности данного показателя, о чем в литературе заявлено не было.

Наибольшее число образований с рассматриваемым аффиксом сохранилось в эвенкийском языке, поэтому основа списка — эвенкийские примеры — составилась в результате сплошного обследования словаря Г. М. Василевич. Также всплошную были обследованы глагольные формы орокского языка по рукописной картотеке материалов Т. И. Петровой, К. А. Новиковой и Л. И. Сем, составленной для ТМС (см. Предисловие к ТМС, с. IV), причем не все взятые нами оттуда каузативные формы данного типа оказались включенными в корпус ТМС. Материалы по остальным языкам добавлялись в список по соответствующим разделам грамматических описаний,[100] а также при просмотре одногнездового с эвенкийскими примерами материала в обоих томах ТМС. Некоторые формы, а также отдельные дополнительные значения удэгейских глаголов приведены по нашим рукописным материалам.

Список XII.

1. эвенк. *абулив-* 'израсходовать' кауз. от *абул-* 'не хватать'. 2. эвенк. *āгив-*, *ākив-* 'прибить к берегу' (омоформа к продуктивной пассивной форме *ākив-* 'быть прибитым у берегу'; ср. ниже № 16), ульч. *хаҕбӯ-*, *хабӯ-*, орок. *хаҕбӯ-*, *хабҕӯ-*, нан. *хābo*, *хабго-* 'вытащить (лодку из воды на берег)', 'снять (с огня котел, чайник)' кауз. от эвенк. *āг-*, *āк-*, ульч., нан. *хā-* (<**хāг*), орок. *хāг-* 'пристать к берегу' (ТМС, 11); сюда же: нег. *абгӯ-* (<**агбу-*), ороч. *ābу-*, уд. *агбу-* 'снять (с огня котел, чайник)', 'вытащить (из реки)' (ТМС, 3) кауз. от *аг-* ∼ *ак-* 'причаливать к берегу'

---

[100] Цинциус В. И. Очерк грамматики эвенского. . . языка, с. 175; Новикова К. А. Ольский говор эвенского языка. Канд. дисс. Институт языкознания АН СССР, Л., 1948; Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка, т. 2, с. 30—31; Петрова Т. И. Очерк грамматики нанайского языка, с. 62-63.

(ТМС, 11). 3. нан. *аӷбӣмбо-*, ульч. *аӷбӯмӯ-//аӷбӯмбӯ-* ‘достать’ кауз. от *агбин-* ~ *аӷбӯн-* ‘появиться’. 4. нег. *адав-* ‘прибить к берегу’ кауз. от *ада-* ‘сойти на берег’. 5. эвенк. *алавӯ-*, уд. *алау-си-*, ульч. *алаӯ-*, орок. *алаӯ-*, *алаӯ-си-*, *алӯ-*, нан. *алӑ-си* ‘учить’ <‘объяснять (кому-л. что-л.)’ кауз. от основы, сохранившейся лишь в маньчжурском: *ала-* ‘говорить, рассказывать, объяснять причину’. 6. эвенк. *алав-* ‘любить вкусные кушанья’ кауз. от *ала-* ‘быть приятным на вкус’. 7. эвенк. *алив-*, ороч. *алӑ-*, уд. *алу-*, ульч. *алӯ-*, орок. *аллӯ-*, нан. *алӑ-ча-* ‘подавать, передавать’ кауз. от *али-* ~ *ал-* ‘принимать, брать’. 8. эвенк. *арӣв-*, эвен. *арӯ-* ‘оживлять’ кауз. от эвенк. *арӯ-* ~ *ару-* ~ *ар-*, эвен. *ар-* ‘очнуться, прийти в себя’. 9. эвенк. *āсинму-* (*//āсинмукāн-*), нег. *āсӣм-* (*//āсӣмкāн-*), нан. *апсӣмбӑ-* (*//апсӣмбоан*) ‘уложить спать’ кауз. от *āсин-* ~ *āпсӣн-* ‘лечь спать’ (аспективные формы от *ā-* ‘спать’, ср. № 9а). 9а. ороч. *āмбу-*, уд. *амбу-си-*, *амбу-ги-* ‘уложить спать’, нан. *āмбо-ла-го-* ‘камлать (чтобы уложить спать идола)’ кауз. от **ан-* — несохранившейся основы на *н*, ср. эвенк., ороч. *ā-* ‘спать’, ср. № 9). 10. эвенк. *бадару-* ‘сжигать (лес, деревья)’, кауз. от *бадара-* ‘гореть (о лесе)’. 11. ороч. *байаму-* ‘обогащать’ кауз. от *байан-* ‘богатеть’. 12. нег. *балдӣв-* (*//балдӣвкāн-*), орок. *бāлӯӯвӯ-* ‘растить, выращивать’ кауз. от *балди-* ~*бāлӯӯ-* ‘расти’. 13. эвенк. *биву-* ‘содержать кого-л., кормить’ кауз. от *би-* ‘быть’. 14. эвенк. *бодов-*, эвен. *бодӯ-*, орок. *боддов-* ‘вести за собой’ кауз. от *бодо-* ~ *бод-* ~ *боддо-* ‘следовать за кем-л.’. 15. орок. *боддӑв-* ‘дать возможность ожиреть’, *боддоӯ-ли-* ‘откормить’ кауз. от *боддо-* ‘жиреть’. 16. эвенк. *боконму-* ‘поддаваться’ (пермиссивное значение: ‘дать нагнать себя’; омоформа к продуктивной пассивной форме *боконму-* ‘быть нагнанным’ кауз.-пермиссив от *бокон-* ‘нагнать’. 17. орок. *бӯв-* ‘передавать, давать через кого-л.’ кауз. от *бӯ-* ‘дать’. 18. эвенк. *булӣв-* ‘скучать (по кому-л.)’ кауз. от *булӣ-* ‘тосковать’. 19. эвенк. *бургӣму-* ‘крошить’ кауз.-интенсив от *бургӣ-* ‘разбить, раскрошить’. 20. орок. *галпав-* ‘освещать’ кауз. от *галпа-* ‘светить (о солнце)’. 21. нан., ульч. *гупу-* ‘гасить’ кауз. от *гуп-* ‘гаснуть’. 22. эвенк. *дāв-* (*//дāвкāн-*) ‘заразить’ кауз. от *дā-* ‘заразиться’. 23. эвенк. *дāгив-~дау-*, эвен. *давӯ-*, нег. *давӯв-*, нан. *дāво-~дāӑ-~даӷбо-* ‘переправлять, перевозить’ кауз. от *дāг-~дав-~дā-* ‘переправляться, переезжать (через реку)’. 24. эвен. *дуру-* ‘жечь’ кауз. от *дур-* ‘гореть’. 25. эвенк. *дэгив-* ‘1) нестись по ветру (о тучах); 2) нести, везти (кого-л. на самолете); 3) распространять (запах, аромат)’, эвен. *дэгу-~дэгу-дъву-* ‘нестись по ветру’ кауз. от *дэг-* ‘лететь’. 25а. эвенк. *дэгдэв-* (*//дэгдэвкэн-*) ‘поднять вверх’ кауз. от *дэгдэ-* ‘подняться, взойти (о солнце)’ (аспективная форма от *дэг-* ‘лететь’, ср. № 25). 26. сол. *ӂалӯ-*, ороч. *ӂалу-*, нан. *ӂалпо-*, орок. *далупу-* ‘наполнить’ кауз. от нан. *ӂалоп-*, орок. *далуп-ту-* ‘наполниться’. 27. эвенк. *ӣв-*, сол. *ӣвӯ-~ӣгу-*, эвен. *ӣв-*, нег. *ӣв-*, ульч. *ӣву-*, орок. *ӣву-~ӣви-*, нан. *ӣвӯ-* ‘вносить, ввозить, вводить’ кауз. от *ӣ-* ‘входить,

въезжать'. 28. эвенк. *илив-*, эвен. *йлӯ-*, нег. *йлйв-~йлӯв-*, уд. *илу-*, *илу-си-*, орок. *йллувву-*, *йлон-* 'поставить, установить' кауз. от *ил-* 'встать, подняться'. 28а. ульч. *йлӡаму-* 'поставить' кауз. от *йлӡӯ-* 'встать' (аспективная форма от *ил-* 'встать', ср. № 28). 29. эвенк. *илдунма-~илдумна-*, нег. *йлдунма-*, уд. *идума-* 'брать на временное пользование что-л.' (<'заставлять~просить дать во временное пользование') кауз. от *илду-~иду-* 'дать на временное пользование что-л.'. 30. эвенк. *илтэнму-* (*//илтэнмукэн-*) 'провести, пронести мимо' кауз. от *илтэн-* 'миновать'. 31. эвенк. *инйв-*, эвен. *ину-*, нег. *инйв-* 'навьючить, нагрузить' кауз. от *инӣ-~ин-* 'нести на спине'. 32. эвенк. *ирӯ-*, эвен. *йрӯ-~йров-*, орок. *йрӯ-* 'волочить, тащить на чем-л. за собой' кауз. от *ир-* 'волочить, тащить'. 33. эвенк. *исив-*, эвен. *йсӯ-* 'доставить, донести' кауз. от *ис-* 'достичь'. 34. эвенк. *итив-*, эвен. *йтӯ-* 'установить, устроить' кауз. от *ит-* 'устроиться, образоваться'. 35. орок. *итэв-//итэвумбу-* (*//итэвэн-*) 'показывать' кауз. от *ит-~итэ-* 'видеть'. 36. эвенк. *jӯв-*, сол. *jӯгӯ-*, эвен. *н'ӧв-~н'ӯв-*, нег. *jӯв-*, ульч. *н'иэву-~н'эву-~н'эу-*, орок. *нэву-~нэу-*, нан. *н'эву-~н'эу-* 'выносить, вывозить' кауз. от *jӯ-~н'иэ-~н'э-~нэ-* 'выходить, вылезать'. 37. эвен. *кӧлӯ-* (*//кӧлӯкан-*) 'напоить' кауз. от *кӧл-* 'пить'. 38. эвенк. *кургив-* 'зажечь' кауз. от *курги-* 'гореть'. 39. эвенк. *кэjив-* (*//кэjйвкэн-*) 'завести (в лес)' кауз. от *кэj-* 'заблудиться'. 40. нан. *кэндэлимбу-* 'вращать' [101] кауз. от *кэндэли-* 'вращаться'. 41. ульч., нан. *кэчэримбу-чи-* 'поворачивать' кауз. от *кэчэри-* 'повернуться'. 42. эвенк. *маннйв-~мандӣб-~мандйв-~манрйв-* 'укреплять' кауз. от *маннӣ-~мандӣ-~манрӣ-* 'стать крепким'. 43. эвенк. *маннув-* Сх. фольк. 'нести человека на крыльях (о крылатом олене или коне)' кауз. от *манну-* Урм. 'ехать верхом (на коне)'.[102] 44. эвенк. *мисӧв-* 'скрыть, увезти' кауз. от *мисӧ-* 'скрыться'.[103] 45. эвенк. *мултув-*, эвен. *мӯлтӯв-* 'выскользнуть (из рук), освободиться' (<'заставить, сделать так, чтобы выпустили (из рук), освободили') кауз. от *мултy-* 'выпустить (из рук), освободить'; каузативность формы *мултув-* подтверждается еще равенством ее значения значению продуктивного каузатива эвен. *мултувкан-* 'выскользнуть (из рук), освободиться' (ТМС, 555). 46. ульч., орок. *мӯмбун-* 'остужать' кауз. от *мӯн-* 'остывать'. 47. эвенк. *мучӯв-*, эвенк. *мӯчӯв-* 'вернуть' кауз. от *мучӯ-~мӯчӯ-* 'вернуться'. 48. эвенк. *мэдэв-* (*//мэдэвкэн-*) 'сообщить' кауз. от *мэдэ* -'почувствовать; заметить, узнать'. 49. нег. *мэнэв-* 'оставить, бросить' кауз. от *мэнэ-ӡэ-* 'оставаться', ср. эвенк. *мэнэ-* 'стоять стойбищем (на одном месте продолжительное время)' (ТМС, 569). 50. эвенк. *нӓв-* 'попасть под выстрел (о звере)'

---

[101] Данная форма приводится по: Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка, т. 2, с. 31.

[102] Дается по: Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь, с. 248.

[103] Дается по: Константинова О. А. Эвенкийский язык, с. 160.

(инволитивно-пермиссивное значение (см. ниже, § 20): ‘допустить невольно, чтобы стрелок (пуля) попал(а) в цель (в тело)’), эвен. *нāв-* ‘наскочить, натолкнуться; попасться’, нег. *ламба-* ‘попасть, налететь’, ороч. *нāмбо-* ‘упасть куда-л., угодить во что-л.’, уд. *нагбу-си-* ‘разгадывать, отгадывать’ (<‘«заставлять» ответ попадать в «цель»’), орок. *нāмбу-~нāӈбу-* ‘попасться (в самострел — о животном)’, ‘попасть (в цель, в мишень)’ (<‘послать, всадить пулю (стрелу) в цель’), нан. *нāмбо-~лāмбо-* ‘попасть в цель’, ‘угадать’ каус. от *наг-~нā-~лā-* ‘попасть в цель’, ‘отгадать’. 51. эвенк. *нулив-* ‘прикурить’ каус. от *нул-* ‘высечь огонь, зажечь’. 52. ульч. *ӈэлэв-чи-~нэлэу-чи-*, орок. *ӈэлэвчи-*, нан. *ӈэлӯ-чи-* ‘пугать, грозить’ каус. от *ӈэлэ-~ӈэлэ-* ‘бояться’. 53. эвенк. *ӈэнэв-*, эвен. *ӈэну-*, нег. *гэнэв-~ӈэнэв-* ‘нести, вести, везти’ каус. от *ӈэнэ-~гэнэ-* ‘идти, ехать’. 54. эвенк. *ӈэрӣв-* ‘освещать’ каус. от *ӈэри-* ‘светить’. 55. эвенк. *олгов-* ‘просыхать (о земле на солнце)’ каус. от *олго-* ‘сохнуть’. 56. эвенк. *олонмӯ-* ‘вздрогнуть (от чего-л. об олене)’ каус. от *олон-* ‘испугаться’. 57. эвенк. *онгков-* ‘пасти оленей’ каус. от *онгко-* ‘пастись (об оленях)’. 58. эвен. *сӯв-* ‘отвязать, развязать; освободить (с привязи)’, эвен. *hӯ-* (<**сӯв-*) ‘развязать’, нег. *сӯвэ-* ‘развернуть что-л.’ каус. от основы, сохранившейся только в маньчжурском, правда в переносных значениях: *су-* ‘освободиться’. 59. эвенк. *сунму-* ‘задержать в пути’, каус. от *сӯн-* ‘растянуться (о шкуре)’, *сун-ча-* ‘тянуться (о дороге, пути)’. 60. эвенк. *сурув-*, эвен. *hуру-* ‘унести, увести, увезти’ каус. от *суру-* ‘уйти, уехать’. 61. эвенк. *сучав-*, эвен. *hӯчӯ-* (<**сучав-*; *//hӯчӯвкан-*), нег. *сочав-*, ороч. *чучау-* ‘упустить, дать уйти, ускользнуть’ каус. от *суча-~hӯч-~соча-~чуча-* ‘ускользнуть, убежать’. 62. эвенк. *сэлэв-* ‘разбудить’ каус. от *сэлэ-* ‘проснуться’. 63. эвенк. *сэрив-*, эвен. *hӧру-* (<**сэрив-*), нег. *сэӈэв-* (<**сэрив-*), ороч. *сэӈу-* (<**сэру-*), уд. *сиуси-* (<**сэӈучи-* <**сэру-чи-*), ульч. *сэру-чу-*, орок. *сэру-*, нан. *сэрӯ-чи-* ‘будить’ каус. от *сэрэ-~сэр-* ‘проснуться’. 64. эвенк. *тикив-* (*//тикивкэн*), эвен. *тикъв-* (*//тикукэн-*), нег. *тибгу-* (<**тигбу-*), ороч., уд., ульч., нан., *тугбу-* ‘уронить’ каус. от *тик-~туг-* ‘упасть’. 65. эвенк. *тилбэнму-~тилбэму-* ‘выстрелить нечаянно’ (инволитивно-пермиссивное значение) каус. от *тилбэ-* ‘насторожить ловушку’, тилкэ- ‘выстрелить (о ружье, самострела)’. 66. эвенк. *тӯктив-*, нег., ороч., *туктув-*, ульч. *тӧгбӯ-*, нан. *тӧгбо-* ‘поднимать, втаскивать’ каус. от *тӯк-~тӧ-* ‘подниматься’. 67. эвенк. *турув-* ‘поддерживать, удерживаться (благодаря подпорке)’, ‘подставить подо что-л.’, ‘отталкиваться шестом (в лодке)’ каус. от *туру-* ‘подпирать что-л., поддерживать (о подпорке)’. 68. эвенк. *тэгэв-* (*//тэгэвкэн*), эвен. *тъгу-* (*//тъгукэн-*), орок. *тӣввӯ-* (*//тӣвэн-*), нан. *тӣвӯ-~тӣӯ-* (*//тӣвэн-*) ‘усадить, посадить’ каус. от *тэгэ-~тъг-~тӣ-* ‘сесть’. 69. эвенк. *тэӂӣвӯ-т-* (дуративная форма на *-т*) ‘уверять’ (*//тэӂӣвкэн-* ‘уверить’) каус. от *тэӂӣ-* ‘верить’. 70. эвенк. *тӣрӣв-* ‘уравнивать (тяжесть вьюка)’ каус.

от *тэ̄рӣ-* ‘вьючить на оленя торсуки, сумы’. 71. эвенк. *тэтив-*, эвен. *тэту-*, уд. *тэту-* (*//тэтивэн-*) ‘надеть на кого-л., одеть кого-л.’ каус. от тэт- ‘одеться’. 72. эвенк. *угув-*, эвен. *ӯвӯ-*, нан. *ӯво-* [104] ‘посадить (на коня, в лодку)’ каус. от *уг-~-ӯ-~-ō-* ‘сесть (на коня, в лодку)’. 73. эвенк. *укув-*, эвен. *өку-*, нег. *өкөв-~укув-* ‘кормить грудью’ каус. от *уку-~-ӧк-~-өкө-* ‘сосать грудь’. 74. эвенк. *умӣв-* (*//умивкāн-*), сол. *имӯ-* ‘поить’ каус. от *ум-~-им-* ‘пить’. 75. эвенк. *hоролив-* (*//hороливкāн-*) ‘обвести заставить обойти (вокруг чего-л.)’ каус. от *hорол-* ‘обойти вокруг’. 76. эвенк. *hуйув-*, сол. *уйӯ-*, эвен. *hуйу-*, нег. *хуйив-*, ороч. *хуйу-*, ульч. *пуйпу-*, орок., нан. *пуйу-* ‘кипятить’ каус. от *hуйу-~пуйу-* ‘кипеть’. 77. эвенк. *hуктив-* ‘ехать рысью (на олене), состязаться в беге на оленях’, нег. *хуктув-* ‘увезти, утащить’, ульч. *пукту-* ‘утащить (о животном)’, орок. *пукту-* ‘бежать галопом; стащить что-л. (о животном)’, нан. *пукчӯ-* ‘стащить что-л.; бежать (о звере)’ каус. от *hукти-~хукту-~пукти-* ‘бежать, убегать о звере)’. 78. нан. *хулӡиу-* (*//хулӡивэн-*) ‘нагреть’ каус. от *хулӡи-* ‘нагреться, стать теплым’. 79. эвенк. *hулэв-* ‘перевыполнять’, ‘кроить экономно (так, чтобы остался материал)’, уд. *хулэму-ги-* ‘оставлять (пищу на тарелке, припасы в тайге на случай)’, орок. *сулав-* ‘оставить’ каус. от *hулэ-~хулэ-~сула-* ‘оставаться’. 80. нан. *хулумбӯ-* ‘выгружать’, высаживать (из лодки)’ каус. от *хулун-* ‘высадиться, сойти (с лодки)’. 81. эвенк. *hэдэ̄в-* ‘переправить через реку’ каус. от *hэдэ-* ‘переправиться через реку’. 82. эвенк. *эвув-~эву-*, эвен. *эву-* (*//эвукэ̄н-*), нег. *эвув-*, ульч. *эву-*, нан. *ӗву-* ‘спускать (к берегу)’ каус. от *эву-~эв-* ‘спускаться к берегу’. 83. эвенк. *эдынму-* ‘развеваться (на ветру)’, нан. *хэдумбун-* ‘провеивать’ каус. от *эдын-~хэдун-* ‘дуть (о ветре)’. 84. эвенк. *эйэнму-*, уд. *эйэму-*, ульч., нан. *хэйэмбу-* ‘сплавлять (по течению)’ каус. от *эйэн-~хэйэн-* ‘плыть (по течению)’. 85. эвенк. *эмӯ-~эмув-*, эвен. *эму-*, нег. *эмув-* ‘доставлять’ каус. от *эмэ-* ‘приходить’.

Во многих случаях непродуктивные каузативы на *-бу-~-му-~-ву-~-у-* эвонкийских и нанийских языков совпадают в конкретном лексическом облике с маньчжурскими продуктивными каузативами на *-бу-*, например: эвенк. и др. *алив-* ‘передавать, подавать’ (см. № 7) и ма. *алибу-* ‘велеть взять’, ‘подавать (руками), подносить, вручать’; ороч. *баjаму-* ‘обогащать’ (<**байанму-*, т. е. по «северной» морфонологической модели, следовательно, не маньчжурское и не ульчско-нанайское заимствование) (см. № 11) и ма. *баjамбу-* ‘обогащать’; эвенк. и др. *илив-* ‘поставить’ (см. № 28) и ма. *илибу-* ‘поставить’; эвенк. и др. *исив-* ‘доставить’ (см. № 33) и ма. *исибу-//исимбу-* ‘доставить’ и др. Данное обстоятельство подтверждает, во-первых, каузативную природу эвонкийско-нанийского ряда *-бу-~-му-~-ву-~-у-*, во-вторых, неопро-

[104] Форма дается по: А в р о р и н В. А. Грамматика нанайского языка, т. 2, с. 31.

вержимо указывает на генетическую тождественность маньчжурского аффикса с рассматриваемым показателем остальных (эвонкийско-нанийских) языков в его самостоятельном непродуктивном функционировании, а также в составных продуктивных формантах: эвонкийское *-в-кан-* и нанийское *-бу-ван-*.

§ 13. Непродуктивные каузативные и медиопассивные аффиксы *-га-/-ка-* и *-ги/-ки-*

В небольшом числе глагольных основ можно вычленить непродуктивный аффикс *-га-/-ка-*. В приводимом ниже списке XIII, составленном, как и предыдущий список XII, а также последующий список XIV, в основном по материалам эвенкийского языка (эвенкийские глаголы даются по Словарю Г. М. Василевич без языковой пометы), в примерах 1, 3, 4, 13, 19 глаголы образуют соотносительные пары по переходности—непереходности. Остальные производные формы на *-га-* лексикализовались, иногда эта лексикализация сопряжена с выражением интенсивности действия (примеры № 5, 7, 11, 18, 20), но в большинстве случаев семантическое развитие исходной и производной форм выровняло их значения. Такое «смывание» противопоставленности этих форм в трех четвертях случаев при общем небольшом числе сохранившихся образований говорит о том, что аффикс *-га-* давно перестал быть продуктивным. Материально аффикс *-га-/-ка-* необходимо сопоставить с частью каузативной морфемы *-вка̄н-*, об исторической членимости которой выше было сказано, тем более что аффикс *-га-* в ряде случаев выступает с долгим гласным.

Список XIII.

1. *балдыга̄-т-* ‘выводить, выращивать’ (*//балды̄в-*, см. список XII, № 12, *//балды̄вка̄н-*) — *балды̄-* ‘родиться’. 2. *бэлэгэ̄-* ‘помогать’ — *бэлэ-* ‘помогать’. 3. эвен. *иргэ-* ‘выращивать’ — *ир-* ‘поспевать, созревать’. 4. *итыга̄-* ‘приготовить, собрать’ (*//итыв-*, список XII, № 34 (*//итым-//итымка-*) — *иты-* ‘установиться, образоваться’. 5. *каптака̄-* ‘раскатывать (на доске тесто)’ — *капта-* ‘сравнять, сделать ровной поверхность)’. 6. *капуга̄-* ‘сломать’ — *капу-* ’сломать’, ср. *капут-* ‘лопнуть’, ‘треснуть’. 7. *колтого-* ‘расплющить кулаком’ — *колто-* ‘ударить кулаком’. 8. *нуӈна̄гэ̄-* ‘давать указания’ — *нуӈна̄-* ‘указать.’ 9. *нэптэкэ̄-* ‘выравнивать, разглаживать рукой’ — *нэптэ-* ’распластать, расстелить’. 10. *олига̄-* ‘порвать’ — исходной основы **оли-* не сохранилось, ср. *олив-* ‘быть растерзанным’, *олирга-* ‘продырявиться’. 11. *пэсигэ-* ‘разрубить’, исходная форма сохранилась лишь в тех говорах, где согласному *с* литературного языка (опорного диалекта) соответствуют согласные *ш* и *h*: *пэhи-* ’разорваться‘, *пэши-т-* ‘порвать, разорвать’. 12. *сукчага-* ‘ломать’ — *сукча-* ‘сломать’. 13. *татыга̄-//таткā-* ‘приучать, учить’, эвен. *татка-т-* ‘приручать’ — *тат-* ‘привыкать’. 14.

токчоко- 'изогнуть (ветку)', *токчор-* 'искривить, погнуть', *токчикāн-* 'согнуть, скривить'.[105] 15. *тургэ-* 'подпирать, служить опорой' — *туру-* 'поддерживать'. 16. *тэкэгэ-* 'разорвать' — *тэкэ-* 'разорвать'. 17. *тэпӯгэ-* 'разломать' — *тэпӯ-* 'разломать'. 18. *улӣвкэ-* 'обкормить' — *улӣ-* 'кормить'. 19. *хāлгэ-* 'отнять, вычесть' — *хал-* 'исчезнуть'. 20. *хокого-* 'сломать, наломать сучья' — *хоко-* 'ломать'.

Значительно больше образований в эвенкийском языке находим с каузативным аффиксом *-гӣ-/кӣ-*, причем все пары глаголов сохраняют противопоставленность по переходности—непереходности, что свидетельствует вместе с бóльшим числом этих образований о более поздней, сравнительно с аффиксом *-га-/-ка-*, продуктивности аффикса *-гӣ-*.

Список XIV.

1. *аятнугӣ-* 'приласкать, пожалеть (кого-л.)' — *аятну-* 'жить в дружбе'. 2. *арӣгӣ-//арӯгӣ-* 'привести в чувство, оживить' от *арӯ-~ар-* 'ожить, очнуться', ср. *арӯв-* (список XII, № 8). 3. *болгӣ-*, уд. *богисо-* (<**болги-+-со-*) 'мучить; обижать' — *болго-* 'обидеться'. 4. *бургӣ-* 'потерять' *//бурӣ-*, эвен. *бэрӣ-* 'повалить; потерять' — *буру-* 'упасть'. 5. *бэрэгӣ-* 'успокоить' — *бэрэ-* 'успокоиться'. 6. *давдӣ-~дабдӣ-* (обе формы < **дабдагӣ-*[106]) 'победить' — *дабда-* 'проиграть'. 7. эвен. *дāвгӣ-* (*//дāвӯкāн-*) 'заразить' — *дāв-* 'заразиться', эвенк. *дāв-* 'заразить', 'передаваться (о болезни)'; нан. *дāкпи-* (*//дāван-*) 'заражать' (по-видимому, <**дāпки-* с характерной для южных языков метатезой; наличие дублетной продуктивной формы лишний раз свидетельствует о непродуктивности образований на *-ки-/-ги-*, ср. также № 10). 8. *дэрӯги-* 'утомлять'~*дэрӯмкӣ-* 'отдохнуть' — *дэру-* 'устать, утомиться'. 9. *ǯалувгӣ-~ǯалупкӣ-* 'наполнять' — *ǯалув-~ǯалуп-* 'наполняться', ср. список XII, № 26. 10. *ǯэгдӣ-* (<**ǯэгдэгӣ-*, см. прим. к № 6) 'сжечь, зажечь' — *ǯэгдэ-* 'гореть'; уд. *ǯэгди-* (*//ǯэгдэвэн-*) 'жечь' — *ǯэгдэ-* 'гореть'. 11. эвен. *ингӣ-* 'морозить' — *ингэн-* 'мерзнуть', ср. *ин-* 'быть живым'. 12. *инигӣ-* 'привязать вьюк' — *ин-* 'нести что-л. на спине'; *инӣ-* (<**инигӣ-*, см. прим. к № 6) 'нагрузить на спину'. 13. *ургӣ-* 'кормить (животных), выращивать (скот)' — *ур-* '1) созреть, 2) свариться, 3) изжариться'; *урӣ-* (<**ириги-*, см. прим. к № 6)

---

[105] Романова А. В., Мыреева А. Н. Диалектологический словарь эвенкийского языка. Материалы говоров эвенков Якутии. Л., 1968, с. 160.

[106] На вероятность фузионного сплавления каузативного форманта с основой в подобных случаях в литературе уже указывалось, см., например: Горцевская В. А. О флексии и словосложении в эвенкийском языке. — Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, 1958, № 11, с. 27; Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка, т. 2, с. 31. Аналогичное стяжение *-а-+-гӣ-* > *-ӣ-* происходит при образовании порядковых числительных, например: *илӣтын* < *ила-ги-тын*, см.: Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь, с. 757.

'нажечь, нажарить'. 14. *йэмбугӣ-* 'ослабить узел' - *йэмбу-* 'ослабнуть (об узле); ослабеть'. 15. *катагӣ-* 'сушить' — *ката-* 'сохнуть'. 16. *кэсэгӣ-* 'мучить' — *кэсэ-* 'мучиться'. 17. нан. *мунги-* 'остудить' — *мун-* 'остыть'. 18. *мунугӣ-* 'квасить' — *муну-* 'протухать, киснуть'; *мунӣ-* 'сгноить' (<**мунугӣ-*, см. прим. к № 6). 19. эвен. *набгӣ-* 'прилепить' — *набган-* 'липнуть'. 20. орок. *наврӣ-* (<**наврагӣ-*) 'вести вперед' — *навра-* 'идти вперед'. 21. эвен. *нгблгӣ-* 'гноить' — *нго-*~*нгол-* 'пахнуть'. 22. *нгэрӣлгӣ-* 'освещать' — *нгэрӣ-* 'светить'. 23. *нуӈнэгӣ-* 'выпрямить'; *нуӈнӣ-* 'управлять' (<**нуӈнэгӣ-*, см. прим. к № 6) — исходного глагола не сохранилось. 24. эвен. *н'алги-* 'растоплять' — *н'ал-* 'таять (о снеге)'. 25. эвенк. и эвен. *н'амалгӣ-* 'согревать' — *н'амал-*~*н'ама-* 'теплеть; согреваться'. 26. *н'аӈн'агӣ-* 'запачкать'; *н'аӈн'ā-*~*н'аӈн'ӣ-* (<**н'аӈн'агӣ-*) 'запачкать'; исходной формы **н'аӈн'а-* 'запачкаться' не сохранилось. 27. *н'урэгӣ-*, эвен. *н'оригӣ-* 'закалять (металл)' — *н'урэ-* 'накаляться (о металле)', эвен. исходной формы нет. 28. эвенк. и эвен. *олгӣ-*, нан. *холги-* 'сушить' — *олго-*~*холго-* 'сохнуть', 29. *олоннгӣт-* 'пугать' (от *олон-* 'испугаться', *-гӣ-* после [*н*] > *-ӣ-*, *-т-* — опростившийся аффикс континуатива), ср. список XII № 56. 30. нан. *саӈги-* 'растянуть' — *сāн-* 'растянуться'. 30а. *сāпкāгӣ-* 'приучить' — *сāпкā-* 'привыкнуть'. 31. эвен. *нивӣ-* 'погасить' (<**нивиги-*) — *нив-* 'погаснуть', ср. эвенк. *сӣ-* 'погасить' (<**сивигӣ-*?). 32. *силгӣ-* 'уколоть', исходной формы не сохранилось; ср. *сул-* 'заострить что-л.'. 33. эвен. *нӣлгӣ-* 'мучить' — *нӣл-* 'мучиться'. 34. *соӈӣ-* 'довести до слез' (<**соӈогӣ-*) — *соӈо-* 'плакать'. 35. *сунӈӣ-* 'растянуть' (<**сунгӣ-*) — *сун-* 'растянуться', ср. список XII, № 59. 36. *сурэгӣ-* 'беспокоить' — *сурэ-* 'беспокоиться'. 37. (?) *сэвгӣ-* 'снять кожу', исходной основы нет, ср. *субгу* 'кожа'. 38. *сэктэгӣ-* 'делать постель, стелить' — *сэктэ-* 'подстелить (ветки, постель)'. 39. *сэмнӣ-* 'потерять' — *сэм-* 'потеряться'. 40. *тӯки-* 'остужать (жидкость)', *тугӣ-* 'промерзать (о земле)' — *тӯк-* 'остыть'. 41. *улапкӣ-* 'мочить, намочить, размочить' — *ула-* 'промочить, намокнуть'. 42. *улӣ-* 'кормить' (<**улэгӣ-*), исходной формы не сохранилось, но следы ее в маньчжурском *улэбу-* 'кормить' (**улэ-*+*-бу-* афф. каузативности), того же корня, вероятно, и общетунгусоманьчжурское *улэсэ*/*улрэ-* 'мясо'; широко представлен корень *ӧл*~*ӱл* в монгольских языках, ср. ст.-монг. *өл* 'пропитание, провизия', 'голод, голодание', соврем. монг. *өл*, бур. *ул* 'питательность', *өлдө-* бур. *улдэ-* 'проголодаться', *өллө-* бур. *уллэ-* 'закусить, покормить' и целый ряд производных. 43. *умӯнупкӣ-* 'соединить, объединить' — *умӯнуп-*//*умӯнун-* 'соединяться'. 44. эвенк. и нан. *ӯӈги-*~эвенк. и эвен. *ӯнӈи-* 'растопить, расплавить' — *ӯн-* 'таять'. 45. *урāгӣ-*~*урэгӣ-*, нан. *хори-* 'спасти' — *урā-*~*урэ-*, нан. *хора-* 'спастись'. 46. *hэкӯлгӣ-*, эвен. *hокэлгӣ-* (//*hокэлӯкэн-*) 'согревать' — *hэкӯл-*~*hокэл-* 'греться, нагреваться'. 47. *эӣ-* (<**эйэгӣ-*) 'опустить (в воду), утопить' — *эē-*, *эйэ-* 'уто-

нуть' (ср. список XII, № 84). 48. *эниктэгӣ-* 'наказать' — *эниктэ-* 'остерегаться вторичного наказания'.

В трех примерах списка XIV — № 3, 19, 28 — непереходные глаголы, по-видимому, имеют в своем составе отмерший аффикс *-га-/-го-*, и, таким образом, можно предполагать, что каузативная морфема аффигировалась непосредственно к основе без *-га-*, т. е. **бол-+-гӣ- > болгӣ-*, а не *болгӣ- < болгогӣ-*, ср., например, для пары *олго-—олги-* эвенский глагол *ола-* 'вянуть', указывающий на исходную форму **ол-*.

Помимо указанных трех глаголов, аффикс *-ка-/-га-* можно вычленить в следующих основах: эвен. *мунгка-* 'портиться, гнить' — *мун-* то же; *сэлгэ-* 'сердиться' — *сэл-* 'сердить'; *токчорго-* 'искривиться' — *токчор-* 'изогнуть'; *токчоко-* 'изогнуть; изогнуться'; нан. *хумиэ-* (<**хумигэ- < хуму-+-гэ-*) 'засыпаться, заполниться (чем-л.)' — *хуму-* 'засыпать, заполнить'.

Можно предположить историческую тождественность аффикса *-ка-/-га-* списка XIII и аффикса *-ка-/-га-*, представленного в вышеприведенных примерах, через стадии пермиссивного значения: 'засыпать яму, запорошить (снегом), образовать наледь' *каузация* ⟶ 'засыпать яму землей (<дать земле засыпать яму)', 'запорошить снегом (<дать снегу запорошить землю)', 'покрыться наледью (<дать новому слою льда покрыть лед)'. Подобные действия рассматриваются как стихийные и / или неблагоприятные, вот почему лицо или фактор, допускающий, создающий условия для действия, принципиально элиминируется из семантической структуры лексического значения и такие действия получают окраску самопроизвольных, носитель действия как бы становится фактором или причиной действия: 'землей засыпало яму', 'запорошило снегом', 'высушило на солнце' и т. д. Аффикс каузатива превращается в медиопассивный показатель, каузативный глагол — в медиопассивный, но «каузативное прошлое» таких глаголов (и показателей) заметно по наличию актанта глагольного действия, выражающего носителя действия как причину, фактор действия; в исходном глаголе такой актант не содержится, носитель действия имплицирован в лексическом значении глагола. Если медиопассивный (<каузативный) глагол лексикализует конкретных носителей действия (одного или нескольких), включает в свое лексическое содержание, то эксплицитное выражение носителя действия становится избыточным, постепенно элиминируется из языковой практики и глагол становится из медиопассивного медиальным. Многие глаголы, лишь частично представленные в данных списках, прошли подобный путь развития и содержат отмершие форманты каузативности.

Медиопассивный *-ка-/-га-* наличествует в исторически составном также медиопассивном общетунгусоманьчжурском аффиксе *-рга-* (<**-р-+-га-*).

Каузативный (и восходящий к нему медиопассивный) аффикс *-ка-/-га-*, а также *-ки-/-ги-* являются несомненно общетунгусо-

маньчжурскими показателями; архаичность данных аффиксов позволяет отнести их в число праязыковых. Связь между *-ка-/-га-* и *-ки-/-ги-* как филиациями одного аффикса *-к*(0)- с разной огласовкой можно лишь предполагать по аналогии с тюркскими языками; материал тунгусо-маньчжурских языков как будто не подтверждает этого, ср., однако, № 3, список XIII и № 13, список XIV.

Показатель *-ка-*, как упоминалось выше, отождествим с частью каузативного показателя северных языков *-букан-* < **-бу-ка-н-*.

§ 14. Состав каузативных форм в общетунгусоманьчжурском

Система каузативных показателей — продуктивных и непродуктивных — тунгусо-маньчжурских языков восходит, таким образом, к двум формантам: *-к*(0) -и *-п/б*(0). Первый из них непродуктивен по всем языкам, второй продуктивен лишь в маньчжурском, тогда как по остальным языкам он также непродуктивен. Продуктивные аффиксы эвонкийских и нанийских языков представляют собой составные показатели: эвонкийский *-букан-* < **-бу-ка-н-*; нанийские *-буван-* < **-бу-+-ва-н-*, *-ван-* < **-ва-н-*. Нанийский *-ван-*, по нашему мнению, следует считать фонетической (фономорфологической) вариацией с широким негубным гласным показателя *-бу-* ~ *-ву-* плюс *-н-*; с предположениями о генетической тождественности эвонкийского *-кан-* (в *-букан-*) и нанийского *-ван-* (в *-ван-* и *-буван-*) [107] нельзя согласиться по фонетическим основаниям. Показатель *-н-* — основообразующий формант неясного значения, возможно, однократности ~ недлительности [108] присутствует в каузативных аффиксах *-бука-н-*, *-бува-н-*, *-ва-н-*, *-бу-н-*.

Часть III

КАУЗАТИВНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

§ 15. Продуктивные аффиксы *-ӯл-* и *-лга-*

В современных бурятском, монгольском и калмыцком языках самым продуктивным показателем каузативности является аффикс *-ӯл-/-ӯл-*; в форме *-ул-* он отмечен также в шира-югурском языке. Памятники квадратной письменности (XIII в.), для которой известно фонетическое значение знаков, т. е. фонетические особенности передаваемых этим алфавитом звуков, зафиксировали

---

[107] Benzing J. Versuch einer vergleichenden Grammatik, S. 123; Суник О. П. Глагол. . ., с. 130.

[108] Новикова К. А. Очерки диалектов эвенского языка. М.—Л., 1960, с. 107.

в начале этого аффикса «особый согласный типа арабского ع».[109] В языке «Сокровенного сказания монголов» [110] (далее сокращенно: СС), записанного в XIII в. китайскими иероглифами, данный каузативный аффикс представлен морфемой *-ул-*. В текстах старописьменного и классического языка в анлауте аффикса выписывался уйгурский «каф», знак, единый для передачи сильных и слабых проточных и смычных заднеязычных согласных. Первоначально Г. И. Рамстедт считал, что старописьменный сохраняет архетип и современный *-ӯл-* восходит к **-gul-* < **-gu-+-l-*.[111] Позднее, однако, он пришел к выводу, что старописьменное интервокальное *γ/g* служит орфографическим приемом передачи долгих гласных и *-ӯл-* восходит к **-uul-* < **-bul-*; [112] данную точку зрения разделяет и Н. Н. Поппе.[113] В анлаутно-спирантных (по классификации Т. А. Бертагаева [114]) языках — баоаньском, дунсянском, дагурском, монгорском — этот аффикс отсутствует. Лишь в монгорских материалах обнаружены две основы с этим аффиксом: *дагӯли-* 'сопровождать' (ст.-п. *дагагул-*) — от *даг-* 'следовать', *фурӯли-* 'выворачивать' (ст.-п. *урбагул-*) — монг. *урба-* 'поворачиваться'.[115]

Вторым по продуктивности аффиксом каузативности для бурятского, монгольского и калмыцкого языков, а также ираюгурского является аффикс *-лга-/-лгэ-*. В дунсянском и баоаньском языках основ с этим аффиксом не отмечено; в монгорском языке этот аффикс выступает в форме *-рга-*, причем *-р-* часто падает по законам монгорской фонетики, и в редуцированной форме этот аффикс совпадает с основным продуктивным в монгорском языке каузативным аффиксом *-га-*, о котором см. ниже. В дагурском языке аффикс *-лгӣ-* с долгим гласным — единственный аффикс каузативности; Н. Н. Поппе считает долготу гласного аффикса исконной.[116]

В древних монгольских памятниках XIII в. «Сокровенном сказании» и документах квадратной письменности аффикс каузативности *-ул-/-'ул-* занимает центральное место, давая наибольшее число образований, а аффикс *-лга-* отсутствует.

Г. И. Рамстедт еще в своем «Учении о глагольном основообразовании» расчленял указанный аффикс *-лга-* на два форматива *-л-+ -га-*. Основанием для такого расчленения послужило, с одной

---

[109] Поппе Н. Н. Квадратная письменность. М.—Л., 1941, с. 30.

[110] Козин С. А. Сокровенное сказание. Юань чао би ши. М.—Л., 1941.

[111] Ramstedt G. J. Zur Verbstammbildungslehre, S. 16.

[112] Рамстедт Г. И. Введение, с. 143—144.

[113] Poppe N. Über einige Verbalstammbildungssuffixe. . ., S. 131.

[114] Бертагаев Т. А. Монгольские языки. Введение. — В кн.: Языки народов СССР. Т. V. Л., 1968, с. 9—10.

[115] Smedt A., Mostaert A. Le dialecte monguor. London—Paris, 1964, p. 93.

[116] Поппе Н. Н. Дагурское наречие. Л., 1930, с. 124—125; Poppe N. Über einige Verbalstammbildungssuffixe, S. 126.

стороны, наличие во всех монгольских языках каузативного аффикса *-га-~-ка-* и, с другой стороны, существование в старописьменном языке двух рядов глагольных основ — с формативом *-л-* и без него: *ki-* 'делать' и **kil-* (например, *kilburi*), **žaži-* (например, *žažigur* 'челюсть') и *žažil-* 'жевать', *degde-* и *degdel-* 'взлетать', *sagu-* 'сидеть' и *sagul-* 'посадить'.[117]

§ 16. Непродуктивный основообразующий аффикс *-л-*

Указанный аффикс *-л-* в небольшом числе глагольных форм существует и в современных монгольском и бурятском языках. В связи с общим для этих языков развившимся закрытием слогов и выпадением гласных во многих случаях в одном аффиксе *-л-* совпали отглагольный основообразующий аффикс *-л-* и отыменный глаголообразующий аффикс *-ла-*. Отглагольное основообразование с аффиксом *-л-~-ла-* относится к непродуктивным типам глаголообразования. В семантическом отношении основы с указанным аффиксом образуют два ряда форм, несколько различающихся в значении аффикса [118]: первое значение можно определить как дуративное, а второе — как интенсивное или итеративное. Все эти значения весьма близки между собой, их можно представить как различные семантические модификации некоего формата интенсивности: действие может быть интенсифицировано по способу осуществления его субъектом (интенсивное значение); действие может быть интенсифицировано по количеству выполнения его субъектом (итеративное значение); действие интенсифицировано по времени его осуществления (дуративное значение). Эту категорию нельзя было бы назвать интенсивом в строгом значении этого слова, так как интенсивность предполагает увеличение усилий в единицу времени, а при значении дуративности, например, предполагается равномерное распределение действия. Общее, что объединяет перечисленные значения глагольного действия, — это указание на усилия субъекта в осуществлении действия, усилия, связанные с бóльшим временем, расходуемым на выполнение действия, или с бóльшими затратами труда. В приводимом ниже выборочном списке примеров на основообразующий аффикс *-л-~-ла-* значения интенсивности, многократности и дуративности часто смешиваются в одной и той же основе (примеры № 2, 3, 4, 6, 12), с другой стороны, в одной и той же производной основе в одном родственном языке выступает одно значение аффикса, в другом языке — другое значение (примеры № 4, 6, 16). Это, на наш взгляд, свидетельствует в пользу трактовки указанных значений как представляющих конкретное речевое многообразие единого грамматического показателя.

---

[117] Ramstedt G. J. Zur Verbstammbildungslehre, S. 13.

[118] Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М., 1962, с. 181.

Список XV.

1. бур. *адхала-* 'брать горстью, сжимать в горсти; пожимать', монг. *атгал-* многокр. от *атга-* — бур. *адха-*, монг. *атга-* 'захватывать в горсть, сжимать в горсти, сжимать (или сдавливать) рукой'. 2. бур. *алхала-* 'измерять шагами' (дуративность и интенсивность: длительно и старательно, с целью измерения, шагать) — бур., монг. *алха-* 'шагать; перешагивать'. 3. монг. *базл-* 'прижимать; выжимать' (интенсивное значение), 'часто-часто сжимать' (многократное) — от *баз-* 'сжимать, сдавливать', ср. общетюрк. *бас-* 'давить'. 4. бур. *балбал-* 'разбивать', монг. *балбал-* 'дробить' — *балба-* бур. 'мять, разминать, жевать', монг. 'стучать, бить, ударять' (в результате действия «разбивания» достигается, создается некоторая множественность объектов; условно такое действие — разбивать — по отношению к исходному — бить — назовем итеративно-дистрибутивным; в бурятской основе на *-л-*, помимо итеративно-дистрибутивного значения, можно еще усмотреть и интенсивное: она значит не «разминать» — ср. исходное «мять» — а «разбивать», т. е. действие, требующее бо́льших усилий, чем «разминание»). 5. *бамбайл-* бур. 'стелить мягкую постель', монг. 1. 'сшивать несколько слоев кошмы' (т. е. делать более мягкой кошму); 2. 'укрывать многослойной попоной' (//бур., монг. *бамбайлга-* побуд. от *бамбай-*) — бур., монг. *бамбай-* 'быть мягким'. 6. бур. *барил-* 1. 'держать, не выпуская из рук' (дуративное значение); 2. 'мять, разминать' (итеративное значение), монг. *барил-* 1. 'хватать, ощупывать'; 2. 'массировать' (итеративное в обоих случаях) — бур., монг. *бари* 'хватать; держать'. 7. бур. *булхайл-*, монг. *бульхайл-* 'жульничать' (ср. русск. *надувать*) (//бур. *бульхайлга-* 'надувать (щеки)') — бур. *булхай-* 'быть выпуклым'. 8. бур. *бурьял-* 1. 'бурлить, клокотать; пениться; переливаться через край'; 2. 'подниматься столбом, клубиться' (можно усмотреть некоторую интенсивность по сравнению с исходной основой) (//бур. *бурьялга-* и *бурьюл-* побуд. от *бурья-*//*бурьял-*) — *бурья-* 1. 'пениться, бурлить' в отличие от *бурьял-* 'клокотать'; 2. 'подниматься кверху, взвиваться, клубиться (о пыли)' в отличие от *бурьял-* 'подниматься столбом'. 9. монг. *бургил-* 'бурлить, бурно кипеть, бить ключом' (интенсивное значение) — *бург-* 'клубиться (о пыли)'. 10. бур., монг. *дарла-* 1) 'жать, давить'; 2) 'притеснять, угнетать' — *дара-* 1) 'давить, жать'; 2) 'прикладывать, ставить'. 11. бур. *дэлбэл-* 'раскалывать' — *дэлбэр-* 'раскалываться'. 12. монг. *ǯалгила-* 'быстро глотать большими глотками' (интенсивно-итеративное значение) — *ǯалги-* 'глотать'. 13. бур. *ǯулгала-* 'сдирать кожицу', ср. с непродуктивной каузативной формой *ǯулгаа-* (см. ниже, список XVI, № 82) с близким лексическим и аналогичным грамматическим значением 'теребить, выдергивать (шерсть)'; обе формы от основы **ǯулга-*, которая представлена в бур. и монг. формой с наращением *-р-* медиального значения: *зулгар-* 'вылезать, выпадать (о шерсти)'. 14. монг. *зулмала-*

'шпарить, ошпаривать'; весьма интересна отсылка на эту форму с формы *зулмаа-*, являющейся каузативной формой, ср. бур. *зулмаа-* (см. ниже, список XVI, № 83), т. е. в словаре дано: *зулмаа-* см. *зуллмала-*, что подтверждает мнение о близости аффикса *-ла-*~*-л-* каузативным аффиксам. 15. бур. *зурал-* 'рисовать', монг. *зурла-* 'разрисовывать' (итеративное значение) — бур., монг. *зур-* 'рисовать'. 16. бур. *хаял-* 'кидать, бросать что-л. резкими движениями; сердито швырять' (интенсивное значение), монг. *хаяла-* 1) 'часто, непрестанно подбрасывать'; 2) 'терять одно за другим' (итеративное значение) — бур., монг. *хая-* 'бросать, кидать'. 17. монг. *шургала-* 'пролезать, пробираться' (интенсивное значение) — монг., бур. *шург-* 'пролезать, проникать'. 18. бур. *шэнжэлэ-* 'изучать, исследовать' (интенсивное значение), *шэншэлэ-* 'рассматривать, искать; обнюхивать' — *шэнжэ-* 'рассматривать, вникать', *шэншэ-* 'обнюхивать (о собаке, лисице)'.

Сближение каузативных формантов с формантами аспективных категорий предполагается, конечно, в плане диахронии, тогда как в плане синхронии указанные категории признаются за вполне обособившиеся.

Существование в истории монгольских языков образований с аффиксом *-л-*, причем ряд глаголов обладает дублетными образованиями с *-л-* и *-лга-* (см. примеры списка XV, №№ 7, 8), делает вполне обоснованным вышеприведенную гипотезу Г. И. Рамстедта об исторической членимости аффикса *-лга-*<**-л-*+*-га-*. В пользу этой гипотезы говорит также наличие большого числа образований со вторым возможным компонентом этого аффикса — аффиксом *-га-* с фонетическими вариантами *-ха-* и *-аа-*.

§ 17. Каузативный аффикс *-ха-*~*-га-*~*-ā-*

Приводимый ниже список XVI глагольных основ с указанным аффиксом получен при сплошной выборке из одной трети Бурят-монгольско-русского словаря (буквы *а—з*) К. М. Черемисова (М., 1951). К бурятским основам подбирались монгольские параллели из Монгольско-русского словаря под общей редакцией А. Лувсандэндэва (М., 1957), некоторые формы — из Русско-монгольского словаря А. Р. Дамба-Ринчинэ и Г. С. Мупкина (М., 1960). При подготовке списка учтены соответствующие разделы грамматик: Грамматики бурятского языка. (Фонетика и мормология. М., 1962; раздел «Глагол» написан Г. Д. Санжеевым); Грамматики современного монгольского языка Б. Х. Тодаевой (М., 1951); Сравнительной грамматики монгольских языков Г. Д. Санжеева (Глагол. М., 1963). Древнемонгольский материал выбран при сплошном просмотре глоссариев к упоминавшимся выше изданиям памятников квадратной письменности и «Сокровенного сказания».

Список XVI.

1. монг. *аажимтга-* (бур. с продуктивным аффиксом: *аажамдуул-*) — от *аажимт-~аажамд-* ‘замедляться’. 2. бур. *аалидха-* (*//аалидуул-*) — от *аалид-* ‘вести себя тихо; успокаиваться’. 3. бур. *абхуул-* (два каузативных аффикса: *-ха-+-ӯл-*; *//абуул-*, монг. только *абуул-* от *аб-~ав-* ‘брать’. 4. бур., монг. *агшаа-* (*//агтуул-*), монг. *агчаа-* от бур. *агша-*, монг. *агчи-~агши-* ‘сокращаться; становиться густым’. 5. бур. *адаа-* от *ада-* (монг. *ада-*) ‘напарываться’. 6. бур. *айладха-*, монг. *айлтга-* (*//айлдуул-*) от *айлада-* ‘изрекать’. 7. бур. *амидха-* (два каузативных аффикса: *-ха-+-ул-* *//амидхуул-*), монг. *амьсга-* от *амид-* ‘дышать’. 8. бур., монг. *арилга-* (бур. диалектн. *арлига-*) от *арил-* ‘чиститься’ (<**ари(г)+-ла-*, ср. тюрк. *арыҕ*); бур. *арюудха-* от *арюуда-* ‘становиться чистым’ (<**аригун+-да-*). 9. бур. *арьбадха-* от *арьбада-* ‘увеличиваться’. 10. бур., монг. *асуу-* ‘спрашивать’ (вероятно <**аса-+-га-* с опрощением, ср. дунс. *аса-* ‘спрашивать’ — *асага-* ‘спрашивать через кого-л.’. 11. бур. *багадха-* (*//багадуул-*), монг. *багатга-* (*~багасга-*) ‘уменьшать, ослаблять’; *//*бур. *багадаа-* ‘сделать так, чтобы оказалось малым’ — от *багад-* ‘оказываться малым; нехватать, быть недостаточным’. 12. бур., монг. *багтаа-* от *багт-* ‘помещаться’. 13. бур. *багтараа-* (монг. с продуктивным афф.: *багтруул-*) от *багтар-* ‘коченеть от голода; цепенеть от страха’. 14. бур. *бадарга* (*//бадаруул-*) от *бадар-* ‘распространяться; расцветать; разгораться (огню)’. 15. монг. *бараа-* (по Б. Х. Тодаевой, словари только: бур., монг. *баруул-*, т. е. с продуктивным афф.) — от *бар-* ‘кончать’. 16. бур. *батадха-*, монг. *бататга-* от бур. *батада-~батажа-*, монг. *батта-* ‘укрепляться’. 17. бур. *бахадха-* (монг.: *бахдуул-* — с продуктивным афф.) — *бахад-* ‘желать, стремиться; быть в восторге’. 18. бур. *баясха-* (*//биясуул-*), монг. *баясга-* от *баяс-* ‘радоваться’. 19. бур. *бисалга-* (*//бисалуул-*) от *бисал-* ‘раздавить’. 20. бур. *богонидхо-* (*//богонидуул-*), монг. *богинотго-* (*//богинодуул-*)*~богиносго-* от бур. *богонид-*, монг. *богинос-~богинот-* ‘быть коротким’. 21. бур. *бодорго-* от *бодор-* ‘выясняться’, ср. *бодо-* ‘думать’. 22. бур. *бодхо-* (*//бодуул-*), монг. *босго-* ‘поднимать, заставить встать’, квадратн. письм. *bosqa-* ‘воздвигать’ от *бод-~бос-* ‘подниматься’. 23. бур., монг. *болго-*, квадратн. письм. *bolqa-* от *бол-* ‘становиться, делаться’, ср. тюрк. *бол-*. 24. бур. *бузараа-* от *бузар-* ‘осквернять’. 25. бур. *буруудха-*, монг. *буруутга-* от *бурууд-* ‘быть неправильным, неверным’. 26. бур. *бусаа-* (*//бусуул-*), монг. *буцаа-* от *буса-~буца-* ‘возвращаться’. 27. бур. *бусалга-*, монг. *буцалга-* от *бусал-~буцал-* ‘кипеть’. 28. бур. *бутараа-* ‘рассыпать; разбивать’, *бутарга-* ‘разбивать, измельчать; разрушать; рассекать’ (*//бутаруул-*), монг. *бутарга-* и *бутруул-* с аналогичными значениями от *бутар-~бутр-* ‘разбиваться вдребезги’. 29. бур. *буридхэ-*, монг. *буритгэ-* от *бурида-~бурд-* ‘состоять из чего-л.’. 30. бур., монг. *бүтээ-* от *бүтэ-* ‘выполняться, завершаться’, ср.

тюрк. *бит-~бут-*. 31. бур. *бутөө-* ‘душить’, монг. *бутээ-* (*//бутуул-*) ‘покрывать, кутать’ от *бут-* ‘закупориваться; закрываться’. 32. бур. *бэлшээ-*, монг. *бэлчээ-* от *бэлш-~бэлчи* ‘пастись (о скоте)’. 33. бур. *бэлэдхэ-*, монг. *бэлтгэ-* (*//бэлдуул-*) от *бэлэдэ-~бэлдэ-* ‘готовиться, подготавливаться’. 34. бур., монг. *бэртээ-* от *бэрт-* ‘изувечиться, получить травму’. 35. бур., монг. *гажаа-* от *гаж-* ‘кривиться, искривляться’. 36. бур. *газаадха-* от *газад-* ‘оказываться вне чего-л.’. 37. бур. *ганирха-//ганирга-* от *ганир-* ‘кричать на кого-л.’. 38. бур. *гантаа-* (*//гантуул-*, монг. только *гантуул-*) от *гант-* ‘трескаться, давать трещины’. 39. бур., монг. *гарга-* от *гар-* ‘выходить’. 40. бур. *гарзалха-* от *гарзал-* ‘расходовать, тратить’. 41. бур. *гашалга-*, монг. *гашилга-* от *гашал-~гашил-* ‘прокисать’. 42. бур. *гоёо-* (монг. только с продуктивным аффиксом: *гоеул-*) от *гоё-* ‘наряжаться’. 43. бур. *гомдохоо-* (два каузативных аффикса: *-хо-*+*-о-*), монг. *гомдоо-* от *гомд-* ‘обижаться’. 44. бур. *гульдха-* от *гульда-* ‘собираться’. 45. бур., монг. *гутаа-* (*//*бур. *гутуул-*) от *гут-* ‘портиться’. 46. бур. *гүсөө-*, монг. *гүйцээ-* от *гүйс-~гүйц-* ‘завершаться, оканчиваться’. 47. бур. *гэгэ-* от *гэ-* ‘говорить’. 48. бур., монг. *гэмтээ-* от *гэмт-* ‘получать повреждение’. 49. бур. *гэнэдхэ-* (монг. — с продуктивным аффиксом: *гэнэдуул-*) от *гэнд-* ‘оплошать’. 50. бур. *дадхаа-* (два каузативных аффикса: *-ха-*+*-а-*), монг. *дасга-* от *дад-~дас-* ‘привыкать’. 51. бур. *доогуурдха-* (*//доогуурдуул-*, монг. только *доогуурдуул-*) от *доогуурд-* ‘быть, оказываться низким’. 52. бур. *дорьбоо-*, монг. *доргио-* от *дорьбо-~доргио-* ‘сотрясаться’. 53. бур. *дошхорхуул-* (два каузативных аффикса: *-ха-*+*-ул-*, *//дошхоруул-*, монг. только *догшруул-*) от *дошхорхо-* (*//дошхор-*, что говорит об опрощении *-хо-* в основе *дошхорхо-*) ‘приходить в ярость’. 54. бур. *дугтарга-* (*//дугтаруул-*, монг. только *дугтруул-*) от *дугтар-* ‘трясти’. 55. бур. *дулаарха-* (монг. *дуларуул-*) от *дулаар-* ‘теплеть; нагреваться’. 56. бур. *дурадха-*, монг. *дуртга-* от *дурд-* ‘упоминать’. 57. бур. *дуһаа-*, монг. *дусаа-*, монгор. *дусā-* от *дус-~дуһ* ‘капать’. 58. бур., монг. *дутаа-* от *дута-* ‘быть в недостатке’. 59. бур., монг., калм. *дуулга-* (*//дуулуул-*), др.-монг. *du'ulqa-* (квадр. письмо), *duulqa-* (CC, § 260) от *дуул-* ‘слушать, слышать’. 60. бур. *дургэ-* от *дур-* ‘гореть’. 61. бур., монг. *дүргэ-* (*//*бур. *дүргүүл-*, что говорит об опрощении *-гэ-*) от *дүр-* ‘наполняться’. 62. бур. *дэбеэ-* (*//дэбюуул-*, монг. только *дэвүүл-*) от *дэби-* ‘махать крыльями’; перен. ‘преодолевать’. 63. бур. *дэбтээ-* (*//дэбтуул-*), монг. *дэвтээ-* от *дэбтэ-~дэвтэ-* ‘пропитываться (водой)’. 64. бур. *дэбэлгэ-* от *дэбэл-* ‘разливаться, выходить из берегов’. 65. бур., монг. *дэгдээ-* от *дэгдэ-* ‘взлетать, подниматься’. 66. бур., монг. *дэгжээ-* от *дэгжэ-* ‘расти, развиваться’. 67. бур. *дэлгээ-* (*//дэлгүүл-*) от *дэлгэ-* ‘расстилать, развертывать’, которое, вероятно, исторически каузатив от *дэли-* ‘натягивать; распяливать’. 68. др.-монг. *deŋselke-* ‘трясти’ (CC, § 174) — от **deŋsel-*, ср. монг. *дэнсл-*

'трястись; сомневаться' (каузатив: *дэнслүүл-*), ср. бур. *дэнш-* 'трястись', показывающее аффиксальность *-л-* в *дэнсл-~deysel*. 69. бур. *дээрдхэ-* (монг. с продуктивным афф.: *дээрдүүл-*) от *дээд-* 'оказываться выше'. 70. бур. *дээшэдхэ-* (*//дээшэдүүл-*) от *дээшэд-* 'подниматься'. 71. бур. *ехэдхэ-*, монг. *ихтгэ-* от *ехэд-~ихт-* 'увеличиваться'. 72. бур., монг. *жагсаа-* от *жагса-* 'выстраиваться'. 73. бур. *жэгшээ-* от *жэгшэ-* 'пугаться'. 74. бур. *жэжэдхэ-* (*//жэжэдүүл-*) от *жэжэд-* 'оказываться меньше, чем нужно'. 75. бур., монг. *залга-* от *зал-* 'выпрямлять, выравнивать; направлять, управлять'. 76. бур. *залираа-* (*//залируул-*) от *залир-* 'прекращаться; угасать'. 77. бур. *замхаа-* (*//замхуул-* с дублированием аффикса) от *замха-* 'затихать, прекращаться'. 78. бур. *зобоо-*, монг. *зовоо-* от *зоб-~зов-* 'мучиться'. 79. бур., монг. *зогсоо-* от *зогсо-* 'статься'. 80. бур. *зохёо-*, монг. *зохио* от *зох-* 'соответствовать'. 81. бур. *зохолго-* от *зохол-* 'зудеть, чесаться'. 82. бур., монг. *зулгаа-* от **зулга-*, ср. бур., монг. *зулгар-* 'вылезать, выпадать (о шерсти)' (ср. выше, список XV, № 13). 83. бур. *зулмаа-* от *зулма-* 'вылезать (о шерсти), шелушиться (о коже)'. 84. бур. *зэдэлгэ-*, в которой *-гэ-* претерпело опрощение, так как основа *зэдэлгэ-* равна по значению исходной форме *зэдэл-* 'шуметь', в связи с чем в языке функционирует наращенная каузативная форма *зэдэлгүүл-*.

По приблизительной оценке полный список основ с рассматриваемыми аффиксами в бурятском языке составит около двухсот глаголов. У.-Ж. Ш. Дондуков отмечает «ограничение сферы деятельности» данных аффиксов, правда, учитывая их «активность в производстве глагольных основ», относит их к «продуктивным моделям глагольного словообразования».[119] Думается, несмотря на многочисленность образований, при оценке характера продуктивности во главу угла следует поставить признак ограниченности числа образований и отсутствия новообразований. По-видимому, именно это и имеет место в отношении аффиксов *-ха-*, *-га-*, *-а-*, причем не только в бурятском, но и в монгольском и калмыцком языках. Симптоматично и взаимоотношение данной формы с наиболее продуктивным показателем *-ӯл-*. Во-первых, в целом ряде случаев аффикс *-ӯл-* присоединился к каузативной основе на *-ха-*, не изменив грамматического статуса основы, т. е. аффикс *-ӯл-* как бы «укрепил», «поддержал» каузативность аффикса *-ха-* — образовались дублеты (см. примеры списка XVI, № 3, 7, 53, 61, 77, 84). Попутно отметим, что в «Сокровенном сказании» из 6 отмеченных нами форм только две — «чистые» (см. примеры списка XVI, № 59, 68), а четыре — это дублеты типа *abqaul-* (§ 198) от *ab-* 'брать'; *hulurkeul-* (§ 193) 'привести в недоумение'; *kurkeul-* (§ 195) от *kur-* 'достигать'; *urkeul-* (§ 240) от *ur-* 'нести на себе'. Ср. еще в памятниках квадратного письма:

---

[119] Дондуков У.-Ж. Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ, 1964, с. 174.

e˙udke˙ul- от *e˙ud-* ‘сооружать’. Во-вторых, около трети из числа приведенных форм имеют либо в одном языке — бурятском или монгольском, либо в обоих дублеты, т. е. наряду с формами на *-ха-∼-га-∼-ā-* есть формы с *-ӯл-* (примеры № 1—4, 6, 11, 12, 14, 15, 17—20, 22, 26, 28, 33, 38, 45, 49, 51, 53—55, 59, 62, 63, 67—70, 74, 76).

Вышеприведенные факты: отсутствие новообразований, наличие дублетов — с учетом данных древнемонгольских памятников — свидетельствуют о том, что аффиксы *-ха-∼-га-∼-ā-* на протяжении обозримой истории монгольских языков теряют и к настоящему времени в бурятском и монгольском языках утратили свою продуктивность, хотя присутствуют в целом ряде образований, в том числе в формах весьма употребительных глаголов.

Возможно, о былой продуктивности и до определенной эпохи — более важном месте в языке по числу образований, чем аффикс *-ӯл-*, говорит и то, что аффикс *-га-* является единственным продуктивным аффиксом в дунсянском и баоаньском языках, а в монгольском, дагурском и монгорском продуктивным аффиксом является *-лга-*, в который, как предполагается, в качестве компонента исторически вошел аффикс *-га-*. В монголистике традиционно считается, что указанные языки вследствие географического и политического обособления в средние века народных масс — их носителей — законсервировали в себе архаические черты. Как можно видеть по материалам этих языков, такая консервация сопровождалась «освобождением» от морфологического богатства в части спряжения и склонения, которое являют нам памятники — образцы литературно-нормированной речи. Не свидетельствует ли исчезновение в этих языках аффикса *-ӯл-* о том, что этот аффикс в ту эпоху был явлением нарождающимся и еще не окрепшим?

Каузативные формы списка XVI обнаруживают три показателя: *-ха-/-хэ-/-хо-*, *-га-/-гэ-/-го-*, *-ā-/-ē-/-ō-*, которые, на наш взгляд, исторически являются фонетическими вариантами,[120] возможно, отражая троичное противопоставление смычных (*к—г—ġ*), о чем говорилось выше, § 1. Если в ауслауте корня данное противопоставление обеспечивало существование лексически различных корней, то тогда вероятнее всего предположить, что в анлауте аффикса согласный подчинялся морфонологическим чередованиям и различие гоморганных согласных в аффиксе не связано с разными значениями (∼разными аффиксами). Наблюдения за аффиксами *-ха-∼-га-∼-ā-* как будто подтверждают некоторую дистрибутивность их употребления (ср. таблицу 2 по вышеприведенным примерам из бурятского языка).

---

[120] В монголистике подобное мнение не высказывалось, ср.: Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963, с. 27—28.

Таблица 2

Конечный звук основы	Аффикс			Конечный звук основы	Аффикс		
	-ха-	*-га-*	*-ā-*		*-ха-*	*-га-*	*-ā-*
б-	1	—	3	*м-*	—	—	1
г-	—	—	2	*р-*	4	7	4
д-	18	2	2	*т-*	—	—	9
ж-	—	—	2	*с-*	1	—	4
й-	—	—	1	*х-*	—	—	3
л-	1	11	—	*ш-*	—	—	2

Как видно из таблицы, после слабого *д* употребляется преимущественно вариант аффикса с сильным *х*, а после сильного *т* — исключительно аффикс *-ā-* < *-га-*; после сверхслабых (resp. сонантов) употребляется вариант *-га-*. Смешанные случаи, которых немного, должны получить дополнительное истолкование. Характерно в этом плане сопоставление монгольских и бурятских форм на *-га-/-ха-* (примеры 6, 11, 16, 18, 20, 22, 25, 29, 33, 50, 56, 71): в тех случаях, когда в бурятском после *д* употребляется *-ха-*, в монгольском этому *д* соответствует *т* или *с*, после которых употребляется *-га-*. В одном случае — пример № 37 — чередование *-га-* и *-ха-* происходит в одной и той же основе одного — бурятского — языка.

Если факты дополнительно-дистрибутивного соотношения в употреблении аффиксов *-ха-*, *-га-*, *-ā-* говорят о том, что это, вероятно, фонетические варианты одного и того же аффикса, то сопоставление данных современных языков с имеющимися древнемонгольскими материалами (см. примеры 22, 23, 59, 68) позволяет сделать вывод о праформе указанного аффикса: это был заднеязычный смычный согласный, следовательно, *-ха-*~*-га-*~*-ā-* < **-ка-*.

В числе фонетически близких аффиксов Г. И. Рамстедт называет *-ки-*~*-ги-* и дает ряд примеров (ниже приводим часть из них в современной графике и со значениями по современному словарю): *алхи-* 'бить, колотить' — *ал-* 'убивать'; *хэлх-* 'нанизывать' — *хэл-* 'говорить' (по Г. И. Рамстедту: 'нанизывать'); *сэтгэ-* (бур. *сэдьхэ-*, по Г. И. Рамстедту: *sedki-*) 'мыслить' — *сэд-* 'замышлять, задумывать'. [121]

Во «Введении» Г. И. Рамстедт склонялся к тому, чтобы сопоставлять этот аффикс с аффиксом *-гу-*~*-ку-*,[122] который он определил в «Учении» как пассивный и интранзитивный.[123]

---

[121] Ramstedt G. J. Zur Verbstammbildungslehre, S. 54—55.
[122] Рамстедт Г. И. Введение, с. 155.
[123] Ramstedt G. J. Zur Verbstammbildungslehre, S. 16.

В «Сокровенном сказании» встречаются две весьма примечательные формы одного глагола: *ulutki-* (§ 154) и *ulitke-* (§ 112) 'перебить, истребить' от исходной формы *ulut-* (§ 105) 'уничтожить, истребить'. К аналогичному случаю можно отнести глагол из этого же памятника *ukutku-* 'одурить, усыпить' и соврем. монг. *ухтгэ-* 'падать в обморок' (со средним значением). Не исключено, что такую же пару составляют *ulke-* 'нанизывать' и *ulki-* (§ 160) 'поносить'. Колебание гласного в аффиксе напоминает здесь соотносительность тюркских и тунгусо-маньчжурских каузативных форм с широким и узким гласным, из которых одни (для тюркских — с широким гласным, для тунгусских — с узким) являются рудиментарными, случайно уцелевшими после прекращения действия гармонии гласных по раствору, а другие — количественно более представлены, хотя и утратили к настоящему времени свою продуктивность. Так, возможно, и в данном случае: оба аффикса произошли из одного форманта **-к(⁰)-* благодаря разделению алломорфов с различной огласовкой. Формы с узким гласным рудиментарны, единичны (ср. также тот факт, что большинство примеров у Г. И. Рамстедта, как он сам замечает, ономатопоэтические глаголы), а с широким гласным более многочисленны (см. список XVI).

Все же предположение о генетическом единстве аффиксов *-ки-* и *-ка-* мы принимаем здесь скорее на основании аналогии с тюркскими языками, чем на основании монгольских данных, особенно скудных в части исторических памятников.

§ 18. Состав каузативных форм в общемонгольском

На основании рассмотренных данных можно заключить, что аффикс *-ка-/-га-* является достоянием общемонгольского состояния, так как, во-первых, он наличествует во всех монгольских языках, во-вторых, *-ка-/-га-* в микросистеме каузативных показателей выглядит более архаичным, чем *-ӯл-* и *-лга-*. Возможно, *-ка-/-га* соотносим с редким основообразующим аффиксом *-ки-*, и оба они являются филиациями единого форманта *-к(⁰)-*.

В составном *-лга-* < **-л-+-га-* *-га-* тождествен общемонгольскому *-ка-/-га-*. Показатель *-л-* имеет, вероятно, аспективную природу: «в монг. значение действия в процессе его осуществления: „как раз собираться сделать“ [у форманта *-л-*], кажется, является более древним, чем специфика значения монгольской переходной формы (транзитива)».[124]

Если составной в своей первоначальной форме аффикс *-ӯл-* < **-вул-* < **-бул-* ощущается относительно более новым, чем *-ка-/-га-*, то его первый компонент **-бу-* должен быть признан достаточно архаичным. Н. Н. Поппе считает, что как самостоятель-

[124] Рамстедт Г. И. Введение, с. 150.

ный аффикс он спорадически сохранялся в старописьменном как *-lu-* и в современных как *-ш-*: [125] ст.-п. *julbu-*, монг. *зулба-* 'линять', бур. *зулбай-* 'быть оголенным'; ст.-п. *körbü-*, монг. *хорво-*, бур. *хурбэ-* 'поворачиваться' — исходные основы здесь предполагаются этимологически. Таким образом, можно предполагать, что каузативный формант **-бу-*, как и *-ка-/-га-* (или **-к(⁰)-*), является прамонгольским показателем.

Часть IV

СЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КАУЗАЦИИ. ПАССИВ И КАУЗАТИВ [126]

§ 19. Семантический механизм каузации

Основная задача каузативного преобразования — представить ту же (на референтном уровне) ситуацию, дополнительно обозначив, что инициатива в производстве действия или создание условий для его осуществления принадлежит особому участнику ситуации — каузатору: *мальчик рассмеялся → клоун рассмешил мальчика*; *собака убежала → старик прогнал (заставил убежать) собаку*; *путник пьет воду → хозяин напоил путника водой*; *девочки собирали ягоды → родители послали девочек собирать ягоды*. Как хорошо известно, каузация объединяет широкий спектр инициации действия «от приказа в самой категорической форме до попустительства в самой пассивной форме».[127] Это зависит от соотношения конкретных (лексических) типов компонентов ситуации: действия, носителя действия и каузатора.

Семантически действия и глаголы, выражающие их, подразделяются на два универсальных для языков класса: I. глаголы с семантикой действия, происходящего в сфере носителя действия, с ним самим; II. глаголы с семантикой воздействия носителя на предмет действия, взаимодействия с предметом. Первый класс — безобъектных — глаголов представлен тремя основными семантическими подтипами: [128] 1) глаголами движения (*человек идет, садится, встает, проходит мимо, уходит*); 2) глаголами физиологических процессов (*человек смеется, плачет, ложится спать, скучает, жиреет, родился, умер, заразился чем-л.*); 3) глаголами

---

[125] Poppe N. Über einige Verbalstammbildungssuffixe, S. 130—131.

[126] Данный раздел в теоретической части написан с учетом упомянувшейся коллективной монографии: Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив (в особенности с. 5—50), а также: Недялков В. П. Каузативные конструкции в немецком языке. Аналитический каузатив. Л., 1971.

[127] Кононов А. Н. Грамматика. . . турецкого. . . языка, с. 201.

[128] Примеры даются в основном по материалам списка XII; русским обозначениям, вроде '*ложиться спать*', '*проходить мимо*', '*нести на спине*' соответствует одна лексема (глагол).

неподконтрольных природных действий (*солнце светит*, *лес загорелся*, *огонь погас*, *дождь идет*).

Второй класс — объектные глаголы — в какой-то степени изосемантичен первому, здесь представлены: 1) глаголы движения по отношению к какому-л. пределу, с какой-л. целью (*следовать за кем-л.*, *догнать кого-л.*, *перебраться через что-л.*, *нести на спине что-л.*, *тащить что-л.*); 2) глаголы речи, мысли, чувства, т. е. в широком смысле физиологических действий, предполагающих распространение действия с носителя на предмет (*говорить что-л.*, *показывать рукой что-л.*, *любить что-л./кого-л.*, *понимать что-л.*), а также физиологических действий в узком смысле, предполагающих воздействие на предмет (*пить что-л.*, *есть что-л.*); 3) глаголы конкретного воздействия на предмет (*делать что-л.*, *строить что-л.*, *подставлять что-л.*, *давать что-л.*).

Носитель действия глаголов объектного класса активен, он инициатор действия; в глаголах безобъектного класса не подчеркнута активность носителя действия, он инактивен, и эта инактивность реализуется как активность носителя действия в глаголах движения и как некоторая непроизвольность в глаголах остальных подтипов.

При каузации инициатива в производстве действия (или создании условий для действия) принадлежит уже не носителю действия, а каузатору, чья активная роль подчеркивается присвоением ему на формальном уровне статуса субъекта в конструкциях с глаголами обоих классов. Однако «судьба» носителя действия в них не совсем одинакова. В конструкциях с глаголами объектного класса носитель действия, будучи активным действователем, остается реальным исполнителем (агенсом) действия. Реализация семантической разновидности каузации зависит от следующего соотношения каузатора и агенса: [129] а) агенс не заинтересован (не хочет, не может и т. п.) в осуществлении действия, каузатор, напротив, заинтересован — при таком соотношении реализуется так называемое фактитивное значение (приказывать, заставлять, просить, умолять), конкретный оттенок которого обычно в глаголе не лексикализован и выражается (или остается невыраженным) средствами контекста и ситуации; б) агенс заинтересован в осуществлении действия, а каузатор не заинтересован — при таком соотношении реализуется так называемое пермиссивное значение в двух подвидах: при пермиссивно-волитивном значении каузатор сознательно допускает (позволяет, разрешает) производство действия, при пермиссивно-инволитивном значении каузатор, не желая, не ведая, по оплошности, недоразумению и т. п., т. е. несознательно допускает, поставлен перед фактом производства действия.

---

[129] Недялков В. П. Каузативные конструкции в немецком языке, с. 15—19; см. также: Кормушин И. В. О пассивном значении каузативных глаголов. — В кн.: Turcologica. К 70-летию А. Н. Кононова. Л., 1976, с. 90.

В каузативных конструкциях с глаголами безобъектного класса инактивность носителя действия может реализоваться либо как активность, либо как неактивность, пассивность. Наиболее ярко это проявляется при глаголах движения. При активном носителе действия — агенсе могут реализоваться все три подвида каузативного значения (ср. кауз. от глагола «выйти»: 1) заставить выйти, выгнать, попросить убраться; 2) разрешить, позволить выйти, выпустить; 3) допустить, не желая того, чтобы кто-то вышел, упустить, выпустить невольно); при пассивном носителе действия роль реального исполнителя — агенса берет на себя каузатор — субъект, а носитель действия превращается в предмет — объект действия (*санитары вынесли больного из палаты*). Различие по линии активности/неактивности носителя действия реализует противоположение дистантной и контактной каузации.[130] В алтайских языках и, в частности, в тунгусо-маньчжурских, может быть прослежена тенденция к распределенности этих типов каузации: образования с непродуктивными аффиксами в большей части случаев передают контактную каузацию, а образования с продуктивными аффиксами — дистантную, ср. эвен. и др. *ӣв-* ‘вносить, вводить, ввозить’, *ӣвкэн-* ‘впускать’ каузативы от *ӣ-* ‘входить’ (список XII, № 27; так же в № 30, 44, 61, 64 и др.); однако чистых случаев распределения мало, иногда продуктивные формы передают дистантную каузацию, а непродуктивные охватывают оба типа каузации, ср. эвенк. и др. *јувкэн-* ‘выпустить’, ‘выгнать’, *јув-* ‘вынести, вывести, вывезти’, но также и ‘выпустить’ (дистантно-каузативное значение) каузативы от *ју-* ‘выходить’ (список XII, № 36); чаще продуктивные формы передают оба типа каузации, а непродуктивные — лишь контактную, ср. эвенк. *уэнэв-* ‘везти, вести, нести’, *уэнэвкэн-* ‘заставить двигаться, привести в движение’, ‘отправить, отпустить’, ‘заводить мотор’ каузативы от *уэнэ-* ‘идти’ (список XII, № 53).

В каузативах от безобъектных глаголов физиологических действий может реализоваться лишь фактитивное значение и только в дистантной разновидности (*рассмешить*, *оживить*); в каузативах от безобъектных глаголов непроизвольных (природных) действий реализуется фактитивное значение, причем дистантно или контактно — зависит от типа действия и каузатора (*вызывать дождь* — только дистантно, *гасить огонь* — контактно (о человеке), и о ветре — скорее дистантно).

В каузативах от объектных глаголов реализуется чаще всего дистантная ситуация; в некоторых глаголах, в частности глаголах приема пищи, взятия предметов, может каузироваться контактное действие.

В силу сказанного о возможностях реализации разновидностей каузативного значения в каузативах от безобъектных глаголов широко распространенное в научной литературе определение

---

[130] Типология каузативных конструкций, с 28—29.

показателей каузативности при непереходных глаголах, в особенности показателей непродуктивных, как «транзитивных суффиксов», «средств образования переходности» и т. п. следует признать недостаточным и потому неверным. Действительно, непереходный глагол при каузации всегда становится переходным. Однако только при части каузативов от непереходных глаголов (в глаголах движения и непроизвольных действий) формально-грамматическое дополнение в содержательном плане становится объектом (лексико-семантически: предметом) действия, что обеспечивает совпадение семантической структуры каузативной конструкции от непереходного глагола с семантической структурой исконно-объектной конструкции. К тому же и в этом случае, как представляется, полного семантического совпадения не происходит: объект каузатива от непереходного глагола (заметнее это на одушевленном объекте) продолжает мыслиться и как носитель действия, а не только как предмет воздействия, тогда как в некаузативных конструкциях от переходного глагола объект — семантически только предмет действия, — в этом «оттенковая» разница указанных двух членов переходных конструкций. Что касается различий в применении продуктивных и непродуктивных показателей, то, как сказано, тенденция закрепить передачу контактной каузации за непродуктивными формами выражена в алтайских языках непоследовательно. В другой же части каузативов от непереходных глаголов (в глаголах физиологических и природных действий) формально-грамматическое дополнение выражает «органичного» носителя действия, который не может быть переосмыслен в предмет (объект) действия.

§ 20. Рефлексивная и пассивная каузация

Особый, но частный случай реализации каузативного значения представляют собой такие каузативные конструкции, в которых в силу определенных денотативных условий действие распространяется на каузатора.

Безобъектные (непереходные) глаголы являются как бы «скрыто рефлексивными», выражая действия, происходящие с самим носителем действия; поэтому рефлексия действия на субъект-каузатор, связанная с «отрывом» действия от носителя, органически невозможна. При каузативном преобразовании объектных глагольных конструкций, напротив, оказываются возможными ситуации, когда действие, инициируемое каузатором и производимое носителем, распространяется на каузатора. Например, от эвенкийского глагола *бодо-* ‘следовать, идти (за кем-л. — дат.-местн. или вин. п.)’ каузатив *бодов-* (непродуктивная форма, см. список XII, № 14), имея значения: 1) взять с собою (кого-л.); 2) вести (кого-л. куда-л.); 3) сопровождать,[131] фактически лекси-

[131] Василевич Г. М. Словарь, с. 57—58.

кализовал рефлексивные ситуации, ср.: 1) *собака следует за своим хозяином → хозяин позволил (заставил) собаке следовать за собой* (> *взял с собой*); 2) *чужак следовал за хозяином здешних мест → хозяин здешних мест согласился, чтобы чужак следовал за ним* (> *вел за собой, сопровождал*).

Из данного примера видно, что каузатор производной каузативной конструкции денотативно совпадает с объектом действия исходной некаузативной, отчего и возникает рефлексия действия на субъект/каузатор. При этом в отличие от собственно-рефлексивной конструкции с глаголом в возвратном залоге (*человек моется*), где субъект является одновременно объектом и агенсом (носитель — предметом и исполнителем) действия, в каузативно-рефлексивной конструкции субъект — каузатор является инициатором и объектом действия, а носитель действия выражается агенсом.

Как каузативно-рефлексивная конструкция является частным случаем каузативной, так и частным случаем каузативно-рефлексивной является конструкция каузативно-пассивная, ср. якутские примеры: 1) *куобах*[1] *сохсого*[2] *баттаппыт*[3] 'заяц[1] придавлен[3] плашкой[2]', 2) *атахпын*[1] *маска*[2] *баттаттым*[3] 'мне[1] ногу[1] придавило[3] деревом[2]'[132] [*сохсо-го*, *мас-ка* — в дат. пад.; *куобах* — имен. пад.; *атах-п-ын* «ногу-мою- (вин. пад.)»; *батта-т-* — продуктивный кауз. на *-т-* от *батта-* 'давить', *-пыт* — афф. перфекта 3 л. ед. ч.; *-тым* — афф. претерита 1 л. ед. ч.; *баттап-* < < *баттат-* перед *п* аффикса перфекта].

Фраза 2 является каузативной конструкцией с пермиссивно-инволитивным значением, в буквальном переводе; 'я[3] [субъект выражен в глаголе] мою[1] ногу[1] дереву[2] дал[3] (невольно допустил) придавить[3]'. Во фразе 1 отсутствует объект, он опущен, так как совпадает с субъектом: *'заяц[1] плашке[2] [себя]* дал[3] (невольно допустил) придавить[3]'. В восстановленном виде данная фраза, как и фраза 2, является каузативной конструкцией с пермиссивно-инволитивным значением; обе фразы являются рефлексивными по содержанию, так как объект действия совпадает с субъектом/каузатором и действие распространяется фактически на субъект; при этом если во фразе 1 субъект полностью совпадает (равен) с объектом действия, то во фразах типа 2 субъект представлен частично или опосредованно (частью тела, предметом или лицом, связанным с субъектом отношениями принадлежности).

Обе фразы в принципе могут реализовать любое из каузативных значений, т. е. не только пермиссивно-инволитивное, как в переводах, но также фактитивное и пермиссивно-волитивное, ср. для фразы 2 какую-нибудь особую ситуацию с умышленным получением ранения на ноге. Во фразах с глаголами негативного

---

[132] Примеры заимствованы из кн.: Харитонов Л. Н. Залоговые формы глагола в якутском языке, с. 64; Якутско-русский словарь. М., 1972, с. 67.

действия, как показывает материал самых различных языков,[133] наиболее часто реализуемым и наиболее ожидаемым является значение инволитивно-пермиссивное. Эллипсис рефлексивного местоимения при негативном глаголе, как во фразе 1, способствует закреплению за данной конструкцией устойчивой реализации именно этого значения, тогда как сохранение рефлексива будет скорее сигналом реализации фактитивного или пермиссивно-волитивного значений.

На основании случаев типа фразы 1, заметно представленных в целом ряде алтайских языков, грамматики тувинского, хакасского, якутского, алтайского, каракалпакского, бурятского, маньчжурского языков указывают на возможность каузативных форм участвовать в выражении пассивных отношений, говорят о «страдательном значении понудительного залога» и т. п.[134] Однако подобная квалификация недостаточно точно вскрывает семантико-грамматическую сторону данного явления.

Как показывает анализ примеров, близкое к пассивному значение в каузативной конструкции реализуется при следующих условиях: 1) субъект/каузатор равен объекту; 2) субъект/каузатор, равный объекту, испытывает неприятное отрицательное воздействие, инициатором которого его трудно предполагать; 3) объект формально эллидирован из конструкции. При данных условиях каузативно-пассивная (каузативно-рефлексивно-пассивная) конструкция сходна по содержанию с пассивной, поскольку в обеих субъект подвергается действию со стороны агенса. Однако каузативная форма глагола поддерживает иллюзию инициации действия со стороны субъекта (субъект как бы «сам виноват» в том, что с ним произошло), тогда как в пассивной конструкции в качестве инициатора действия может выступать только агенс. Вот почему в собственно пассивной конструкции агенс должен быть одушевленным (либо таковым в метафорическом переосмыслении), в то время как в каузативно-пассивной и шире — каузативно-рефлексивной конструкции возможен неодушевленный агенс, как во фразе 1.

Из числа рассмотренных в § 19 и 20 разнотипных значений, реализующихся в каузативных конструкциях, фактитивное является наиболее продуктивным; пермиссивно-волитивное обычно особо отмечается в словарях, из этого можно заключить, что оно

---

[133] Типология каузативных конструкций, с. 30—31; Недялков В. П. Каузативные конструкции в немецком языке, с. 90, 168—169; Летягина Н. И., Насилов Д. М. Пассив в тувинском языке. — «Советская тюркология», 1974, № 1, с. 21—22.

[134] Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка, с. 274; Дыренкова Н. П. Грамматика хакасского языка. Абакан, 1948, с. 69; Харитонов Л. Н. Залоговые формы якутского языка, с. 64; «Грамматика алтайского языка, составлена членами алтайской миссии». Казань, 1869, с. 51—52; Баскаков Н. А. Каракалпакский язык, т. II, ч. I, с. 341—342. Грамматика бурятского языка, с. 202; Захаров И. Грамматика маньчжурского языка, с. 160—162.

образуется не ото всех глаголов, хотя теоретически обычно предполагается его свободная реализация в любом глаголе; пермиссивно-инволитивное значение также отмечается в словарях, реализуется еще реже, чем предыдущее, и его можно признать непродуктивным.

Рефлексивно-каузативные значения реализуются как частный случай каждого из названных трех основных. Пример реализации рефлексивно-пермиссивно-волитивного значения был приведен выше (эвенк. *бодов-* 'взять с собою (кого-л.)'). Рефлексивно-фактитивное значение можно встретить у каузативов, при которых агенс имеет инструментальное значение, ср. эвенк. *туру-* 'поддерживать, подпирать что-л. (о подпорке)' (непродуктивный каузатив, см. список XII, № 67) → *турув-* 'удерживаться (благодаря подпорке)'; данное каузативное преобразование истолковывается следующим образом: '*подпорка поддерживает стену*' → '*стена «заставляет» подпорку поддерживать себя*' > '*стена поддерживается подпоркой*'.

Рефлексивно-пермиссивно-инволитивное (=каузативно-пассивное) значение, как показано выше, — частный случай пермиссивно-инволитивного значения.

Все виды рефлексивно-каузативных значений, в том числе и фактитивно-рефлексивное, частный случай продуктивного фактитивного значения, являются непродуктивными семантическими деривациями, фактически из грамматики перешли в словарь, и «деривационное прошлое» каузативов, содержащих рефлексивные подвиды каузативных значений, распознается при специальном анализе. Врочем, словари некоторых языков, например тувинского, бурятского, в большом числе дают «страдательные» значения при каузативах, в том числе продуктивных, почему вопрос о непродуктивности/продуктивности реализации этого вида каузативного значения нельзя считать решенным.

Часть V

ОБЩЕАЛТАЙСКИЕ КАУЗАТИВНЫЕ ФОРМЫ

§ 21. Тюркский непродуктивный аффикс *-y-/-n-*

Рассмотренный в предыдущем параграфе семантический механизм выражения пассивного значения в каузативной конструкции не оставляет сомнений в возможности генетического единства некоторых пассивных и каузативных показателей.

Наиболее наглядный материал представляют тунгусо-маньчжурские языки. Здесь маньчжурский продуктивный каузативный аффикс *-бу-* одновременно является продуктивным пассивным показателем. Маньчжурский *-бу-* вполне реально объединяет непродуктивный для эвонкийских и нанийских языков каузатив-

ный аффикс *-бу- ~ -му- ~ -ву- ~ -у-* (см. § 12) с продуктивным аффиксом пассива *-бу- ~ -му- ~ -ву- ~ -у-*.

Для тюркских языков Г. И. Рамстедт восстанавливал фонетически аналогичный аффикс, сохранившийся в небольшом числе основ в виде *-п-* после основ на *л*, *р* и *-у-* < *-в-* после остальных основ: казах. *қылп-* 'быть очень острым' при *кылыч* 'меч', бараб. *йылбы-ш-* 'скользить' при *йылан* 'змея', тур. *sülpü-k* 'хрупкий', 'мягкий' [прилагательное на *-k* от **sülpü-*] при *sülkü* 'мягкий', тур. *çal-p-an-* 'плескаться (о воде в ведре)', тур. *kırp-* 'обрезать' при *kırk-* 'обрезать, стричь', уйг. *šäšü-* 'развязываться' при *šäš-* 'развязывать'.[135]

Здесь же Г. И. Рамстедт отметил, что сюда относятся еще некоторые другие примеры на *-u-/-ü-/-i-* из древнетюркских языков. М. Рясянен, следуя замечанию Г. И. Рамстедта, собрал 11 примеров на *-u-/-ü-* из древних текстов: *äsr-ü-* 'быть возбужденным', *baj-u-* 'богатеть', *bäd-ü-* 'расти, становиться высоким', *bäk-ü-* 'быть крепким', *čuγr-u-* 'становиться крепким', *jaγ-u-* 'приближаться', *kyz-u-* 'быть красным', *käŋ-ü-* 'становиться широким', *säš-ü-* 'развязываться', *tar-u-* 'быть тесным', *un-u-* 'применяться (к чему-л.)'.[136]

М. Рясянен указал на возможность присоединения аффикса *-u-* как к глагольным основам, так и к именным; кроме того, вслед за Г. И. Рамстедтом он определял данный показатель как пассивный. Оба эти положения подверг критике К. Менгес, сделавший вывод о глагольности всех приведенных М. Рясяненом основ, а также о медиопассивном характере этого показателя.[137]

Можно привести еще несколько примеров с формантом *-u-*: *adru-* 'различать' при *adïr-* 'различать' (ДТС, 13), *aγru-* 'тяжелеть' (ДТС, 23), *ašu-* 'приумножать' (ДТС, 154, статья: *čöbik*) при *aš-* 'умножать', *azu-* 'уменьшаться' (ДТС, 73), *jaru-* 'светиться, сиять' (ДТС, 243), *jirü-* 'портиться' (ДТС, 263), *kölü-* 'затенять' при *kölit-* 'затенять' (ДТС, 314), *qalnu-* 'утолщаться' (ДТС, 413).

Можно предположить, что в данных примерах, как и в примерах М. Рясянена, формант *-u-* потерял связь с более древним *-pu-/-bu-*, так как он выступает в вокалической форме и после *r*, *l*. Как показывает семантический анализ (см. § 13), медиопассивный глагол проходит определенный цикл развития из каузативного путем элиминирования из лексического значения указания на агенс (какой-либо природный или иной обычный фактор) и переосмысливания действия как происходящего само собой. Лексическое значение ряда приведенных глаголов на *-u-* позволяет видеть за ними предположительно подобный путь развития. Уже в древ-

---

[135] Рамстедт Г. И. Введение, с. 143.

[136] Räsänen M. Die Reflexiva *u* < **bu* im Türkischen. — MSFOu, 1962, 125, S. 441—442.

[137] Menges K. Zum ural-altaischen *-u-/-w-* des medio-passiven Aspekts im Türkischen. — UAJb, 1964, N 35, Fasc. D, S. 423—424.

них языках облик данных глаголов архаичен, и для многих из них производящие основы отсутствуют, в связи с чем нельзя провести доказательного семантического анализа. Некоторые активные глаголы среди примеров на *-и-*, возможно, отражают каузативность форманта. В дальнейшем *-у-/-ӱ-* совершенно исчез как показатель, объединившись, видимо, действием гармонии гласных с гласными основы *-ы-/-и-*. Судя по архаичности медиопассивного и активного *-у-*, являвшийся для него исходным каузативный **-бу-* может считаться наиболее древним в системе каузативных формантов.

§ 22. Сопоставление результатов автономных реконструкций

В тюркской ветви в качестве праязыковых каузативных формантов могут быть представлены **-бу-*, **-(⁰)к-*, **-(⁰)з-*, **-(⁰)р-*, **-(⁰)т-*.

В тунгусо-маньчжурской ветви устанавливаются **-бу-* или **-б(⁰)-* и **-к(⁰)-*.

В монгольской ветви прослеживаются **-бу-* и **-к(⁰)-*.

Монгольские и тунгусо-маньчжурские праязыковые формы совпадают с двумя наиболее древними тюркскими; эти формы, следовательно, можно считать общеалтайскими: **-б/пу-* и **-к/га-*. Необходимо лишь оговорить, что тюркская модель огласовки аффикса перед консонантным элементом, вероятнее всего, более поздняя, т. е. *-(⁰)к- < **-к(⁰)-*; ранняя зафиксирована, как можно думать, в составных аффиксах типа *-к(а)к*, *-к(а)н* и др.[138]

Не исключено, что и другие пратюркские аффиксы найдут себе параллели в монгольском и тунгусо-маньчжурском материале. Так, *-(⁰)р-*, не только каузативный, но и медиопассивный показатель в тюркских языках, вероятно, должен сопоставляться с монгольским и тунгусским медиопассивным *-р-*; такому сопоставлению должна предшествовать проработка материала в каждой из ветвей, поскольку еще не совсем ясно, является ли данный показатель каузативным в исходе.[139] Самый «молодой» тюркский аффикс каузатива *-т-* в действительности достаточно архаичный показатель; на ностратическом уровне он находит параллели в уральском и дравидском;[140] между тем надежного монголо-тунгусского сопоставления у него пока нет.[141]

---

[138] Poppe N. Über einige Verbalstammbildungssuffixe, S. 127—128.

[139] Ср.: Рамстедт Г. И. Введение, с. 158—159.

[140] Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков, с. 13; Poppe N. The problem of Uralic and Altaic Affinity. — MSFOu, 1977, N 158, p. 221—222.

[141] Ср.: Рамстедт Г. И. Введение, с. 157—158.

Д. М. НАСИЛОВ

ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ СПОСОБОВ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ

(В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА)

Категория вида, как это подсказывает опыт компаративистических исследований, например, по индоевропейским языкам, тесно связана с категорией времени и в некоторых случаях является, видимо, более древней, исторически предшествующей системе времен. Поэтому представлялось весьма перспективным изучение данной категории в алтайских языках, тем более что во всех этих языках отмечаются формы, определяемые как видовые. Между тем при ближайшем рассмотрении выяснилось, что подавляющее большинство таких форм функционально ограничено и имеет значительную избирательность и нерегулярность, тесно связанные с семантикой глагола, что является в целом характерной чертой недостаточно грамматикализованных категорий. Известно, что современная теоретическая грамматика признает отдельными, самостоятельными, хотя и понятийно близкими, такие различающиеся по уровню грамматикализованности категории, как вид (Aspekt), предельность-непредельность действия (Terminativ—Cursiv), способ действия (Aktionsart), характер действия (Verbalcharakter), причем вид рассматривается как грамматическая категория, в рамках которой противопоставлены по грамматическому значению формы одного и того же слова. Рассматриваемые формы глагола во всех группах алтайских языков и грамматически, и семантически наиболее близки к тому явлению, которое в грамматике ныне определяется как способ глагольного действия. Это не значит, конечно, что отдельные способы действия и в алтайских языках не обладают достаточной распространенностью, охватывая широкий круг глагольной лексики (например, начинательный, а также курсивный способы действия образуются почти от любого глагола); более того, некоторые формы, грамматикализуясь, могут, видимо, втягиваться исторически в видовременную систему.

Таким образом, как уже отмечалось, подавляющее большинство известных нам «видовых форм» алтайского глагола характеризуют способ глагольного действия (Aktionsart); истинные

видовые значения в алтайских языках могут быть выделены и описаны в рамках видо-временной системы.[1]

Поскольку способы глагольного действия «лексичны» по своему содержанию и определяются как семантические разряды или классы глаголов, объединяемые общностью характеристики развертывания и протекания действия,[2] то все равно оказалось полезным проследить по разным группам алтайских языков принципы организации в них на этой основе глагольной лексики и сопоставить формальные средства выражения тех или иных способов действия; с другой стороны, именно «лексичность» последних, исторически связанная с системой глагольного словопроизводства и покоящаяся на семантике конкретных лексем, может представить ценный материал для анализа древнейших глаголообразующих формантов как в отдельных алтайских языках, так, возможно, и в пределах алтайской языковой общности.

Характер накопленного в алтаистической литературе материала, уровень научной разработки в ней аспектологических проблем, в том числе и описание способов действия глагола, равно как и видо-временных категорий в целом, а также спорность некоторых основных положений в теории общей аспектологии — все это не могло не сказаться на методике и результатах настоящего исследования.

Выделение отдельного грамматического явления в качестве объекта для изучения в ряде языков смещает само исследование в сторону сопоставительно-типологического анализа. Однако такое смещение может быть оправдано применительно к алтайским языкам рядом соображений и, в частности, следующими. В настоящее время доказательство не являющегося «самоочевидным» генетического родства этих языков, на основе которого, видимо, и базируется наблюдаемая известная материальная и типологическая общность, — насущная задача алтайского языкознания.[3] Для достижения этой цели наряду с основным и важнейшим методом сравнительно-исторического изучения алтайских языков оправдано также использование и других методов, в частности методов и приемов структурно-типологического анализа,[4] которые, хотя и являются по отношению к сравнительно-историче-

---

[1] Насилов Д. М. О способах выражения видовых значений в алтайских языках. — Проблема общности алтайских языков. Л., 1971, с. 366—376 (в дальнейшем ПОАЯз). — Возможно, следовало бы в данном случае вообще отказаться от слова «вид», но мы не сочли возможным это сделать, так как в нашей алтаистической литературе традиционно чаще встречается данное словоупотребление.

[2] См.: Маслов Ю. С. 1) Система основных понятий и терминов славянской аспектологии. — В кн.: Вопросы общего языкознания. Л., 1965, с. 55; 2) Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании. — В кн.: *Вопросы глагольного вида*. М., 1962, с. 10.

[3] См.: Суник О. П. Проблемы общности алтайских языков. — ПОАЯз., с. 7—21.

[4] Там же, с. 15, 19—20.

скому дополнительными и второстепенными, помогают, однако, дальнейшему уяснению типологических особенностей алтайских языков.

Нельзя не отметить при этом, что в последнее время в языкознании широко обсуждаются вопросы целесообразности сближения методов структурного и системного изучения языка с типологическими, а также выясняются точки сближения последних с методикой сравнительно-исторического языкознания, причем многими авторами признается рациональным использование типологических методов и при сравнительно-историческом исследовании языков.[5] Важно подчеркнуть, что если структурно-типологические методы дают положительные результаты при историческом изучении родственных языков,[6] то, несомненно, они должны оказаться перспективными при изучении истории тех языков, для которых генетическое родство «не самоочевидно» или пока постулируется. В таком положении, как было указано, находится ныне алтайское языкознание, выясняющее характер связей между большими языковыми группами: тюркской, монгольской и тунгусо-маньчжурской.

При типологическом подходе к языкам необходимо строгое соблюдение принципов анализа материала либо «от содержания к форме», либо «от формы к содержанию». Это особенно актуально для современного состояния алтаистики. Не подлежит сомнению, что здесь накоплен обширный эмпирический материал, во многом еще требующий своего теоретического осмысления. Значительное число работ по конкретным алтайским языкам ориентировано преимущественно на описание означающих, в то время как план содержания, смыслы, или означаемые, остаются в тени. В результате часто оказываются невыясненными структурные отношения между языковыми категориями, репрезентируемыми этими означающими. Если при таком подходе парадигматические связи форм оказываются в той или иной степени выявленными, то синтагматические связи не получают должного освещения. Исследования «от формы к содержанию» позволяют лучше и глубже по-

---

[5] См.: Макаев Э. А. 1) Сравнительная, сопоставительная и типологическая грамматика. — ВЯ, 1964, № 1; 2) Проблемы и методы современного сравнительно-исторического индоевропейского языкознания. — ВЯ, 1965, № 4; Якобсон Р. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание. — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963; Санжеев Г. Д. Сравнительно-исторические и типологические исследования в алтаистике. — В кн.: Лингвистическая типология и восточные языки. М., 1965; Рона-Таш А. О комплексности типологического метода. — Там же; Гухман М. М. Типологические исследования. — В кн.: Теоретические проблемы советского языкознания. М., 1968; Насилов Д. М. Типологические сопоставления в рамках сравнительно-исторического изучения отдельных грамматических категорий в тюркских языках. — СТ, 1971, № 2, и др.

[6] См., например: Ярцева В. Н. Принципы типологического исследования родственных и неродственных языков. — В кн.: Проблемы языкознания. М., 1967.

знать специфику функционирования грамматических категорий как в отдельном языке, так и в каждой группе близкородственных языков, какими и являются тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки, взятые отдельно. Если идти «от содержания к форме», то выясняется, как то или иное значение реализуется в каждом языке (resp. группе языков), какой набор языковых средств служит для его выражения. При этом определяется также, каким способом передается значение, отсутствующее у данной формы в другом языке, а это позволяет увидеть смещение у форм функций, понять развитие новых значений и т. п.: при таком подходе будет явственнее проступать взаимодействие разных уровней языка — морфологического, синтаксического и лексического.[7] Типологические методы анализа позволяют сопоставить семантическую сторону форм, точно описать меру различия их смысловой организации и выстроить на этой основе ряды соотносимых формантов в различных языках в разные периоды их развития. Несомненно, что оба подхода способствуют углубленному пониманию сущности каждой грамматической категории в исследуемых алтайских языках, без чего нельзя успешно продвигаться и в их сравнительно-историческом изучении.

В. Н. Ярцева отметила, что «. . .выгоднее всего сопоставлять не единичные факты, а „малые“ системы, где отдельные явления языка связаны между собой. . . При сопоставительном анализе двух или нескольких языков нужно начинать со сравнения микросистем, соотносительных в этих языках».[8]

В алтайских языках подобную «малую» систему, или микросистему, грамматических форм, как синтетических, так и аналитических, могут представить так называемые «формы вида». Такие формы выделяются исследователями тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языков, а также корейского и японского. В дескриптивных грамматиках они рассматриваются как морфологические средства, служащие для выражения определенных значений, которые именуются видовыми, причем предполагается, что эти значения сходны в разных алтайских языках или принадлежат к одному семантическому полю. Данные формы обычно не связывают с формами времен, а отводят им обособленное место среди прочих глагольных форм. Таким образом, указанные алтайские «видовые формы» с кругом их значений, видимо, могут быть приняты в качестве константы для типологического сопоставления языков.[9]

---

[7] См.: Никитевич В. М. Об одном аспекте исследования деривационной системы субстантива. — ВЯ, 1970, № 5, с. 57—58.

[8] Ярцева В. Н. Принципы типологического исследования родственных и неродственных языков, с. 205.

[9] См.: Гухман М. М. О единицах сопоставительно-типологического анализа грамматических систем родственных языков. — В кн.: Структурно-типологическое описание современных германских языков. М., 1966, с. 26.

Несмотря на наличие описательных грамматик отдельных алтайских языков и даже ряда специальных исследований по этой теме, вопрос о сущности видовых форм алтайского глагола не может считаться окончательно решенным: чувствуется неравномерность изученности данного явления по отдельным группам языков; в работах по отдельным алтайским языкам представлены самые различные воззрения на вид, на его значение и выражение в этих языках; существенным недостатком представляется также перенесение на данные языки схем других языков, и прежде всего русского; в алтаистической литературе применительно к глаголу часто не учитываются достижения в области общей аспектологии, интенсивно развивающейся в последние десятилетия. Все это необходимо иметь в виду при рассмотрении конкретного материала в каждом алтайском языке.

Как уже указывалось, современная аспектология рассматривает вид (аспект) как грамматическую категорию, т. е. как «оппозицию или корреляцию форм, противопоставленных по грамматическому значению».[10] Признание этого позволяет рассматривать соотносимые видовые формы как коррелирующие формы одного и того же слова, т. е. в пределах одного и того же лексического значения на уровне словоизменения.[11] Для русского языка это будет корреляция форм совершенного и несовершенного вида. В ней совершенный вид получает положительную характеристику, а несовершенный — либо отрицательную, либо признается неопределенным членом оппозиций. Ю. С. Маслов устанавливает общее значение совершенного вида как «обозначающего действие в его неделимой целостности, а несовершенного вида — как отрицательного члена видового противопоставления, представляющего собою лишь противоположность совершенного».[12] Аналогично определяет русский вид и А. В. Бондарко.[13] Однако указанная концепция вида, опирающаяся на понятие целостности, фазовой неделимости действия, не является единственной в русистике. Существует и ряд других точек зрения, берущих за основу иные, хотя, по существу, близкие, критерии в определении совершенности/несовершенности. Среди них укажем только на

---

[10] Маслов Ю. С. Система основных понятий. . ., с. 55.

[11] См.: Маслов Ю. С. Вопросы глагольного вида. . ., с. 9; Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., 1967, с. 46—49; Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М., 1971; Молошная Т. Н. О видовой парности глаголов в славянских языках. — В кн.: Проблемы грамматического моделирования. М., 1973, с. 243—245; Koschmieder-Schmid K. Vergleichende Griechisch-Slavische Aspektstudien. München, 1967, S. 35—37; ср., однако: Авилова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976; Авилова Н. С., Дмитренко С. Н. и др. Спорные вопросы описания грамматического строя русского языка. — ВЯ, 1973, № 4, с. 48—49.

[12] Маслов Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление). — В кн.: Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959, с. 309.

[13] Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол, с. 75.

подход к виду, определяемому через признак достижения предела действия или достижения его конечного результата.[14] В таком случае «в понятии совершенного вида основным признаком является признак предела действия, достижения цели, признак ограничения или устранения представления о длительности действия».[15] Это определение В. В. Виноградова поддерживает, например, и Б. Н. Головин, который пишет, что «. . . в основе грамматического видового значения необходимо лежит признак, охватывающий все совершенные и несовершенные глаголы. Этим признаком и является предельность действия».[16] Тогда «совершенный вид отражает предельность как внутреннюю, т. е. качественную границу в развитии процесса, т. е. ту его точку, в которой процесс, именно этот процесс, возникает или умирает, переходит в иной процесс»,[17] а несовершенный вид обозначает действия вне связи с данной характеристикой.

Если принимать определение Ю. С. Маслова об общем значении совершенного и несовершенного видов (целостность), то следует учитывать, что оно остается справедливым по крайней мере для русского и других славянских языков. Поскольку для других языков грамматическая оппозиция совершенного и несовершенного вида не принимается, то термин «вид» теряет свою определенность и приобретает «широкое значение», связанное с указанием на особенности протекания глагольного действия вообще, на что неоднократно и ссылается Ю. С. Маслов.[18] Однако если отталкиваться от значения предельности, то понятие о виде, вербятно, можно отнести к ряду языков однозначно, как определенное выражение в них проявления предельности или достигнутости предела и непредельности действия соответственно — недостигнутости предела действия, хотя и без присущей русскому языку высокой степени грамматикализованности данного явления, вылившегося в разбиение всей глагольной лексики на два противостоящих по грамматическому значению класса: глаголы совершенного и несовершенного вида.

Однако вопрос о предельном или непредельном характере глагольного действия, о предельных и непредельных глаголах является в аспектологии тоже недостаточно разработанным, и, видимо, ученые употребляют термин «предельность» неоднозначно. Ю. С. Маслов объясняет это тем, что предельность часто не получает в языках четкого формального выражения, а про-

---

[14] См.: Маслов Ю. С. Вопросы глагольного вида. . ., с. 20.

[15] Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.—Л., 1947, с. 497.

[16] Головин Б. Н. О видовых и внутривидовых грамматических значениях современных русских глаголов. — Учен. зап. Вологодского пед. ин-та, 1950, т. 7, с. 265.

[17] Там же. — Правда, автор понимает «предельность действия» несколько иначе, чем В. В. Виноградов.

[18] См.: Маслов Ю. С. 1) Глагольный вид. . ., с. 157—165; 2) Вопросы глагольного вида. . ., с. 7—32.

является через взаимодействие с различными глагольными категориями.[19] Принято считать, что предельность/непредельность являет собой семантическую абстракцию, стоящую на пути к еще более широкой абстракции — глагольному виду.[20] Таким образом, распределение глаголов по признаку предельности происходит на семантическом уровне и, как правило, не находит последовательной формально-грамматической поддержки, хотя само это явление обнаруживается, как указывает Ю. С. Маслов, во многих, вероятно во всех, языках мира.

Рассматривая такое распределение глаголов в корейском языке, А. А. Холодович приходит к выводу, что «рассечение всех глаголов на два класса. . . не является результатом формальной операции»,[21] а возникает через процедуру интерпретации, т. е. соотнесения факта языка с фактом объективной действительности. В связи с последним А. А. Холодович приходит к выводу, что группировка по предельности/непредельности должна иметь универсальный характер и быть межъязыковой: «Иными словами, какой бы мы язык ни взяли, всюду глагол „садиться" будет предельным. . ., а глагол „петь" — непредельным».

В современной аспектологии последовательно разграничиваются понятия вида (аспекта) и способа действия. Ю. С. Маслов следующим образом определяет последнее понятие: «Способы действия — это семантические . . . разряды глаголов. Они выделяются на основе сходства в типах протекания и распределения во времени глагольного действия. . . Способы действия лежат в иной плоскости, чем виды, но так или иначе взаимодействуют с видами. . . По нашему мнению, понятие способа действия, в общем довольно четко выкристаллизовавшееся в современной аспектологии, широко распространенное и весьма плодотворное, не нуждается в настоящее время в коренном пересмотре, а тем более — в устранении».[22] Таким образом, способ действия рассматривается как семантическая характеристика протекания и распределения глагольного действия. В языке отдельные способы действия могут получать формальное выражение, и тогда говорят о «характеризованных» способах действия, противопоставляя их «нехарактеризованным» и «непоследовательно характеризованным».

---

[19] Маслов Ю. С. Вопросы глагольного вида. . ., с. 16.

[20] См., например: Маслов Ю. С. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида. М., 1958, с. 18; Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол, с. 28—29; Балин Б. М. Немецкий аспектологический контекст в сопоставлении с английским. Калинин, 1969, с. 39—40; Кошевая И. Г. Типологические структуры языка. Сфера видо-временных значений. Киев, 1972, с. 25—33.

[21] Холодович А. А. О предельных и непредельных глаголах (по данным корейского и японского языков). — В кн.: Филология стран Востока. Л., 1963, с. 7.

[22] Маслов Ю. С. Система основных понятий. . ., с. 71.

В новой академической «Грамматике русского языка» выделяются 5 групп способов действия, характеризующих протекание действия во времени, выражение его результата, интенсивность и усиление, смягчение и кратность действия. Всего в этой грамматике с учетом схемы А. В. Бондарко перечислено 16 характеризованных и 2 нехарактеризованных способа действия с некоторыми разновидностями.[23]

Хотя группировки глаголов по способам действия и по предельности являются семантическими, в их основе лежат разные семантические критерии и основания, которые следует последовательно разграничивать. Способ действия указывает, как развивается само действие, а в явлениях предельности/непредельности характеризуется, так сказать «преемственность действий», в терминах А. А. Холодовича — «степень свободы состояния» или тот внутренний предел, преодоление которого ведет к смене действия-состояния. Таким образом, способ действия и предельность характеризуют само действие-состояние с разных сторон, поэтому распределение глаголов на их основе может быть произведено самостоятельно, но в некоторых точках может совпадать или пересекаться.

Поскольку разграничение способов действия и выявление предельных и непредельных глаголов представляют собой семантические операции, преследующие цель распределить глаголы по семантическим группировкам и классам, естественны те трудности, которые возникают перед исследователем, как и всегда при семантической интерпретации материала. Этим, очевидно, и объясняется различная характеристика способов действия и их количество у отдельных авторов, проблематичность отнесения того или иного глагола к классу предельных или непредельных и т. п. Однако, с другой стороны, способы действия определенным образом характеризуют действия или состояния, соотносимые с объективной действительностью: тогда появляется возможность объективно определить и исчислить эти способы действия. Дело в том, что до сих пор не определен принцип их исчисления.

Некоторые ученые считают способы действия первой семантической абстракцией, на базе которой возникает абстракция более высокого уровня — предельность/непредельность, стоящая на пути к грамматической категории вида. Поскольку аспектологи высказываются за универсальность корреляции предельность/непредельность, характерной, по их мнению, если не для всех, то для большинства языков, получается, что только в славянских языках она как-то перерастает в грамматическую категорию вида,

---

[23] Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 346—350. — В то же время М. А. Шелякин выделяет 39 приставочных способов действия (см.: Шелякин М. А. Приставочные способы глагольного действия и категория вида в современном русском языке. Автореф. докт. дисс. Л., 1972). Ю. С. Маслов для славянских языков предлагает шкалу способов действия, насчитывающую 25 основных подразделений.

проявляясь в других языках на разных уровнях в различных аспектологических контекстах. В аспектологических контекстах славянских языков взаимодействуют прежде всего вид и время, а, например, в германских языках — предельность/непредельность и время (время и именно предельность/непредельность, а не способы действия!).

Таким образом, предельность и аспект, понимаемый на основе категориального значения предела действия и его модификаций (достигнутости, преодоленности, целостности, неделимости и т. п.), получают общее семантическое основание для взаимного сопоставления в плане исторической преемственности и обусловленности, а также разноуровнего языкового проявления. Универсальный характер предельности позволяет поставить вопрос, не на ее ли основе базируется в языках категория аспектуальности, формализующая особенности проявления в данном языке значения предела действия, и не именно ли предельность/непредельность регулирует возможности образования способов действия в конкретной глагольной лексеме и определяет способность этих модифицированных глаголов выступать в том или ином аспектологическом и временном контексте. Положительный ответ в данном случае позволил бы признать, с одной стороны, аспектуальное значение языковой универсалией, с другой — иметь достаточно определенное (или возможное быть однозначно определенным) значение для аспектологического типологического исследования «от содержания к форме» (вместо расплывчатого «характер протекания глагольного действия»), и, наконец, благодаря такому пониманию «специфический» славянский вид оказался бы закономерно включенным в общее русло подобных исследований. Однако пока не обследовано достаточное количество разносистемных языков, однозначные ответы на эти вопросы получить, видимо, невозможно. Между тем указанный подход к проблеме представляется нам перспективным, и было бы интересным обратиться к материалу алтайских языков с этой точки зрения.

Следует указать, что в последние годы в отечественной аспектологии предприняты сопоставительные исследования, принимающие в качестве семантического ядра аспектуальности выражение предельности действия, хотя она и понимается авторами несколько различно; неодинаковы также их исходные общетеоретические позиции. Здесь можно указать на работы Б. М. Балина и на серию публикаций (включая монографии) И. Г. Кошевой (Долининой).

С точки зрения Б. М. Балина, языковая понятийная категория аспектуальности «есть высшая абстракция в характере глагольного действия, различаемая на уровне синтагматики как бинарная семантическая оппозиция, сильный член которой (предельность действий — ПД) маркирован значением преодоленности предела действия, а для слабого (непредельность действий —

НПД) характерно отсутствие этого качества». В славянских языках, в частности в русском, она совпадает с грамматической категорией вида. Категория аспектуальности имеет в целом универсальный характер и поэтому представлена «в преобладающем большинстве языков мира».[24] В этой концепции семантическим центром остается для всех сопоставляемых языков предельность/непредельность, тоже семантическое понятие, связанное с качественной характеристикой действия. Что касается способов действия, то они оказываются здесь вне поля исследования, так как они, группируя глаголы в лексические классы, не имеют прямого отношения к языковой понятийной категории аспектуальности. Система же временных форм рассматривается как одно из средств организации аспектологического контекста, в котором и происходит реализация действия конкретного глагола.

И. Г. Кошевая считает, что предельность «является связывающим звеном всей видо-временной зоны, хотя имеет различные формы проявления — от сугубо конкретных, лексических до в высшей степени абстрактных — грамматических».[25] Предельность может быть представлена как реальная, так и виртуальная. «И та, и другая могут входить в категорию вида. Однако их проявление там носит различный характер».[26] «Характерно, что отношения перфективности—имперфективности (для английского языка, — Д. Н.), так же как совершенности—несовершенности, строятся на единстве ряда противоположных значений, которыми являются предельность. . . и длительность».[27] Поэтому понятие предельности автор использует как «своеобразный эталон» для типологического исследования.

Развивая идею о языковых функционально-семантических категориях, А. В. Бондарко говорит о категории аспектуальности как основе для сопоставительно-типологического анализа,[28] в результате которого выясняется ее грамматическое ядро в соотношении с периферийными средствами, а также ее взаимодействие с другими функционально-семантическими категориями (например, темпоральностью, модальностью, залоговостью и т. п.). С позиций А. В. Бондарко, среди репрезентантов аспектуальности в русском языке оказываются прежде всего вид (ее ядро, центр) и способы действия, однако остается неясным, можно ли в языках, где отсутствует грамматическая категория вида, признавать в качестве нового центра этой категории способы глагольного действия. Видимо, это допустимо лишь при «широком» по-

[24] Балин Б. М. Немецкий аспектологический контекст. . ., с. 30, 39.
[25] Кошевая И. Г. Типологические структуры языка, с. 227.
[26] Там же, с. 228.
[27] Там же, с. 229.
[28] См.: Бондарко А. В. 1) К проблематике функционально-семантических категорий (глагольный вид и «аспектуальность» в русском языке). — ВЯ, 1967, № 2; 2) Грамматическая категория и контекст. Л., 1971; 3) О некоторых аспектах функционального анализа грамматических явлений. — В кн.: Функциональный анализ грамматических категорий. Л., 1973.

нимании аспектуальности, как отражающей любые особенности протекания действия, что, с нашей точки зрения, не позволяет четко определить константу для типологического сопоставления языков.

Из схематического обозрения точек зрения ряда отечественных аспектологов[29] на интересующие нас проблемы видно, как различно они понимаются и решаются. Наиболее спорными оказываются, естественно, моменты различения и распознавания лексического и грамматического в категории аспектуальности. Даже для русского языка, «несмотря на многочисленные исследования . . ., проблему вида нельзя считать решенной, поскольку еще не выработаны последовательные принципы разграничения грамматических и лексических элементов и значений в пределах этой категории».[30] Однако успехи общей аспектологии, начавшей заниматься проблемами аспекта в различных языках, а не только славянских, дают реальную основу для новых разработок и на материале алтайских языков.

Прежде чем перейти к изложению материала, необходимо остановиться на некоторых моментах разработки интересующих нас вопросов в отдельных алтайских языках, а также в рамках проблемы алтайской языковой общности.

История изучения вида тюркского глагола,[31] сводка точек зрения, существующих по этому вопросу, изложены в той или иной степени подробности в ряде работ,[32] поэтому здесь целесообразно привести только основные результаты, характеризующие общее состояние проблемы в настоящее время. В многочисленных тюркологических работах находит отражение, как известно, троякий подход к проблеме вида в тюркских языках. Одни исследователи постулируют наличие в тюркских языках катего-

---

[29] Взгляды отдельных зарубежных аспектологов представлены в кн.: «Вопросы глагольного вида»; см. также: Маслов Ю. С. Русский глагольный вид в зарубежном языкознании последних лет. — В кн.: Вопросы русской аспектологии. Воронеж, 1975.

[30] Шведова Н. Ю., Лопатин В. В., Улуханов И. С., Плотникова В. А. Изучение грамматического строя русского языка. — В кн.: Теоретические проблемы советского языкознания. М., 1968, с. 296.

[31] Термин «вид» употребляется здесь чисто условно.

[32] См. сб.: Вопросы грамматики тюркских языков. Материалы координационного совещания по проблемам глагольного вида и сложноподчиненного предложения в тюркских языках. . . Алма-Ата, 1958; Серебренников Б. А. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960, с. 12—31; Ганиев Ф. А. Видовая характеристика глаголов татарского языка. Казань, 1963; Юлдашев А. А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965, с. 29—53; Сайкиев Х. М. Грамматические категории глагола в русском и казахском языках (к проблеме типологических исследований). Алма-Ата, 1973, с. 190—239; Шакирова Л. З. Научные основы методики обучения категориям вида и времени русского глагола в тюркоязычной (татарской и башкирской) школе. Казань, 1974, с. 73—87; Насилов Д. М. Еще раз о виде в тюркских языках (к истории вопроса). — В кн.: Turcologica. К 70-летию акад. А. Н. Кононова. Л., 1976, и др.

рии вида, аналогичной имеющейся в русском языке; другие считают, что в указанном понимании в этих языках вида нет, но есть отдельные формы, которые выражают разные оттенки действия, иногда сходные с видовыми значениями русского глагола. Наконец, третьи допускают наличие категории вида в тюркских языках, но в силу специфики последних эта категория проявляет себя в них совершенно особо по сравнению с другими, в том числе и славянскими языками.

Хотя сам термин «вид» употребляется в грамматиках для обозначения производных форм тюркского глагола уже давно, в него вкладывается различное содержание, часто не соотносимое даже с понятием о русском виде.

В дореволюционных тюркологических работах, как правило, вопрос о категории собственно тюркского вида не поднимался, хотя в них описывались отдельные способы действия, выделялись видовые значения у временных форм и указывались возможности передачи в тюркских языках отдельных значений русских видов.

Направление в тюркологии, уделяющее много внимания выявлению в тюркских языках аналогии совершенному и несовершенному виду русского языка, сложилось в 30—40-е гг. В центре исследования оказались преимущественно аналитические образования или конструкции, структурно состоящие из сочетания деепричастной формы основного, знаменательного глагола с различными формами вспомогательного, служебного глагола[33] и используемые в тюркских языках для передачи модифицированного действия, семантика которого отличается от семантики основного глагола в плане указания на характер и особенности его протекания.

В то же время в отечественной тюркологии крепнет направление, отрицающее наличие в тюркских языках грамматической категории вида. «Видов в тюркских языках нет. Сочетания деепричастий с вспомогательными глаголами хотя и обладают видовым значением, но не образуют категории грамматического вида, поскольку завершенность или длительность действия в них всегда осложнена дополнительным оттенком».[34] В свою очередь, из подобных утверждений вытекала необходимость квалифицировать статус сложных глагольных образований в тюркских языках. Квалификация через призму славянского вида наталкивается, естественно, на трудности. Б. А. Серебренников предложил именовать их видовыми классами — «своего рода осколочными видами».[35]

[33] Далее в работе в подобных аналитических образованиях первый глагол называется традиционно «основным глаголом», а второй, сочетающийся с ним, — «вспомогательным». Правомерность такого обозначения не рассматривается, а также специально не решается вопрос о формально-грамматической сущности данных образований в отдельных языках.

[34] Серебренников Б. А. Проблема глагольного вида в тюркских языках. — В кн.: Вопросы грамматики тюркских языков, с. 30.

[35] Серебренников Б. А. Категории времени и вида в финно-угорских языках. . ., с. 24.

Некоторые тюркологи, исходя из «широкого понимания вида», определяли эти конструкции просто как «видовые», поскольку они дают «. . .объективную характеристику процесса действия или состояния по отношению ко времени и пространству».[36]

Сейчас, пожалуй, следует признать, что идея о том, что в тюркских языках категория грамматического вида отсутствует, стала в тюркологии господствующей. По крайней мере во многих новейших грамматиках и исследованиях по глаголу вопроса о виде часто не касаются вообще, а сложные глагольные конструкции (наряду с аффигированными глаголами) рассматриваются в рамках выражения ими характера протекания глагольного действия. Более того, в ряде новейших работ предприняты попытки при описании тюркского глагола опираться на достижения общей аспектологии, т. е. стремление отграничить собственно видо-временные значения от значений способов действия, выделить такое семантическое явление как предельность/непредельность глагольного действия и связать с ним особенности функционирования видовременных форм в контексте.

Здесь можно указать на обстоятельную монографию шведского тюрколога Л. Юхансона «Аспект в турецком языке», где на обширном материале исследуется видовое содержание видовременных форм турецкого глагола.[37] Ф. А. Ганиев, обратившись к видовой характеристике глаголов в татарском языке, относит «видовые значения», реализуемые сложными глаголами, к категории характера протекания действия глаголов или же к категории способов глагольного действия.[38] Он использует понятие предельности/непредельности глаголов как лексико-семантического явления для объяснения семантики сложных глаголов и отдельных контекстуальных значений простых глаголов и временных форм. Аналогичных взглядов придерживается А. Н. Тихонов, который считает, что «отсутствие видов в тюркских языках компенсируется не только богатой системой времен, но и наличием широко разветвленной системы способов действия (Aktionsart), которые обычно принимают за виды исследователи тюркских языков».[39]

---

[36] Баскаков Н. А. Каракалпакский язык. Т. II. Фонетика и морфология. Ч. 1. (Части речи и словообразование). М., 1952, с. 352.

[37] Johanson L. Aspekt im Türkischen. Uppsala, 1971. См. рец.: Кузнецов П. И. Аспект и акционал в турецком языке. — СТ, 1975, № 3.

[38] Ганиев Ф. А. Видовая характеристика глаголов татарского языка, с. 116—172.

[39] Тихонов А. Н. Существует ли категория вида в тюркских языках. — В кн.: Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е. Д. Поливанова. Материалы конференции. Самарканд, 1964, с. 206; ср. также: Сейфуллин М. Г. О некоторых особенностях глагольного вида как категории грамматики. — В кн.: Филологический сборник. Вып. I. Алма-Ата, 1963, с. 186—197; Кибиров Ш. К вопросу о видах глагола в тюркских языках (на материале уйгурского языка). — В кн.: Исследования по уйгурскому языку. I. Алма-Ата, 1965, с. 117—136; Оралбаева Н. Аналитические формы глагола в современном казахском языке. АДД, Алма-Ата, 1971.

Действительно, в тюркологии до сих пор видом, как правило, именовали любые характеристики протекания действия, но по преимуществу те, которые ныне в аспектологии без колебаний относятся к способам глагольного действия; там же, где указывалось на совпадения с русским видом или даже на видовое содержание глагольных основ, речь фактически должна идти о предельном/непредельном значениях конкретных тюркских глагольных лексем, о контекстуальном выражении достигнутости или недостигнутости предела, а также о видовых оттенках временных форм.

Таким образом, можно ожидать, что отказ от разрешения видовой проблемы в тюркских языках в том плане, как она ставилась до настоящего времени, скажется положительно на изучении видовременных форм тюркского глагола, на анализе аспектологических контекстов и на описании способов действия и средств их выражения в тюркских языках. Только после уяснения этих вопросов возможно широкое использование тюркских данных при рассмотрении вида как языковой универсали.[40] Исследование структуры способов действия в отдельных тюркских языках только начинается, и в новых публикациях содержатся первые важные результаты этой работы.

Разработка видовой проблематики в монголистике, хотя и занимает в ней в целом меньшее место, чем в тюркологии, имеет много общего с последней. Здесь тоже внимание обращается прежде всего на сложные глагольные конструкции с вспомогательными глаголами. Характерно также, что проблема видов в монгольских языках активно обсуждается в советской монголистике, в то время как в работах дореволюционных монголистов и зарубежных ученых, как правило, эта проблема не разрабатывалась.

Начиная с первых грамматик монгольских языков их авторы выделяют в системе глагола особые формы, которые передают характеристику протекания глагольного действия, и рассматривают их, с той или иной степенью полноты, или среди сложных временных форм, или как специальные аналитические формы или конструкции. Такие формы используются для передачи продолженности, неоконченности действия или, наоборот, законченности, совершенности, однократности. При этом многие авторы нечетко противопоставляют сложные временные формы и сложные глагольные образования, передающие исключительно характер протекания глагольного действия, впрочем, это отмечается и в работах более позднего времени, а также и в некоторых современных исследованиях, что объясняется в первую очередь слабой разработкой вопросов теории глаголообразования и глаголоизменения в алтаистике. Попытку некоторого разграничения этих форм предпринял уже М. А. Кастрен в своей классической грам-

[40] Некоторые шаги в данном направлении предприняты в работе И. Г. Долининой (Кошевой) «Предельность в видо-временной системе глагола (на материалах английского, русского, карачаево-балкарского, кубачинского, адыгейского, кабардино-черкесского языка)» (АДД, М., 1965).

матике бурятского языка.[41] Так, например, форму со значением настоящего многократного (frequentatives Präsens) он выводил из системы времен, объясняя ее как спрягаемую форму глагольного имени и указывая, что она, а также и другие временные образования с данным именем обозначают особые модификации действия. Что касается аналитических конструкций с семантикой способов действия, то он их специально не рассматривал, отметив только, что в бурятском языке развиты «сложные и перифрастические формы».

В своих работах по монголистике Вл. Котвич неоднократно обращал внимание на глагольные формы (как синтетические, так и аналитические), которые характеризуют особенности протекания действия. Хотя Вл. Котвич и употреблял выражение «вид действия», он понимал под ним модификацию действия со стороны характера его протекания.[42]

А. Д. Руднев, как и Кастрен, попытался систематизировать временные формы и формы характеристики действия и разграничить их по семантике.[43]

Особое место среди монголоведческих работ по глаголу занимает описание Г. И. Рамстедтом глагольных форм халхасского диалекта.[44] Следуя своему пониманию соотношения морфологии и синтаксиса (оно определялось влиянием на автора младограмматической традиции, а также работы Дж. Риса по синтаксису), Г. Рамстедт так называемые сложные формы (zusammengesetzte Formen) выводил из круга рассматриваемых им языковых фактов и касался их только попутно (преимущественно в разделе синтаксиса) при описании временных или деепричастных форм. Он отмечал, однако, что такие формы различаются не только и даже не столько особенностями характеристики временных отношений между действиями, сколько указанием на своеобразие протекания самого действия; кроме того, сложные глаголы, состоящие из деепричастия и другого глагола, образуют часто единую группу слов, передающую одно единое понятие.

Новый этап изучения синтетических форм глагола и сложных глагольных образований со значением характеристики действия связан уже с советской монголистикой. Пожалуй, одним из первых среди монголистов Г. Д. Санжеев стал широко применять термин «вид» по отношению к этим глагольным формам. Наиболее полно взгляды автора изложены во второй части «Сравнительной грамматики монгольских языков». Здесь Г. Д. Санжеев опре-

[41] Castrén M. A. Versuch einer burjatischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis. SPb., 1857.

[42] См.: Насилов Д. М. Вл. Котвич о способах действия в алтайских языках. — В кн.: Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. 2. М., 1975.

[43] Руднев А. Д. Хори-бурятский говор. Вып. 1. Опыт исследования. Пгр., 1913—1914, с. LXVII—LXXII.

[44] Ramstedt G. J. Über die Konjugation des Khalkha-mongolischen. — MSFOu, 19, 1903.

деляет вид как категорию, которая показывает, «каким образом протекает действие с точки зрения характеристики его темпов, интенсивности, ритмичности, степени завершенности или законченности, результативности и т. д.».[45] Он устанавливает в некоторых монгольских языках 5 видов: интенсивный, учащательный, окончательный, несовершенный, совершенный.

Из широкого понимания видовой категории в монгольских языках исходит Д. А. Алексеев. Ее специфику он видел в том, что «вид . . . характеризует процесс действия с начала до конца, выражая завершенность и незавершенность, длительность и краткость, прерывистость или кратность, результативность, интенсивность, мгновенность действия».[46]

Поскольку в монгольских языках широко распространены сложные глаголы, выражающие характеристики глагольного действия, некоторые исследования посвящены описанию таких сложных глаголов.[47] Прежде всего следует отметить работу К. М. Черемисова, где впервые в монголистике достаточно подробно описаны вспомогательные глаголы.[48] К ней непосредственно примыкает статья Т. А. Бертагаева о вспомогательных глаголах, в которой рассматриваются различные сочетания глаголов, как передающие новые оттенки действия, так и образующие новые лексические единицы.[49]

Анализу вспомогательных глаголов в литературном монгольском языке посвящена монография Т. Пагбы, который стремился определить степень грамматикализованности служебных глаголов в разных типах сочетаний их с именными и глагольными компонентами.[50] Поскольку он исходит при этом из значения предела действия, то он фактически говорит о выражении в монгольском языке предельности/непредельности действия и в какой-то мере о предельных и непредельных глаголах в этом языке. К сожале-

---

[45] Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963, с. 5—12, 65—71. (Далее: Санжеев Г. Д. Глагол).

[46] Алексеев Д. А. Категория вида в бурятском языке. Общие замечания. — В кн.: К изучению бурятского языка (Труды Бурятск. ин-та общественных наук, вып. 6). Улан-Удэ, 1969, с. 61.

[47] Изложение истории изучения этих аналитических образований и подробную характеристику посвященных данному вопросу работ см.: Цыдыпов Ц.-Ж. Аналитические конструкции в бурятском языке. Улан-Удэ, 1972.

[48] Черемисов К. М. Заметки по бурят-монгольскому языку. I. Синтаксическое употребление некоторых глаголов. — Записки БМГНИИЯЛИ, вып. I. Улан-Удэ, 1939, с. 24—69.

[49] Бертагаев Т. А. О сложных и некоторых других глагольных образованиях в бурят-монгольском языке. —Записки БМНИИК, вып. X, Улан-Удэ, 1950, с. 95—124.

[50] Пагба Т. Вспомогательные, или служебные, глаголы в современном монгольском литературном языке. — Studia Mongolica, t. IV, fasc. 1, Улан-Батор, 1961. — Во вводной части автор рассматривает историю изучения служебных глаголов и их трактовку в монголоведческой литературе. Интересно изложение точек зрения монгольских ученых Ринчена, Лувсанвандана, Дамчигдоржа.

нию, эти верные теоретические положения не получили должного развития в работе Т. Пагбы.

Аналитические конструкции, которые наряду с аффиксами используются для передачи «видовых значений действия», рассматривались З. В. Шевернинoй[51] и на материале калмыцкого языка в диссертации М. Д. Онджановой.[52] Среди глагольных аналитических конструкций в бурятском языке Ц. Цыдыпов выделяет аналитические видовые конструкции, которые служат для передачи четырех видов: продолженного (типа *уншажа байна* 'читает'), законченного (*уншаад байна* 'прочитал'), многократного (типа *уншадаг байна* 'постоянно читает'), потенциального (*уншахаа байна* 'станет читать').[53] Помимо видов, автор отмечает в бурятском языке видовые классы, или способы действия, выражающие интенсивность, ритмичность, учащательность, ослабленность действия. Некоторые из рассматриваемых автором форм вида другими исследователями включаются в состав видо-временных форм и признаются выразителями, например, перфектности, континуативности и т. п.

П. Аалто, признавая наличие в языках объективного и субъективного аспектов, провел сравнение ряда аналитических форм с вспомогательными глаголами в «Сокровенном сказании» и в современных языках.[54] Он обратил внимание на устойчивость подобных образований, отметил их формальное развитие в сторону опрощения, высказал мысль об универсальном характере использования в некоторых языках вспомогательных глаголов.

Таким образом, «вид» большинством монголистов понимается в широком смысле этого термина, т. е. как характеристика любых особенностей протекания и реализации глагольного действия. Семантически же подавляющее число описанных «видовых форм» монгольского глагола должно быть квалифицировано как формы способов действия. Однако проблематика способов действия специально не ставилась ни в связи с аффиксальными формами, ни в связи с широко распространенными аналитическими образованиями. Известное место в работах отводится поискам монгольским формам соответствующих эквивалентов в русском языке и наоборот (последнее характерно для практики школьного обучения). В неявной форме намечен также и подход к проблеме пре-

---

[51] Шеверинна З. В. 1) Аналитические глагольные формы в современном монгольском языке. — В кн.: Филология и история монгольских народов. М., 1958; 2) Времена в современном монгольском литературном языке. АКД, М., 1960.

[52] Онджанова М. Д. Аналитические глагольные формы в современном калмыцком языке. Автореф. канд. дисс. Л., 1969.

[53] Цыдыпов Ц.-Ж. Аналитические конструкции в бурятском языке, с. 37—183.

[54] Aalto P. Auxiliary verbs in Mongolian. — В кн.: Олон Улсын Монголч Эрдэмтиий II их хурал. Iб. Улаанбаатар, 1973; ср. также: Yoshitake S. Auxiliary verbs in Mongolian. — BSOS, 1928—1930, v. V, p. 523—539.

дельных и непредельных значений у глаголов (Т. Пагба, Г. Д. Санжеев). Между тем приходится констатировать, что в монгольском языкознании в целом вопросы глаголообразования и глагольного формообразования изучены еще недостаточно глубоко. Сложные глаголы в отдельных языках также не описаны во всей полноте их образования и функционирования. Поэтому «специальное исследование неполно и сжато описанных выше явлений в монгольских языках надо считать настоятельно необходимым».[55]

По сравнению с тюркскими и монгольскими языками, где выражение «вида» связывается в основном со сложными глаголами, в тунгусо-маньчжурских языках развита более аффиксация, потому для исследователей этих языков не стоит так остро проблема вспомогательных глаголов, меньше волнуют их также вопросы соотношения вида в русском языке и в тунгусо-маньчжурских языках. Следует обратить внимание на формы, выделяемые тунгусо-маньчжуроведами в глагольных словах, когда действие представляется как законченное или незаконченное. В данном случае маркируется форма «несовершенного вида», а «совершенный вид» обозначается якобы нулевой формой глагольной основы. Однако такое противопоставление свойственно не всем тунгусо-маньчжурским языкам и по-разному проявляется в отдельных из них. С другой стороны, показатели «незаконченного вида» взаимосвязаны с формантами времени и в некоторых случаях образуют единую видо-временную форму. Образования такого рода представляют собой значительный интерес, хотя, с точки зрения нашей темы, они связаны с ней опосредованно, поскольку в данном случае речь должна идти о видо-временной системе тунгусо-маньчжурских языков, которая нами пока специально не затрагивается.

Морфология тунгусо-маньчжурского глагола исследована в монографии О. П. Суника. Автор употребляет здесь термин «вид» в традиционном для тунгусо-маньчжуроведения значении, т. е. с видом связываются различные «количественно-качественные характеристики» глагольного действия. Как указывает автор, видообразующие суффиксы «обладают весьма отвлеченным грамматическим значением, но в плане лексикологическом несут очень часто словообразовательные функции, образуя отглагольные основы с новым вещественным значением», отсюда «взаимопереходы основ с видовыми характеристиками в основы с новыми значениями и, наоборот, основ с новыми значениями в основы с видовыми характеристиками не позволяют сказать о каждом формативе, взятом отдельно, вне сочетания с той или иной конкретной основой глагола, является ли он словообразующим или формообразующим».[56] Как видно, и в данном случае

---

[55] Санжеев Г. Д. Глагол, с. 71.

[56] Суник О. П. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. Морфологическая структура и система форм глагольного слова. М.—Л., 1962, с. 117—121.

речь идет о тех значениях, которые в аспектологии определяются как способы действия (это отмечает и О. П. Суник).

Как же понимают проблему вида в тунгусо-маньчжурских языках некоторые исследователи конкретных языков? Приведем ряд точек зрения по данному вопросу.

В первом из грамматических очерков эвенкийского языка М. А. Кастрен отметил у глаголов одну из разновидностей континуатива, выражающую действие неопределенной длительности, а иногда и значение фреквентатива.[57] Позднейшие исследователи наряду с показателем продолженного действия (или несовершенного вида) выделяли в этом языке показатели и других видов. Так, Г. М. Василевич, указывая, что в эвенкийском языке категория времени и вида в ряде случаев малодифференцирована, среди собственно видовых показателей называет показатели начинательного вида, обычного действия, интенсивности, стремительности, множественности, многократности действия и т. п.[58]

С точки зрения О. А. Константиновой, категория вида в эвенкийском языке характеризует действие «как со стороны совершенности и несовершенности его, так и со стороны качества действия (однократность, многократность, быстрота, обычность и т. п.)».[59] В этой грамматике автор выделяет 10 видов, среди них несовершенный вид, совершенный (не имеющий видового показателя, действие обозначается «в его результате, пределе, совершении в какой-либо момент»), продолженный вид, многократный, обычный и др.

Отдельные формы со значением начинательности (Inchoativa), продолженности (Continuativa), повторяемости действия (Frequentativa) в эвенском (ламутском языке) отмечены еще А. Шифнером в середине XIX в.[60] Шире подобные формы представлены в грамматическом очерке В. Г. Богораза, где в разделе «Виды глагола» упоминаются аффиксы, образующие пассив, эффектив, дезидератив, а также обозначающие различные оттенки действия

---

[57] Castrén M. A. Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis. SPb., 1856, S. 61; русск. перевод: Кастрен М. А. Основы изучения тунгусского языка. — В кн.: Титов С. И. Тунгусско-русский словарь. Иркутск, 1926, с. 58.

[58] Василевич Г. М. Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1940, с. 94—97. Ср.: Василевич Г. М. 1) Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1948, с. 42—44; 2) Грамматический очерк эвенкийского языка. — В кн.: Эвенкийско-русский словарь. М., 1958, с. 709, 710—713.

[59] Константинова О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М.—Л., 1964, с. 162; ср.: ее же. Эвенкийский язык. — В кн.: Языки народов СССР, т. V, Л., 1968, с. 78—79; Константинова О. А., Лебедева Е. П. Эвенкийский язык. Л., 1953, с. 205—209.

[60] См.: Schiefner A. 1) Beiträge zur Kenntnis der tungusischen Mundarten. — MA, 1859, t. III, p. 576—578; 2) Baron Gerhard von Maydell's Tungusische Sprachproben. — MA, 1874, t. VII, N 2—3, p. 330—331.

продолжительного, незаконченного, несовершенного, повторного, постоянного, повторяющегося.[61]

В. И. Цинциус в своих работах уже широко пользуется термином «вид». Она указывает, что в эвенском языке «видовых форм, которые передают различные оттенки качества действия, различные градации в отношении форм его протекания, насчитывается около двух десятков».[62] Она считает, что без показателей несовершенного или продолженного вида *-ди/-д* (~ *-дид*), *-ч/-т* (~ *-чи*) эвенский глагол имеет значение глагола совершенного вида, несовершенный вид обозначает действие в процессе его совершения, указывает на его незаконченность.

И. Бенцинг пишет, что в эвенском глаголе можно выделить образования, связанные с изменением или аспекта, или значения глагольного действия, но границу между этими двумя типами образований очень трудно определить. Он признает, что первичная глагольная основа выражает, видимо, законченное действие (perfektiver Aspekt), а все другие виды (Aspekte) обозначаются суффиксами.[63]

Различаемые в последних отечественных грамматиках тунгусо-маньчжурских языков залоговые и видовые образования К. Г. Менгес объединяет в один ряд глагольных аспектов (Aspektbildung), при этом он замечает, что подобное разграничение вида (aspectus) и залога (genus verbi) не оправдано с морфологической стороны и являет собой перенесение категорий русской грамматики на алтайские языки.[64] Последним объясняет он также и то, что русские тунгусо-маньчжуроведы признают за простой глагольной основой в эвенском языке значение совершенного вида. Он полагает, что такая основа не имеет перфективного значения, но, возможно, обозначает лишь определенное действие (die bestimmte Handlung). Что же касается суффикса так называемого «несовершенного» вида, то в эвенском языке это суффикс дуратива, который «обозначает действие в его течении», например, *gūn-ǯid-* 'sprechen, am Sprechen, Reden sein' < *gūn* 'sprechen, сказать', что, по его мнению, соответствует турецкой форме *jazmaq-tâ-jym* 'ich bin am Schreiben'.

Важно подчеркнуть, что К. Г. Менгес отрицает наличие в алтайских языках совершенного и несовершенного видов, аналогичных славянским. Их место занимают Definitiv и Indefinitiv, которые также присущи большинству уральских языков и которые, несомненно, в историческом развитии предшествовали со-

[61] См.: Богораз В. Г. Материалы по ламутскому языку. — Тунгусский сборник. Т. I. Л., 1931, с. 29—31.

[62] Цинциус В. И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Ч. I. Фонетика и морфология. Л., 1947, с. 172; ср.: Ришес Л. Д., Цинциус В. И. Краткий очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. — В кн.: Русско-эвенский словарь. М., 1952, с. 741—743.

[63] Benzing J. Lamutische Grammatik. Wiesbaden, 1955, S. 41.

[64] Menges K. H. Das Lamutische. — Handbuch der Orientalistik. Abt. I, Bd. V, Abschn. 3. Tungusologie. Leiden—Köln, 1968, S. 115.

вершенному и несовершенному видам славянских языков и вообще индогерманских. К сожалению, автор здесь не раскрывает содержания употребляемых им терминов definitiver Aspekt и indefinitiver Aspekt. В общем не проясняет точку зрения К. Г. Менгеса и изложение им взглядов по данному вопросу, содержащееся в статье, где он рассматривает проблему влияния алтайских языков на индоевропейские и, в частности, славянские.[65] Касаясь данной проблемы в плане субстратно-суперстратных явлений, К. Г. Менгес связывает с этим особенности структуры славянской глагольной системы, в том числе и место, занимаемое в ней славянским видом. Он сопоставляет наличие на определенном этапе исторического развития индоевропейских языков (resp. славянских) противопоставления детерминированных и недетерминированных действий с аналогичным противопоставлением, которое, с его точки зрения, характерно для алтайских, а также и уральских языков. Правда, автор делает оговорку, что такое противопоставление в алтайских языках развито менее, чем в уральских. Однако К. Г. Менгес здесь же указывает, что и «в алтайских языках употребление темпоральных глагольных имен позволяет различать у этих имен признаки детерминатива (дефинитива) и индетерминатива (индефинитива)».[66] Поскольку он не дает применяемым терминам строгой дефиниции, то остаются во многом неопределенными и сами положения автора, хотя в целом они представляются интересными и оригинальными.

Автор «Грамматики нанайского языка» В. А. Аврорин отмечает, что «нанайскому языку не свойственно противоположение совершенного и несовершенного видов», однако в нем «имеется значительное число видов, которые в принципе свойственны всем глагольным словам, но не обязательны для большинства из них». Эти виды «имеют своим назначением, — пишет далее В. А. Аврорин, — давать дополнительную качественно-количественную характеристику действия в отношении степени его длительности, степени интенсивности, «направленности, сосредоточенности или рассредоточенности, начала или характера протекания действия».[67] Такое расширенное определение значений вида в нанайском языке вряд ли нуждается в толковании. В таком же широком значении применял он термин «вид» и в двух своих статьях, специально посвященных рассмотрению соотношения категорий вида и времени в нанайском и маньчжурском языках.[68]

---

[65] Menges K. H. Influences altaïques en Slave. — Bulletin de la Classe des Lettres etc. Académie royale de Belgique. 5-e série, t. XLIV, N 10—11, Brussel, 1958, p. 518—541.

[66] Там же, с. 536.

[67] Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Т. II. Морфология глагольных и наречных частей речи, междометий, служебных слов и частиц. М.—Л., 1961, с. 11, 44.

[68] Аврорин В. А. 1) О категориях времени и вида в нанайском языке. — В кн.: Язык и мышление. Т. XI. М.—Л., 1948; 2) О категориях времени и вида в маньчжурском языке. — Изв. ОЛЯ, 1949, т. VIII, вып. 1.

В широком значении употребляет в своих работах термин «вид» также и исследователь южной группы тунгусо-маньчжурских языков Т. И. Петрова.[69]

В удэйском языке Е. Р. Шнейдер выделил «шесть основных форм глагола, выражающих различные оттенки действия»[70]: длительный вид, многократный вид, распространенный вид, начинательный вид и возвратный вид (действие, приходящее к исходному положению или состоянию).

Наконец, авторы грамматик маньчжурского языка отмечают и в этом языке специальные глагольные показатели, характеризующие особенности протекания глагольного действия. И. И. Захаров отметил следующее: «Как первообразные глаголы. . ., так и второобразные. . . принимают еще наращения слогов для выражения особенных обстоятельств бытия или действия предмета».[71]

Э. Хениш относит отглагольные образования, обозначающие модификации действия к родам или залогам глагола (genera verbi), выделяя при этом Frequentativ, Herativ, Inchoativ, Intensität (последние, правда, при глаголообразовании).[72]

Д. Синор эти же суффиксы рассматривает среди суффиксов внутриглагольной деривации.[73] Термин же «аспект» он связывает с формой на *-mbi* и на *-habi*, которые в ряде грамматик считаются соответственно формой настоящего и формой прошедшего времени. С точки зрения Д. Синора, эти формы имеют не временное содержание, а аспектологическое: первая показывает процесс вообще, без какого-либо точного его определения (ее можно обозначить как нейтральный вид, или aspekt neutre), форма на *-habi* характеризует действие через его результат, поскольку в ее основе лежит форма законченного вида (aspect accompli) на *-ha*. Форме на *-ha* противопоставлена форма незаконченного вида (aspect inaccompli) на *-ra*. Таким образом, указанные формы глагола Д. Синор интерпретирует с позиций, сходных со взглядами В. А. Аврорина, высказанных им в 40-х годах. В этом же плане рассматривает причастные и временные формы на *-ха* и *-ра* маньчжурского языка Б. К. Пашков.[74]

---

[69] Петрова Т. И. 1) Язык ороков (ульта). Л., 1967, с. 90; 2) Очерк грамматики нанайского языка. Л., 1941, с. 62—66; 3) Краткий очерк грамматики нанайского литературного языка. — В кн.: Нанайско-русский словарь. Л., 1960, с. 229—235; 4) Ульчский диалект нанайского языка. М.—Л., 1936, с. 71—73.

[70] Шнейдер Е. Р. Грамматический очерк. — В кн.: Краткий удэйско-русский словарь. М.—Л., 1936, с. 138—140.

[71] Захаров И. Грамматика маньчжурского языка. СПб., 1879, с. 162.

[72] Haenisch E. Mandschu-Grammatik mit Lesestücken und 23 Texttafeln. Leipzig, 1961, S. 51—53.

[73] Sinor D. La langue mandjoue. — In: Handbuch der Orientalistik, S. 262.

[74] Пашков Б. К. Маньчжурский язык. М., 1961.

Итак, из изложенного выше видно, что и тунгусо-маньчжуроведы на всей истории изучения тунгусо-маньчжурских языков в тех или иных терминах выделяли «видовые» формы глагола, преимущественно синтетического характера по своему выражению. Эти аффиксы выражают характеристику кратности действия, причем последнее может быть периодичным, повторяющимся, ритмичным, возобновляющимся. С помощью специальных аффиксов передаются также интенсивность, ослабленность действия, а кроме того, и качественные характеристики действия: разнонаправленность, пространственная ориентация, нарочитость, преднамеренность, имитация и т. п. Специальный аффикс, свойственный почти всем тунгусо-маньчжурским языкам, указывает на начало действия. Из этого общего перечня значений можно заключить, что большинство из них следует отнести к значениям способов глагольного действия, находящих широкое выражение в тунгусо-маньчжурских языках.

Что касается указаний на видовое значение неаффигированных глагольных основ в эвенском и эвенкийском языках, то, видимо, следует присоединиться к тем ученым, которые считают основу алтайского глагола вообще нейтральной в видовом отношении, а поэтому отрицают «совершенный вид» у основ и в этих двух языках. Причина выделения «совершенного вида» лежит, очевидно, в обычном для исследователей алтайских языков неразличении предельных и непредельных действий. Предельные по своей семантике действия воспринимаются как «совершенный вид», подсказываемый обычно русским переводом (ср. примеры «совершенного вида» у В. И. Цинциус: эвен. *ма-дай* ‘убить’, *и-дей* ‘войти’, *тык-тэй* ‘упасть’, *тэт-тэй* ‘одеться’ и т. п.),[75] причем анализ видовой семантики основы глагола нередко подменяется выяснением видо-временного значения одной из индикативных форм глагола в разных контекстах. Специальное исследование В. А. Роббеком «видов» эвенского языка показало, что «значения общего вида (основа с нулевым показателем, — Д. Н.) находятся в прямой зависимости от категории предельности—непредельности (П; НП) глагольного действия и контекста».[76]

Встречающиеся в этих языках сочетания с вспомогательными глаголами передают обычно модальные характеристики: возможность, невозможность действия, желание, намерение, побуждение, хотя некоторые из них, например желание или намерение, могут передаваться и с помощью аффиксов; они могут передавать также начало или конец действия.

[75] См.: Цинциус В. И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка, с. 180. Мнение о выражении «совершенного вида» основой эвенкийского глагола содержится в новой работе А. Ф. Бойцовой «Лингвистические основы методики преподавания русского и родного языков в национальной школе». (Ч. II. Л., 1975, с. 130—134).

[76] Роббек В. А. 1) Виды глагола в эвенском языке. Автореф. канд. дисс. Л., 1974, с. 6; 2) О видовых формах эвенского глагола. — В кн.: Вопросы языка и фольклора народностей Севера. Якутск, 1972, с. 53—63.

Особый интерес в тунгусо-маньчжурских языках представляют глагольные слова, выражающие несколько действий, или, как их называют иногда, инкорпорированные глаголы, например: маньчж. *аланабунги-* 'послать, заставить *пойти сказать*'; нан. *гэлэjчэ-* 'стараться найти'; эвен. *итни-* 'ходить смотреть'. Эти образования соотносительны с аналитическими глагольными конструкциями. Считается, что они являются продуктом слияния знаменательных слов или знаменательного и служебного, при котором происходит значительная фонетическая эволюция второго компонента глагольного словосочетания, ведущая к преобразованию его в аффикс. Характерно, что вторые компоненты таких инкорпопированных глаголов расходятся по языкам, что, видимо, говорит об индивидуальном развитии первичных словосочетаний в каждом языке. Однако проблема их исторической эволюции в отдельных конкретных случаях остается неясной и в ряде сторон — спорной.[77]

Несколько слов следует сказать о том, как рассматривается проблема вида в алтаистической литературе в связи с проблемой алтайской языковой общности. Насколько нам известно, специальных исследований в такой плоскости нет, однако данные вопросы затрагиваются в ряде работ, как правило, связанных с рассмотрением отдельных категорий алтайского глагола вообще.

Прежде всего, конечно, следует указать работы Г. И. Рамстедта, поскольку именно они знаменовали собой новый исторический этап алтаистических исследований. Выше указывалось, что отдельные «видовые» формы монгольского глагола, иногда в сопоставлении с другими алтайскими языками рассматривались Г. И. Рамстедтом в ранних работах.[78] Значительно шире они представлены в посмертно опубликованном его труде «Введение в алтайское языкознание». И в этой работе Г. И. Рамстедт употребляет понятие «оттенок действия» (Schattierung der Handlung) в широком значении, т. е. как любое связанное с осложнением глагольной основы изменение особенностей протекания глагольного действия, включая сюда выражение направления действия, способа действия (Aktionsart) и т. д. Следует при этом отметить, что он различные аффиксы с такими значениями, наличествующие в современных языках, считает «далеко не древнейшими», причем данные «новообразования постепенно вытесняли в каждом отдельном языке более древние типы окончаний, представлявшие ценность с точки зрения истории языка».[79] При анализе отдельных аффиксов, с помощью которых в алтайских языках образуются отглагольные основы, а также и отыменные глаголь-

---

[77] См.: Суник О. П. Глагол. . ., с. 133—136.

[78] См.: Ramstedt G. J. 1) Über die Konjugation des Khalkha-mongolischen; 2) Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen; 3) Die Verneinung in den altaischen Sprachen. Eine semasiologische Studie. — MSFOu, 52, 192, 4, S. 196—215.

[79] Рамстедт. Введение, с. 81—180.

ные основы, Г. И. Рамстедт так или иначе касается и таких преобразований, которые ведут к изменению способов глагольного действия.

В работе рассмотрены также аффиксы тунгусо-маньчжурских языков, благодаря которым эти языки «обладают чуть ли не бесчисленными возможностями варьировать выражение разнообразных видов и способов (Aspekte und Arten einer Handlung) какого-либо действия»; однако Г. И. Рамстедт тут же оговаривается, что и «эта способность не уходит своими корнями в праалтайский язык»,[80] т. е. эти аффиксы тоже являются в тунгусо-маньчжурских языках новообразованиями и к тому же представляют собой специфическую особенность данных языков уже внутри алтайской языковой общности. В связи с подобными образованиями он привлекает для сопоставления явления инкорпорирования вспомогательного глагола в монгольских, тюркских языках, а также и в корейском, ибо с данным явлением связано, с его точки зрения, развитие вышеупомянутых аффиксов в тунгусо-маньчжурских языках: аффиксы вторичного глаголообразования первоначально были сами глаголами. Как видно, Г. И. Рамстедт не отводил проблеме видообразования существенного места в сравнительно-историческом исследовании алтайских языков.

К работе Г. И. Рамстедта о глагольном словообразовании непосредственно примыкает исследование Н. Поппе, где он рассматривает шесть общеалтайских аффиксов, образующих от глаголов новые глагольные основы, которые в грамматиках часто определяются как «Genera verbi».[81] Среди этих аффиксов или в числе их составных элементов автор выделяет и показатели, характеризующие способы действия (например, **-l-* как показатель интенсива или итератива в **-ldū*, **-na-* как показатель мультипликатива). Здесь важно подчеркнуть, что такие аффиксы в отдельных алтайских языках, оставаясь в сфере отглагольного производства, проявляют, как показано в данной работе, самую разную семантику, часто не связанную непосредственно со способами действия.

Вл. Л. Котвич затронул в своей известной работе указанную проблему не только в связи с характеристикой глагольных основ в алтайских языках, но и специально остановился на сравнительно-сопоставительном рассмотрении ряда суффиксов, обозначающих особенности протекания действий.[82] Он первым из алтаистов предпринял попытку рассмотреть глагольные аффиксы по семантическим группам. Среди других групп им выделены также суффиксы глаголов, обозначающие фазы действия или со-

---

[80] Там же, с. 161.

[81] Poppe N. Über einige Verbalstammbildungssuffixe in den altaischen Sprachen. — «Orientalia Suecana», vol. XXI (1972), Uppsala, 1973, p. 119—141.

[82] Котвич В. Исследование по алтайским языкам. (Перев. с польского). М., 1962, с. 194—220.

стояния, а также многократные действия, выполняемые одним или несколькими лицами; суффиксы, выражающие степень проявления или способ совершения действия или состояния. В эти три группы были включены, таким образом, те аффиксы, которые по другой терминологии обозначают «виды» (или даже залоги) алтайского глагола. При сопоставлении суффиксов он шел по пути «от содержания к форме». В связи с описанием средств выражения в алтайских языках способов действия Вл. Котвич затронул важную методологическую проблему о соотносительном развитии алтайских языков.[83]

Выше уже говорилось о взглядах К. Г. Менгеса на видовую систему алтайского глагола. Здесь только подчеркнем, что его точка зрения о наличии в алтайской глагольной системе общеалтайского противопоставления действий определенных и неопределенных требует дальнейшего обоснования и уточнения, поскольку остается неясным, какому уровню глагольной системы приписывается такое противопоставление: есть ли это различие определенных лексико-грамматических группировок глаголов, или оно наличествует уже в древнейшем периоде развития видовременной системы алтайского глагола и продолжает быть релевантным не только для групп алтайских языков, но и для каждого языка в этих группах. К данной проблеме предстоит еще вернуться несколько позже, но уже не в связи с рассмотрением способов глагольного действия в алтайских языках, а в связи с общей оценкой алтайской видо-временной системы в целом и глаголообразования.

Вышеизложенным, кажется, ограничивается представленное в алтаистической литературе специальное рассмотрение в том или ином аспекте алтайского вида, хотя некоторые замечания в связи с данным вопросом встречаются и в работах других исследователей, в том числе и тех, кто занимается изучением глагола в отдельных алтайских языках.[84]

Видимо, из этого краткого обзора можно заключить, что проблема вида в алтаистике до сих пор остается малоразработанной, несмотря на усилия многих ученых. Здесь скорее не столько трудностей имеется в интерпретации материала, сколько затруднений проистекает из-за того, что в алтаистике в этом направлении явно слабо освоен сам языковой материал. Отстающей областью является конкретный лингвистический анализ глагольной лексики, исследование семантических классов глагола во всех алтайских языках находится в начальном состоянии, даже изучение времен и временной системы, хотя в этой области имеется значительный прогресс, заставляет желать много лучшего, осо-

[83] Подробнее см.: Насилов Д. М. Вл. Котвич о способах действия в алтайских языках, с. 311—318.

[84] Мы не касаемся здесь тех работ, где проблема вида и других глагольных категорий обсуждается в рамках теории урало-алтайской языковой общности.

бенно в плане выяснения семантических особенностей функционирования каждой конкретной временной формы в разных контекстах, не говоря уже о системном описании. Все это не может не повлиять отрицательно и на разработку проблемы вида в алтайских языках.

Из изложения можно было видеть, что во многих случаях там, где идет речь о виде и о видовых значениях, следует говорить о некоторых лексико-грамматических разрядах глаголов и об отдельных способах глагольного действия. В свою очередь, становится необходимым провести разграничение лексических, лексико-грамматических и, наконец, грамматических явлений, на что уже указывали некоторые исследователи алтайских языков (Серебренников, Юлдашев, Ганиев, Тихонов, Санжеев и др.). Ю. С. Маслов прямо заявляет, что «. . . при любом аспектологическом исследовании важно не только разграничивать вид и способ действия, . . . но и правильно понимать характер связи и взаимодействия между одним и другим явлением в системе языка».[85]

Обратимся к конкретным данным по отдельным алтайским языкам, принимая во внимание указанные выше соображения о путях изучения видовых значений и основные положения современной аспектологии. Совершенно очевидно, что в объеме настоящего очерка возможно коснуться лишь части алтайских языков и только в самом общем плане, учитывая, что общее число алтайских языков доходит до пятидесяти.[86]

ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ

Средствами морфологического выражения различных способов глагольного действия в тюркских языках выступают аффиксы и вспомогательные глаголы-модификаторы. Ведущим и продуктивным способом модификации действия в тюркских языках являются аналитические глагольные формы, образуемые сочетанием деепричастной формы основного глагола и разнообразных форм вспомогательных глаголов-модификаторов. В качестве последних, как будет показано ниже, выступают глаголы различной семантики; число таких глаголов в отдельных языках доходит до тридцати и более. Употребление этих глаголов в качестве вспомогательных не исключает их самостоятельного функционирования в собственных значениях.

Подобные аналитические формы подробно описаны в целом ряде тюркских языков, так как именно с ними исследователи связывают выражение «вида» в этих языках. Такие аналитические формы отмечаются во всех тюркских языках, однако широта

[85] Маслов Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке, с. 191.

[86] Невозможно также представить исчерпывающую библиографию литературы даже по отдельным языкам.

и объем их распространения различны в разных группах языков. Более они характерны для тюркских языков кыпчакского типа, менее — для языков огузского типа, но в последних это компенсируется значительным развитием так называемых перифрастических форм, в которых в качестве вспомогательного выступает глагол *бол-~ол-* 'стать' (~'быть').

Аналитическое выражение способов глагольного действия в тюркских языках представляется явлением развивающимся: возрастает как абсолютное число таких сочетаний, так и возможность сочетаться между собой различных глаголов, т. е. развивается универсальность за счет снижения лексической избирательности при сочетаемости глагольных основ.

Из всех тюркских языков рассмотрим в качестве примеров только несколько языков, которые можно считать характерными представителями классификационных подгрупп в тюркских языках, с одной стороны, и по которым накоплен известный фактический материал по аналитическим формам, с другой стороны.

Для древнетюркских языков основной фактический материал можно почерпнуть из в общем-то ограниченных по объему древнетюркских рунических надписей, относящихся ко второй половине первого тысячелетия н. э., и из сохранившихся рукописей, написанных на манихейском, уйгурском, тибетском и других алфавитах; последние происходят в основном из Восточного Туркестана. В отечественной тюркологической традиции к древнетюркским памятникам относят и некоторые памятники более поздней эпохи.[87]

В самых древних тюркских памятниках — орхоно-енисейских аналитическое выражение способов действия представлено незначительным количеством примеров, что объясняется, конечно, не в последнюю очередь своеобразным содержанием этих эпитафий и их ограниченным объемом. В этих памятниках встречаются сочетания с соединительным деепричастием на *-p*, слитным деепричастием на *-a/-u/-ï* и чрезвычайно редко (единичные случаи) с деепричастием на *-pan*.[88]

Сочетанием деепричастия на *-p* основного глагола с глаголом *bar-* 'идти, отправляться, ходить' выражается действие, интенсивно развивающееся в нейтральном направлении;[89] при этом отмечаются разные оттенки этого развития: оно может достигнуть своего полного завершения, может характеризоваться интенсивным проявлением вплоть до своего завершения или исчерпанности (в данном случае можно говорить и об интенсивном становлении определенного действия, или эволютивно-интенсивном способе действия). Отмечаются такие сочетания: *tezip bar-* 'убежать' (*tez-*

[87] См.: Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. VI—VIII.

[88] См.: Насилов Д. М. Енисей ва Ўрхун ёдгорликлардаги равишдош категорияси. — «Ўзбек тили ва адабиёти масалалари», Ташкент, 1961, № 1, с. 48—53.

[89] Следует заметить, что терминология способов действия в тюркологии разработана очень слабо.

'бежать, убегать'): *uluγ irkin az-qïja erin tezip bardï* 'великий иркин (у)бежал [с поля боя] с немногими только мужами' ($КТ_{34}$), *qor(ï)γu eki üč kišilig(ü~-in?) tezip bardï* 'охрана (~устрашась? — С. Е. Малов) бежала с немногими людьми' ($БК_{41}$); *önüp bar-* 'взобраться, подняться' (*ön-* 'взбираться, выступать'): *esri maγa jalïm qajaqa önüp barmïš* 'пестрая змея взобралась на крутую скалу' (ThS II_{75}).

В предложении *özlük at oŋ jerdä arïp oŋup turu qalmïš* (ThS II_{25}) глагольные формы можно расчленить двояко и выделить, во-первых, сочетание *arïp oŋup tur-* — *oŋ-ar-* парный глагол со значением 'тощать и линять'+глагол *tur-* 'стоять, пребывать, жить'; в свою очередь это сочетание находится в соединении с глаголом *qal-* 'оставаться'. При втором подходе выделяется парный глагол в форме соединительного деепричастия на *-p*: *arïp oŋup* 'худея и линяя' и сочетание глагола *tur-*, но в значении 'худеть, тощать' в форме слитного деепричастия на *-u* и глагола *qal-* 'оставаться'. В обоих случаях фиксируется сочетание *turu qal-*, которое является аналитическим выражением завершенности действия. Допуская для *tur-* 'стоять' вспомогательную функцию и выделяя *arïp oŋup tur-*, как это, видимо, делал С. Е. Малов,[90] следует признать за данным сочетанием обозначение им длительности или продолженности, т. е. значение 'тощать и линять'. Однако от подобного толкования, хотя и заманчивого (поскольку иных сочетаний *-p tur-* в рунических памятниках нет), приходится отказаться, так как для этих памятников вообще необычно сочетание значения продолженности и законченности действия в единой цепи глагольных действий, а также необычно и соположение целой серии деепричастных форм, где оказываются вместе два вспомогательных глагола, связанных с одним основным (да еще и парным!), поэтому перевод предложения предложим следующий: 'верховая лошадь на передней (~восточной) стороне, выбившись из сил (букв. исхудав и полиняв), совершенно истощала'.

Спорным представляется также объяснение сочетания *süläp jorïmazun* (XT, X), которое можно перевести 'пусть не ходит воевать', хотя возможны и другие толкования.[91] Сюда же можно отнести случаи сочетания *-pan bar-*, сопоставив их с приведенным ранее *-p bar-*, но ограниченный контекст не позволяет абсолютно уверенно их признать семантически равноправными: *oγlï ögintä qaŋïnta öbkäläpän tezipän barmïš* 'сын, рассердившись на своих родителей, убежал' (ThS II_{90}), где можно выделить *tezipän bar-* 'убежать', а также *talïm qara quš qopupan barmïš* 'птица-гаруда поднялась (~поднялась и полетела?) в небо' (*qopupan bar-* 'взлетать' < *qop-* 'подыматься о птицах') (ThS II_{65}). По всей вероятности, по своим грамматическим особенностям и синтаксическим функ-

---

[90] См.: Малов С. Е. Памятники. . ., с. 86.

[91] Ср.: Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, с. 53—54.

циям деепричастие на *-pan* чрезвычайно близко, если не идентично, к деепричастию на *-p*. Их различия в употреблении объяснялись, видимо, диалектальными вариантами, отраженными отдельными древнетюркскими памятниками. В связи с этим вполне допустимо, что сочетание *-pan bar-* также служило для выражения интенсивного развития действия.

В других, не рунических, памятниках отмечается большее число сочетаний, где основной смысловой глагол употребляется в форме деепричастия на *-p*:

а) *-p al-* (*al-* 'брать') выражает результативное действие, совершаемое в интересах субъекта, осуществляющего действие: *terip al-* 'собрать (для себя)' — *ter-* 'собирать', *avlap al-* 'поймать в сети' (*avla-* 'охотиться, ловить в сети'). Данное сочетание интересно в плане сопоставления с современными языками, а также с формой *-a al-*, которая имеет разное значение в памятниках и в современных языках; [92]

б) *-p alq-* (*alq-* 'губить, уничтожать, прекращать') выражает законченность, завершенность действия: *sözläp nomlap* (*sözlänomla-* парн. 'говорить и проповедовать') *alqmaγuluq uluγ bujan edgü qïlïnč* 'великие заслуги и добрые дела, о которых нельзя перестать говорить и проповедовать' (Suv 671_{17}). Эта форма синонимична форме *-a/-ï alq-* (см. ниже);

в) *-p bar-* рассматривалось выше: *ölüp bar-* 'погибать, гибнуть' (*öl-* 'умирать'); *ertip bar-* 'проходить, миновать' (*ert-* 'проходить'), *jitlinip bar-* 'исчезать, пропадать' (*jitlin-* 'теряться'); *qarïp jašap bar-* 'стариться, состариться' (*qarï- jaša-* парн. 'стареть, становиться дряхлым'), *kirip bar-* 'входить' (*kir-* 'входить'); *jürüp bar-* 'уходить' (*jür-* 'ходить'), *tirilip bar-* 'оживать' (*tiril-* 'жить, оживать'), *önüp bar-* 'выйти, отправиться' (*ön-* 'выступать, отправляться'); *učup bar-* 'полететь, улететь' (*uč-* 'летать');

г) *-p ber-* (*ber-* 'давать') выражает завершенность действия: *üzüp ber-* 'отломить' (*üz-* 'рвать, ломать');

д) *-p bütür-* (*bütür-* 'заканчивать, завершать, исполнять') выражает законченность действия: *uqup bütür-* 'постигнуть, уразуметь' (*uq-* 'понимать, разуметь');

е) *-p kel-* (*kel-* 'приходить, прибывать') выражает интенсивно, бурно развивающееся действие с модальным оттенком внезапного его возникновения: *aqïp kel-* 'потечь, вытекать' (*aq-* 'течь'), *tirilip kel-* 'оживать, воскреснуть' (*tiril-* 'жить, оживать'), *odunup kel-* 'проснуться, встрепенуться, очнуться ото сна' (*odun-* 'пробуждаться, просыпаться'), *tüšüp kel-* 'выпадать, вываливаться' (*tüš-* 'падать'), *kirip kel-* 'войти' (*kir-* 'входить'), *janïp kel-* 'вернуться' (*jan-* 'возвращаться');

ж) *-p qoj-* (*~qod-~qoð-*) (*qoj-* 'класть, оставлять') указывает на законченность и совершенность действия, иногда с оттенком интенсивного осуществления действия: *törü urup qod-* 'установить

[92] Ср.: Юлдашев А. А. Аналитические формы. . ., с. 83—84, 89—99.

закон' (*törü ur-* 'устанавливать закон'), *jep qod-* 'съесть' (*je-* 'есть'), *nomlap qod-* 'проповедовать' (*nomla-* 'проповедовать');

з) *-p tur-* (*tur-* 'стоять, быть') передает длительность, продолжительность, процессность действия (ср. выше о возможном сочетании в «Гадательной книжке»): *küzätip tur-* 'охранять' (*küzät-* 'сторожить, присматривать'), *körüp tur-* 'рассматривать' (*kör-* 'видеть, смотреть'), *asqïn turup tur-* 'висеть' (*asqïn tur-* 'быть в повешенном состоянии');

и) *-p tükä-* (*tükä-* 'завершаться, кончаться, быть достаточным') выражает завершенность действия: *bitilip tükä-* 'записано' (*bitil-* 'быть записанным');

к) *-p tükät-* (*tükät-* 'завершать, оканчивать') служит для выражения законченности, исчерпанности действия: *ketärip tükät-* 'устранить, удалить' (*ketür-* 'устранять, убирать');

л) *-p ket-* (*ket-* 'уходить, отправляться') примыкает к группе сочетаний, выражающих пространственную характеристику действия: направленность его от субъекта, удаление в сторону от субъекта действия, обычно в сочетании с глаголами движения: *qačïp ket-* 'убежать' (*qač-* 'бежать', 'убегать');

м) *-p jür-* (*jür-* 'ходить, двигаться') передает длительность, продолжительность действия: *jatïp jürü-* 'находиться, пребывать' (*jat-* 'лежать, находиться'); *udup jürü-* 'следовать' (*ud-* 'следовать, присоединяться'), *azïp jür-* 'заблуждаться' (*az-* 'сбиваться с пути');

н) *-p qal-* (*qal-* 'оставаться') выражает завершенность действия: *ertip qal-* 'пройти мимо' (*ert-* 'проходить, миновать, проходить мимо').

Значительно чаще в древнетюркских памятниках встречаются сочетания, в которых основной по лексическому содержанию глагол стоит в форме деепричастия слитного на *-a*, *-ï*, *-u*. Как правило, глаголом в этой форме при самостоятельном ее употреблении выражается действие одновременное, параллельное с представленным в личной форме глагола, причем эти два действия тесно переплетаются друг с другом. В силу этого слитным деепричастием уточняется основное действие, указываются способ его совершения, причина, цель. Для орхоно-енисейских памятников семантическое и функциональное различие указанных аффиксов деепричастия установить трудно, за исключением формы на *-ï*, выступающей преимущественно в сложных глаголах (по В. В. Радлову), хотя некоторые исследователи и пытались определить особенности их употребления.[93] Что касается позднейших памятников, то в них деепричастие на *-u* чаще отмечается в сложных и составных глаголах.

---

[93] См.: Щербак А. М. Деепричастие на -a ~ -ä (-j) в тюркских языках. — В кн.: Вопросы грамматики. М., 1960; Грунина Э. А. Индикатив в турецком языке (в сравнительно-историческом освещении). — АДД, М., 1975; Doerfer G. Der Imperativ im Chaladsch. — FUF, 1972, Bd. 39, H. 3, S. 318—340.

В орхоно-енисейских памятниках встречаются такие сочетания со вспомогательными глаголами:

а) *-u ~ -ï ïd-* (*ïd- ~ ïð-* ‘посылать’) со значением завершенности действия: *türk bodun ellädük elin ïčγïnu ïdmïš qaγanladuq qaγanïn jitürü ïdmïš* ‘тюркский народ лишился (*ïčγïn-* ‘лишаться, упускать’) своего племенного союза, который он создал, и потерял (*jitür-* ‘терять’) своего царствующего кагана’ ($КТб_6$), *sanča ïd-* ‘поразить, победить’ (*sanč-* ‘колоть, поражать’) ($КЧ_{19}$);

б) *a- ~ -ï ~ -u ber-* (*ber-* ‘давать’) указывает результативное действие в пользу другого лица: *tikä ber-* ‘водрузить’ (*tik-* ‘устанавливать, водружать’), *aju ber-* ‘указывать, распоряжаться’ (*aj-* ‘говорить, указывать’), *süläjü ber-* ‘ходить войной, завоевывать’ (*sülä-* ‘воевать’), *alï ber-* ‘завоевывать’ (*al-* ‘брать’), *tuta ber-* ‘держать, поддерживать’ (*tut-* ‘держать’), *eti ber-* ‘создавать, устраивать’ (*et-* ‘создавать, устраивать’), *ešidü ber-* ‘выслушать, внять’ (*ešid-* ‘слушать, слышать’), *balbal qïlu ber-* ‘сделать балбал’ (*balbal qïl-* ‘делать балбалом’), *basa ber-* ‘победить, даровать победу’ (*bas-* ‘подавлять, побороть’), *qazγanu ber-* ‘приобретать, завоевывать’ (*qazγan-* ‘приобретать, добывать’), *qïqïra ber-* ‘кричать’ (*qïqïra-* ‘кричать’);

в) *-u qal-* (*qal-* ‘оставаться’) имеет значение действия, доведенного до конца и перешедшего в длительное, продолжающееся состояние: *jatu qal-* ‘расположиться, улечься’ (*jat-* ‘лежать, находиться’), *oluru qal-* ‘жить, остаться в живых’ (*olur-* ‘сидеть, селиться’), *turu qal-* ‘исхудать, выбиться из сил’ (*tur-* ‘худеть’);

г) *-a ~ -u kel-* (*kel-* ‘приходить’) показывает, что действие развивается в направлении к говорящему, точнее сказать, в направлении «оттуда сюда», к пространству, где находится говорящий: *jorïju kel-* ‘идти сюда, приближаться’ (*jorï-* ‘идти, ходить, передвигаться’), *sürä kel-* ‘гнать, пригонять’ (*sür-* ‘гонять’), *udu kel-* ‘последовать’ (*ud-* ‘следовать’);

д) *-a ~ -u bar-* (*bar-* ‘идти, отправляться’) выражает действие, приближающееся к своему завершению или уже полностью исчерпавшее себя. Эти оттенки зависят от семантики основного глагола. Примеры: *tezä bar-* ‘бежать, убегать, убежать’ (*tez-* ‘бежать’), *adïrïlu bar-* ‘отделиться, разлучиться’ (*adïrïl-* ‘отделяться, разлучаться’), *joq bolu bar-* ‘идти к упадку, гибнуть’ (*joq bol-* ‘исчезать, погибать’), *učа bar-* ‘улететь, умереть’ (*uč-* ‘летать, парить, исчезать, умирать’), *joqadu bar-* ‘погибать, идти к гибели’ (*joqad-* ‘исчезать, погибать’), *jelü bar-* ‘мчаться’ (*jel-* ‘скакать’);

е) *-a elt-* (*elt-* ‘вести, тащить’) указывает на интенсивное развитие действия, доходящее до полного завершения: *jaja elt-* ‘рассеять’ (*jaj-* ‘рассеивать’), *sürä elt-* ‘угнать, прогнать’ (*sür-* ‘гнать, тащить’);

ж) *-u al-* (*al-* ‘брать’) обозначает направленность совершившегося результативного действия в пользу действующего лица: *terü qubratï altïm* ‘я собрал и объединил [народ]’ (*ter- qubrat-* парн. ‘собирать и объединять’);

з) *-u olur-* (*olur-* ‘сидеть’) выражает продолженное действие: *igidü olur-* ‘возвышать, поддерживать’ (*igid-* ‘возвышать’), *alï olur-* ‘собирать’, *tuta olur-* ‘держать, созидать’;

и) *-u jorï-* также выражает продолженность действия: *udu jorï-* ‘продолжать преследовать’ (*ud-* ‘следовать’), *toγa jorï-* ‘проходить перевал’ (*toγ-* ‘подниматься’).

К приведенным выше примерам можно еще добавить также из древнеуйгурских памятников следующие: *nomlaju ber-* ‘проповедовать кому-л.’, *oδunu kel-* ‘пробуждаться’ (*oδun-* ‘просыпаться’), *taŋ ata kel-* ‘заняться (о заре)’ (*taŋ at-* ‘рассветать’), *suna ber-* ‘преподнести’ (*sun-* ‘протягивать’), *örläjü kel-* ‘подняться’ (*örlä-* ‘подниматься’), *ača ber-* ‘открыть’ (*ač-* ‘открывать’), *sözlajü ber-* ‘сказать’ (*sözlä-* ‘говорить’), *jarlïqaju ber-* ‘соизволить’ (*jarlïqa-* ‘соблаговолить’), *ketü bar-* ‘уйти’ (*ket-* ‘уходить’), *eltü kel-* ‘доставить, принести’ (*elt-* ‘вести’), *turu qal-* ‘остановиться’, *bošuju ïd-* ‘освободить’ (*bošu-* ‘освобождать’), *eltü bar-* ‘отправить, направляться’, *sekrijü bar-* ‘подпрыгнуть, прыгнуть’ (*sekri-* ‘прыгать, скакать’).

В других древнетюркских памятниках отмечается также:

к) *-u alq-* (*alq-* ‘губить’) выражает законченность, завершенность действия: *saqïnč qïlu alq-* ‘поразмыслить, подумать’ (*saqïnč qïl-* ‘думать’);

л) *-u tükät-* (*tükät-* ‘завершать, оканчивать’) передает законченность и исчерпанность действия: *qïlu tükät-* ‘исполнить, выполнить, свершить’ (*qïl-* ‘делать’), *qut qolunu tükät-* ‘вымолить, закончить мольбу’ (*qut qolun-* ‘молить’), *körü tükät-* ‘увидеть’, *ölürü tükät-* ‘убить’;

м) *-a∼-u tur-* (*tur-* ‘стоять, находиться’) имеет значение длительности, процессности, континуативности действия: *evirä tur-* ‘переводить, заниматься переводом’ (*evir-* ‘вращать, переводить’), *tïna tur-* ‘остановиться, перестать’ (*tïn-* ‘дышать, успокаиваться, прекращаться’), *üklijü ašïlu tur-* ‘увеличиваться и расти’ (*üklijü ašïl-* парн. ‘увеличиваться и умножаться’), *qoraju tur-* ‘уменьшаться’ (*qora-* ‘иметь потери, убывать’), *kötijü tur-* ‘подниматься’ (*köti-* ‘подниматься’), *jadïlu tur-* ‘распространяться’ (*jadïl-* ‘распространяться’), *tegzinü tur-* ‘вращаться’ (*tegzin-* ‘вращаться, кружиться’), *közünü tur-* ‘виднеться’ (*közün-* ‘казаться, виднеться’), *bušï qolu tur-* ‘просить милостыню’ (*bušï qol-* ‘просить милостыню’), *ajaju aγïrlaju tur-* ‘почитать и благоговеть’ (*aja- aγïrla-* парн. ‘почитать, относиться с благоговением’), *öjü tur-* ‘постоянно думать, размышлять’ (*ö-* ‘думать’), *külä tur-* ‘смеяться’ (*kül-* ‘смеяться’), *ïγlaja tur-* ‘плакать, рыдать’ (*ïγla-* ‘плакать’), *baqa tur-* ‘рассматривать’ (*baq-* ‘смотреть’), *berä tur-* ‘давать’, *kütäjü tur-* ‘пасти’ (*kütä-* ‘пасти’), *körü tur-* ‘смотреть’ (*kör-* ‘видеть’), *ïdu tur-* ‘направлять, посылать’ (*ïd-* ‘отправлять’), *jalïnaju tur-* ‘пылать’ (*jalïna-* ‘пылать’), *jaŋγïra tur-* ‘звенеть’ (*jaŋγïr-* ‘звучать’), *ögä jïva tur-* ‘восхвалять’ (*ög- jïv-* парн. ‘восхвалять и превозносить’) и другие.

Использование в данном сочетании в качестве вспомогательного глагола статики, состояния, бытия *tur-*, а также деепричастия на *-а* со значением процессности, совершающегося действия или проявляющегося состояния способствует возникновению семантики совершающегося, продолжительного действия. Формы *-а+турур* и *-а+-тур-*, служащие для выражения континуативного способа действия, исторически оказались втянутыми в систему временных форм тюркского глагола и, в частности, форм настоящего времени в ряде тюркских языков и таким образом вступили во взаимодействие с формой настоящего (или настоящего-будущего) времени на *-а ман*.

Указанный процесс можно, видимо, связать с типологической константой, характерной для временной системы алтайских языков вообще. Учитывая мнение К. Г. Менгеса, ее допустимо сформулировать так: «выражение собственно настоящего времени в алтайских языках возможно не иначе, как в специальных формах прогрессива».[94] Различные тюркские языки показывают разные ступени реализации данной константы, поэтому бывает сложно определить место, занимаемое указанным сочетанием *-а тур-* в системе видо-временных форм конкретного тюркского языка. Это относится также и к сочетанию *-п тур-*, которое является синонимичным первому и которое в большинстве современных языков замещает обычно сочетание *-а тур-*. Как показано в исследовании А. А. Юлдашева, указанная модель «характеризуется большой продуктивностью и некоторой неустойчивостью, которая выражается в том, что возникшие по данной модели образования функционируют в одном случае как сложные глаголы, в которых видовое значение процессуальности является лишь сопутствующим, в другом — как чисто видовые образования, где отсутствует свойственная сложным словам лексико-семантическая целостность и где поэтому *-п тур-* . . . выделяется как грамматический показатель с абсолютным значением процессуальности, при котором трудно усмотреть какое бы то ни было номинативное значение элемента *тур-*».[95] С другой стороны, временные формы *-п тур-*, например, в тувинском, алтайском языках, в некоторых диалектах новоуйгурского языка, «представляют собой качественно иные образования, . . .имеют свою особую систему и должны рассматриваться совершенно обособленно от остальных типов образований этой группы».[96]

Таким образом, для древнетюркских, в частности древнеуйгурских, письменных памятников сочетание *-а tur-* следует определенно признать морфологическим средством выражения продолженного действия.[97] Что касается современных языков, то данное

[94] См.: Menges K. H. 1) Die tungusischen Sprachen, S. 38; 2) Influences altaïques en Slave, p. 536—537.

[95] Юлдашев А. А. Аналитические формы глагола. . ., с. 70.

[96] Там же, с. 67.

[97] См.: Насилов Д. М. Конструкции *-а+турур* в древнеуйгурском языке. — В кн.: Сибирский тюркологический сборник. Новосибирск, 1976.

сочетание и его соответствия требуют конкретного рассмотрения в каждом из них, так как они могут оказаться в парадигматическом ряду видо-временных форм, с одной стороны, или же продолжать обслуживать сферу способов действия глагола определенного языка — с другой.

Из приведенного материала можно заключить, что в древнетюркских памятниках описанные способы действия по семантике объединяются в несколько групп: а) связанные со значением завершения действия, б) связанные со значением неоконченности, продолжительности действия, в) связанные со значением пространственной или субъектно-объектной ориентации действия.[98] Особую подгруппу составляют способы, связанные с выражением особенностей протекания действия — интенсивностью, ослабленностью, внезапностью и т. п. В каждой из групп могут выделяться специфические значения, некоторые значения характерны для двух групп, а также бывает, что сочетание с одним определенным вспомогательным глаголом имеет близкие значения с сочетанием, где употребляется другой вспомогательный глагол, и т. д. Наконец, в каждой из групп, в каждой из моделей с одним и тем же вспомогательным глаголом имеет индивидуальное значение и почти каждое сочетание последнего с основным глаголом. Представляется, что в данном случае определяющим фактором является предельность или непредельность значения, в котором выступает в конкретном контексте основной глагол. Что касается принципов выбора вспомогательного глагола, то они представляются пока не мотивированными, за исключением сочетаний глаголов движения и частично действия, где можно усмотреть опору на логическую допустимость сочетания действия основного и вспомогательного глаголов.

У з б е к с к и й я з ы к.[99] Для выражения способов действия используются сочетания вспомогательных глаголов с формой деепричастия на *-б* основного глагола или с формой деепричастия

---

[98] См. также: N a s i l o v D. M. Zur Interpretation der Hilfsverben in den türkischen Sprachen. — «Bilimsel bildirler», Ankara, 1975, S. 507—508.

[99] При характеристике способов действия узбекского глагола и вспомогательных глаголов использованы следующие работы: Ш а р и п о в Г. Ш. Категория глагольного вида в современном узбекском языке. Автореф. канд. дисс., М., 1945; Ғ у л о м о в А. Ғ. Фе'л. Тошкент, 1954; У м а р о в М. У. Виды русского глагола и способы их выражения в узбекском языке. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1956; К о н о н о в А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М., 1960; Х а б и б о в М. И. Способы передачи русских приставочных глаголов в узбекском языке. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1962; Т у р с у н о в У., М у х т а р о в Ж., Р а ҳ м а т у л л а е в Ш. Ҳозирги ўзбек адабий тили. Тошкент, 1965; Ҳ о ж и е в А. Ўзбек тилида кўмакчи феъллар. Тошкент, 1966; Т и х о н о в А. Н. Изучение видов русского глагола в узбекской школе. Ташкент, 1970; G a b a i n A. V. Özbekische Grammatik. Leipzig—Wien, 1945. Словари: Узбекско-русский словарь. Гл. ред. А. К. Боровков. М., 1959; Русско-узбекский словарь. Под ред. Р. Абдурахманова. М., 1954; Русча-ўзбекча луғат. Тошкент, 1957.

на *-а/-й*. В зависимости от этого сочетание с одним и тем же вспомогательным глаголом приобретает различные значения; например, *-б бер-* (*бер-* 'давать') обозначает результативное действие, совершающееся в интересах другого лица, но сочетание *-а бер-* передает развитие или течение действия: *ёзиб бер-* 'написать' — *ёза бер-* 'продолжать писать, пописывать'; *сўзлаб бер-* 'рассказать, поведать' — *сўзлай бер-* 'рассказывать, рассказывать и рассказывать'. Однако не все вспомогательные глаголы могут сочетаться с обеими формами деепричастий, некоторые входят в сочетание только с одной определенной формой деепричастия. Кратко остановимся на этих сочетаниях, приняв за основу вспомогательный глагол.[100]

а) *ол-* 'брать, получать' — *-б ол-* означает, что результат действия используется субъектом для себя, в своих интересах: *лекцияни ёзиб ол-* 'записать лекцию' (*ёз-* 'писать'); *оиласини чақиртириб ол-* 'выписать~вызвать семью' (*чақиртир-* 'заставить звать'); *қазиб ол-* 'выкопать, вырыть' (*қази-* 'рыть, копать'); *уни қандайдир бир ҳиссиёт қамраб олди* 'какое-то чувство охватило его' (~'овладело им') (*қамра-* 'охватывать, обнимать'), *ёдлаб ол-* 'заучить наизусть' (*ёдла-* 'заучивать наизусть'). — *-а/-й ол-* образует форму возможности: *ёза ол-* 'мочь писать', *кела ол-* 'мочь прийти', *ишлай ол-* 'мочь работать';

б) *бошла-* 'начинать' — *-а/-й бошла-* передает начало действия: *айлана бошла-* 'завертеться, начать вертеться'; *чала бошла-* 'заиграть' (*чал-* 'играть на музыкальном инструменте'); *ўқий бошла-* 'начать читать';

в) *бор-* 'идти, ходить' — *-а/-й бор-* показывает постепенное развитие действия в определенном направлении пространства: *яқинлаша бор-* 'приближаться' (*яқинлаш-* 'приближаться, подходить'), *ўта бор-* 'проходить', — это сочетание в языке используется ограниченно. — *-б бор-* показывает поступательное и вместе с тем продолжающееся действие в определенном пространственном, временном направлении: *югуриб бор-* 'побежать' (*югур-* 'бегать'), *ёзиб бор-* 'записывать', *қуриб бор-* 'сохнуть, увядать' (*қури-* 'высыхать, вянуть'), *ошиб бор-* 'увеличиваться, возрастать' (*ош-* 'возрастать');

г) *бер-* 'давать' — *-б бер-* указывает, что результат действия используется субъектом в чью-либо пользу: *йиғиб бер-* 'собрать' (*йиғ-* 'собирать'), *айтиб бер-* 'сказать' (*айт-* 'говорить'), *топиб бер-* 'найти' (*топ-* 'находить, отыскивать'), *билиб бер-* 'узнать' (*бил-* 'знать'). Сопровождается оттенком законченности действия. — *а-/-й бер-* выражает спокойное естественное течение действия, часто со значением повторения или типичности: *ўқий бер-* 'продолжать читать', *сўрай бер-* 'спрашивать то и дело', *йиғлай бер-* 'плакать', *бора бер-* 'отправляться';

---

[100] Для удобства сопоставления все глаголы даются не в принятых словарных формах, а в форме основы глагола.

д) *бил-* ‘знать’ — *-а/-й бил-* выражает возможность совершения действия: *қила бил-* ‘мочь ~ уметь сделать’, *гаплаша бил-* ‘уметь разговаривать’. Соотносится с сочетанием *-а ол-* по значению, но распространено в языке мало;

е) *бит-* ‘кончаться, завершаться’ — *-б бит-* указывает на завершенность действия: *ёниб бит-* ‘сгореть’ (*ён-* ‘гореть’), *чириб бит-* ‘сгнить’ (*чири-* ‘гнить’), *тўзиб бит-* ‘истрепаться’;

ж) *битир-* ‘кончать, заканчивать’ — *-б битир-* также выражает завершенность действия (в переходных глаголах), возможны морфологические варианты *битказ-~биткар-*: *ёзиб битир-* ‘исписать’, *сотиб битир-* ‘распродать’, *қуриб битказ-* ‘отстроить’ (*қур-* ‘строить’), *харжлаб битир-* ‘издержать’ (*харжла-* ‘расходовать, тратить’);

з) *бўл-* ‘стать, быть’ — *-б бўл-* означает полное завершение действия: *ёзиб бўл-* ‘написать’, *соғиб бўл-* ‘отдоить’ (*соғ-* ‘доить’), *экиб бўл-* ‘отсеяться’ (*эк-* ‘сеять’);

и) *ёз-* ‘впадать в грех’ — *-а ёз-* передает действие, близкое к совершению: *йиқила ёз-* ‘чуть не упасть’, *ўла ёз-* ‘чуть ~ едва не умереть’;

к) *ет-* ‘хватать, доходить, достигать’ — *-б ет-* выражает действие, достигшее завершения: *бориб ет-* ‘дойти’; *келиб ет-* ‘прийти, прибыть’, *пишиб ет-* ‘созреть, дойти до готовности’ (*пиши-* ‘становиться готовым, доходить до стадии готовности’). Употребляется редко;

л) *юбор-* ‘посылать, отправлять’ — *-б юбор-* показывает законченность и исчерпанность действия, сопровождающегося иногда оттенками интенсивности, скоротечности и т. п.: *доғ-дуғ қилиб юбор-* ‘испещрить’ (*доғ-дуғ қил-* ‘покрывать пятнами, пятнать’), *итариб юбор-* ‘отпихнуть’ (*итар-* ‘толкать, сдвигать’), *йиғлаб юбор-* ‘разрыдаться’, *тўкиб юбор-* ‘пролить, разлить’ (*тўк-* ‘лить’), *сўзлаб юбор-* ‘заговорить (вдруг)’, *тутатиб юбор-* ‘надымить, начадить’ (*тутат-* ‘дымить’);

м) *кел-* ‘приходить’ — *-б кел-* обозначает продолжающееся действие, разворачивающееся в пространстве или времени в направлении говорящего и доходящее до конечной точки пространства или определенного момента во времени: *қайтиб кел-* ‘вернуться’ (*қайт-* ‘возвращаться’), *ишлаб кел-* ‘проработать до какого-то срока’ (*ишла-* ‘работать’), *бориб кел-* ‘сходить’, *сақлаб кел-* ‘держать, удерживать’ (*сақла-* ‘хранить, беречь’);

н) *кўр-* ‘видеть, смотреть’ — *-б кўр-* (*~-а/-й кўр-*) передает попытку или пробу совершить действие: *ўйлаб кўр* ‘подумай’, *еб кўр-* ‘попробовать’; *кела кўр-(мал)* ‘не пробуй подходить!’;

о) *кет-* ‘уходить, уезжать’ — *-а/-й кет-* выражает приступ к действию и его интенсивное развитие без видимого завершения: *югура кет-* ‘побежать’, *мақтай кет-* ‘начать хвалить’ (*мақта-* ‘хвалить’). — *-б кет-* обычно показывает исчерпанность действия, сопровождавшегося интенсивностью, внезапностью проявления; с глаголами действия возможно указание на разворачивание дей-

ствия в сторону от действующего лица: *сирғаниб кет-* ‘соскользнуть’ (*сирған-* ‘скользить’), *терлаб кет-* ‘вспотеть’ (*терла-* ‘потеть’), *қоп тешилиб кет-(ди)* ‘мешок продырявился’, *узилиб кет-* ‘порваться’, *уни ажина чалиб кет(ибди)* ‘в него вселился злой дух’ (*чал-* ‘играть на инструменте’, ‘повергать’), *ювиб кет-* ‘смыть’ (*юв-* ‘мыть’), *ялт этиб кет-* ‘блеснуть’ (*ялт эт-* ‘блестеть’), *ўт олиб кет-* ‘загореться, вспыхнуть’ (*ўт ол-* ‘загораться, воспламеняться’), *бузилиб кет-* ‘развалиться’ (*бузил-* ‘развалиться, разрушиться’); *бойиб кет-* ‘разбогатеть’, *ўлиб кет-* ‘умереть’;

п) *қол-* ‘оставаться’ — *-а/- йқол-* передает модальное значение доброжелательности, пожелания в совершении действия: *бора қол!* ‘сходите уж!’, *ёза қол!* ‘пишите-ка!’ — *-б қол-* выражает исчерпанность и законченность действия с дополнительными оттенками однократности действия, внезапности его проявления, превращения в качество предмета или проявляющееся свойство, состояние и т. п.; обычно в сочетании с непереходными глаголами: *билиб қол-* ‘узнать’, *дўстлашиб қол-* ‘сдружиться’, *бузилиб қол-* ‘испортиться’, *ёмғир ёғиб қол-* ‘пойти (о дожде)’, *осилиб қол-* ‘повиснуть’, *эгилиб қол-* ‘согнуться’ (*эгил-* ‘склоняться, сгибаться’), *анқайиб қол-* ‘вытаращить глаза, опешить, разинуть рот’ (*анқай-* ‘удивленно смотреть, недоумевать’);

р) *қўй-* ‘ставить, класть, прекращать, оставлять’ — *-б қўй-* служит для выражения законченности и исчерпанности действия с оттенками становления признака, иногда однократности: *илжайиб қўй-* ‘улыбнуться’ (*илжай-* ‘улыбаться’), *тайёрлаб қўй-* ‘приготовить, подготовить’ (*тайёрла-* ‘готовить’), *элтиб қўй-* ‘довезти’, *билдириб қўй-* ‘доложить’, *қоқиб қўй-* ‘забить’, *бекитиб қўй-* ‘заткнуть’ (*бекит-* ‘закрывать’), *нуқтагача ўқиб қўй-* ‘дочитать до точки’, *эслатиб қўй-* ‘напомнить’, *илиб қўй-* ‘повесить’, *ачитиб қўй-* ‘сквасить’ (*ачит-* ‘квасить’);

с) *сол-* ‘класть’ — *-а/-й сол-* (*иб*) используется как деепричастный оборот, передающий действие, за которым непосредственно следует другое: *тура солиб қочди* ‘он сразу встал и убежал’, *уйга кира солиб каравотга ўзини ташлади* ‘едва войдя в комнату, он бросился на кровать’. — *-б сол-* выражает законченность действия с оттенком интенсивности (употребляется редко): *очиб сол-* ‘раскрыть до конца’ (*оч-* ‘открывать’), *тўкиб сол-* ‘вылить’, *айтиб сол-* ‘высказать’;

т) *ташла-* ‘бросать, кидать’ — *-б ташла-* показывает завершенность действия, проходившего интенсивно, иногда очень быстро: *ёзиб ташла-* ‘быстро написать, набросать’, *титиб ташла-* ‘истрепать, изорвать’ (*тит-* ‘трепать, рвать’), *супуриб ташла-* ‘вымести прочь’, *майдалаб ташла-* ‘измельчить’ (*майдала-* ‘мельчить, дробить’), *қириб ташла-* ‘изрубить’ (*қир-* ‘губить, истреблять’), *чўқиб ташла-* ‘исклевать’ (*чўқ-* ‘клевать’), *ўраб-чирмаб ташла-* ‘накутать’;

у) *туш-* ‘спускаться, падать’ — *-б туш-* выражает с ограниченным кругом глаголов завершенность действия, иногда с сохра-

нением пространственной ориентации «сверху вниз»: *ағдарилиб туш-* 'перевернуться' (*ағдарил-* 'переворачиваться, опрокидываться'), *учиб туш-* 'слететь', *сиқраб туш-* 'спрыгнуть', *етаклаб туш-* 'свести' (*етакла-* 'вести за руку'), *осилиб туш-* 'свеситься' (*осил-* 'вешаться');

ф) *чиқ-* 'выходить, отправляться' — *-б чиқ-* выражает завершенность действия во всем его объеме: *ўқиб чиқ-* 'прочитать', *кўчириб чиқ-* 'переписать' (*кўчир-* 'переписывать'), *ўйлаб чиқ-* 'задуматься', *ўрмалаб чиқ-* 'вползти, вскарабкаться' (*ўрмала-* 'ползать'), *қайнаб чиқ-* 'вскипеть' (*қайна-* 'кипеть'), *текшириб чиқ-* 'исследовать';

х) *ўт-* 'проходить, миновать, переходить' — *-б ўт-* обозначает, что действие замедляется в своем развитии и проявляется некоторый период как само по себе, в контексте иногда возникают оттенки сопутствования другому действию и продвижения через что-либо: *эсига солиб ўт-* 'напоминать' (*эсига сол-* 'вспоминать'), *кўриб ўт-* 'просматривать, рассматривать', *ёғиб ўт-* 'пройти (о дожде)', *қайд этиб ўт-* 'отметить', *эслатиб ўт-* 'упоминать', *босиб ўт-* 'пройти, миновать что-либо', *таъқидлаб ўт-* 'подчеркнуть, обратить внимание' (*таъқидла-* 'констатировать, отмечать'), *ҳазил қистириб ўт-* 'подпустить шутку';

ц) *қара-* 'смотреть, глядеть' — *-б қара-* также передает попытку или пробу совершить действие: *ўйлаб қара!* 'подумай-ка!' (синонимично сочетанию *-б қўр-*);

ч) *боқ-* 'смотреть, глядеть' — *-б боқ-* по значению синонимично указанным выше сочетаниям *-б кўр-* и *-б қара-*: *ўқиб боқ-(инг!)* 'прочтите-ка, попробуйте прочесть!', *еб боқ-(инг)!* 'отведайте';

ш) *ўл-* 'умереть' — *-б ўл-* показывает интенсивное проявление состояния: *чирчиб ўл-* 'сильно устать', *соғиниб ўл-* 'истосковаться' (*соғин-* 'скучать, тосковать');

ы) *юр-* 'ходить, идти', *ёт-* 'лежать', *ўтир-* 'сидеть', *тур-* 'стоять' — *-б юр-~ёт-~ўтир-~тур-* выражают длительность, повторяемость или обычность действия как с глаголами переходными, так и непереходными. Из этих глаголов наибольшей универсальностью обладает глагол состояния *тур-* 'стоять', который может сочетаться с любым глаголом, допускающим представление действия как длительный или повторяющийся процесс. В узбекском языке отмечается также и сочетание *-а/-й тур-*, которое имеет аналогичное значение, хотя и характеризующееся некоторым своеобразием (в частности, не может выражать значение повторяемости действия). Важно и то, сочетается ли *тур-* с глаголом действия или глаголом состояния, а также и то, в предельном или непредельном значении выступает основной глагол. По наблюдениям А. А. Юлдашева, здесь может реализоваться либо исключительно значение длительности действия, либо преобладать оттенки типичности действия. Если же речь идет о действиях человека, то в глаголе *тур-* проявляется иногда и его собственное значение 'стоять', особенно когда действия осуществляются стоя.

Приведем некоторые примеры: *балқиб тур-* 'сиять' (*балқи-* 'сиять, сверкать'), *ёйилиб тур-* 'разливаться, рассыпаться (о волосах)', *чайнаб тур-* 'разжевывать' (*чайна-* 'жевать'), *олиб тур-* 'брать систематически, задерживать', *ҳаво дим бўлиб тур(-бди)* 'в воздухе парит'.

Что касается других глаголов этой группы, то они употребляются с ограничениями, которые связаны с их собственным лексическим значением, в то же время они придают и новые оттенки всему сочетанию. Например, глагол *юр-* обычно выступает в сочетаниях с глаголами, обозначающими действия одушевленных предметов и очень часто передающими их пространственное перемещение: *учиб юр-* 'лететь', *ахтариб юр-* 'разыскивать' (*ахтар-* 'искать'), *кўнгли ғаш бўлиб юр-* 'быть в расстройстве', *эриниб тур-* 'лениться'.

Глагол *ўтир-* употребляется только в сочетаниях с глаголами действия человека и в наибольшей степени сохраняет свое собственное значение 'сидеть', поэтому его использование в языке сильно ограничено: *нима қилиб ўтир-(ибсиз)*? 'что вы здесь делаете?', *ўйлаб ўтир-* 'думать, задумываться'.

Глагол *ёт-* 'лежать' получил более широкое распространение; сочетания с ним, кроме значения длительности, имеют иногда оттенок усиленного действия: *ўғлим Москвада ўқиб ёт-(ибди)* 'сын учится в Москве', *мевалар пишиб ёт-(ибди)* 'фрукты уже поспели'.

Интересно, что в узбекских говорах к этим четырем глаголам может подключаться и глагол *тўхта-* 'останавливаться, прекращаться'. Например, в шахрисябзском говоре в связи с тем, что в нем глагол *тур-* чаще выступает в значении 'вставать', глагол *тохтэ-* (лит. *тўхта-*) употребляется и в значении 'стоять', образуя с деепричастием на *-иб* сочетание для указания на временно продолжающееся действие: *ҳэзиччэ тэйирмэңңэ сув кэмэй тохтэпто* 'пока на мельницу вода не идет'.[101]

Как указывалось выше, с данными глаголами связана в тюркских языках история становления ряда временных и видо-временных форм. В узбекском языке интересно обратить внимание на место глагола *ёт-* [*йэт*] 'лежать' в ряду сложных форм времени. На базе сочетаний с ним в литературном языке, а также и в говорах возникла серия видо-временных форм, в дефиниции которых еще существуют спорные моменты. Это так называемые формы настоящего конкретного времени или настоящего времени данного момента (в узбекской терминологии «*аниқ ҳозирги замон*» или «*конкрет ҳозирги замон*»), иногда они определяются как формы настоящего продолжающегося времени, или прогрессива (*ҳозирги замон давом феъли*). Здесь отмечается ряд типов в зависимости от аффиксов и вспомогательного глагола, присоединяемых

[101] Ж у р а е в Б. Шахрисябзский говор узбекского языка. (Фонетико-морфологический очерк). Ташкент, 1964, с. 137—138.

к основе основного глагола, которая наращивается показателем деепричастия *-а*/(*-й*) или *-б*. Структура первой формы от глагола *бор-* 'идти': *бор-а-яп-(ман)* > орфографически *боряп* (*-ман ~-сан~ -ти~-миз~-сиз~-тилар*). Аффикс *-яп-* возводится тюркологами к глаголу *ёт-* и считается проникшим в литературный узбекский язык из говоров ферганской группы, при этом предполагается такой путь развития: [*бор-*]+*-а+йэт-иб*~[*бор-*]*а+йатиб*>[*бор-*]*-айаб*>[*бор-*]*айап*>[*бор-*]*-йап*. В говорах эта форма под влиянием фонетических процессов приобретает различный вид: ташкентский тип *бэрвэт-мэн~бэрвэм-мэн*, паркентский — *бэрвэт-тъм*, самаркандский — *бэрэммэн*, *бэрэпсэн*, наманганский — *бэруттъмэн*, ферганский — *бэрйэппэн*, *бэрйэпсэн~бэрэ*: *туммэн*.[102] Основное значение этой формы — указание на совершение действия именно в момент речи. Морфологическим вариантом этой формы является модель *бор-а-ёт-иб-(ман)*, где элемент, производный от *ёт-*, выступает в форме деепричастия на *-б*. Иными словами, здесь представлена полностью форма, которую считают исходной для аффикса *-яп* и которая является фактически сочетанием основного и вспомогательного глаголов.

Вторая форма образуется по следующей модели: [*бор-*]*-аётир-(ман)*~[*ўқи-* 'читать']*-й-ётир-(-ман)*>*ўқиётир-(ман~-сан~ Ø~-миз~-сиз~-лар)*. Здесь также вычленяется компонент *-ётир-*, восходящий к форме причастия настоящего времени на *-р* от глагола *ёт-* 'лежать'. Эта форма передает действие в настоящий момент, но в ней отмечается явное значение продолженности действия.

Еще одна модель: *ёз-+-иб ёт-иб-(-ман~-сан~-ди~-миз~ -сиз~-дилар)*. В этой модели вместо глагольной формы *ётиб-* могут, естественно, употребляться и формы от других глаголов: *туриб-*, *юриб-*, *ўтириб-*, т. е. *ёзиб ётиб-~туриб-~юриб-~ўтириб-*. Следует заметить, что данные четыре глагола в форме на *-иб*+показатели лица имеют значение настоящего времени данного момента, тогда как остальные глаголы имеют значение прошедшего времени (точнее одной из форм перфекта), например, *ёзибди* 'написал', *борибди* 'пошел'.

Таким образом, в узбекском литературном языке выделяется четыре вида глагольных форм с участием вспомогательного глагола *ёт-* 'лежать'. Большинство исследователей склоняется к тому, что форма с *-яп* определенно является формой времени,

---

[102] См.: Решетов В. В. Указ. соч.; Иброҳимов С. Ўзбек тилининг Андижон шеваси (фонетика ва морфология). Тошкент, 1967, с. 199—201; Джураев Б. Указ. соч., с. 134—141; Мирзаев М. М. Ўзбек тилининг Бухаро группа шевалари. Тошкент, 1969, с. 58—61; Усманов К. Формы настоящего времени глагола в говорах узбекского языка. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1969; Раджабов Н. Ўзбек халқ шеваларида ҳозирги замон давом феъли. — В кн.: Ўзбек тили грамматик қурилиши ва диалектологияси масалалари, II. Самарканд, 1969, с. 93—104; Тошкент области ўзбек шевалари. Тошкент, 1976, с. 66—70.

образуемой от любого глагола и передающей чисто временное значение. Е. Д. Поливанов писал, что она употребляется, когда «момент говорения находится внутри периода совершения данного (выраженного основой глагола) действия».[103] Сходные определения позднее дают этой форме А. К. Боровков, В. В. Решетов, А. А. Коклянова, А. Г. Гулямов, У. Т. Турсунов и другие узбековеды. А. А. Коклянова в своем исследовании пришла к выводу, что и форма на *-ётиб* (типа *бораётибман*) имеет тоже значение настоящего времени данного момента.

В форме на *-ётир* отмечается значение также и продолженности действия. А. А. Коклянова пишет, что «указанная форма не выступает в литературном языке как синонимичная двум первым. Она не является простой формой настоящего времени данного момента, ибо указывает на длительный характер действия. . . .форма на *-(а)ётир* употребляется тогда, когда хотят специально отметить длительность действия, ибо другие формы не указывают на эту деталь, хотя, может быть, она и присуща действию».[104] Соглашаясь с этими замечаниями, следует признать, что в литературном языке только форма на *-яп* (и ее вариант *-(а)ётиб* — литературный язык базируется на сложной диалектальной основе, и парадигмы временных форм в известной мере отражают эту сложность), лишившись связи с сочетанием, передающим способ действия, заняла строго определенное место в парадигме временных форм.[105] Другие же формы, в том числе и на *-(а)ётир*, этой связи еще не порвали, образуя тем самым свою систему противопоставлений.

Что касается сочетания *-б ётиб* (*~туриб~ўтириб~юриб*), то оно, видимо, не должно рассматриваться как вариант настоящего времени данного момента (временное значение обусловлено семантикой форм *ётиб~туриб~ўтириб~юриб*) и включается справедливо некоторыми исследователями в ряд видовых образований со значением продолженности действия.[106]

Глагол *ёт-* 'лежать' активен в образовании различных глагольных форм не только в узбекском, но и в ряде других тюркских языков: алтайском, хакасском, тувинском, казахском, каракал-

---

[103] Поливанов Е. Д. Введение в изучение узбекского языка. Вып. 1. Ташкент, 1925, с. 80.

[104] Коклянова А. А. Указ. соч., с. 26.

[105] Ср.: Юлдашев А. А. Об аналитических формах настоящего времени в тюркских языках. — В кн.: Проблемы тюркологии и истории востоковедения. Казань, 1964. — Надо думать, что именно вхождение во временную систему и закрепление за формой *-яп* чисто грамматического значения времени явилось основой, на которой стала возможна существенная фонетическая эволюция ее компонентов. Формализация значения повлекла за собой и формализацию показателя этого значения; здесь наличествует только этимологическая связь с глаголом *ёт-*, лежащим в основе показателя времени (ср. также другие тюркские языки).

[106] См.: Коклянова А. А. Указ. соч., с. 20—22, 26—29; Юлдашев А. А. Аналитические формы. . ., с. 53—59.

пакском, киргизском, — однако при рассмотрении их в каждом из языков необходимо возникает требование подвергнуть анализу всю систему видо-временных форм в данном языке, поскольку структура ее различна по языкам и каждое образование с этим глаголом занимает сугубо индивидуальное место.

Глагол *тур-* 'стоять' в узбекском языке не имеет такой активности в этой сфере. С ним известно только одно образование — показатель причастия настоящего времени *-(а)диган*, — возникшее из сочетания деепричастия на *-а/-й* и глагола *тур-* в форме причастия на *-ган*. Оно может употребляться и в предикативной позиции. Встречается также и полный вариант *-атурган*. В других же тюркских языках *тур-*, как уже говорилось, в составе аналитических образований представлен в парадигмах временных форм; ср.: чув. *пыратăп* 'я иду' < **пыр-а-т(<тур<турур)-п*;[107] тув. *ап-тыр мен* 'и вот я беру, оказывается я взял'; чулым. *тур-турум* 'я встаю'.

Наконец, глаголы *юр-* и *ўтир-* в узбекском языке не применяются для образования специальных форм времени. Сочетание *-а/-ï+jor-* в турецком, например, языке, как полагают, послужило основой образования формы настоящего времени (настоящего времени данного момента) на *-(ı)yor* ~ *-(u)yor*: *geliyor* 'он идет', *görüyor* 'он видит'.[108] В чулымско-татарском языке глагол *от'-* 'сидеть' входит в состав формы настоящего времени данного момента, выражающей медлительность действия: *па:рвот'им* < *'парып от'им* 'я иду не торопясь'.[109] Как видно, почти с каждым из указанных четырех глаголов в тюркских языках этимологически связаны отдельные видо-временные формы.

Таким образом, сочетания с перечисленными выше глаголами, которые служат для выражения процессности или продолженности, течения какого-либо действия, занимают особое место среди остальных глагольных сочетаний, связанных со способами действия. Их характерной особенностью является то, что образование этого способа действия осуществляется преимущественно без изменения лексического значения глагольных слов. Противопоставление простого и сложного глаголов происходит, как пра-

---

[107] См.: Левитская Л. С. Историческая морфология чувашского языка. М., 1976, с. 60—61; Johanson L. 1) Das tschuwaschische Aoristthema. — «Orientalia Suecana», vol. XXIII—XXIV (1974—1975), Uppsala, 1976, S. 106—158; 2) Zum Präsens der nordwestlichen und mittelasiatischen Türksprachen. — «Acta Orientalia», vol. 37, 1976, S. 57—74.

[108] См.: Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, с. 223—225; ср.: Баилиев Х. Сложные глаголы в туркменском языке. — В кн.: Проблемы туркменской филологии. Т. I. Ашхабад, 1944, с. 9—10 («. . . выражение совершения действия в настоящее время и в данную минуту как средство для выражения времени, и предшествовавшее глагольной форме настоящего времени (*яр-йэр*), выделилось из категории вида, а именно из выражения длительности действия»).

[109] См.: Дульзон А. П. Чулымско-тюркский язык. — В кн.: Языки народов СССР. Т. II. М., 1966, с. 454.

вило (ср., однако, сочетания с глаголами *юр-* и *ўтир-*), в пределах единого лексического значения по признаку продолженности / непродолженности (или процессности / непроцессности и т. п.), т. е. по признаку, вполне грамматическому. Указанные сочетания в узбекском языке являются наиболее грамматикализованными, и ими охватывается значительное количество глагольной лексики. Чтобы точнее определить их грамматический статус в системе форм, выражающих способы действия, и видо-временных форм узбекского языка, да и не только узбекского, следует специально проанализировать их функционирование и в плане охвата глагольной лексики, и в плане соотношения со всей совокупностью средств представления особенностей протекания глагольных действий. Эта проблема актуальна для всех групп языков алтайской языковой общности: в этих языках наблюдается процесс выработки специализированных грамматических средств для выражения процессности.

Что касается глагольных сочетаний с другими вспомогательными глаголами, то почти все исследователи, занимающиеся проблемами вида и сложных глаголов в узбекском языке, отмечают определенный сдвиг лексических значений при соединении основного и вспомогательного глаголов. В этих сочетаниях и больше проявляются собственные лексические значения у вспомогательных глаголов, и явственнее избирательность в присоединении последних к основным глаголам. Нельзя не обратить внимания на то, что сочетания с определенными вспомогательными глаголами передают и определенный круг обобщенных значений способа действия. Более того, вспомогательные глаголы, характеризующиеся общностью лексических значений, передают и сходные оттенки протекания глагольного действия. Но, как показали специальные исследования А. Ходжиева и А. А. Юлдашева, при этой общности каждый вспомогательный глагол передает и только ему свойственные нюансы действия. Так, сочетания с *бор-* 'идти' и *кел-* 'приходить' показывают развитие действия в пространственно-временных направлениях, однако в связи со спецификой семантики глагола *бор-*, указывающего на движение от исходного пункта, и *кел-*, передающего движение к конечной точке,[110] сочетания с ними характеризуют разные этапы этого развивающегося действия. С другой стороны, семантика обусловливает и различия в морфологическом оформлении таких сочетаний: для сочетаний с *бор-* нетипично употребление в прошедшем времени, а с *кел-* — в будущем, они употребляются только в прошед-

[110] См.: Халиков К. Глаголы движения в современном узбекском литературном языке. Автореф. канд. дисс. Самарканд, 1967; ср.: Тенишев Э. Р. Глаголы движения в тюркских языках. — В кн.: Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961, с. 233—249; Вещилова В. Ф. Глаголы движения в турецком языке. — ИСГТЯ, IV, Лексика, М., 1962, с. 110—114; Дмитриев Н. К. Глаголы движения (Verba movendi). — В кн.: Строй тюркских языков. М., 1962, с. 590—598.

шем и настоящем времени.[111] В то же время глаголы *кўр-*, *қара-*, *боқ-* 'видеть, смотреть, наблюдать', если не считать их различной употребительности,[112] выражают одинаковое значение попытки или пробы совершить действие. Таким образом, организуя определенные группы или разряды глагольных сочетаний, обладающие типизированным общим значением способа действия, вспомогательные глаголы формируют в сочетании с конкретной лексемой индивидуальное лексическое значение сложного глагола. Следует напомнить, что «. . .способы действия остаются в пределах лексических различий между глаголами, дают лексическую группировку глаголов и отражаемых ими типов протекания действия».[113] Как известно, в славянских языках в значительной мере образование способов действия связано с приставочным глаголообразованием. В связи с этим примечательно следующее наблюдение: «Оказывается, что наиболее четко на узбекский язык. . . переводятся приставочные глаголы первой группы (т. е. именно указанные выше, — Д. Н.). Это особенно заметно в форме инфинитива. Поэтому в русско-узбекских словарях легко можно найти переводы таких глаголов, как переделать, выписать, достроить, притащить, оттолкнуть и т. д.».[114]

Другой особенностью сложных сочетаний в узбекском языке, которая почти не затрагивалась в тюркологических работах и поэтому остается совершенно неисследованной, является происходящее в них преобразование значения предельности/непредельности основного глагола.[115] Представляется, что непредельные глаголы в сочетании с вспомогательными глаголами непредельными сохраняют значение непредельности и, наоборот, становятся предельными, если вспомогательный глагол сам имеет предельное значение; когда последний может проявлять оба значения, то их реализация зависит от контекста. Сема предельности/непредельности, хотя и является побочным результатом модификации лексического значения, тем не менее участвует в формировании аспектологического контекста и связана с функционированием видо-временных форм,[116] поэтому очевидна важность

---

[111] См.: Ҳ о д ж и е в А. Ўзбек тилида кўмакчи феъллар, с. 75—82.

[112] См.: Р а х м а н б е р д и е в К. Глаголы зрительного восприятия в узбекском языке. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1969; ср.: Ю л д а ш е в А. А. Глаголы чувственного восприятия (verba sentiendi) в тюркских языках. — В кн.: Историческое развитие лексики. . ., с. 301—304.

[113] М а с л о в Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке, с. 160.

[114] У м а р о в М. У. Виды русского глагола и способы их выражения в узбекском языке, с. 16.

[115] См.: Х а л и к о в К. Глаголы движения в современном узбекском литературном языке, с. 7, 20—29; У м а р о в М. У. Указ. соч., с. 9—10. Много наблюдений также содержится в работе А. А. Юлдашева «Аналитические формы глагола».

[116] См.: Б а л и н Б. М. Немецкий аспектологический контекст в сопоставлении с английским, с. 385—403; М а с л о в Ю. С. Глагольный вид, с. 200; J o h a n s o n L. Aspekt im Türkischen, S. 194 u. ff.

изучения этой проблемы для узбекского языка. Между прочим, это относится не только к формально выраженным (или характеризованным) способам действия, но и к необозначенным (нехарактеризованным) способам действия, которые присущи самой глагольной основе.

С этой же особенностью, по-видимому, связана и возможность вторичного присоединения к сложным глаголам новых вспомогательных глаголов, например: *яқинлашиб кела бошла-* 'начать приближаться'; *айтиб бериб қўя қол!* 'расскажи же, ну расскажи!'. А. Н. Кононов считает, что «в этом случае вторая глагольная форма модифицирует значение самого модифицирующего элемента, каковым является второе деепричастие».[117] Однако поскольку сочетание основного и вспомогательного глаголов образует особую единицу с модифицированным лексическим значением в плане способа действия, то присоединение новых вспомогательных глаголов, связанных также со способами действия, ведет к дополнительной модификации всего первого образования в целом, а не отдельных его компонентов. Поэтому представляется более справедливой точка зрения А. А. Юлдашева о том, что «формообразование, допустимое при втором компоненте аналитической формы, относится ко всему данному образованию в целом».[118]

Итак, в современном узбекском языке совершенно четко выделяются способы действия, передающие процессность, продолжительность глагольного действия. Другая группа способов действия передает различные оттенки завершения, законченности глагольного действия. Здесь находят выражение также различные этапы этой завершенности, связанные с определенными фазами самого действия. Вместе с этим выделяется группа сложных глаголов, которые характеризуются значением определенной пространственной ориентации (иногда субъектно-объектной направленности) действия.

Если о первой группе способов действия можно иногда говорить как о некоем грамматикализованном (точнее — идущем к грамматикализации) средстве представления действия в его развитии и совершаемости, то о двух других следует говорить как о различных оттенках лексической завершенности или исчерпанности действия, о лексических значениях направленности в ту или иную сторону, об указании на предназначенность (направленность) действия для действующего лица или объекта. При этом указанные лексические оттенки проявляются по-разному в конкретных сочетаниях.

Т а т а р с к и й я з ы к.[119] Как и в других тюркских языках, в этом языке также ведущим (на фоне аффиксации) является

[117] К о н о н о в А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка, с. 268.

[118] Ю л д а ш е в А. А. Аналитические формы . . ., с. 269.

[119] Использована следующая литература: Г а з и з о в Р. С. Татарский язык. Казань, 1960; Г а н и е в Ф. А. Видовая характеристика глаголов

способ аналитических образований, с помощью которых происходит модификация глагольного действия. Вспомогательные глаголы могут сочетаться с формами деепричастия на *-а/-ә/-й* основного глагола или деепричастия на *-п*. Исследователи татарского языка выделяют в нем различное количество вспомогательных глаголов, в среднем 25. Подробное описание вспомогательных глаголов и тех основных значений способов глагольного действия, которые они передают в аналитических конструкциях, имеется в книге Ф. А. Ганиева, где автор подходит к данной проблеме с позиций, во многом совпадающих с нашими. Ф. А. Ганиев выделяет 26 вспомогательных глаголов, которые связаны исключительно с модификацией характера протекания действия. Большинство этих глаголов совпадает со вспомогательными глаголами, используемыми в узбекском языке, аналогичны и передаваемые с тем или иным деепричастием способы действия, поэтому конкретные примеры можно опустить. Интересно отметить, что для выражения законченности действия используется в отличие от узбекского языка глагол *ат-* 'стрелять, кидать' — *-п ат-*: *язып ат-* 'быстро написать'. Этот глагол синонимичен *ташла-* 'бросать'. Как и в узбекском языке, глаголы *тор-* 'вставать, стоять', *ят-* 'лежать', *йөр-* 'ходить', *утыр-* 'садиться' в сочетаниях с деепричастием на *-п*, иногда и на *-а/-й* (*тор*) выражают длительное, продолжающееся действие с различными семантическими оттенками, зависящими от собственного значения вспомогательных глаголов: *уйлап йөр-* 'размышлять', *агып тор-* 'течь', *бора тор-* 'продолжать идти', *күреп тор-* 'встречать, видеть', *агып утыр-* 'течь', *укып ят-* 'продолжать учиться'.

Эти вспомогательные глаголы, употребляясь в форме настоящего времени, образуют описательную форму настоящего времени, которая «дает еще более конкретный и зримый образ данного момента»,[120] однако ее обычно не включают в парадигму времен.

В литературном языке только на базе глагола *тор-* 'вставать, стоять' образуется аналитическая форма причастия настоящего времени, обозначающего процессный признак предмета и возникшего на базе сочетания деепричастия на *-а/-й* от основного глагола и причастной формы на *-ган* от глагола *тор-*, например: *ага торган су* 'проточная, текущая вода', *камыр изә торган машина* 'тестомесильная машина', *йөрәкне өшетә торган караш* 'леденящий взгляд' (букв. 'морозящий сердце~душу'). Эта аналитическая форма в сочетании с *дыр-* (*~булыр*) может упот-

---

татарского языка. Казань, 1963; Современный татарский литературный язык. Лексика, фонетика, морфология. М., 1969; Фасеев Ф. С. Краткий грамматический справочник татарского языка. — В кн.: Татарско-русский словарь. М., 1966; Юлдашев А. А. Аналитические формы глагола в тюркских языках; Татарско-русский словарь. М., 1966; Русско-татарский словарь. Т. 1—4. Казань, 1955—1959.

[120] Фасеев Ф. С. Краткий грамматический справочник. . ., с. 842.

ребляться предикативно,[121] она же лежит в основе прошедшего многократного времени *-а торган иде*, выражающего действия, совершавшиеся регулярно или многократно.[122] Однако в диалектах татарского языка исследователи выделяют спрягаемую форму и настоящего времени на *-а торган*, на *-атыган*.[123]

Таким образом, вспомогательные глаголы в татарском языке, «образуя грамматикализованные сочетания с деепричастной формой основного глагола, сообщают ему дополнительную грамматическую характеристику и, в большинстве случаев, дополнительное лексическое значение. Возможность сочетания вспомогательного глагола с глаголами различных лексико-семантических разрядов является ограниченной».[124]

Касаясь общей характеристики способов действия глагола в татарском языке, можно отметить следующие: способы, передающие незаконченные действия или длительные (многократные, повторяющиеся, развивающиеся в определенных пределах и т. п.), и способы, выражающие разные оттенки совершенности действия (результативность, исчерпанность, интенсивное достижение предела, завершенность и т. п.), а также характеризующие этапы протекания действия (мгновенность, одноразовость, начало, внезапность возникновения и др.); кроме того, в отдельных сочетаниях указывается пространственная или временная направленность действия.

Приведенные данные по древнетюркским языкам, узбекскому и татарскому дают представление о таких сочетаниях и типах значений, а также о способах действия, выражаемых вспомогательными глаголами. Поэтому выделенные в исследованиях вспомогательные глаголы в языках каракалпакском, тувинском, якутском и турецком (а также и описанные выше) представлены только в таблице [125] (см. табл. 1). В ней указаны самые обобщен-

---

[121] См.: Современный татарский литературный язык, с. 273.

[122] Там же, с. 230—232; ср.: Серебренников Б. А. Система времен татарского глагола. Казань, 1963, с. 56—59, 66—67.

[123] См.: Ахатов Г. Х. Диалект западносибирских татар. Уфа, 1963, с. 166, 172—175; Тумашева Д. Г. Көнбатыш Себер татарлары теле. Грамматик очерк һәм сүзлек. Казань, 1963, с. 34.

[124] Современный татарский литературный язык, с. 280—281.

[125] При составлении таблицы учтены также следующие работы: Баскаков Н. А. 1) Каракалпакский язык. II. Фонетика и морфология, ч. 1 (части речи и словообразование). М., 1952; 2) Составные глаголы в каракалпакском языке. — В кн.: Вопросы изучения языков народов Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1952; Каракалпакско-русский словарь. Под ред. Н. А. Баскакова. М., 1958; Катанов Н. Ф. Опыт исследования урянхайского языка. Казань, 1903; Сат Ш. Ч. Тувинский язык. Краткий очерк. — В кн.: Тувинско-русский словарь. М., 1955; Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961; Тувинско-русский словарь. Под ред. Э. Р. Тенишева. М., 1968; Böthlingk O. Über die Sprache der Jakuten; Харитонов Л. Н. 1) Современный якутский язык. Ч. I. Фонетика и морфология. Якутск, 1957; 2) Формы глагольного вида в якутском языке. М.—Л., 1960; Убрятова Е. И. Якутский язык. — В кн.: Языки народов СССР. Т. II. М., 1966; Пекар-

Таблица 1

Вспомогательные глаголы-модификаторы действия в тюркских языках

№ п/п	Древнетюркский	Узбекский	Каракалпакский	Татарский	Тувинский	Турецкий	Якутский	Лексическое значение	Аспектуально-модальные значения аналитических конструкций
1	*al-*	*ол-*	*ал-*	*ал-*	*ал-*	—	*ыл-*	брать	1) Кратковременность, 2) возможность, 3) результативность (для субъекта)
2	*bašla-*	*бошла-*	*басла-*	*башла-*	—	*başla-*	—	начинать	Начинательность
3	*bar-*	*бор-*	*бар-*	*бар-*	*бар-*	—	*бар-*	идти	Инхоативность
4	*ber-*	*бер-*	*бер-*	*бир-*	*бер-*	*ver-*	*биэр-*	давать	1) Длительность, 2) результативность (для объекта)
5	*bil-*	*бил-*	*бил-*	*бел-*	*бил-*	*bil-*	—	знать	1) Возможность, 2) умение
6	—	*бит-*	*пит-*	*бет-*	—	—	*бүт-*	кончать(ся)	Исчерпанность действия
7	*bütür-*	*битир-*	*питир-*	*бетер-*	—	—	*бүтэр-*	кончать	Исчерпанность действия
8	*bol-*	*бўл-*	*бол-*	*бул-*	*бол-*	*ol-*	*буол-*	стать, быть	1) Завершенность, 2) результативность
9	—	*ёз-*	*жаз-*	*яз-*	—	*yaz-*	*сыс-*	ошибаться	Прерванность действия
10	—	*ёт-*	*жат-*	*ят-*	*чыт-*		*сыт-*	лежать	Дуративность
11	—	*юбор-*	*жибер-*	*жибәр-*	—	—	—	отправлять	Ингрессивность, интенсивность
12	—	*ет-*	*жет-*	*җит-*	*чет-*	—	—	достигать	Результативность
13	*jür-/jorï-*	*юр-*	*жүр-*	*йөр-*	*чор(у)-*	*(-yor)*	*сырыт-*	ходить	Дуративность
14	*kel-*	*кел-*	*кел-*	*кил-*	*кел-*	*gel-*	*кэл-*	приходить	Ингрессивность
15	*kör-*	*кўр-*	*көр-*	*күр-*	*көр-*	—	*көр-*	видеть	Попытка совершения действия
16	*ket-*	*кет-*	*кет-*	*кит-*	—	*git-*	—	уходить	1) Инхоативность, 2) стремительность
17	—	*кир-*	*кир-*	*кер-*	*кир-*	—	*киир-*	входить	Интенсивность
18	*qal-*	*қол-*	*қал-*	*кал-*	*кал-*	*kal-*	*хаал-*	оставаться	Завершенность
19	—	*қара-*	*қара-*	*кара-*	—	—	—	смотреть	Попытка совершения действия
20	*qoj-*	*қўй-*	*қой-*	*куй-*	—	*koj-*	—	класть	1) Результативность, 2) моментальность
21	*olur-*	*ўтир-*	*отыр-*	*утыр-*	*олур-*	—	*олор-*	сидеть	Дуративность

ные значения сложных глаголов. Как видно, сюда относятся не только значения способов действия, но и некоторые модальные значения, которые могут проявляться при сочетании ряда вспомогательных глаголов с основными.

В рамках нашей задачи нецелесообразно дополнять и расширять таблицу за счет привлечения других тюркских языков, так как картина использования в них вспомогательных глаголов в целом совпадает, а касающиеся самих вспомогательных глаголов различия можно в известной степени типизировать.

Какие же выводы можно сделать при рассмотрении данной таблицы? Прежде всего следует отметить, что в тюркских языках начиная с древнейших памятников выделяется группа глаголов, которые окказионально используются для модификации глагольного действия. Число их, зарегистрированное в исследованиях, неодинаково даже для одного языка, однако в целом можно сказать, что для тюркских языков оно остается стабильным, в среднем около двадцати пяти. Возможно, что в ряде языков выявлены вспомогательные глаголы еще неполностью, но зарегистрированы они в подавляющем большинстве тюркских языков. Исключением, насколько нам известно, являются караимский и гагаузский языки,[126] т. е. языки, в наибольшей степени подвергнувшиеся иноязычному, в частности славянскому, влиянию; в них отмечены только единичные глаголы.

Далее видно, что с определенной семантической группой вспомогательных глаголов связаны и определенные значения сложных глаголов, определенные типы способов действия. Так, с глаголами движения соотносятся способы действия, показывающие этапы развития действия: его нарастание, особенности проявления на начальном, промежуточном или конечном этапе и т. п. С глаголами состояния и статики связаны процессные, континуативные способы действия, а глаголы действия с семантикой 'бросить, кинуть' показывают исчерпанность, достижение предела или результативность. Глаголы видения сообщают действию значение попытки, пробы, смягченного приступа к действию. При этом характерно, что в пределах одного языка ряд глаголов со сходными значениями выполняет одинаковые функции или образует синонимические способы действия, оттенки которых обусловлены внутренним содержанием этих вспомогательных глаголов (ср. *бор-* и *кел-* в узбекском языке). С другой стороны,

---

ский Э. К. Словарь якутского языка; Русско-якутский словарь. Под ред. П. С. Афанасьева и Л. Н. Харитонова. М., 1968; Deny J. Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli). Paris, 1920; Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка; Михайлов М. С. Исследования по грамматике турецкого языка. Перифрастические формы турецкого глагола. М., 1965.

[126] См.: Мусаев К. М. Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология. М., 1964, с. 255—258; Покровская Л. А. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М., 1964, с. 168—169.

если в каком-либо из языков отсутствует та или иная лексема, то вместо нее употребляется другая с таким же значением. Например, для выражения исчерпанности и интенсивности проявления действия в ряде языков используется глагол *ташла-* 'бросать' (узб., каракалп., тат., уйг., кум., кирг.), в татарском используется также и глагол *ат-* 'бросать, кидать' (в разговорной речи), в тувинском же языке выступает только глагол *каг-* 'оставлять, покидать', а в якутском глагол *кэбис-* 'бросать, кидать, оставлять'. Это явление объясняется семантическим развитием глагола в каждом из языков, ибо в глаголе должно развиться достаточно обобщенное значение, чтобы он мог выступать в роли вспомогательного.

Возникает вопрос: если вспомогательные глаголы представляют общетюркское явление и известны с самых древних памятников, а также во многом общими являются возникающие в процессе данной модификации способы действия, то можно ли данное явление в целом считать присущим тюркским языкам на всех этапах их исторического развития и реконструировать его для тюркского праязыкового состояния? Представляется, что на этот вопрос можно ответить положительно, но только предположив для древнейшего периода такие сочетания глагольных слов, которые исключительно служили средством словообразования.[127] Иными словами, при сочетании двух глаголов возникало новое лексическое значение. Видимо, только впоследствии из ряда образований с одним и тем же конечным компонентом могло развиться определенное обобщенное значение, которое можно определить как способ действия. Даже сейчас часто прослеживается самостоятельное значение у второго компонента сочетания, но для более ранних периодов развития следует предполагать сочетание вполне равноправных семантически элементов. Необходимость подобных сочетаний вызывалась потребностью более четко дифференцировать семантику глаголов, чтобы полнее удовлетворить задачи коммуникации.

Однако поскольку в тюркологии слабо исследовано семантическое развитие слов в отдельных языках и письменных памятниках, трудно сказать о конкретном ходе исторического становления сочетаний, а можно только наметить возможные семантические модели.

Касаясь сути самих сочетаний двух глаголов, следует признать, что в тюркских языках для семантической их модификации был использован один из распространенных способов словообразования — способ парных слов, основанный на словосложении. Компоненты такого сложного образования объединяются на основе принципа семантической дополнительности. При этом был

---

[127] Подробнее см.: Насилов Д. М. К истории вспомогательных глаголов в тюркских языках. — В кн.: Тюркологические исследования. М., 1976, с. 161 и сл.

сохранен закономерный порядок расположения элементов тюркского словосочетания: слово с более конкретным значением предшествует слову с более общим значением.

Морфологической базой глагольных сочетаний этого типа послужили общетюркские формы деепричастий на *-а* и на *-п*. Обратим внимание на важный факт: в ходе исторического развития тюркских языков менялось соотношение указанных форм деепричастий, а именно: происходило ограничение сферы распространения деепричастия на *-а* за счет деепричастия на *-п*. Это явление отразилось и в сложных глаголах, где на современном срезе чаще выступает деепричастие на *-п*. Сочетания с ним выражают те же значения, которые, например, в древнетюркских языках выражались с деепричастием на *-а* (см. приведенные выше материалы из памятников).

Модификации глагольного действия осуществляются также с помощью удвоения глагола в деепричастной форме, типа узб. *кела-кела*, 'приходя-приходя', *ўқий-ўқий* 'читая-читая'; *кулиб-кулиб* 'смеясь-смеясь'. Такие повторы известны во всех тюркских языках и служат для передачи повторяемого, длительного или непрерывного действия, иногда этим выражается и интенсивность действия, например: кирг. *кучакташып, сыга-сыга, өбүштү экөө удаа-удаа* 'крепко обнимаясь, оба они целовались и целовались' (*сык-* 'жать'), узб. *тутун буралиб-буралиб осмонга кутарила бошлади* 'дым, клубясь (букв. 'вращаясь-вращаясь'), стал подниматься к небу'.[128]

Кроме указанных аналитических способов представления особенностей протекания глагольного действия, в тюркских языках имеются синтетические аффиксальные формы, модифицирующие действие глагола. Рассматривая всю совокупность таких аффиксов, следует отметить, что часть из них относится, несомненно, к средствам внутриглагольного образования, а часть к средствам глаголообразования от других частей речи. При историческом рассмотрении приходится учитывать особенности этих аффиксов, совмещающих в себе функции словообразования и формообразования. Сюда относятся прежде всего аффиксы *-а*, *-ы*, *-у*, *-ла*, *-га* и развившиеся на их основе составные аффиксы *-ала*, *-гала*, *-мала* и др. Эти аффиксы являются основными модификаторами, находящими соответствия в большинстве тюркских языков. Они выражают разные оттенки количественной характеристики действия, передавая также интенсивность, учащательность или многократность действия.

Среди всех аффиксов-модификаторов продуктивными в настоящее время являются в каждом из тюркских языков единицы. Остальные выделяются при сравнительно-историческом анализе, и их модифицирующее значение часто предстает как реконструкт

---

[128] См.: Джанмавов Ю. Д. Деепричастия в кумыкском литературном языке, с. 45—111.

на уровне семантики и исторической морфологии. Наиболее типичные аффиксы тюркских языков представлены в таблице 2-где дается также их типизированное значение.

Рассмотрим некоторые из них на основе имеющихся в тюркологии исследований.[129]

У з б е к с к и й я з ы к. *-а-*: *ўр-* 'плести' — *ўра-* 'наматывать', *бур-* 'поворачивать' — *бура-* 'вертеть'; *-и-*: *тақ-* 'прицеплять, сваливать вину' — *тақи-* то же; *-қа-*: *бур-* 'поворачивать, заворачивать' — *бурқа-* 'окутывать, закутывать'; *-ла-*: *сава-* 'бить прутом' — *савала-* 'хлестать, стегать'; *-та-*: *қис-* 'сдавливать' — *қиста-* 'торопить'; *-ала-*: *қўв-* 'преследовать' — *қўвала-* 'гнать, изгонять'; *-қила-*: *турт-* 'толкать' — *турткила-* 'выталкивать', *теп-* 'пинать' — *тепкила-* 'топтать'; *-(и)қла-*: *қўри-* 'охранять' — *қўриқла-* 'защищать'; *-инқира-*: *шош-* 'спешить' — *шошинқира-* 'поторапливаться', *сарғай-* 'желтеть' — *сарғайинқира-* 'слегка желтеть' (этот аффикс показывает неполностью проявляемое действие или состояние); *(и)мсира-*: *кул-* 'смеяться' — *кулимсира-* 'улыбаться' (передает ослабленное действие).

Для узбекского языка все эти аффиксы являются непродуктивными. Аффикс *-(и)нқира-* в словарях современного узбекского языка зарегистрирован в 14 глаголах, а *-(и)мсира-* в 2 глаголах, также единичны и образования с другими аффиксами.[130]

Также непродуктивными являются эти аффиксы и в т а т а р с к о м языке. Более употребительными выступают в нем аффикс *-кала-* и *-(ы)штыр*. Первый выражает многократные, периодически повторяемые действия, а второй, кроме этого значения, часто показывает и ослабленность действия. Однако и эти аффиксы, «несмотря на возможность их присоединения почти ко всем глагольным основам, практически употребляются сравнительно редко».[131] Например: *сикер-* 'прыгать, скакать' — *сикергәлә-* 'подпрыгивать', *сикерт-* 'подбрасывать' — *сикерткәлә-* 'время от времени подбрасывать', *кимер-* 'грызть' — *кимергәлә-* 'грызть временами', *чоку-* 'долбить' — *чокыштыр-* 'выдалбливать' — *чокыштыргала-* 'время от времени долбить' (сочетание в глаголе двух аффиксов) и др.

В т у в и н с к о м я з ы к е самым распространенным аффиксом для выражения многократности действия является аф-

---

[129] Кроме указанной выше литературы, использованы следующие работы: С е в о р т я н Э. В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке; Х а р и т о н о в Л. Н. 1) Типы глагольной основы в якутском языке. М.—Л., 1954; 2) Залоговые формы глагола в якутском языке. М.—Л., 1963; Ч э ф э р о в С. Азәрбајчан дилиндә сөз јарадычылыгы. Бакы, 1960; Х а с е н о в а А. Қазақ тіліндегі *-ла/-ле* аффиксті туынды түбір етістіктер. Алматы, 1957 (к работе приложен большой список основ с этим аффиксом, с. 45—79); К у д а й б е р г е н о в С. Кыргыз тилиндеги этишти жасочу кээбир мүчеләр. Фрунзе, 1966.

[130] См.: К у н г у р о в Р., Т и х о н о в А. Обратный словарь узбекского языка. Самарканд, 1969.

[131] Современный татарский язык, с. 280.

Таблица 2

Аффиксы-модификаторы глагольного действия в тюркских языках

№ п/п	Узбекский	Татарский	Каракалпакский	Тувинский	Якутский	Турецкий	Авербайджанский	Значение
1	*-а*	—	—	—	—	*-a/-e*	*-а*	Оттенки общего значения учащательности
2	*-и*	—	—	—	—	*-i*	—	
3	*-(и)к*	—	—	—	—	—	*-ык*	
4	*-ҡа/-ға*	—	*-ҡа/ға*	—	—	—	*-га*	
5	*-ҡи/-ғи*	—	—	—	—	—	*-гы*	
6	*-ла*	—	—	—	—	—	*-ла*	
7	*-та*	—	—	—	[*-таа*]	—	—	
8	*-ала(*-а+-ла-)*	*ала/-әле*	—	—	*-алаа*	*-ala*	*-ала*	Учащательно-интенсивное
9	*-ра*	—	—	—	—	—	-[*ра*]	Учащательное
10	*-чи(~-си)*	—	—	—	—	—	—	Учащательно-интенсивное
11	*-ки~-ги* *-(и)к* *-ма* } +*-ла*	—	*-ҡыла*	*-кыла*	*-ылаа*	—	—	Учащательное
		—	*-(у)ала*	—	[*-ыахтаа*]	—	*-(и)кла-*	
		—	*-мала*	—	*-балаа*	—	*-мала*	
12	*(-ин)-кира*	*(-ын)-кыра*	*-ыңҡыра*	—	[*-кыраа*]	—	—	Ослабленность действия
13	*-(и)мсира* *(-м+-сир+-а)*	*-ымсыра/* *-емсәрә*	*-ымсыра*	—	—	[*-imsa*]	—	Ослабленность действия
14	—	*-ыштыр*	—	—	—	*-(i)ştir*	*-шдыр*	Учащательно-интенсивное
15	—	*-кала/-гала*	—	—	*-ғалаа*	—	*-гала*	Учащательное, многократное, интенсивное

фикс *-кыла/-гыла*. Глагол с таким аффиксом «обозначает регулярно чередующееся и при этом повторяющееся действие, независимо от количества субъектов»,[132] например: *хөлечиктер аът-тарны адыргылааш, баглагылап каггылаан* (С. Тока. «Араттың сөзу») 'батраки распрягали лошадей и привязывали их'.

Из общей картины аффиксов выпадает как будто бы аффикс *-ывыт-*, выражающий законченность, однако этот аффикс является развитием сочетания деепричастия на *-п* + вспомогательный глагол *ыт-* 'посылать, пускать', использование которого известно уже в древнетюркских памятниках.

Рассматривая формы количественной модификации действия в азербайджанском языке, Э. В. Севортян отметил, что «. . . вследствие своей недоразвитости они остались в азербайджанском языке на положении категории, граничащей со словообразованием и словоизменением».[133] В этом языке наиболее распространенным является аффикс *-гала-*, но и он выступает в ограниченном круге глаголов, при этом теряя часто свое значение. Остальные выделяются этимологически лишь в нескольких глаголах, например: *-мала-* в шести основах, *-штыр-* приблизительно в десяти, *-н-* в пяти-шести основах, *-ала-* в десяти и т. п.

Для якутского языка синтетические формы выражения количественной характеристики действия подробно описаны в работах Л. Н. Харитонова. Оценивая состояние этих форм в якутском языке, автор пишет следующее: «Аффиксальные формы вида довольно многочисленны, но все они выражают различные оттенки двух видовых значений: многократности и ускоренности действия. В современном якутском языке наиболее употребительными аффиксами вида являются *-талаа* и *-бахтаа*. Первый обозначает многократность, второй — ускоренность и учащательность действия. Эти формы имеют универсальное применение. В принципе они могут быть образованы от любого глагола и распространяются также на звукоподражательные и образные глаголы. Остальные аффиксальные формы. . . уже утратили свою продуктивность и сохранились преимущественно в виде реликтовых образований среди ограниченного круга глаголов. . . Непродуктивные аффиксальные формы вида представляют собою видоизменение и дальнейшее развитие древних тюркских форм. Они, по-видимому, наиболее древние».[134]

Таким образом, с помощью аффиксов почти во всех тюркских языках выражается многократность, учащенность и интенсивность глагольного действия, которые в силу распределенности в пространстве или во времени могут характеризоваться ослабленностью, неполнотой своего проявления. Следует признать также,

---

[132] Летягина Н. И. Выражение количественных отношений в сфере тувинского глагола. — УзТувНИИЯЛИ, Кызыл, 1970, вып. XIV, с. 193.
[133] Севортян Э. В. Аффиксы глаголообразования. . ., с. 346.
[134] Харитонов Л. Н. Формы глагольного вида. . ., с. 100—101.

что аффиксальные средства в целом не являются ведущими и особо продуктивными для передачи способов глагольного действия на современном этапе развития тюркских языков. Были ли они продуктивными на более ранних этапах эволюции этих языков? На данный вопрос исследователи, занимающиеся проблемами тюркского глаголообразования, отвечают положительно. Однако при этом следует учитывать, что на каждом историческом этапе существует определенная система глаголопроизводящих средств, компоненты которой репрезентируют значения, сложившиеся в ходе предшествующего языкового развития и могущие быть продуктивными или непродуктивными уже для того периода. Э. В. Севортян в этом плане отмечает: «Все продуктивные, равно как и непродуктивные, формы глагольного словопроизводства являются выразителями определенных типов значений, зависящих друг от друга и находящихся в строгой исторически преемственной связи, без знания которой невозможно понять ни настоящее, ни прошлое глагольного словообразования, составляющего, таким образом, исторически подвижную систему».[135]

Известно, что учащательно-многократно-интенсивное значение передают те же аффиксы, которые относятся к средствам образования глаголов от других частей речи. Это касается как ныне непродуктивных, так и продуктивных аффиксов. Общетюркский продуктивный аффикс *-ла* входит в состав большинства этих аффиксов (обратим внимание на якутский язык с его обилием форм), причем сюда должны быть отнесены фономорфологические его варианты *-та/-да/-ра*, представленные в определенных типах глагольных основ или аффиксов. Исторически и для *-ла* восстанавливается значение учащательности и интенсивности.

Для непродуктивных аффиксов (*-а*, *-и*, *-ча*, *-к*) харакерно также то, что исторически и они «могли создавать глаголы и от имен и от глагольных основ, образуя в последнем случае количественные и отчасти модальные модификации исходного глагола. Все эти черты древних форм глагольного словопроизводства вступали в противоречие с растущей тенденцией к строгому разграничению форм отглагольного и отыменного словообразования».[136] На основе сказанного может быть сделано предположение, что и в системе аффиксального глаголопроизводства на древнейших этапах ее развития не отмечалось специализации формантов для выражения способов глагольного действия. Эти форманты служили единой цели — образованию глагольного слова от разных семантических типов имен, и, возможно, их выбор и распределение в какой-то степени определялись также и фономорфологическими структурными типами этих имен. Значение способа действия, в частности учащательно-интенсивного, можно реконструировать как вторич-

[135] Севортян Э. В. Аффиксы глаголообразования. . ., с. 548.
[136] Там же, с. 549.

ное и побочное при процессе глаголообразования. Допустимо, что оно связывалось с конкретным семантическим классом именных слов, позднее получило несколько отвлеченное уже от частных значений выражение в более широком круге слов, но так и осталось в целом недоразвитым во многих тюркских языках.

По-видимому, развивающийся в этих языках способ сложения двух глаголов перенял на себя весь объем требующих в языке своего выражения способов глагольного действия, в том числе и многократности, интенсивности, но опять-таки отличаясь индивидуальным характером всякого подобного образования.

Можно теперь видеть, что некоторые значения аналитических форм перекрещиваются со значениями аффиксов. Различие между ними состоит в том, что с помощью аффиксов выражается более абстрактная характеристика действия, а каждая аналитическая форма специфична для конкретной глагольной основы, и синтез семантики основного и вспомогательного глаголов создает точную картину особенностей протекания данного глагольного действия — его распределенность во времени и пространстве.

Интересно также, что среди аффиксов глаголопроизводства находится аффикс *-ш-* и возникший на его базе аффикс *-штир*. Аффикс *-ш-* на синхронном срезе во всех тюркских языках определяется как образующий взаимно-совместный залог. Вместе с тем как пережиточное значение в нем сохранилось в ряде глагольных основ значение учащательности. С другой стороны, образуя взаимно-совместный залог, этот аффикс может показывать множественность действий, связанных с множественностью субъектов или объектов действия. Таким образом, и для залоговых аффиксов исторически восстанавливается функция словообразовательная. «В своем древнейшем применении залоговые формы смыкаются со словообразовательными аффиксами отыменных глаголов и подобно им нередко образуют глаголы от именных основ».[137]

Наконец, особо следует упомянуть аффиксы-модификаторы, встречающиеся в звукоподражательных и образных глаголах. Характерной особенностью этих аффиксов является то, что они не могут функционировать в глаголах других семантических групп, в то время как аффиксы последних могут входить в структуру изобразительных глаголов. Эти глаголы в тюркских языках образуют группу слов, не только замкнутую семантически, но и отличающуюся специальными морфологическими средствами слово- и формообразования. Это объясняется, видимо, тем, что сами изобразительные глаголы по своей семантике внутренне связаны с особенностями проявления действия. К сожалению, класс изобразительных глаголов в тюркских языках, за исключением, пожалуй, якутского языка (см. монографии Л. Н. Харитонова),

---

[137] Там же, с. 550.

исчерпывающе еще не исследован,[138] что затрудняет использование тюркских данных в плане алтаистики. Следует заметить, что изобразительные глаголы со стороны морфологии, семантики и функционирования обособляются не только в тюркских, но и в монгольских, и в тунгусо-маньчжурских языках.[139]

Краткий обзор аффиксов-модификаторов в тюркских языках показывает, что они выражают довольно однообразные значения, группирующиеся вокруг значения учащательности действия, неоднократного его проявления, с распределением его во времени связано, видимо, значение ослабленности действия.

В современных тюркских языках ведущей системой выражения способов глагольного действия предстает система сложных глаголов с использованием так называемых вспомогательных глаголов.

МОНГОЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ

Обращаясь к монгольским языкам, следует учитывать точное замечание Г. Д. Санжеева о том, что «синтетические и аналитические способы выражения категории вида и видовых оттенков в монгольских языках не получили своего более или менее полного освещения в лингвистической литературе».[140]

Модификация глагольной основы для обозначения определенного характера действия или способа действия осуществляется здесь с помощью аффиксации или с помощью аналитических глагольных форм. В монгольских языках аффиксы представлены в ограниченном количестве. На их анализе остановимся ниже и обратимся к характеристике вспомогательных глаголов, которых в отдельных монгольских языках выявлено более двадцати. Их описание можно представить по материалам современного монгольского (халха-монгольского), бурятского и калмыцкого языков, как языков, наиболее исследованных в плане нашей тематики, а также исследованных в известной мере и в сравнительно-историческом плане.

М о н г о л ь с к и й я з ы к. Сочетания основных и вспомогательных глаголов, выражая качественно-количественную характеристику действия, а иногда и модальную, передают значение начала действия, его законченности или исчерпанности, постоянства, регулярности или продолжительности действия, интен-

---

[138] См. также: Х у д а й к у л и е в М. Подражательные слова в туркменском языке. Ашхабад, 1962; Қ ў н ғ у р о в Р. Ўзбек тилида тасвирий сўзлар. Тошкент, 1966; И ш м у х а м е т о в З. К. Звукоподражательные слова башкирского языка. Автореф. канд. дисс., Уфа, 1970, и др.

[139] См.: Д о н д у к о в У.-Ж. Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ, 1964, с. 123—236; К и л е Н. Б. Образные слова нанайского языка. Л., 1973.

[140] С а н ж е е в Г. Д. Глагол, с. 71.

сивности действия, его пространственной ориентации и т. п.[141] Вспомогательные глаголы сочетаются с различными формами деепричастий основного глагола.

а) *авах* 'брать, получать' — *-ж(~-ч)*, *-н авах* выражает результативное действие, совершаемое субъектом в свою пользу, или действие центростремительное: *сурч авах* 'выучить *для себя*', *харж авах* 'запомнить,' *хүлээн авах* 'получить, принимать (гостей)'; — *-аад авах* передает однократность действия с оттенком завершенности, к которой действие приходит либо интенсивно, либо в результате последовательного своего развития: *цохиод авах* 'стукнуть, ударить' (*цохих* 'бить, ударять'), *өшиглөөд авах* 'пнуть' (*өшиглөх* 'ударять ногой, пинать, лягать'), *харваад авах* 'выстрелить, стрельнуть' (*харвах* 'стрелять из лука');

б) *өгөх* (*~өхөх*) 'давать, отдавать, подавать' в сочетании с деепричастиями *-ж(~-ч)*, *-н* служит для указания на результативное действие, совершающееся в пользу или в интересах другого лица, а также на действие, центробежное по своей направленности: *хэлж өгөх* 'рассказать', например, *би багшид чинь хэлж өгөмз* 'я скажу твоему учителю~я попрошу твоего учителя', *өмсгөж өгөх* 'одеть'; — *-аад өгөх* выражает законченность действия, возможен оттенок однократности: *гараад өгөх* 'выйти (по чьей-л. просьбе)', *унтаад өгөх* 'заснуть', *өнхөрөөд өгөх* 'повалиться';

в) *орох* 'входить, въезжать, направляться, вступать' — *-ж (~-ч)*, *-н орох* выражает начало интенсивно развивающегося действия или приступ к действию с оттенком интенсивности; возможно также указание на направленность действия внутрь чего-либо (при глаголах движения): *дайран орох* 'атаковать' (*дайрах* 'нападать'), *халдан орох* 'вторгаться, покушаться, посягать' (*халдах* 'покушаться'), *байлдан орох* 'вступать в бой' (*байлдах* 'вести бой, сражаться'), *дагаж орох* 'заходить за кем-л.';

г) *оруулах* (побудит. форма от *орох*) 'вводить, ввозить, впускать, пропускать' — *-ж(~-ч) оруулах* выражает указанные выше значения в сочетаниях только с переходными глаголами: *цохиж*

---

[141] Описание вспомогательных глаголов дается преимущественно по работам: Пагба Т. Вспомогательные, или служебные, глаголы в современном монгольском литературном языке; Санжеев Г. Д. 1) Глагол; 2) Современный монгольский язык. М., 1960; Тодаева Б. Х. Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. М., 1951; Poppe N. Grammar of Written Mongolian. Wiesbaden, 1954; Street J. C. Khalkha Structure. Bloomington, 1963; Bosson J. E. Modern Mongolian. Bloomington, 1964; словари: Монгольско-русский словарь (по современной прессе). Сост. К. М. Черемисов и Г. Н. Румянцев. Л., 1937; Краткий монгольско-русский словарь. Сост. А. Р. Ринчинэ. М., 1947; Монгольско-русский словарь. Под редакцией А. Лувсандэндэва. М., 1957; Монгольско-русский словарь. Машинопись. т. I—III. Л., 1941 (Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР, разряд I, оп. 3, ед. хран. 62); Русско-монгольский словарь. Под ред. Г. Д. Санжеева М., 1960; Орос-монгол толь. Под ред. Ц. Дамдинсурэна. Т. I—II. Улан-Батор, 1967—1969.

оруулах 'забить' (*цохих* 'бить, ударять'), *татаж оруулах* 'вдернуть (нитку)' (*татах* 'тянуть, дергать'), *тулхэж оруулах* 'впихнуть' (*тулхэх* 'толкать');

д) *гарах* 'выходить, выезжать, появляться' — *-ж(~-ч)*, *-н гарах* показывает направленность действия от говорящего или наружу, выражает также приступ к действию с оттенком интенсивности: *гүйж гарах* 'выбежать', *чирч гарах* 'выволакивать' (*чирэх* 'тащить, волочить'), *урсан гарах* 'вытекать' (*урсах* 'течь');

е) *гаргах* (побудит. форма от *гарах*) 'выносить, выводить, вывозить, выпускать' — *-ж(~-ч)*, *-н гаргах* с переходными глаголами указывает на направленность действия от говорящего, а также на усиленное начало действия: *түрж гаргах* 'выгонять' (*түрэх* 'теснить, толкать'), *төрүүлж гаргах* 'порождать' (*төрүүлэх* 'рожать'), *тайлаж гаргах* 'разъяснять, объяснять' (*тайлах* 'растолковывать'), *бэлтгэн гаргах* 'подготавливать' (*бэлтгэх* 'готовить');

ж) *ирэх* 'приходить, приезжать, прибывать' — *-ж(~-ч)*, *-н*, *-аад ирэх* выражает действие, равномерно развивающееся (иногда после интенсивного приступа) в пространстве или во времени в направлении приближения («оттуда» — «сюда») и могущее достигнуть в этом развитии определенного предела: *нисч ирэх* 'прилететь', *гүйж ирэх* 'прибежать', *ойртон ирэх* 'подходить, приближаться' (*ойртох* 'близиться, приближаться'), *дэрвээд ирэх* 'замахать' (*дэрвэх* 'махать'), *ажиллаж ирэх* 'работать' (*ажиллах* 'работать, трудиться');

з) *одох* 'идти, отправляться, уходить, уезжать' — *-ж(~-ч)*, *-н одох* показывает исчерпанность действия после его развития (употребляется ограниченно): *хийсэн одох* 'улететь' (*хийсэх* 'нестись по ветру'), *гарч одох* 'выйти';

и) *очих* 'идти, ехать, отправиться, пойти (куда-л.)' — *-ж (~-ч) очих* также указывает на законченность, исчерпанность действия при достижении определенного предела: *гүйж очих* 'прибежать куда-л.', *нисч очих* 'прилететь куда-л.', *авч очих* 'принести', *ойртож очих* 'подойти', *гарч очих* 'уйти';

к) *орхих* 'оставлять, покидать, бросать, откидывать' — *-ж (~-ч) орхих* выражает законченность действия, его исчерпанность с оттенком быстрого становления нового признака: *асгаж орхих* 'пролить, расплескать' (*асгаж* 'лить'), *хадаж орхих* 'пригвоздить' (*хадах* 'прибивать'), *хазаж орхих* 'откусить';

л) *хоцрох* 'оставаться позади, отставать' — *-ж(~-ч) хоцрох* показывает завершенность действия с переходом в статику: *унтаж хоцрох* 'заснуть' (по данным Т. Пагбы, эта форма типична для разговорной речи);

м) *хаях* 'бросать, кидать, швырять' — *-ж(~-ч) хаях* указывает на законченность, исчерпанность действия (встречается с ограниченным кругом глаголов): *урж хаях* 'разорвать, нарвать, вырвать' (*урах* 'рвать'), *эвдэж хаях* 'разломать' (*эвдэх* 'ломать'), *таслаж хаях* 'оторвать' (*таслах* 'отрывать, рвать');

н) *алдах* ‘лишаться, терять; делать промах, ошибаться’ — *-ж(~-ч) алдах* показывает, «что действие интенсивно развертывалось в определенном ограниченном промежутке времени и закончилось в неопределенное время»: [142] *сандарч алдах* ‘взволноваться, растеряться’ (*сандрах* ‘быть в замешательстве’); — *-н алдах* выражает действие, близкое к своему совершению: [*арай*] *уйлан алдах* ‘чуть не зарыдать’, *ухэн алдах* ‘едва не умереть’, *унан алдах* ‘едва не упасть’; — *аад алдах* «выражает оттенок неуверенности со стороны субъекта относительно дальнейшего хода событий». Т. Пагба считает, что выражение интенсивного действия с помощью *алдах* следует признать явлением для современного монгольского языка относительно новым и своеобразным по сравнению с другими монгольскими языками;

о) *барах* ‘кончать, исчерпывать’ — *-ж(~-ч) барах* показывает законченность действия: *идэж барах* ‘съесть’, *ууж барах* ‘выпить’, *харайж барах* ‘прыгнуть, кинуться’ (*харайх* ‘прыгать’), *бичиж барах* ‘написать’;

п) *дуусах* ‘кончать, завершать’ — *-ж(~-ч) дуусах* также выражает законченность, исчерпанность действия: *бэлдэж дуусах* ‘подготовиться’ (*бэлдэх* ‘готовить, готовиться’), *бичиж дуусах* ‘написать, закончить писать’, *наадаж дуусах* ‘закончить играть в надом, наиграться’ (*наадах* ‘участвовать в надоме; развлекаться, играть’);

р) *эхлэх* ‘начинать, начинаться’ — *-ж(~-ч) эхлэх* выражает начало действия: *бурий болж эхлэх* ‘начать смеркаться’ (*бурий болох* ‘смеркаться’), *уншиж эхлэх* ‘начать читать’, *эхэлж бичих* ‘начать писать’ (в данном примере обращает на себя внимание препозитивное расположение глагола *эхлэх*);

с) *салах* ‘избавляться, отделяться, разъединяться’ — *-ж(~-ч) салах* указывает на действие, подлежащее полному завершению, исполнению: *авч салах* ‘нужно непременно взять’, *өгч салах* ‘нужно непременно отдать’;

т) *үзэх* ‘смотреть, рассматривать’ — *-ж(~-ч) үзэх* выражает попытку совершить действие: *бодож үзэх* ‘стараться подумать’ (*бодох* ‘думать, размышлять’), *хичээж үзэх* ‘стараться усердствовать’;

у) *мэдэх* ‘знать, узнавать’ — *-ж(~-ч) мэдэх* указывает на возможность совершения действия с оттенком уверенности: *ирж мэдэх* ‘есть возможность прийти’;

ф) *аваачих* ‘уносить, уводить, увозить’ < *аваад очих* < *abuγad oči-*, т. е. опрощенное и полностью лексикализованное сочетание основного (*авах* ‘брать’) и вспомогательного глаголов (*очих* ‘идти, отправляться’) — *-ж(~-ч)*, *-н аваачих* показывает направленность действия в сторону действующего лица или действие центростремительное: *дуудаж аваачих* ‘отозвать’ (*дуудах* ‘звать’), *хөвөж*

---

[142] П а г б а Т. Указ. соч., с. 37. — Заметим, что материал, подтверждающий данную семантику, недостаточен.

аваачих 'угнать' (*хөөх* 'изгонять'), *чирч аваачих* 'тащить волоком' (*чирэх* 'тащить, волочить'), *талан аваачих* 'ограбить, конфисковать имущество';

х) *барих* 'держать в руках, хватать, ловить' — выступает как второй компонент аналитической формы глагола, в целом не внося новых лексических оттенков, а указывая, видимо, на какой-то способ действия, семантика которого точно не выявлена: [143] *сууж барих* 'сидеть'; возможно, что это значение стабильности действия;

ц) *суух* 'сидеть, садиться' — *-ж(~-ч) суух* выражает продолжительность, длительность действия, его течение: *хүлээж суух* 'ожидать, ждать', *тоглож суух* 'играть', *чагнаж суух* 'слушать' (*чагнах* 'слушать'), *инээж суух* 'смеяться', *баярлаж суух* 'радоваться';

ч) *хэвтэх* 'ложиться, лежать' — *-ж(~-ч) хэвтэх* обозначает длительное, продолжающееся действие: *бичиж хэвтэх* 'писать, продолжать писать', *унтаж хэвтэх* 'спать', *даарж хэвтэх* 'затянуть', *гялбалзаж хэвтэх* 'блестеть', *санаж хэвтэх* 'обдумывать', *цавчиж хэвтэх* 'рубить';

ш) *явах* 'ходить, идти, ехать' — *-ж(~-ч)*, *-н явах* указывает на длительное, продолжающееся действие, осуществляемое обычно в процессе движения: *нисэж явах* 'лететь', *чирч явах* 'тащить, волочить', *гарч явах* 'выходить', *өмсөж явах* 'носить на себе одежду' (*өмсөх* 'надевать');

щ) *байх* 'находиться, пребывать; быть, существовать, иметься' — *-ж(~-ч) байх* служит для выражения незаконченного, продолжающегося действия: *хэвтэж байх* 'лежать', *гүйж байх* 'бегать', *явж байх* 'ходить, ездить', *баярлаж байх* 'радоваться', *зарагдаж байх* 'расходоваться'.

Из четырех последних глаголов наименее употребителен глагол *суух* 'сидеть', который, как правило, показывает продолжительность действия, совершаемого субъектом в сидячем положении. Глагол *хэвтэх* передает такие же действия субъекта в положении лежа, однако в сочетаниях с некоторыми глаголами действия он может показывать оттенки медлительности, затянутости этого действия. Глагол *явах* имеет более широкую сочетаемость с другими глаголами. Кроме указания на выполнение продолжающегося действия в процессе движения, он в определенных контекстах способен с глаголами движения обозначать перемещение в пространстве в одном направлении, т. е. обозначает однонаправленное действие или определенно-моторный способ действия, например: *гүйж явах* 'бежать', *гулгаж явах* 'ползти', *нисэж явах* 'лететь'.

---

[143] См.: Черемисов К. М. Заметки. . ., I, с. 62; Монгольско-русский словарь, с. 64—65. Mongolian-English Dictionary, p. 86; Бертагаев Т. А. О сложных и некоторых других глагольных образованиях. . ., с. 97—98.

В последнем случае *явах* противопоставляется глаголу *байх* 'быть', который с глаголами движения может передавать разнонаправленные действия или неопределенно-моторный способ действия, например: *гүйж байх* 'бегать', *гулгаж байх* 'ползать', *нисэж байх* 'летать'. Специфика таких сочетаний проявляется также в возможности их применения для обозначения действий преимущественно живых существ и чаще всего человека.

Глагол *байх* противопоставляется и всем другим глаголам по универсальности сочетаемости с глагольными лексемами, указывая «на равномерное продолжение, а также постоянность и обычность действия или состояния».[144] «Он является универсальным глаголом, с которым сочетаются все другие глаголы».[145]

В монголистике является дискуссионным вопрос о грамматическом статусе глагольных конструкций с *байх*. Можно, видимо, согласиться с точкой зрения З. В. Шеверниной, что «сочетание соединительного деепричастия с глаголом *бай-* всегда указывает на незаконченность, течение действия. Это сочетание является наиболее типичным грамматическим аналитическим средством передачи вида в монгольском языке. . . Это видовое значение проходит через все глагольные формы: от основы глагола длительного вида образуются изъявительные формы, причастия и некоторые обстоятельственные причастия».[146] Однако и здесь встает вопрос об интерпретации аналитической формы *-ж байна*, которая в указанной работе рассматривается как форма настоящего-будущего времени длительного вида.[147] Между тем временная семантика данной формы специфична. Еще А. Бобровников указывал, что она «образует настоящее определенное время».[148] Это значение конкретного настоящего времени или времени данного момента заставляет особо определять место формы *-ж байна* в системе видо-временных форм глагола. Таким образом, и для монгольского языка остается актуальной проблема выработки специализированных форм настоящего конкретного времени, которые создаются за счет включения в систему форм с этимологическим значением дуративности.

Кроме приведенных выше вспомогательных глаголов, которые участвуют в сочетаниях наиболее часто, в монгольском языке можно отметить и менее употребительные вспомогательные глаголы-модификаторы. Эти глаголы встречаются, видимо, в отдель-

---

[144] Пагба Т. Указ. соч., с. 35; ср.: Санжеев Г. Д. Глагол, с. 69—70.

[145] Шеверинина З. В. Аналитические глагольные формы в современном монгольском языке, с. 86.

[146] Там же, с. 86—87.

[147] Там же, с. 87—89. Ср.: Шарху А. Деепричастие и деепричастные конструкции в современном монгольском языке (в сопоставлении с аналогичными фактами русского языка). Автореф. канд. дисс. М., 1971, с. 11—12.

[148] Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка, с. 154.

ных сочетаниях и поэтому не описываются в указанных работах. Среди них можно назвать следующие:

ы) *олох* 'находить, обнаруживать; доставать, добывать' — *-ж(~-ч)*, *-н олох* показывает результативное действие в пользу действующего лица: *сурч олох* 'научиться, выучиться' (*сурах* 'учиться, обучаться');

э) *хүрэх* 'доходить, достигать; трогать, касаться' — *-ж(~-ч) хүрэх* указывает на действие, достигшее своего завершения, исполнения: *нисэж хүрэх* 'долететь, прилететь', *явж хүрэх* 'доехать, дойти', *гүйж хүрэх* 'добежать', *ойртон хүрэх* 'приблизиться, подойти';

ю) *явуулах* (побудит. от *явах*) 'отправлять, посылать; проводить (работу)' — *-ж(~-ч)*, *-н явуулах* может с некоторыми переходными глаголами обозначать продолжающееся действие: *удэж явуулах* 'провожать', *шинэчлэн явуулах* 'обновлять, перестраивать' (*шинэчлэх* 'обновлять'), *тусгаарлан явуулах* 'обособлять, разделять' (*тусгаарлах* 'выделять, изолировать'), *эрхлэн явуулах* 'заниматься чем-л.' (*эрхлэх* 'управлять чем-л.; заниматься').

Возможно, что приведенными глаголами-модификаторами не исчерпывается их список в современном монгольском языке. Однако видно, что они выражают разную характеристику глагольного действия, которую можно также свести к двум-трем типам: характеристика протекания самого действия во времени, характеристика особенностей осуществления действия на различных его этапах, характеристика оттенков законченности действия, возможно также указание на пространственную или субъектно-объектную ориентацию действия.

Аналогичные способы действия и аналитические средства их выражения отмечаются и в современном бурятском языке. Их описание имеется прежде всего в упомянутых выше работах К. М. Черемисова, а также Т. А. Бертагаева.[149] Большинство бурятских глаголов-модификаторов совпадают с таковыми же в монгольском языке. Однако в бурятском языке отмечены и такие вспомогательные глаголы, которые в монгольском пока не показаны в специальных работах в качестве модификаторов глагольного действия в отношении способов действия. Здесь можно указать следующие:

---

[149] Черемисов К. М. Заметки по бурят-монгольскому языку. I. Синтаксическое употребление некоторых глаголов; Бертагаев Т. А. О сложных и некоторых других глагольных образованиях в бурят-монгольском языке; см. также: Амоголонов Д. Д. Деепричастие в бурят-монгольском языке. Улан-Удэ, 1948; Поппе Н. Н. Грамматика бурят-монгольского языка. М.—Л., 1938; Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М., 1962; Санжеев Г. Д. Грамматика бурят-монгольского языка. М.—Л., 1941; Бертагаев Т. А. Бурятский язык. — В кн.: Языки народов СССР. Т. 5. М., 1968; Цыдыпов Ц.-Ж. Аналитические конструкции в бурятском языке.

арилха ‘чиститься; удирать, убираться’ — *-жа арилха* показывает законченность центробежного действия: *гүйжэ арилха* ‘убежать, сбежать’, *хатаржа арилха* ‘ускакать’;

асарха ‘приносить, привозить’ — *-жа асарха* указывает на использование результативного действия в своих интересах: *урижа асарха* ‘призвать к себе’, *туужа асарха* ‘пригнать’;

дүүргэхэ ‘заполнять, оканчивать’ — *-жа дүүргэхэ* выражает законченность, исчерпанность действия: *уншажа дүүргэхэ* ‘прочитать’;

захалха ‘начинать, начинаться’ — *-жа, -н захалха* обозначает начало действия: *дуулажа захалха* ‘начать петь, запеть’;

алаха ‘убивать’ — *-жа алаха* указывает, видимо, на исчерпанность действия: *галдажа алаха* ‘сжечь, спалить’.

В свою очередь в бурятском языке не отмечено употребление в качестве модификатора действия глагола *олохо* ‘находить’ со значением результата действия в свою пользу: *хүдэлжэ олохо* ‘заработать’. Во всех подобных случаях нельзя забывать, что глаголы-модификаторы выделены и описаны в монгольских языках неполно.

Для указания на длительное, продолжающееся действие в бурятском языке также употребляются глаголы-модификаторы с собственным значением статального способа действия. Так же как и в монгольском языке, их распределение зависит от степени реализации в сочетаниях собственных лексических значений, а именно:

хэбтэхэ ‘ложиться, лежать’ — *-жа хэбтэхэ* указывает на продолжающееся действие в положении лежа, иногда показывает с глаголами действия затянувшийся процесс: *мүлхижэ хэбтэхэ* ‘ползти’, *унтажа хэбтэхэ* ‘спать’, *сабшажа хэбтэхэ* ‘возиться с покосом’, *агнажа хэбтэхэ* ‘охотиться, заниматься охотой’;

һууха ‘сидеть, садиться’ — *-жа һууха* также показывает продолженность действия (часто в положении сидя): *хүлеэжэ һууха* ‘ожидать’, *эдеэлжэ һууха* ‘есть, закусывать’;

ябаха ‘ходить, ездить’ — *-жа, -н ябаха* выражает продолженное действие, совершаемое в движении; с глаголами перемещения в пространстве в соответствующих контекстах может также указывать на определенно-моторный способ действия: *бусажа ябаха* ‘возвращаться’, *мүшхэжэ ябаха* ‘преследовать’, *гүйжэ ябаха* ‘бежать’, *мүлхижэ ябаха* ‘ползти’;

байха ‘стать, стоять; находиться; быть’ — *-жа байха* передает продолжающееся действие, «равномерно распределенное во времени» (К. М. Черемисов); с глаголами перемещения может выражаться неопределенно-моторный способ действия (в данном случае *байха* противопоставляется *ябаха*): *хэбтэжэ байха* ‘лежать’, *намнажа байха* ‘гоняться’, *ябажа байха* ‘ходить, ездить’, *мүлхижэ байха* ‘ползать’; — *-н байха* выражает прерывистое действие, «неравномерно распределенное во времени» (К. М. Черемисов): *орон байха* ‘захаживать’, *харан байха* ‘посматривать’,

энеэн байха 'посмеиваться'; — *аад байха* указывает законченное действие, достигшее результата: *ябаад байха* 'уже уйти', *бэелүүлэгдээд байха* 'уже осуществиться'.

Аналитическую конструкцию *-жа байха* в последних грамматиках бурятского языка[150] обычно не включают в парадигму временных форм, а рассматривают как сочетание соединительного деепричастия в предикативной функции с показателем видовременных значений — служебным глаголом *байха*. Можно отметить, что Н. Поппе, рассматривая *-жа байна* (т. е. *байха* в форме настоящего времени на *на-*) как «особое синтаксическое сочетание», относил его в парадигме спряжения к настоящему времени длительному, которое показывает действие, происходящее именно в данный момент.[151]

Видимо, для современного бурятского литературного языка характерно иное соотношение синтетической формы настоящего времени на *-на-* и аналитической конструкции *-жа байна*, чем для монгольского языка. В последнем круг значений формы на *на-*, очевидно, у́же, чем в бурятском языке, где для выражения настоящего времени данного момента не обязательно прибегать к аналитической конструкции *-жа байна*. Как показывают диалектологические материалы, объем семантики формы на *-на* различен в отдельных бурятских говорах, в связи с чем находится и разный объем функций этой аналитической конструкции.[152]

Если же обратиться к современному калмыцкому языку, то и в нем обнаруживается много общего с указанными выше двумя языками.[153]

Начало действия безотносительно к характеристике его развития выражает глагол *эклх* 'начинать', который в форме соединительного деепричастия на *-ж* или разделительного на *-ад* в современном литературном языке занимает обычно позицию перед основным глаголом: *эклж дуулх* 'запевать', *эклэд дуулх* 'запеть, начать петь', *эклж уульх* 'зарыдать, начать плакать', *эклэд һооҗх*

---

[150] См., например: Амоголонов Д. Д. Современный бурятский язык, с. 200—222; Грамматика бурятского языка, с. 192—193, 263; Бертагаев Т. А. Бурятский язык, с. 26; Цыдыпов Ц.-Ж. Аналитические конструкции в бурятском языке, с. 87—119.

[151] См.: Поппе Н. Н. Грамматика бурят-монгольского языка, с. 208—209, 222, 247.

[152] См. соответствующие материалы в кн.: Исследование бурятских говоров. Вып. 1—2. Улан-Удэ, 1965—1968; О зарубежных монгольских исследованиях по языку. Улан-Удэ, 1968, и др.

[153] Характеристика способов действия и глаголов-модификаторов в калмыцком языке дается по диссертационной работе М. Д. Онджановой «Аналитические формы глагола в современном калмыцком языке» (Л., 1969); см. также: Санжеев Г. Д. Грамматика калмыцкого языка. М.—Л., 1940; Бадмаев Б. Б. Грамматика калмыцкого языка. Морфология. Элиста, 1958; Тодаева Б. Х. Калмыцкий язык. — В кн.: Языки народов СССР, Т. 5. Л., 1968; словари: Ramstedt G. J. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1955; Русско-калмыцкий словарь. Под ред. И. К. Илишкина. М., 1964; Калмыцко-русский словарь. М., 1977.

'начать вытекать, забить струей'. Глагол-модификатор *һарх* 'выходить, появляться' показывает приступ к действию с оттенками непосредственного его осуществления, интенсивности развития, а с глаголами перемещения также и направленность действия «наружу»: *мөлкәд һарх* 'вползать', *көвж һарх* 'выплыть', *мөлтрж һарх* 'выпутаться', *гүүж һарх* 'выскочить', *келж һарх* 'заговорить, начать рассказывать'. Побудительная форма этого глагола *һарһх* употребляется в том же значении с переходными глаголами: *шахж һарһх* 'выжать сок', *көвж һарһх* 'выгнать', *дуудж һарһх* 'вызвать', *цоолж һарһх* 'вырубить'.

Попытка совершить действие передается в сочетаниях с глаголами *үзх* 'видеть' и *хәләх* 'глядеть, смотреть': *медж үз-* 'попытаться узнать', *ухалад хәлә-* 'попытаться, попробовать думать'.

Для выражения различных оттенков законченности действия употребляется ряд вспомогательных глаголов. Среди них можно указать следующие: *авх* 'брать', *өгх* 'давать' (показывают также субъектно-объектную направленность действия), *одх* 'пойти', *ирх* 'прийти' (показывают также пространственную характеристику действия), *оркх* 'класть; бросать', *тәвх* 'класть', *хайх* 'бросать', *дууск* 'кончать', *хүүрх* 'исчерпать', *үүрх* 'перестать'.

Эти глаголы отличаются друг от друга разными передаваемыми оттенками законченности действия, которые возникают при сочетании их с деепричастными формами другого глагола, а также и неодинаковой возможностью сочетаться с основным глаголом.

Так, в сочетании *-ад оркх* наблюдается оттенок быстрого, почти мгновенного завершения действия: *санад оркх* 'быстро вспомнить', *зууһад оркх* 'укусить, куснуть'; *-ад хайх* характеризуется большей полнотой исполнения действия, решительным его завершением: *келәд хайх* 'сказать как отрубить' (употребление ограничено); глаголы *одх* 'пойти' и *ирх* 'прийти' чаще сочетаются с глаголами перемещения и т. п.

Четыре глагола служат для выражения незаконченности, продолженности действия: *суух* 'сидеть', *кевтх* 'лежать', *йовх* 'ходить', *бәәх* 'быть, находиться', причем глаголы *кевтх* и *суух* не сочетаются с глаголами движения, *йовх* — с глаголами покоя (обычно сочетается с глаголами движения и активно совершаемого действия), а глагол *бәәх* является универсальным по сочетаемости. К этим глаголам примыкает также глагольная форма *аашна* 'он идет' < *айсах* 'приближаться', которая с разделительным деепричастием указывает на медленное протекание продолжающегося действия при его направленности в сторону субъекта (сочетается только с глаголами движения): *нисәд аашна* 'летит сюда', *гүүһәд аашна* 'бежит сюда'.

В калмыцком языке форма времени на *-на* может выражать и действие, происходящее в момент речи. Однако для передачи настоящего времени данного момента часто употребляется аналитическая форма *-ж бәәнә*. В результате слияния возникает сложный аффикс *-жана/-жәнә*, *-чана/-чәнә* < *-ж бәәнә*: *бичжәнә* 'он

пишет сейчас', *сурчана* 'он учится сейчас'. Слияние вспомогательного глагола наблюдается не только в настоящем времени, но в других формах, когда образуется фактически сложная основа со значением дуративного способа действия от любого глагола: *келҗə* 'говори, рассказывай', *келҗəлə* 'он писал, занимался писанием', *келҗəв* 'писал'.[154]

Как видно, и в калмыцком языке образование способов глагольного действия с помощью аналитических форм в целом не отличается от монгольского и бурятского языков (см. табл. 3).

Из этой таблицы видно также, как распределяются вспомогательные глаголы по указанным языкам.[155] Несмотря на ограниченность имеющихся сведений, можно заключить, что аналогичные глаголы-модификаторы употребляются и в других монгольских языках. Так, в дунсянском языке выделяются глаголы-модификаторы: *ірэ-* 'приходить', *јаву-* 'идти', *эчы-* 'пойти', *огі-* 'дать', *агі-* 'брать', *сау-* 'сидеть, жить', *чіјі-* 'начинать' < кит. *ши* 'начать'; *віта-* 'терять, лишаться', *уджэ-* 'видеть', *іджіэ-* 'есть', *таі-* 'ставить', *кіджіэ-* 'лежать', *ала-* 'убить', *уна-* 'падать' и др.[156] В шира-югурском языке отмечают глаголы *јаві-* 'идти', *ері-* 'приходить', *аб-* (~*ап-*) 'брать', *со-* 'сидеть', *огі-* 'давать', *бол-* 'быть, становиться' и др.[157] Кроме фонетических разновидностей вспомогательных глаголов, можно отметить и различие в лексемах. Среди последних могут быть даже и заимствованные, однако по своему лексическому значению они входят в круг общемонгольских вспомогательных глаголов.

В заключение следует остановиться на двух моментах, касающихся функционирования ряда вспомогательных глаголов в монгольских языках. Первый связан с глаголом *баји-* 'быть'.

Как указывалось выше, некоторые монголисты связывают с аналитическими конструкциями, где выступает этот глагол, формирование несовершенного или продолженного вида в монгольских языках. С другой стороны, с *баји-* как с универсальным статальным глаголом взаимосвязано становление форм настоящего конкретного времени. Г. Д. Санжеев отмечает, что «общим для большинства или почти всех монгольских языков является то, что сочетание соединительного деепричастия знаменательного глагола со вспомогательным глаголом *баји-* 'быть' в форме импер-

---

[154] См.: Санжеев Г. Д. Грамматика калмыцкого языка, с. 72—73; Бадмаев Б. Б. Грамматика калмыцкого языка, с. 83—84, 88—89; Кичиков А. Ш. Дербетский говор (фонетико-морфологическое исследование). Элиста, 1963, с. 62—63, 82.

[155] В таблицу включены некоторые другие вспомогательные глаголы, передающие и модальные оттенки действия; прочерки сигнализируют лишь о неотмеченности соответствующего глагола как вспомогательного.

[156] См.: Тодаева Б. Х. Дунсянский язык, с. 60—61.

[157] См.: Тенишев Э. Р., Тодаева Б. Х. Язык желтых уйгуров. М., 1966, с. 72; ср. еще: Smedt A., de, Mostaert A. Le dialecte monguor, p. 134—136, 141—145; Тодаева Б. Х. Монгорский язык. Исследование, тексты, словарь. М., 1973, с. 140—143.

Таблица 3

Вспомогательные глаголы-модификаторы действия в монгольских языках

№ п/п	Ст.-письмен. монгольский	Халха-монгольский	Бурятский	Калмыцкий	Лексическое значение	Аспектуально-модальные значения аналитических конструкций
1	*sayu-*	*суух*	*һууха*	*суух*	сидеть	1) Дуративность, 2) процессность
2	*ab-*	*авах*	*абаха*	*авх*	брать	1) Результативность (для субъекта), 2) однократность
3	—	*орох*	*орохо*	*орх*	входить	1) Начинательность, 2) интенсивность
4	—	*дуусах*	*дууһаха*	*дуусх*	кончать	1) Законченность, 2) исчерпанность действия
5	—	*эхлэх*	*эхилхэ*	*эклх*	начинать	Начинательность
6	*jabu-*	*явах*	*ябаха*	*йовх*	ходить	Дуративность
7	*ire-*	*ирэх*	*ерэхэ*	*ирх*	приходить	1) Законченность, 2) приближение
8	*ög-*	*өг-(өх)*	*үгэхэ*	*өгх*	давать	1) Результативность (для объекта), 2) непрерывность
9	*baj-*	*байх (бай-)*	*байха*	*бээх*	быть	1) Дуративность, 2) статичность
10	*orki-*	*орхих*	*орхи-(>-жархи)*	*оркх*	бросать	1) Исчерпанность, 2) энергичность совершения
11	*kebte-*	*хэвтэх*	*хэбтэхэ*	*кевтх*	лежать	Дуративность
12	—	*алдах*	*алдаха*	*алдх*	лишаться	Прерванность действия
13	*bol-*	*болох*	*болохо*	*болх*	становиться	Мутативность
14	*γar-*	*гарах*	*гараха*	*һарх*	выходить	1) Интенсивность, 2) начинательность
15	—	*очих*	*ошохо*	—	отправляться	Интенсивность
16	—	*салах*	*һалаха*	—	избавляться от..	Обязательность совершения действия
17	—	*үзэх*	*үзэхэ*	*үзх*	смотреть	Попытка совершения действия
18	*bö-/bü-*	*(би-)*	*(бии-)*	*(би-)*	быть	Дуративность
19	—	*хатах*	*хатаха*	—	сохнуть	Уверенность в совершении действия
20	—	—	*арилха*	—	чистить(ся)	Направленность действия от субъекта

фектного презенса выражает единично-конкретное действие настоящего времени».[158] В истории монгольских языков развитие данного глагола связано с судьбой других глаголов бытия и прежде всего с глаголами *a-* и *bü-* 'быть', которые ныне перешли в разряд недостаточных. Можно отметить, что в разных монгольских языках их соотношение находится на различных ступенях. В монгольском, бурятском и калмыцком языках эти глаголы являются недостаточными, здесь функционируют только их остаточные и рудиментарные формы, а ведущим глаголом стал глагол *baji-* 'быть'.[159] Абстрактное значение бытия является в нем вторичным. Б. Я. Владимирцов реконструировал для прамонгольского два варианта праформы с различной конечной огласовкой комплекса $*V+\gamma\sim g\sim w+V$ **báγï* и **baγù*.[160] Отражением первого он считал п.-мо. *báyi-*, 'быть, находиться, пребывать, существовать' > монг. *бáй-* 'id.'; п.-мо. *báyi-ri* 'местопребывание, стоянка, стойбище' > монг. *бáйрï* 'id'; отражением второго комплекса — п.-мо. *baγù-* 'спускаться, останавливаться, располагаться стойбищем' > монг. *бӯ-* 'id.'; п.-мо. *baγù-ri* 'местопребывание, место, занимаемое юртой' > монг. *бӯрï* 'id.'. Таким образом, можно восстановить для **báγï*~**baγù* этимологическое значение, связанное с понятием стоянки, остановки на стойбище и т. п. Следует обратить внимание, что смена древнейшего глагола бытия *er-* другим глаголом со значением 'стоять, вставать' — *tur-* характерна и для тюркских языков, причем это явление также относится к позднейшему периоду их истории, находящему отражение в письменных памятниках.

Однако не во всех монгольских языках *baji-* вытеснил в служебной функции глагол *a-* и *bü-~bö-*. В ряде языков и диалектов с помощью этих глаголов образуются различные аналитические формы с дуративным значением. В дагурском языке для выражения конкретного настоящего времени имеется аффикс *-джāбэ̄*, который возник на базе слияния соединительного деепричастия *-джĭ* и вспомогательного глагола *ā-* 'быть' в форме настоящего-будущего времени на *-бэ̄*: *jaўджāбэ̄* 'идет, пойдет'.[161] В этом языке вообще глагол *ā-* 'быть' продолжает оставаться активным в формообразовании.

---

[158] Санжеев Г. Д. Глагол, с. 187.

[159] См.: там же, с. 76—81; Пагба Т. Вспомогательные, или служебные, глаголы. . ., с. 54—100.

[160] Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929, с. 274—275, 278.

[161] Тодаева Б. Х. Монгольские языки и диалекты Китая. М., 1960, с. 65; ср. с. 63—64; Martin S. E. Dagur Mongolian. Grammar, Texts and Lexicon. Bloomington, 1961; *ср. также:* Санжеев Г. Д. Глагол, с. 186. Здесь дается иная этимология данного аффикса: «...*-джāбэ̄*~*-jāбэ̄* ← **-джу* (соединительное причастие) плюс **буі* (вспомогательный глагол со значением 'сущий')».

Глагол *а-* 'быть' активен также и в хамниганском говоре бурятского языка, где он «может принимать участие в образовании многих сложных глагольных видовых форм» [162] и, в частности, в изъявительной форме настоящего времени: *ябам^{а}ии чи* 'захаживаешь?'

В языке моголов Афганистана зарегистрирована форма прошедшего длительного времени с участием вспомогательного глагола *бй-~бö-* 'быть' — *-mbile* < *-m-+бй-+-le*: *guyi-mbile* 'продолжал ехать', *bai-mbile* 'останавливался'.[163]

В монгорском языке отмечен образующий все глагольные формы глагол *ĭ-* 'быть', который употребляется в аналитических формах, соотносясь с глаголом *ба-* 'быть'.[164]

Таким образом, при обращении в глубь истории монгольских языков следует учитывать и эту историческую динамику вспомогательных глаголов с семантикой бытия.

Второй вопрос касается фонетических изменений, которые в различных монгольских языках и диалектах претерпевают некоторые аналитические формы. Выше были приведены примеры на слияние *а-* в аналитической форме дагурского языка и *бээх-* — в калмыцком. Слияние соединительного деепричастия *-джы* и глагола *вэй-* 'быть', 'есть' наблюдается и в дунсянском языке, где возникает составной аффикс *-джывэ* со значением настоящего времени данного момента (Б. Х. Тодаева).

В калмыцком языке слияние наблюдается и с вспомогательными глаголами *оркх, окх* 'бросать', в результате чего появляется аффикс *-чк-*: *келчк* 'скажи', *уучк* 'выпей', *саачк* 'подои'. Глагол *орк-* сливается и в бурятском языке, в его говорах: *баряад орхихо* > *баряатьтьха~баряаттха* 'поймать, взять в руки'; *яважа орхихо* > *яважархиха* > *явашихиха* > *явашиха* 'уйти';[165] *сох'ожорх'и* > *сот'т'и~со'х'ожх'и* 'избей'.[166] Можно говорить, что на базе этого глагола появился аффикс *-рхи~-хи*, который присоединяется к деепричастию на *-жа*: *-жа+рхи~-жорхи~-жэрхи* или к деепричастию на *-аад*: *-аад+хи*.[167] В работе Т. А. Бертагаева приводятся также примеры на слияние вспомо-

---

[162] Дамдинов Д. Г. Этно-лингвистический очерк хамниганского говора, с. 108—109; ср.: Шагдаров Л. Д., Дамдинов Д. Г. О языке ононских хамниган. . ., с. 52.

[163] Шагдаров Л. Д., Казанцева А. М. О языке монголов Афганистана (по материалам Ш. Ивамуры и Х. Ф. Шурмана). — В кн.: О зарубежных монголоведных исследованиях по языку, с. 89.

[164] См.: Тодаева Б. Х. Монгольские языки и диалекты Китая, с. 83; Smedt A., de, Mostaert A. Le dialecte monguor, p. 132—134; Тодаева Б. Х. Монгорский язык, с. 136—140.

[165] См.: Бертагаев Т. А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., 1969, с. 66.

[166] См.: Шагдаров Л. Д. О некоторых языковых особенностях тунгуйских и агинских бурят и степени их отражения в литературном языке. — В кн.: Исследования бурятских говоров. Вып. II, с. 158.

[167] См.: Грамматика бурятского языка, с. 191—192; Черемисов К. М. Бурят-монгольско-русский словарь, с. 378.

гательных глаголов *ошохо, ерэхэ, ядаха, ябаха.*[168] Т. А. Бертагаев указывает, что «все фузированные конструкции во всех монгольских языках сосуществуют с теми нефузированными, от которых они образовались. Правда, фузированные более употребительны, чем последние».[169]

Таким образом, в современных монгольских языках отмечаются тенденция фонетического слияния ряда вспомогательных глаголов с деепричастными формами и появление на этой основе составных синтетических формантов, заменяющих собой аналитические формы выражения некоторых способов глагольного действия. Т. А. Бертагаев склоняется к тому, что такое явление для монгольских языков представляет собой одну из новых тенденций в их истории. Как заметил Б. Я. Владимирцов, монгольский письменный язык совершенно не знал сокращений на почве слияния компонентов аналитических конструкций и форм (Б. Я. Владимирцов называл их «сокращения в compositа»).[170] «Сокращения в compositа» некоторых вспомогательных глаголов говорят, видимо, о стремлении в известной степени грамматикализовать выражение ряда способов действия в монгольских языках.

Аналитический способ выражения модификации действия известен в монгольских языках с первых письменных памятников. Аналитические формы отмечаются, например, в памятнике XIII в. «Сокровенном сказании». В этих формах участвуют глаголы *ot-*, *ile-* 'идти, отправляться', *ok-* 'давать', *bara-* 'кончать', *yabu-* 'идти', *abcu ot-* 'схватить', *ḫuḫulju ile-* 'разложить', *ḫuḫulju ot-* 'сломать, изломать', *aciju ok-* 'возложить', *bolun bara-* 'стать, стать наконец'. Интересно, что для глагола *ot-* > монг. *одох* 'идти, отправляться' в современных языках служебная функция не характерна.

В последующие периоды развития монгольских языков аналитический способ продолжал и продолжает развиваться. Представляется, однако, что для древнейшего этапа их развития, если принять во внимание всю систему и структуру данных аналитических образований, вполне допустимо принять точку зрения, высказанную выше относительно формирования вспомогательных глаголов-модификаторов в тюркских языках. Видимо, и в монгольских языках основой их возникновения служили парные глагольные образования, появляющиеся как средство семантической детализации протекания действия. Их дальнейшее становление связывается с разнообразными деепричастно-причастными формами, широко распространенными в монгольских языках. Эта система аналитических форм находится в постоянном взаимодействии с системой синтетических форм, а также с многочисленными описательными конструкциями.

---

[168] Бертагаев Т. А. Морфологическая структура. . ., с. 61—68.
[169] Там же, с. 68; ср.: Бертагаев Т. А. О морфологическом строе бурятского языка. М., 1961, с. 25—26.
[170] Владимирцов Б. Я. Грамматика. . ., с. 419—420.

Аффиксы, участвующие в монгольских языках в выражении некоторых способов глагольного действия, представлены в табл. 4.[171]

Количество аффиксов-модификаторов, которые можно считать продуктивными в современных языках, сводится к трем-четырем, Обращает на себя внимание и тот факт, что ряд аффиксов являются осложненными вариациями исходных элементов.

Поскольку большинство аффиксов представляют собой регулярные фонетические соответствия по языкам, их возможно рассматривать по всем языкам совокупно.

Аффикс *-ч* в монгольском языке и *-ша* в бурятском употребляются с непереходными глаголами; с переходными глаголами выступают монг. *-ч(и)х*, бур. *-шх*; в калмыцком языке *-чк* безразличен к переходности глагольной основы. Наряду со значением интенсивного или ускоренного проявления действия этот аффикс указывает также на завершение действия с некоторыми оттенками внезапности, кратковременности, скоротечности и т. п. Значение интенсивности позволяет некоторым монголистам считать этот аффикс показателем интенсивного вида (Г. Д. Санжеев, Б. Х. Тодаева) или видом неожиданного действия (Т. А. Бертагаев). Аффиксы являются весьма продуктивными в указанных трех языках, причем для монгольского языка, по словам Г. Д. Санжеева, характерно вытеснение аффикса *-ч* аффиксом *-ч(и)х*.[172]

Относительно этимологии последнего аффикса монг. *-чх*~бур. *-шх*~калм. *-чк* и аффикса монг. *-ч*~бур. *-ша* Г. И. Рамстедт заключал, что они оба сводимы к глаголу *orki-* > монг., бур. *орхи-*, калм. *орк-* 'бросать', с одной стороны, и к глаголу *oki-*, 'класть, бросать', с другой.[173] Г. Д. Санжеев, комментируя эти сопоставления, отвергал возможность связывать аффиксы с *orki-*, но допускал, что *-č-* или *-čk-* предположительно восходят к глаголу *oči-* 'отправляться',[174] однако впоследствии он отказался и от такого предположения, по крайней мере для бурятского языка.[175] В. Котвич также считал бур. *-ша-* неясным по происхождению, а калм. *-чк-* (~*-чик*, *-чэк*, *-чкэ*) возводил к глаголу *orki-* (калм. *окэ-*) 'бросать'.[176] Как указывалось выше при описании монгольских вспомогательных глаголов, некоторые авторы сопоставляют в грамматиках калм. *-чк* с глаголами *орк-* и *ок-* 'оставлять, бросать'. Приведем некоторые примеры: монг. *буудчих-* 'застрелить' < *буудах* 'стрелять, обстреливать', *хаячих-* 'бросать,

---

[171] Кроме указанных выше специальных работ, грамматик и словарей учтена также работа: Черемисов К. М. Заметки по бурят-монгольскому языку. II. О некоторых суффиксах бурят-монгольского языка. — Записки ГИЯЛИ, 1941, № III—IV, с. 35—120.

[172] См.: Санжеев Г. Д. 1) Современный монгольский язык, с. 66; 2) Старо-письменный монгольский язык. М., 1964, с. 80.

[173] См.: Рамстедт. Введение, с. 169.

[174] См.: там же, с. 240, прим. 164.

[175] См.: Грамматика бурят-монгольского языка, с. 189.

[176] См.: Котвич В. Исследование. . ., с. 204.

Таблица 4

Аффиксы-модификаторы глагольного действия в монгольских языках

№ п/п	Монгольский	Бурятский	Калмыцкий	Монгольский письменный (соответствия)	Значения
1	*-ч~ (-чих)*	*-ша/-шо~(-шха)*	*-чк*	*-či (<*ti)~čixa*	1) Интенсивное действие, 2) неожиданно завершенное действие
2	*-цагаа/-цогоо*	*-сагаа/-согоо*	*-цхā*	*čaγa/-čege*	Учащательность действия, иногда — множественность субъектов действия
3	*-лз~(-валз)*	*-лза~(-галза/ -балга)*	*-лз*	*-lǯa~(-balǯa/ -γalǯa)*	Мерно-ритмичное действие
4	*-л*	*-л~(-ла/-ле)*	*-л*	*-l(a)*	Ритмично-прерывистое действие
5	*-лда/-лдоо* *-лца/-лцо*	*-лда/-лдо* *-лса/-лсо*	*-лд~-лц*	*-ldu* *-lča*	Взаимный залог, Совместный залог } интенсив (?)
6	—	*-гаша*	—	—	1) Прерывистость, 2) ослабленность действия
7	—	*-бхи~(-бхил)*	—	—	Ослабленное повторяющееся действие
8	—	*-хада*	—	—	Ослабленное действие
9	*-чигна*	*-цаана~(-цагана)*	*жнн*	*-čigana*	Ослабленное действие (в изобр. глаголах)
10	*-гана*	—	*-гн~(-кн)*	*-γana*	Многократность действия (в изобр. глаголах)
11	—	—	—	*-kira*	Интенсивно-мгновенное действие (изобр.), усиленное действие (в изобр. глаголах)

взять да бросить' < *хаях* 'бросать, кидать', *асгачих-* 'пролить' < *асгах* 'лить, проливать'; бур. *абашаха* 'мигом взять, схватить' < *абаха* 'брать', *адашаха* 'наткнуться, обрезаться' < *адаха* 'напарываться', *айшаха* 'струсить' < *айха* 'бояться, пугаться', *хурэшэхэ* 'дойти, добраться, мигом достигнуть' < *хурэхэ* 'доходить, доезжать'.

Присоединением к глагольной основе аффикса *-л/—ла* выражается ритмично совершающееся действие, причем перерывы в его совершении могут быть минимальными, иногда возникает оттенок интенсивности действия. Образования с этим аффиксом не являются продуктивными. Г. И. Рамстедт определял *-л* как показатель интенсива или итератива, причем он не решался установить определенную фонетическую форму этого показателя—*-л* или *-ла*.[177] Примеры: монг. *базлах* 'прижимать, выжимать, часто-часто сжимать' < *базах* 'сжимать, сдавливать', *балбалах* 'дробить, разбивать' < *балбах* 'стучать, ударять', *дэвслэх* 'топтать, растаптывать' < *дэвсэх* 'топтать, придавливать', *мөргөлөх* 'часто бодать, бодаться' < *мөргөх* 'бодаться'; бур. *сохилхо* 'мерно биться (о сердце), производить различные удары' < *сохихо* 'бить, ударять', *алхалха* 'шагать, ступать' < *алхаха* 'шагать', *хаялха* 'кидать, бросать что-либо резкими движениями' < *хаяха* 'бросать, кидать', *аахилха* 'кряхтеть, пыхтеть, задыхаться, тяжело дышать' при *аахирха* 'задыхаться, глубоко вздыхать'; калм. *хазлх* 'кусать' < *хазх* 'откусывать, отгрызать'.

Следующую группу аффиксов монголисты связывают с аффиксом *-л* и считают дальнейшим его морфологическим развитием. Аффикс *-лз* указывает на мерно-ритмическое действие: монг. *онголзох* 'открываться, отворяться (о двери и т. п.)' < *онгойх* 'отворяться', *балбалзах* 'колебаться, качаться, трястись' < *балбах* 'стучать, бить', *бондолзох* 'катиться, перекатываться (о круглом)' < *бондойх* 'быть пухленьким'; бур. *аамалзаха* 'улыбаться, открывая рот' < *аамайха* 'приоткрывать, разевать рот', *иралзаха* 'мелькать (о множестве предметов)' < *ирайха* 'стоять рядами', *заабалзаха* 'быстро говорить' < *заабайха* 'иметь большой рот', *балхалзаха* 'колыхаться, трястись (о полном)' < *бал хайха* 'опухать, расплываться'.

Из примеров видно, что здесь происходит основообразование в сфере изобразительных глаголов, к этой же группе могут быть отнесены и глаголы, образуемые при помощи аффикса *-л*. В свою очередь, сложный аффикс *-лз* может входить в состав других аффиксов, таких как монг. *-валз*, бур. *—балза*; мо. письм. *-γalža*, бур. *-галза*, монг. *-галза*, которые также связаны преимущественно с классом изобразительных глаголов; монг. *жирвэлзэх* 'двигаться (об узком)', *аниалзах* 'часто мигать, перемигиваться', *ониолзох* 'смотреть подслеповатыми глазами, помаргивая; щуриться' при

[177] Ramstedt G. J. Zur Verbstammbildungslehre. . ., S. 5; Рамстедт. Введение, с. 149—151.

онилзох 'прищуривать глаза, мигать (о свете)' и *онийх* 'сузить глаза, сузиться'; бур. *сайбалзаха* 'белеться, сверкать, блестеть' при *сайха* 'белеть' и *сайбайха* 'белеть, белеться', *хайбалзаха* 'ритмично колыхаться'; монг. *балтгалзах* 'двигаться, шевелиться (о коренастом человеке)' при *балтайх* 'быть коренастым', бур. *тонголзохо* 'наклоняться и приподниматься' < *тонгойхо* 'наклоняться, нагибаться'.

Элемент *-га*, отмечаемый в последнем аффиксе, вычленяется и в ряде других аффиксов: монг., бур. *-гана*, бур. *-гаса*, *-гаша*, монг., бур. *-зана*. Все эти аффиксы, как и предыдущие, выражают отдельные оттенки мерноритмических, длительно-прерывистых, повторяющихся действий. Как правило, они употребляются в изобразительных глаголах и иногда образуют глаголы от изобразительных слов.

Аффикс *-гана* в этом случае по семантике соотносится с аффиксом *-лза*: монг. *бөгцгөнөх* 'часто наклоняться, нагибаться; двигаться (о горбатом человеке)' при *бөгцийх* 'горбиться, сутулиться', *гөлгөнөх* 'лосниться, блестеть' при *гөлийх* 'становиться гладким', *гуйвганах* 'часто колебаться, шататься', бур. *тажаганаха* 'бегать, носиться взад и вперед (о полном человеке)' при *тажаарха* 'вздуваться, вспучиваться (о животе)' и *тажаа* 'вздувшийся, вспученный (о животе)'.

Г. И. Рамстедт элемент *-га* как отыменный глаголообразующий аффикс соотносил по семантике с аффиксом *-л* [178] (ср.: *-га+-на* и *-л+-з*). У-Ж. Ш. Дондуков вслед за Ц. Б. Цыдендамбаевым рассматривает *-га* как фомант, образующий «от непроизводных основ образных и звукоподражательных слов. . . некие вторичные основы этих категорий слов».[179] Предлагается аналогично рассматривать и аффиксы *-га-са*, *-га-ша*: бур. *татагасаха* 'колебаться', *ирһагашаха* 'то и дело скалить зубы', *ирагашаха* 'рябить, мелькать' (ср.: *ираганаха*~*иралзаха* в том же значении), *үндэгэшэхэ* 'приподниматься, то и дело подниматься в седле'.[180]

Кроме указанных аффиксов, выделяются и некоторые другие малопродуктивные аффиксы. Так, в бурятском языке аффиксы *-бхи* ~ *-бхил*, *-бшал*, *-хода* показывают ослабление действия: *һанабшалха* 'подумывать' < *һанаха* 'думать', *тургэбшэлхэ* 'поторапливаться', *һоробхилхо* 'посасывать', *зуубхилха* 'сосать', *унтахадаха* 'поспать'.[181]

---

[178] Ramstedt G. J. Zur Verbstammbildungslehre, S. 14; Рамстедт. Введение, с. 156.

[179] Дондуков У.-Ж. Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке, с. 135.

[180] Ср.: Черемисов К. М. 1) Заметки по бурят-монгольскому языку, II, с. 83—87; 2) Краткий грамматический справочник по бурят-монгольскому языку, с. 842—843; Грамматика бурятского языка, с. 177—185.

[181] См.: Черемисов К. М. Краткий грамматический справочник. . ., с. 842; Грамматика бурятского языка, с. 186; Дондуков У.-Ж. Ш. Аффиксальное словообразование, с. 212—213.

Некоторые аффиксы, такие как *-шаа*, *-рха*, *-лха*, выделяются только исторически в составе отыменных глаголов: бур. *багашааха* 'считать малым, недостаточным', *багшархаха* 'кичиться своим положением учителя', *зөөрилхэхэ* 'хвастаться своим имуществом' и др.

Интересна семантика аффикса монг. *-цгаа*, бур. *-сагаа*, калм. *-цха*, мо. письм. *-čaγa*, который показывает учащательность действия или совершение его с перерывами, а также распределение действия между несколькими субъектами. В современных языках второе значение становится в нем ведущим. А. Бобровников писал в своей грамматике, что «учащательные глаголы», образуемые присоединением *-čaγa*, «означают действие, несколько раз повторенное одним или несколькими лицами»: *jabu-* 'иди' > *jabučaγa-* 'похаживай', *ипа-* 'падай' > *ипачаγа-* 'падай несколько раз, падайте один за другим'.[182] Как считает Г. И. Рамстедт, в состав этого аффикса входит древний показатель *-ča-* со значением взаимным или совместным (reziproke oder kooperative Bedeutung), который выделяется и в аффиксе совместного залога -l-*ča*.[183] Он сопоставлял его с тюркским аффиксом *-ш-*, имеющим аналогичные значения.

Аффикс *-цгаа* и его соответствия являются в современных монгольских языках продуктивными: монг. *явцгаах* 'идти (о многих)', *орцгоох* 'входить', бур. *ниидэсэгээхэ* 'порхать' < *ниидэхэ* 'летать', *зайласагааха* 'неоднократно полоскать, ополаскивать', *зайлаха* 'полоскать', *харасагааха* 'поглядывать, посматривать'.

Некоторые монголисты выделяют в монгольском языке также аффиксы *-схий-* или *-вхий-*, которые выражают мгновенное или интенсивное действие:[184] *явсхий-* 'внезапно пойти', *азнасхий-* 'вдруг замедлить', *барасхийх* 'внезапно измениться в лице' при *барайх* 'затемняться', *булгасхийх* 'высовываться очень быстро' при *булгах* 'увертываться', *намсхийх* 'колыхнуться, поколебаться (вверх и вниз)', *гяласхийх* 'блеснуть, сверкнуть'. Однако здесь, видимо, не специальный аффикс «законченного вида», а способ образования изобразительного глагола от изобразительных слов с помощью служебного глагола *хийх* 'делать, производить', так как отмечаются параллельные образования с ним: *намс намс хийх-* ~ *намсхийх* 'колыхнуться', *тунсийх* 'толстеть, увеличиваться (о животе)' ~ *тунхийх* 'выпучиваться, выпячиваться, надуваться' и др. А. Бобровников замечал, что в «глаголообразующих частицах» *-гэ* ~ *-ги* и *-кэ* ~ *-ки* «часто легко усмотреть глаголы *gekü* 'говорить' и *kikü* 'делать'».[185]

---

[182] Бобровников А. Грамматика. . ., с. 128.

[183] Ramstedt G. J. Zur Verbstammbildungslehre, S. 29—33; Рамстедт. Введение, с. 152— 153. Ср.: Котвич В. Исследование. . ., с. 206.

[184] См.: Орчин цагийн монгол хэл зүй. Улаан-баатар, 1966, с. 145; Касьяненко З. К. Современный монгольский язык. Л., 1968, с. 49.

[185] Бобровников А. Грамматика. . ., с. 123.

Образованию изобразительных глаголов со значением интенсивно-мгновенного действия от изобразительных слов служит и монгольский аффикс *-чи*, мо. письм. *-či* < **-ti* (?), который вычленим в сопоставлении с такими же глаголами на *-л* и *-ра*. В монгольско-русском словаре (1957 г.) глаголы на *-чи* даются как многократные или однократные формы от глаголов на *-ра*: *агсчих* 'беспрестанно рваться вперед, горячиться (о лошади)' при *агсрах* ~ *агсамнах* 'рваться вперед' и *агсам* 'буйство; резвый, горячий (о коне)', *тэмтчих* 'нащупывать, ощупывать, шарить' при *тэмтрэх* 'нащупывать, шарить' и т. п.

Заключая обзор монгольских аффиксов, служащих модификации глагольного действия, во-первых, следует еще раз подчеркнуть, что значительное их количество связано со сферой изобразительных глаголов, образующих, как известно, особый фонетико-морфологический класс слов (ср. выше о тюркских языках).

Второй вывод, также аналогичный тому, что было сказано о тюркских аффиксах-модификаторах, состоит в признании в историческом плане у всех этих аффиксов (в том числе входящих в состав ныне сложных) словообразовательной функции. И это закономерно, так как образование определенного способа действия остается в рамках глагольного словообразования. Круг же передаваемых этими аффиксами значений весьма узок — это вариации учащательно-многократно-интенсивного значения.

ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИЕ ЯЗЫКИ

Если обратиться к языкам тунгусо-маньчжурской группы, то в них в отличие от тюркских и монгольских языков преобладающим способом выражения количественной и качественной модификации глагольного действия является синтетический способ аффиксации. Сводка таких аффиксов представлена в нашей предварительной публикации.[186] Здесь учтены выделяемые авторами грамматических работ аффиксы-модификаторы в эвенском, эвенкийском, удэйском, ульчском, нанайском и маньчжурском языках. Как уже указывалось, большинство авторов относят их к показателям «видов» (эта терминология сохранена и в таблице), но семантически их точнее определять как показатели способов действия глагола.

Особенности употребления аффиксов-модификаторов показываются ниже на примере эвенкийского языка как представителя эвонкийской, или северной, подгруппы языков и нанайского языка — представителя нанийской, или южной, подгруппы. Наибольшее своеобразие среди тунгусо-маньчжурских языков проявляет маньчжурский язык, на грамматическом строе которого

---

[186] См.: Насилов Д. М. О способах выражения видовых значений в алтайских языках. — ПОАЯз, с. 373—375, табл. 1.

сказалось длительное контактирование с другими языками, в том числе и с монгольскими.

Эвенкийский язык:[187] а) *-дя* (~ *-ча* ~ *-са*) показывает действие как продолжающийся процесс, указывает на незаконченность и продолжительность действия. Многие авторы определяют его как показатель несовершенного вида, противопоставляя нулевому показателю совершенного вида в «чистой» глагольной основе, однако возражения К. Менгеса представляются весьма справедливыми, и следует признать, что *-дя* в эвенкийском языке — специальный показатель незаконченного действия, или дуративности.[188] Аффикс широко распространен, однако, как указывает О. А. Константинова, некоторые глаголы не могут иметь этот показатель, например *вā-* 'убить', *дэру-* 'устать'.[189] Примеры: *авдя-* 'мыть, мыться' < *ав-* 'вымыть, вымыться', *гидалāлды̄дя-* 'колоть друг друга' < *гидалāлды̄-* 'пронзить, заколоть друг друга', *дюлкудя-* 'подкладывать дрова в огонь; переворачивать дрова в огне; раздувать огонь' < *дюлку-* 'подложить дров в огонь; раздуть огонь';

б) *-т* ~ *-ч(и)* выражает некоторую длительность действия, которая может сопровождаться оттенком интенсивности (часто сочетается с показателем дуратива *-дя*, *-ча*): *удатча-* 'задерживаться' < *уда-* 'задержаться', *хулӣт-* 'погреться, обогреться, согреть руки' < *хулӣ-* 'согреть руки', *нимӯт-* 'глотать' < *нимӯ-* 'проглотить', *камдāт-* 'удить рыбу' < *камдā-* 'поудить рыбу', *аксатча-* 'злиться' < *акса-* 'обидеться';

в) *-л* ~ *-ли* показывает начало осуществления действия: *бумул-* 'заболеть, начать болеть' < *буму-* 'проболеть', *агды̄л-* 'загреметь, начать греметь (о громе)' < *агды̄-* 'прогреметь', *лигирил-* 'захрапеть, засопеть' < *лигири-* 'прохрапеть', *чургил-* 'закапать, начать капать' < *чургӣ-* 'капать, просачиваться';

г) *-вāн* ~ *-вāт* (< *вā-(н)* + *-т*) указывает на периодическое повторение действия: *энӯлвāт-* 'болеть, ныть' < *энӯл-* 'заболеть', *сӣктāвāн-* 'ошибаться' < *сэктэ-* 'ошибиться', *ювāт-* 'выносить' < *юв-* 'вынести';

д) *-кта* показывает повторяемое или многократное действие, расчлененное в пространстве (ср. *-вāн* ~ *-вāт* — действие, расчлененное во времени): *асакта-* 'гоняться, преследовать' < *аса-* 'гнать, выгнать, догнать', *эмэктэ-* 'приходить' < *эмэ-* 'прибыть, прийти', *угакта-* 'таскать на себе груз (неоднократно)' < *уга-* 'потащить на себе груз';

---

[187] Описание аффиксов дается в основном по работам: Василевич Г. М. 1) Очерки диалектов эвенкийского языка. Л., 1948; 2) Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1940; 3) Грамматический очерк эвенкийского языка. — В кн.: Эвенкийско-русский словарь. М., 1958; Константинова О. А. Эвенкийский язык.

[188] См.: Menges K. H. Die tungusischen Sprachen, S. 115; ср.: Суник О. П. Глагол. . ., с. 140; Бойцова А. Ф. Лингвистические основы. . ., с. 132.

[189] См.: Константинова О. А. Эвенкийский язык, с. 163.

е) чередование гласных *-а ~ -э ~ -о / -у ~ -и* в корне глагола (или конечного элемента основы?!) служит выражению многократности действия в ряде глаголов (в том числе и некоторых изобразительных): *иктэ-* 'ударить' < *икту-* 'ударять', *уӈкӗрӧ-* 'поклониться' < *уӈкӗру-* 'кланяться';[190]

ж) *-лга* указывает на действие, противоположное совершаемому: *тэв-* 'погрузить' < *тэвулгэ-* 'разгрузить', *алагӣ-* 'запрягать' < *алагӣлга-* 'распрячь, выпрячь', *уӣ-* 'привязать' < *уӣлгэ-* 'развязать';

з) *-син ~ -си ~ -с* является показателем начального момента действия или приступа к совершению действия (имеет иногда значение семельфактитивного действия): *инисин-* 'начать жить, разместиться' < *ин-* 'прожить', *ирӯсин-* 'повезти, потащить, начать везти' < *ӣрӯ-* 'проволочь', *дяпкарӑсин-* 'отправиться вдоль' < *дяпкарӑ-* 'пройти вдоль', *ӗкэсин-* 'вскрикнуть' < *ӗкэ-* 'прокричать', *коӈкосин-* 'стукнуть, ударить' < *коӈко-* 'постучать по предмету';

и) *-малча ~ -лча ~ -нча* выражает интенсивное, стремительное действие: *ӱмэлчэ-* 'выскочить' < *ӱ-* 'выйти', *туксанча-* 'броситься бежать' < *тукса-* 'бежать';

к) *-нӑ* показывает отправление к свершению действия (абитив): *дукӯнӑ-* 'пойти писать' < *дуку-* 'писать', *ичэнӗ-* 'сходить посмотреть' < *ичэ-* 'увидеть';

л) *-му* показывает желание или потребность совершить действие: *дукуму-* 'хотеть писать', *ӑму-* 'хотеть спать' < *ӑ-* 'спать';

м) *-кси* выражает стремление к действию: *ичэкси-* 'стремиться увидеть' < *ичэ-* 'видеть', *дявакси-* 'стараться поймать' < *дява-* 'схватить';

н) *-сса* передает попытку произвести действие, часто безрезультатную: *пэктырӯссэ-* 'попытаться выстрелить', *илисса-* 'попытаться встать' < *ил-* 'подняться, встать на ноги';

о) *-кӑт* — глаголообразующий суффикс со значением «играть с чем-либо» и «хвастаться чем-либо»: *балӣкӑт-* 'играть в жмурки', *сӧкӑт-* 'хвастаться силой, гордиться, зазнаваться. В отглагольных глаголах передает ослабленное действие: *депкӗт-* 'угощаться, кушать' < *дев-* 'есть';

п) *-(ла)кан* показывает имитацию действия: *девлэкэн-* 'делать вид, что съел' < *дев-* 'есть';

р) *-ӈна* обозначает обычно совершаемое действие: *дукуӈна-* 'писать' < *дуку-* 'писать', *бӯӈна-* 'случаться, бывать' < *бӯ-* 'стать, сделаться';

с) *-ча* является показателем результативности и продолжающегося состояния, возникшего в результате действия: *ауача-* 'быть в открытом состоянии' < *ауа-* 'открыть';

т) *-лбу* характеризует действие, совершающееся с оттенком смягчительности: *дуӈкулбусин-* 'качнуть отрицательно голо-

[190] См.: там же, с. 168.

вой' < *дуӈкā-* 'кивнуть', *самналбу-* 'шевельнуться, двинуться' < *самна-* 'шевелиться, вертеться';

у) *-кāкӯт* передает усиленное действие: *туксакāкӯт-* 'быстро бежать' < *тукса-* 'бежать', *урӯкэкут-* 'сильно обрадоваться';

ф) *-ма* подчеркивает усиление действия: *гирāнма-* 'энергично шагать' < *гирāн-* 'шагнуть';

х) *-лӯ* также усиливает значение совершающегося действия: *ичэлӯде-* 'смотреть, не отрывая глаз' < *ичэ(де)-* 'видеть';

ц) *-сāмā* показывает распределение или направленность действия на несколько объектов (Г. М. Василевич): *пэктырӯсэмэ-* 'стрелять в нескольких птиц' < *пэктырӯ-* 'стрелять';

ч) *-ты* показывает распределенность действия в пространстве (Г. М. Василевич): *сурӯтӯ-* 'разойтись по домам' < *сурӯ-* 'уйти', *тынты-* 'распустить, отпустить многих — об оленях' < *тӯн-* 'освободить оленей от упряжи';

ш) *-лдӯ* является показателем совместного залога: *дёкилдӯ-* 'договориться, согласиться' < *дёки-* 'согласиться', *эдӯлэлдӯ-* 'жениться' < *эдӯлэ-* 'выйти замуж', *уӈкелдӯ-* 'кланяться друг другу';

щ) *-мāт* ~ *-мāч(и)* — показатель взаимного залога: *упчумэ̄т-* 'поссориться друг с другом' < *упчу-* 'поспорить, поссориться', *аявмāт-* 'любить друг друга' < *аяв-* 'полюбить'.

Этот список аффиксов можно было бы продолжить еще, подключив большее количество специализированных глаголообразующих аффиксов, которые одновременно характеризуют и способ глагольного действия. В эвенкийском языке среди них можно назвать *-мā* (*лӯмā-* 'пойти за смолой'), *-лā* (*молā-* 'пойти за дровами'), *-в* ~ *-му* (*алив-* 'протянуть, дать' < *али-* 'взять'), *-мка* (*итымка-* 'разобрать дело в суде') и т. п. Но и из приведенных примеров видно многообразие передаваемых аффиксами значений и некоторые их особенности в этом языке.

В нанайском языке многие аффиксы являются закономерными фонетическими соответствиями эвенкийским и — шире — общетунгусским показателям глагольного словообразования. Совпадают и передаваемые ими значения. К таким аффиксам относятся показатель продолженного действия *-чи* ~ *-си* (*хӯл-* 'рассыпать' > *хӯлси-* 'сыпать, насыпать'); показатель ингрессива *-ло* ~ *-лу* (*хархило-* 'замахать' < *хархи-* 'махать'); показатель обычного действия *-вачи* ~ *-пачи* (*ӣвэ̄чи-* 'захаживать, посещать' < *ӣ-* 'войти, зайти'); показатель фреквентатива *-кта* (*гакта-* 'закупать, покупать' < *га-* 'купить'); показатель ответного, повторного или противоположного действия *-го* ~ *-гу* (*ираго-* 'отнести, отвезти обратно' < *ира-* 'принести, доставить'); показатели дезедератива *-кича* ~ *-ӣча* и *-моси* (*ункичэ-* 'намереваться сказать' < *ун-* 'говорить', *омимоси-* 'жаждать' < *оми-* 'пить'); аффикс абитива *-нда* (*ичэндэ-* 'идти посмотреть' < *ичэ-* 'увидеть'); показатель ослабленного действия *-качи* (*аоликачи-* 'валяться, лежать, полеживать'); показатель статива и результатива *-ча* (*лакточа-* 'быть приклеенным' < *лакто-* 'прилипнуть');

чередование в некоторых основах *-э/-у* для выражения многократности действия (*эну-* 'уйти' — *энэ-* 'идти, ехать'); общим является и аффикс взаимного залога *-мāчи* (*анамāчи-* 'толкаться, толкать друг друга' < *ана-* 'толкнуть').

В нанайском языке общетунгусский показатель дуратива **-ҙа*, выступая в форме *-дя/-де* ~ *-дян/-ден*, является аффиксом будущего времени, который, видимо, возник при переразложении полной формы **-ҙа* + **-ра/-ри-* и редукции (в 1-м и 2-м лицах) показателя аориста **-ра(н)*. «Действительно, происхождение нанайской формы будущего времени. . . кажется достаточно ясным — исторически это аорист (суффикс *-ра* и т. д.) глаголов несовершенного вида (суффикс *-ҙа* и т. д.)».[191] Специализация аористических форм от вторичных дуративных глагольных основ (в обычной терминологии — основ несовершенного вида) для выражения «будущих» действий характерна не только для тунгусо-маньчжурских языков, в том числе и нанайского, но и для других алтайских языков.

К числу малопродуктивных аффиксов относятся в нанайском языке показатель начала или приступа к действию *-псин*[192] и показатель интенсивности действия *-кпо* ~ *-кпу* (*энэпсин-* 'отправиться, тронуться в путь, пойти' < *энэ-* 'идти, ехать; передвигаться', *морапсин-* 'закричать, вскрикнуть, выкрикнуть' < *мора-* 'кричать', *калакпо-* 'перемениться, стать другим' < *калап-* 'измениться' < *кала-* 'изменить').

Разнообразные качественно-количественные характеристики глагольного действия В. А. Аврорин делит на группы, где представлены характеристики «начала действия», с одной стороны, и «течения действия» — с другой, а также повышенной и пониженной интенсивности действия.[193] К первым двум группам следует еще добавить и характеристики последнего этапа действия, его завершения или законченности. Такая группировка способов действия приложима и к эвенкийскому языку, и к другим тунгусо-маньчжурским языкам. Это же можно сказать и о двух других группах алтайских языков. Различие состоит лишь в предпочтении грамматического способа выражения указанных значений — синтетическому способу аффиксации в тунгусо-маньчжурских языках противостоит способ преимущественно аналитического словосложения в тюркских и монгольских.

В тунгусо-маньчжурских языках выделяются вспомогательные глаголы. За исключением глаголов бытия и становления (*би-*

---

[191] Суник О. П. Глагол. . ., с. 186; ср.: Menges K. H. Die tungusischen Sprachen, S. 228—230.

[192] Т. И. Петрова считает его особенностью низовского говора (Очерк грамматики нанайского языка, с. 65). Некоторые аффиксы-модификаторы бикинского диалекта нанайского языка см. в кн.: Сем Л. И. Очерки диалектов нанайского языка. Бикинский (уссурийский) диалект. Л., 1976.

[193] См.: Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка, т. II, с. 57—60.

'быть', ō- 'стать'), которые также участвуют в образовании ряда временных и предикативных форм, остальные глаголы (в сочетаниях с причастно-деепричастными формами других глаголов) служат для передачи исключительно модальных значений, не соотносящихся прямо со значениями способов действия.[194] Правда, глаголы с отвлеченным значением «кончать», «начинать» служат для выражения соответственно завершенности и начинательности действия, но и они выступают дублетами аффиксов.

В заключение следует отметить, что тунгусо-маньчжуроведы нередко указывают на связь показателей способов глагольного действия со словообразованием глагола. «Для истории нанайского языка большой интерес представляют те многочисленные случаи образования глагольных основ от неглагольных частей речи, когда в словообразовательной функции выступают суффиксы, имеющие при других условиях значение показателей глагольных видов».[195] Характеризуя общие закономерности развития глагольных основ в тунгусо-маньчжурских языках, О. П. Суник приходит к выводу, что и в простых многосложных основах исторически выделимы этимологические корни и омертвевшие суффиксы «видового (основообразующего) характера».[196] С другой стороны, и на синхронном срезе трудно решить, являются ли некоторые формативы словообразующими или формообразующими.

В тунгусо-маньчжурских языках, как и в других алтайских, изобразительные глаголы образуют особую семантическую группировку, характеризующуюся своеобразием морфологической структуры и специфическим осново- и формообразованием. Выражение способов действия в них должно явиться темой особого исследования. «Суффиксы образных слов передают дополнительные лексические значения статичности или динамичности, моментальности или длительности, однократности или многократности, единичности или множественности признака и т. п.»[197]

Итак, выше были рассмотрены особенности выражения способов глагольного действия в трех группах алтайских языков — тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских.[198] Какие же общие выводы можно сделать из представленного материала?

Прежде всего следует заметить, что должны быть отдельно сопоставлены по алтайским языкам аффиксальные средства выражения способов действия и аналитические формы с вспомогательными глаголами.

---

[194] См.: Насилов Д. М. О способах выражения видовых значений, с. 376, табл. 2. В этой таблице приведены примеры вспомогательных глаголов в некоторых тунгусо-маньчжурских языках.

[195] Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка, т. II, с. 15—16.

[196] Суник О. П. Глагол. . ., с. 121, 137; Benzing J. Die tungusischen Sprachen. Versuch einer vergleichenden Grammatik. Wiesbaden, 1956, § 129—130.

[197] Киле Н. Б. Образные слова нанайского языка. Л., 1973, с. 40.

[198] Ср.: Гусева Е. К. Система видов в современном корейском языке. М., 1961.

При анализе аффиксальных средств нужно учитывать, по крайней мере, два обстоятельства. Во-первых, во всех языках они связаны и исторически, и даже на современном уровне развития языков с системой глаголообразования от неглагольных частей речи, а также и с внутриглагольным словообразованием. Из этого следует вывод, что описание и восстановление архетипов и различных праязыковых форм данных аффиксов возможны лишь с учетом всей системы средств глаголообразования в данной группе языков и всей алтайской языковой семье. И это закономерно, так как способы действия осуществляют лексическую модификацию глагола. Таким образом, частная подсистема аффиксов способов действия представляет собой элемент более широкой системы аффиксов глаголообразования и исторически выделилась в алтайских языках из последней. Поэтому установление их материальной общности может быть продуктивным лишь при восстановлении целостной картины глаголопроизводства в алтайских языках.

Алтаистические штудии Рамстедта, Котвича, Поппе и других алтаистов, хотя последние и не исследовали системы словообразовательных средств в полном их объеме, шли именно по такому пути. Основы анализа в сравнительно-историческом аспекте аффиксов способа действия были заложены работами Г. И. Рамстедта. И появившиеся позже антиалтаистические работы не могли существенно поколебать его (и его последователей) сопоставления данных формантов, по крайней мере для трех языковых групп, и прежде всего тюркской и монгольской.

Сравнение таблиц аффиксов, представленных выше, позволяет нам присоединиться к известным уже из работ Рамстедта выводам об общности ряда формантов во всех алтайских языках. В свою очередь, многокомпонентные форманты в отдельных языках сводимы в большинстве случаев к комбинации первичных элементарных формантов. Для аффиксов, выражающих количественную характеристику действия (интенсивность—учащательность—ритмичность) и функционирующих в семантически полнозначных глаголах, восстанавливаются первичные элементы **-га* ~ **-а*, **-л* ~ **-ла*, **-р*, **-к*, **-ча*, которые могут вступать в комбинации и между собой, и с другими формантами. Эти элементы существуют в сходных функциях во всех трех группах алтайских языков.

Картина соответствий будет неполной, если не учитывать системы образования изобразительных глаголов и многочисленных аффиксов-модификаторов, функционирующих в ней. Некоторые форманты, в частности **-л* ~ **-ла*, находят параллели и в изобразительных глаголах, и в полнозначных. В целом же изобразительные глаголы — и вообще изобразительные слова — во всех алтайских языках образуют особый класс слов, выделяющийся и фонетически, и морфологически в лексическом составе этих языков. «Признак аномальной морфологии, по-видимому, является определяющим среди остальных признаков идеофо-

нов».[199] Развитость группы изобразительных слов, или идеофонов, в алтайских языках объясняется, в свою очередь, особенностями грамматического строя последних.[200]

Если между аффиксами, которые выражают интенсивно-учащательные значения, по группам алтайских языков устанавливаются известная материальная общность и почти тождественные значения и функции, то для аффиксов тунгусо-маньчжурских языков, выражающих способы действия со значениями начинательности, течения действия, его завершенности и пространственно-временной распределенности, аналогий в тюркских и монгольских языках почти не находится.

Что касается тюркских и монгольских языков, то бросается в глаза сходство применяемых в них глаголов-модификаторов как по их лексическому значению, так и по выражаемым ими значениям. Например, глаголами со значением 'бросать, оставлять' выражается исчерпанность, завершенность действия, 'выходить' — интенсивность, 'отправляться' — усиление или нарастание действия, 'лежать, сидеть' — продолженность или постоянство действия и т. п. (см. табл. 1 и 3). Глаголы с синонимичными значениями передают и сходные способы глагольного действия. Поскольку историческое тождество тюркских и монгольских основ, участвующих в аналитических глагольных формах, остается в настоящее время весьма проблематичным и малодоказанным, приведенные выше тюрко-монгольские соответствия должны на современном уровне исследований рассматриваться как типологическое схождение, более того, как частное проявление, видимо, широкой языковой универсалии, поскольку похожая картина в отношении состава глаголов-модификаторов действия, их семантики и круга выражаемых значений наблюдается в языках других семей и разной грамматической структуры, например в некоторых финно-угорских, в ряде дравидийских, в некоторых иранских, корейском, японском, китайском.[201] Правда, здесь нельзя не отметить, что для большинства языков, данные по которым приведены в работах М. П. Чхаидзе, языковеды отмечают схождения и в других грамматических явлениях или даже идут далее и говорят о генетических связях указанных языков (ср. гипотезу о ностратических языках).[202] Так что объем и глубина

---

[199] Журковский Б. В. Звуковая символика в идеофонах. — В кн.: Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. Л., 1969, с. 55.

[200] Мельников Г. П. *Почему не во всех языках есть идеофоны?* — Там же, с. 60—63.

[201] См.: Чхаидзе М. П. 1) Спаренные глаголы в марийском языке. Йошкар-Ола, 1960; 2) Проблема спаренных глаголов (на материале марийского языка и других языков различных типов). Автореф. докт. дисс., М.—Тбилиси, 1967; Рудин С. Г. *Специализированные* глагольные сочетания тамильского языка. — ВЯ, 1975, № 4.

[202] См.: Рясянен М. Об урало-алтайском языковом родстве. — ВЯ, 1968, № 1; Menges К. Н. 1) Altaisch und Dravidisch. — Orbis,

типологических схождений в этом направлении остаются малоизученными и в целом пока открытыми.

С другой стороны, большая типологическая общность дает основания для предположения о генетических связях между языками. Ничто не мешает для тюркских и монгольских языков считать такие «спаренные глаголы» достоянием генетической общности этих языков. Во всяком случае типологическая общность вовсе не отрицает общности генетической. Нельзя упускать из виду как раз то, что «родство языков с неизбежностью предполагает их типологическое сходство по крайней мере в области некоторых основных черт их строя. . . Родственные языки, как правило, изменяются в относительно сходных типологических рамках, сохраняя (разумеется, в разной мере) изначальную типологическую общность. Это представляется универсальной закономерностью языков».[203]

Высказывается поэтому мнение, что «ныне гипотеза о типологическом и генетическом родстве алтайских языков не может быть принята или же отброшена безоговорочно (генетическое и типологическое родство взаимообусловлены, генетически родственные языки в течение длительного времени остаются и типологически родственными)».[204]

Эту универсалию Г. П. Мельников объясняет, исходя из принципов системной лингвистики, тем, что «поскольку исходная структура, субстанция и детерминанта этих языков (т. е. генетически родственных. — Д. Н.) одинаковы»,[205] то они препятствуют фундаментальным перестройкам этих языков, давая в то же время простор проявлению детерминанты языка (для алтайских языков Г. П. Мельников устанавливает детерминанту «экономия служебных элементов»).

Если же обратиться к нашему материалу, то соотношение аффиксальных форм и аналитических в языках тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских окажется соответствующим указанной тенденции алтайских языков, причем тюркские и монгольские языки показывают большую близость между собой, а тунгусские, которые почти не используют вспомогательных глаголов для выражения способов действия, характеризуются обилием аффиксов.

---

t. XIII, № 1, 1964, S. 66—103; 2) Etymologika. — StO, XXVIII, 8, S. 3—32; Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнительного словаря ностратических языков. М., 1971.

[203] Солнцев В. М. 1) Связь генеалогии и типологии и универсальные закономерности языков. — В кн.: Конференция по проблемам изучения универсальных и ареальных свойств языков. Тезисы докладов. М., 1966, с. 74—75; 2) Язык как системно-структурное образование. М., 1971.

[204] Алекперов А. К. [Об обсуждении книги А. М. Щербака «Сравнительная фонетика тюркских языков»] — СТ, 1971, № 1, с. 128.

[205] Мельников Г. П. Язык как система и языковые универсалии. — В кн.: Языковые универсалии и лингвистическая типология. М., 1969, с. 44—45; см. его же: Алтайская гипотеза с позиций системной лингвистики. — ПОАЯз., с. 65—76.

Однако и в тунгусских языках заложены возможности ускоренно развиваться в направлении алтайской детерминанты. Это показывает маньчжурский язык, который в результате особенностей развития и межъязыкового контактирования «безболезненно» отказался от широкого употребления аффиксов и взамен этого развил для передачи характеристики действий способ «инкорпорированных» глаголов и систему описательных форм, возникших на основе сложения самостоятельных глагольных слов (~ основ).[206]

Неравномерности развития наблюдаются и внутри тюркских языков. Как уже говорилось, вспомогательные глаголы менее используются в огузских языках, в частности в турецком. Эту особенность последнего К. Г. Менгес вслед за М. Рясяненом объясняет влиянием других языков, и прежде всего европейских. Вместо вспомогательных глаголов в турецком языке широко используются перифрастические формы с *ol-*, которые характерны для языков огузского типа по данным древнетюркских памятников.

Таким образом, фактическое распределение средств выражения способов глагольного действия по алтайским языкам хорошо согласуется с построениями системной лингвистики в отношении настроенности трех групп языков по алтайской детерминанте.[207]

Общий вывод таков: определенные материальные совпадения аффиксальных форм, поддающееся закономерному объяснению через детерминанту, соотношение синтетических и аналитических форм, наконец, соотносительная общая типологическая тенденция — все это можно считать проявлением типологических свойств языков, связанных общностью исторического развития.

Настоящий очерк, преследующий цель представить сравнительно-сопоставительное, типологическое описание морфологии способов глагольного действия в трех группах алтайских языков, не претендует на исчерпывающую полноту. Естественным продолжением исследований в данном направлении должно явиться изучение прежде всего аффиксальных средств выражения способов действия в алтайских языках, но уже в сравнительно-историческом плане. Только использование сравнительно-исторической методики позволит ответить на вопрос об общности указанных аффиксов. С другой стороны, обращение к древнейшим периодам развития алтайских языков будет способствовать объяснению действия в этих языках предполагаемой детерминанты, через которую могут проясниться причины вытеснения аффиксальных средств выражения способов действия аналитическими образованиями с глаголами-модификаторами.

---

[206] См.: Суник О. П. Глагол. . ., с. 123—142.

[207] См. также: Насилов Д. М. К типологии выражения характера протекания действия в урало-алтайских языках. — В кн.: Финно-угорские народы и Восток. (Тезисы конференции). Тарту, 1975.

О. П. СУНИК

ГЛАГОЛЫ «БЫТЬ» И «СТАТЬ» В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ И ИХ МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕРИВАТЫ

1

Глагольные словоформы со значением «быть» (sein) и «стать» (werden) широко распространены и весьма употребительны в языках мира. В отличие от многих других глагольных и неглагольных категорий слов они обладают большой устойчивостью и значительным своеобразием как в звуковом, так и в грамматическом отношении.

Словоформы эти существенно различаются по языкам или их группировкам, не связанным узами генетического родства, общностью происхождения. Нередко они различны и в языках отдаленнородственных, не говоря уже о группах языков, общность которых сложилась в результате длительных взаимовлияний, интенсивных контактов носителей разноструктурных языков в ареальные лингвистические союзы (или лиги), обнаруживающие немало общего, но не связанные общностью происхождения от одного праязыка, или общего языка-основы.

Сравнительно-историческое и структурно-типологическое изучение глагольных слов со значениями «быть» и «стать», их синтаксических функций, морфологической структуры, а также их различных грамматических дериватов имеет поэтому весьма важное значение в определении природы материальной и типологической общности различного рода группировок языков, в том числе в установлении их генетической общности, особенно в установлении степени и глубины их родства. Ведь заимствование таких слов, как слова со значением «быть» или «стать», из одних языков в другие практически исключено, поскольку никакой нужды в этом обычно не бывает: каждый язык естественно имеет в своем распоряжении свои собственные слова с такого рода значениями. Заимствоваться могут не только существительные, особенно так называемые культурные слова. Заимствуются и прилагательные, и глаголы, и числительные, и даже такие служебные слова, как союзы, о чем свидетельствует, в частности, практика взаимовлияния и взаимообогащения многочисленных современных языков Советского Союза.

Лингвистам известны языки, словарный состав которых состоит почти на 90% из заимствованной лексики. Но среди этих заимствований, если они, конечно, не равнозначны смене одного языка другим (из которого происходят заимствования), нет и не может быть словоформ со значениями «быть» или «стать». И если глагольные слова с указанными значениями оказываются в ныне совершенно разных языках все же в той или иной мере общими, близкими и по значению, и по звучанию, а их архетипы, реконструируемые с помощью сравнительно-исторического метода, — тождественными, то это всегда веское свидетельство в пользу генетической общности — родства сравниваемых языков, сколь ни были бы они далекими, территориально разобщенными, друг на друга мало похожими и совершенно исключающими возможность взаимопонимания (без специального перевода) их носителей на том этапе эволюции сравниваемых языков, когда исконная близость таких родственных языков (resp. диалектов) кажется маловероятной или даже невероятной.

Вот почему проблема исторической общности или различия глагольных слов со значением «быть» и «стать» имела и имеет принципиальное значение для решения общей проблемы происхождения материальной и структурно-типологической общности той или иной группировки языков, будь это семья отдаленнородственных (предположительно родственных) языков или языковой союз, сложившийся в результате конвергентного развития разноструктурных и генетически в прошлом не связанных между собою языков.

2

Во всех алтайских языках — древних, старых, новых и новейших, письменных и бесписьменных, развивающихся национальных или в отмирающих племенных языках некоторых двуязычных и крайне малочисленных народностей — широко употребительны различные формы глагольного слова, а также производные от него формы именных категорий слов, имеющие значения «жить», «быть», «находиться», «пребывать», «иметься» (в дальнейшем — обобщенно «быть») и формы глагольного слова со значениями «стать», «сделаться», «являться», «быть кем-либо, чем-либо» и т. п. (в дальнейшем — обобщенно «стать»).

Разные грамматические формы этих слов, свойственные, как правило, и каждому иному глагольному слову алтайских языков, функционируют в речи либо как полнозначные (знаменательные) лексемы, либо часто как слова служебные — компоненты различного рода аналитических конструкций или сложных словоформ, с чем связаны процессы их полной грамматизации, получившие свое отражение в образовании так называемых недостаточных (дефектных) глаголов, глагольных связок, модаль-

ных слов или слов-частиц, а затем и серии суффиксов, образовавшихся путем превращения слова-частицы в служебные морфемы ряда глагольных, а также некоторых именных (адъективных) или наречных и местоименных слов многочисленных алтайских языков.

Так, например, роль глагольного слова со значением «быть» в тунгусо-маньчжурских языках настолько значительна, что это дало в свое время повод Д. Синору в работе, посвященной маньчжурскому глаголу, заявить, будто примитивный маньчжурский (le mandjou primitif) знал только имена. Когда же нужно было образовать глагол, это делалось путем прибавления глагола *bi* 'быть' к имени, значение которого ближе всего подходило к процессу: *bajan* 'богатый', *bajam-bi* 'быть богатым', *edun* 'ветер', *edum-bi* 'дуть ветру' и т. п.[1]

История происхождения тунгусо-маньчжурского глагола здесь излишне упрощена, а роль некогда якобы единственного глагола (к тому же с таким абстрактным значением, как 'быть') явно преувеличена. Но автор цитируемой работы безусловно прав в том, что в образовании индикативной (и, как увидим, не только индикативной) глагольной формы (verbum finitum) тунг.-ма. глагол *би-* (~ *бӣ-*) 'быть', 'иметься', 'находиться' играл и играет важную роль.[2]

В такой же, между прочим, роли может выступать и глагол с основой *о-* ~ *ō-* 'стать', 'сделаться' (~ 'сделать'). Так, например, группа глагольных словоформ в диалектах эвенков образовалась путем сложения так называемых «образных» слов (лексем наречного типа) с глагольными словоформами от основы *ō-*: *богис-ō-мӣ* 'вздрогнуть', *дерис-ō-мӣ* 'мелькнуть', *лупур-ō-мӣ* 'пройти сквозь', *нэптэр-ō-мӣ* 'разгладить' и т. п.[3]

Наблюдаются не только большое структурно-типологическое сходство, выходящее, впрочем, за пределы алтайской языковой общности, но и значительная материальная близость упомянутых глагольных слов, особенно их морфологизованных дериватов-суффиксов, как в отдельных близкородственных группах алтайских языков, так и отчасти во всех этих языках, взятых в целом.

Удельный вес упомянутых двух глагольных слов и их различных, охарактеризованных выше дериватов в общей системе структурно-грамматических средств каждого и всех алтайских языков настолько велик, а типологическая и материальная общность между ними, выявленная алтаистами, настолько значительна, что все это не может быть объяснено ни случайными совпадениями, ни тем более заимствованиями из одного языка в другой в периоды их позднего обособленного развития. Естественно поэтому

---

[1] Sinor D. Le verb mandjou. — «Bull. de la Société de Linguistique», 1949, vol. 45, p. 153.

[2] Подробнее об этом см.: Сунник О. П. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. М.—Л., 1962.

[3] Константинова О. А. Эвенкийский язык. М.—Л., 1964, с. 182.

полагать, что дальнейшее сравнительно-историческое исследование корневых и аффиксальных морфем, так или иначе связанных с названными глагольными словами («быть» и «стать»), исследование, охватывающее все важнейшие области строя алтайских языков, может дать существенные результаты для решения общей проблемы алтаистики — какова природа материальной и типологической общности языков, именуемых алтайскими.

3

Наиболее единообразны интересующие нас глагольные слова — их корневые морфемы и образовавшиеся от них морфемы служебные — в языках тунгусо-маньчжурской группы, родство которых представляется несомненным, весьма близким и поэтому во многих отношениях самоочевидным.

Эвенк. *би-* 'быть~иметься', 'быть — существовать', 'быть — жить — находиться', 'быть — являться кем-либо, чем-либо', эвен. *би-* 'быть — пребывать — присутствовать', 'быть — помещаться — находиться', 'быть — жить — поселяться — водиться', быть — состоять — числиться', 'быть — являться кем-либо, чем-либо', 'быть — иметь — обладать', нег. *би-*, сол. *би-*, орок. *би-*, нан. *би-*, ульч. *би-*, ороч. *би-*, уд. *би-*, маньчж. *би-*, чжурчж. (по В. Грубе) *piêh-* 'быть', 'жить', 'находиться', 'иметься'.

Это единообразие тунг.-ма, первичной глагольной основы *б'и-* дало, по-видимому, повод для такой ближней реконструкции, как **bi-*, причем не только для пратунгусского, но и для прамонгольского, а также для праалтайского или общеалтайского состояния. Праформа **bi-* сопоставлялась с и.-е. **b'ĕ-*, но не с соответствующим по значению глаголом в тюркских языках, где он «замещен» *ä-/e-/i-*, *är-/er-/ir-* (<**ä-r-*?) 'быть' и *bol-* (<**bo-l*?) 'становиться', 'быть'.[4]

В. М. Иллич-Свитыч в посмертно изданном «Опыте сравнения ностратических языков» тоже восстанавливает пратунг. **bi-* 'быть', но возводит этот архетип к праалт. **bui* < **buHi*, а на уровне ностратическом к **büi* 'быть'.[5]

Более вероятной даже по данным только одних тунгусо-маньчжурских языков представляется уже предлагавшаяся нами пратунг. праформа **бар-* (<**ба-р~*ба-ра*) 'быть', 'жить', 'иметься'. Не исключено, однако, что праформа эта могла иметь и иную огласовку — **бэр-~*бэ-рэ*.

Учет сохранившейся в отдельных случаях долготы *и~ӣ* (*б'и-~б'ӣ-*) позволяет возвести гласный *и* (*би-*) к сочетаниям *аи~эи* < *aj~эj* < *ар~ар'и*, *эр~эр'и*, которые обычно разви-

[4] Menges K. H. The turkic languages and peoples. . . Wiesbaden, 1968, S. 145.

[5] Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. М., 1971, с. 184.

ваются в тунгусских языках в ауслаутном положении в *ӣ* > *и* с возможным переходом так называемого заднерядного *и* в *й* переднерядный. Ср. орок. *нар*~*нар'и*, нан. (к.-урм.) *н'ер'а* 'человек', 'мужчина (самец)', > нан. *нај*~*наји* > *нэј* > *нӣ*, уд., ульч. *н'ӣ* 'человек'; или эвенк. *тар*, орок. *тар'и*, нег. *таји*, сол. *тај*, но ма. *тэрэ*, уд., ороч. *тэји*~*тэј*, нан. *тэј*~*тӣ*, ульч. *тӣ*~*тй*. На возможность такой реконструкции пратунг. **бар-*~**бэр-* > *б'ӣ-*~*б'й-* указывают и такие, например, полуомертвевшие суффиксы в нанайских и ульчских изобразительных словах, как *чӑр-бар* 'белым-бело', *сэр-бэр* 'красным-красно', *н'ор-бор* 'сплошь синий', *н'ор-бор-бор* 'синий-пресиний' и т. п. Ср. также такие слова с «полусуффиксами» (*би* орфографируются раздельно), как нан., ульч. *сар би* 'острый', *тэрэк би* 'правильный', *тэӈ би* 'действительный, подлинный', *даила би* 'ббльший', *нучилэ би* 'меньший (маловатый)', а также *н'орборбор би* 'синий-пресиний', *сим би* 'тихий (безветренный)' и многие другие.

В такой же роли выступают при образовании отыменных, отглагольных и отнаречных прилагательных суффиксы *-ба*~*-бэ*~*-би*, *-ма*~*-мэ*~*-мӣ*~*-м*: *мӣ-ма* 'деревянный' (<'древосущий'), *сэлэ-мэ* 'железный', *н'ама* (<*н'а-ма*) 'теплый', *хулама* (<*хула-ма*) 'красный', *ӈоним*~*ӈонимӣ* (<*ӈони-мӣ*) 'длинный' и т. п. Ср. еще эвенк. *симула-ма* 'молчаливый' (*симула-* 'молчать'), *омӈо-мо* 'забывчивый' (*оӈмо-* 'забыть'), маньч. *олхо-ба* 'осторожный' (*олхо-* 'остерегаться'), *кичэ-бэ* 'прилежный' (*кичэ-* 'быть прилежным, стараться'), *кири-ба*~*кири-бэ* 'терпеливый' (*кири-* 'терпеть'), *сэрэ-бэ* 'предусмотрительный' (*сэрэ-* 'предусматривать'), а также *хахи-ба* 'торопливый', 'быстрый' (*хахи* 'скоро', 'быстро', 'торопливо') и т. п.

Тунг.-ма. основа *би-* 'быть', развившаяся в маньчжурском в уже упоминавшийся глагольный суффикс *-би* (*-м-би*) (чжурчж., по В. Грубе, *-wêi*), при образовании прилагательных сохранила, на наш взгляд, более архаичную форму того же по происхождению суффикса (с огласовкой *а*/*э*) *-ба*~*-бэ*.

Ср. аналогичные нан., ульч. *чалпа-ма* 'глинобитный', 'сделанный из глины' (*чалпа-* 'обмазывать глиной'), *чиро-ма* 'жареный' (*чиро-* 'жарить', 'печь'), *аӈго-ма* 'искусственный' (*аӈго-* 'строить', создавать'), *улпи-мэ* 'сшитый' и т. п.

Морфологическими дериватами глагола *би-* < **бар-*~**бэр-* являются и окончания некоторых тунгусо-маньчжурских деепричастий — одновременных, образуемых от глагольных основ суффиксами *-мар(и)*~*-мэр(и)*, *-маі*~*-мэі*~*-мэ*~*-мӣ*~*-ми*—*-м*, а также разновременных (или условных), образуемых в некоторых языках суффиксами *-пари*~*-пэри*~*-fêi*~*-фи*~*-пи*~*-п*, которые одно время ошибочно отождествлялись (исторически) с безлично-притяжательными суффиксами, свойственными только языкам тунгусской подгруппы.[6]

---

[6] Более подробно о суффиксах — морфологических дериватах глагола *би-* 'быть' см.: С у н и к О. П. Глагол. . ., с. 267 и след.

Следует особо подчеркнуть, что интересующие нас суффиксы *-ба*, (*-б*), *-бар*/*-ма*, *-ми*, *-мар*, а также *-ва* (*-в*), *-вар* в их различных фонетических вариантах, но с близким или аналогичным значением и функциями отмечаются и в монгольских, и в тюркских языках (о чем ниже).

В плане историко-семасиологическом глагол со значением «быть» связан с такими глагольными значениями, как «рождаться (возникать, появляться)», «расти», «жить», «развиваться» и т. д. В этой связи следует сравнить тунг.-ма. *би-* < **бар-*~**бэр-* с такими общетунгусоманьчжурскими глагольными словами, как эвенк. *балды-* 'родиться' (~'родить'), 'расти' (ср. бал-*ды* 'происхождение', 'родня'), эвен. *балда-* 'родиться' (~'рождать'), 'расти', 'появляться', 'возникать' (ср. *балда-ча* 'родившийся', 'выросший', 'родной', 'рождение', 'урожай'), нег. *балдӣ-*, орок., ульч. *балди-*, нан. *бал'ʒ'и-*, ма. *банʒи-*, уд. *багди-*, чжурчж. *pah-tih-* 'родиться', 'расти', 'жить-быть' и т. п.

В таких, например, стереотипных зачинах нанайских и ульчских народных сказок, как *эм мэргэ(н) балд'ихани. . . туj б'ӣм'е, туj бал'д'им'ӗ. . .* 'один молодец жил-был. . ., так живет да живет. . .', *би-* и *бал'ʒи-* выступают как явные синонимы. Основа *балди* (<**бал-даи*) этимологически несомненно членима на первичную основу (корень) **бал-* (~**ба-л-*?) и омертвевший суффикс *-ди-* (-(**л*)-*ди* <*(-*л*)-*даи*). Думается, что *би-* < **бар-*~**бэр-* и *балди* < **бал-даи-* являются словами родственными. А если это так, то не указывает ли огласовка корня **ба-*~**бал-* на исторически возможную огласовку и основы *би-*, т. е. **бар-*/**бэр-*?

Для уровня ностратического В. М. Иллич-Свитыч реконструировал глагольную основу «рождать [5]» в виде архетипа **waldʌ*: алт. **baldy-* 'рождать(ся)' — по тунгусо-маньчжурским данным, а по данным семито-хамитским, **wld* 'рождать(ся)'. С тунг. основой **baldy-* основу *би-* 'быть' он не сравнивал, считая, что ностратическому «быть [4]» **ви(Н)л* в праалтайском соответствует **büi-* — праформа, предложенная Г. Рамстедтом и Н. Поппе для прамонгольского.[7]

Вторая из интересующих нас глагольных основ *woh-*~*ō-*~*o-* 'стать' реконструируется иногда не только для пратунгусского, но также и для общеалтайского (или праалтайского) состояния в виде архетипа **ō-*, сопоставляемого, например, В. М. Илличем-Свитычем с драв. **a-*, но не с равнозначными глаголами других алтайских языков. С другой стороны, при реконструкции им же ностратического «быть [1]» **woylʌ* праалтайский представлен только монг. и тюрк. **bōl-*/*-ōl* 'быть, стать' без учета пратунг. архетипа **ō-* 'стать', предложенного самим В. М. Илличем-Свитычем.[8] Более надежной даже по данным одних только тунгусо-маньчжур-

---

[7] Иллич-Свитыч В. М. Материалы к сравнительному ностратическому словарю. — В кн.: Этимология — 1965. М., 1967, с. 333, 361.

[8] Там же, с. 367 и 332.

ских языков представляется уже предлагавшаяся нами пратунг. *бол-~*бōл- > wôh-~ō-~o- 'стать', 'сделать(ся)'.[9]

Долгота гласного в основе глагола ō-, не отмеченная только в маньчжурском, может быть объяснена, во-первых, утратой начального губно-губного согласного б~w > ø (ср. чжурчж. wôh-) и, во-вторых, утратой в основе конечного плавного *л, что подтверждается историко-морфологическим анализом особенностей «неправильных» форм спряжения некоторых тунгусо-маньчжурских глаголов, в том числе с основами би- и ō-.[10] Не исключено, впрочем, что долгота ō отражает здесь общеалтайскую «первичную» долготу, свойственную и равнозначным тюрк. и монг. бōл-~ōл- 'стать, быть'. Тогда, возможно, и пратунг. архетип *ол-~*бол- может быть возведен к *бōл-~*ōл-. Обращаясь к различного рода дериватам пратунг. *бол-~*ол — к таким словам-частицам, как маньчж. о-чи 'если' ('если станет'), нан., ульч. о-си-ни 'если', а также к нан. и ульч. суффиксам кондиционаля (иначе — условно-временнóй формы глагола) -боча-~-бучэ-~вача~вучэ-~-ōча-~-ӯчэ-, не говоря уже о служебном употреблении глагола с основой ō- — 'стать~сделаться кем-либо, чем-либо', в которой он выступает в сущности как с в я з к а при именном сказуемом в именительном-предикативном падеже, мы видим, насколько значительна роль этого глагола в грамматическом строе тунгусо-маньчжурских языков. В этом отношении он уступает только глаголу би- 'быть', имеющему еще большую «нагрузку».

Для внутренней реконструкции пратунгусского архетипа основы ō- 'стать' имеют особо важное значение два момента: анализ упомянутых нанайско-ульчских суффиксов кондиционаля и анализ некоторых форм так называемых образных слов, содержащих омертвевшие (непродуктивные) формативы, исторически связанные не только с глаголом би- 'быть', но и с глаголом ō- 'стать'.

Суффикс -боча-~-бучэ- (точнее — -боч^{u}а-~-буч^{u}э-) и его другие фонетические варианты (в этом числе орок. -γута-~-γитэ-~-вута-~-вутэ- < -боч^{u}а-~буч^{u}э-) в плане историческом (этимологическом) безусловно составной: -бо-ч^{u}а < *-бо-кај. Первый его компонент, на наш взгляд, является дериватом глагола ō-*бол-, а второй восходит к суффиксу, выражающему законченность действия, наличие его результата, развившемуся затем в показатель прошедшего времени.

Этимологическое значение этого составного суффикса может быть разъяснено с помощью русского 'стало быть', 'если (когда) станет'.

Суффикс нанайско-ульчского кондиционаля в его основном фонетическом варианте -боч^{u}а- сохраняет начальный губно-губной согласный, утраченный «производящей», в данном случае

---

[9] С у н и к О. П. О глаголах «быть» и «стать» в алтайских языках. — ПОАЯЗ, с. 378.

[10] С у н и к О. П. Глагол. . ., с. 33 и след.

глагольной основой *ō-* 'стать', а видо-временно́й компонент этого составного суффикса — *-ч"а* свидетельствует об утраченном согласном **л*. Характерно, что «неправильные» временны́е формы глагола 'стать' в нанайском и ульчском часто образуются с помощью суффикса *-чи(н)*: *ō-чи-ни* 'стал-он', а также *би-чи-ни* 'был-он', хотя в маньчжурском этим формам уже соответствуют «правильные», унифицированные формы — *о-хо*, *би-хэ*.[11]

Упоминавшиеся выше формы «образных» слов сохранили в нанайском и ульчском образования, в которых вычленяются суффиксальные окаменевшие элементы, такие, в частности, как *-бар*~*-бэр*~*-бор*~*-бур*, а также *-бол*~*-бул* (в редуплицированном виде *-бол-бол*~*-бул-бул*). Считаясь с тем известным обстоятельством, что в речь «образные» слова вводятся обычно с помощью некоторых вспомогательных глагольных слов, в том числе образованных от основ *би-* < (**бар-*~*бэр-*) и *ō-* (**бол-*~*бул-*), можно усмотреть в приведенных суффиксальных элементах сохранившиеся архаические формы интересующих нас глагольных основ, совпадающими с предлагаемыми здесь их архетипами.[12]

4

В монгольских языках, весьма близкое родство которых так же несомненно, как и родство языков тунгусо-маньчжурских, специалисты отмечают следующие разновидности интересующих нас глагольных слов, а иногда и их дериватов — слов-частиц, частиц-суффиксов: недостаточный глагол «быть» с основами *а-* и *бö-*, знаменательный (он же и служебный) глагол с основой *баи-*~*бэи-*~*бий*~*бū-*~*ū*~*вū* (ср. тунг.-ма. *би-*), *буи-*~*бö*~*бэ-*~*бу-*. Глагол со значением «стать»~«быть» имеет здесь основу *бол-*~монгор. *ōл-*~*ōли-* (ср. тунг.-ма. *ō-* < **бол-*~**ōл*).

Еще полвека тому назад Б. Я. Владимирцов в статье «Остатки причастия настоящего времени в монгольском языке» предлагал строго различать три разных монгольских основы, связанных со значением «быть, существовать, иметься»: *bu-*, *bü-* и *bö-*, а также производные от них формы.[13]

Ст.-письм. монг. *bui* > халх. *бū*~*wī*, ойрат. *бī* 'есть', 'сущий' он объяснял как «аморфные» слова, образовавшиеся с помощью суффикса *-*i* — показателя настоящего II и причастия настоящего времени. Не соглашаясь с Г. И. Рамстедтом, сопоставлявшим

---

[11] Подробнее об этом (с указанием литературы и с разбором других гипотез о происхождении «условно-временны́х» форм глагола) см.: С у н и к О. П. Глагол. . ., с. 255—259.

[12] Наиболее полно нанайские формы слов, именуемые также ономатопоэтическими, словами-мимемами, изобразительными словами, собраны и систематизированы в работе: К и л е Н. Б. Образные слова нанайского языка. Л., 1973.

[13] См.: *Доклады Российской академии наук*, 1924 (отд. оттиск), с. 56.

шим ст.-письм. монг. *bui*~*buyu* с халх. *бī*~*wī* 'есть', Б. Я. Владимирцов находил, что халх. *бīwī* восходит не к *bui*~*buyu*, а к *bui*~*bui*, соответствуя по значению тиб. *mčhis-so* 'есть'.

Критикуя принятую в то время в монголоведении точку зрения, согласно которой *bui* < **büi*, т. е. от глагола *bü-kü* 'быть', 'существовать', он указывает, что на самом деле *bu-i* не имеет ничего общего с *bükü*, формой от основы *bü-*. Формы с огласовкой на *u* (*bu-*) Б. Я. Владимирцов возводил к **bï-i*, а в плане алтаистическом сравнивал их с тюркским *ba-r* и чув. *пур* 'есть, иметься'.

В другой статье, опубликованной в том же 1924 г. в тех же «Докладах» Академии наук, но написанной Б. Я. Владимирцовым совместно с Н. Н. Поппе, — «Из области вокализма монголо-турецкого праязыка», монг. **ī* (>*i*~*u*) в плане историческом приравнивается тюрк. *a* в первом, ударном в монгольском, слоге, а также як. *ā* и чув. *ӳ* < **a*. Здесь же монг. **bï-i* > *bui* 'есть, существующий' исторически идентифицируется с тюрк. (орх., дж.) *ba-r*, кирг. *бар*, чув. *пур*, як. *бāр*. Монг. суффикс *-i* (причастие настоящего-будущего времени) исторически отождествляется с равнозначным тюркским *-r*.

Если при этом учесть и соответствующий тунгусо-маньчжурский суффикс *-ра* > *-рū*~*ju*~*-u*~*Ø* (показатель причастия наст.— буд. времени), то предложенная выше реконструкция тунгусо-маньчжурской основы *би-* (*би*~*биju*~*би-рэ*) 'есть, имеется' <**ба-ра*~**бэ-рэ* > **ба-ри*~**бэ-ри* > **ба-и*~**бэ-и* > *бū-*~*би-*) не окажется искусственной или маловероятной, в частности, из-за различия в огласовке современных тунг.-ма. *би* 'есть', а также тюрк. *бар*~*вар*~*пур*. Что же касается недавно предложенной А. М. Щербаком реконструкции пратюрк. **пāр* 'есть, имеется', то она представляется нам сомнительной даже в качестве так называемой ближней (начало нашей эры), построенной на недоказанном предположении относительно первичности глухого анлаутного **п* (> *п* > *б*) и морфологической нерасчлененности (этимологической) односложного пратюркского слова **пāр*, рефлексами которого выступают известные *бар*~*бāр*~*вар*~*бор*~*пур*~*пар* засвидетельствованных тюркских языков.[14]

Некоторые монголисты отмечают процесс своеобразной конвергенции некогда разных, хотя и весьма близких по значению и звучанию глагольных основ, получивших со временем общее абстрактное значение «быть»: 1) *а-* 'существовать, быть в наличии', 2) *ba*(*yi*)- 'стоять, находиться', 3) *бü* 'существовать, иметься', а, кроме того, еще и 4) *bol-* 'стать, сделаться, являться'. На основе такой конвергенции сложились недостаточные (дефектные) вспомогательные глаголы бытия, не имеющие в одних случаях одних, в других случаях других форм глагольной парадигмы, характерной для известных монгольских языков. На этой же почве обра-

[14] См.: Щ е р б а к А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, с. 195.

зовались смешанные, удвоенные глагольные образования, состоящие из соединения одних и тех же или чаще разных основ указанных глаголов, ставших служебными словами, связками, частицами, суффиксами не только глагольных, но и некоторых именных разрядов слов.

Подчеркивая то обстоятельство, что в старописьменном монгольском вспомогательные глаголы бытия *а-* 'быть' и особенно *бө-* 'быть' обладают неполным спряжением, Г. Д. Санжеев с помощью наглядной таблицы показал, как распределены формы монгольского спряжения между двумя указанными глаголами: формы настоящего—будущего времени и некоторых форм прошедшего «закреплены» преимущественно за глаголом *а-* (*а-муі*, *а-ју*, *а-баі*), их не имеет глагол *бө-*, но форма прошедшего заведомо известного действия *бө-лүге*, *біле* не свойственна глаголу с основой *а-*. Из тридцати форм в парадигме спряжения старописьменного монгольского языка глагол *а-* имеет шестнадцать, а *бө-* только шесть.[15]

Отмечены случаи контаминации интересующих нас глагольных слов: *болаі* 'был' < *болүγа* 'был' (<*бол-* 'стать') и *бөлүге* 'был' (<*бө-* 'быть').

Многие из образованных от приведенных глаголов формы превратились в модальные слова, союзы, частицы или суффиксы. Таковы, например, *бәз~бәәз* (<*бө-*) 'вероятно', 'быть может' или *билә~биләй* 'ведь', 'как бы' (от того же *бө-*), *бө-гөөд* союз 'и', 'да' (халх.).[16]

Не приводя здесь, как это делает Г. Д. Санжеев, примеров употребления интересующих нас глаголов в роли компонентов аналитических форм, образуемых из причастия плюс та или иная форма вспомогательного глагола с основами *а-*, *бө-*, *баји-* 'быть', — аналитические формы сложных времен,[17] отметим, что в роли связок в современном монгольском языке употребляются *бай* 'быть', *ажээ* (от *а-* 'быть'), *бий* 'есть', 'имеется', *билээ* 'было', 'имелось', *бол* 'стать', 'сделаться'.[18]

Как известно, такого рода связки в алтайских языках (и не только в алтайских) развиваются в частицы или суффиксы, образующие затем синтетические формы глагольных и некоторых именных форм. (Ср. приведенные выше тунг.-ма. *-би*, *-ба~-бэ*, *-ми*, *-ма~мэ* и др.). Подобные процессы давно уже отмечены в монгольских языках. И хотя Г. Д. Санжеев считает, что «вспомогательные глаголы *а-* 'быть', *бө-* 'быть' и их рудиментарные формы, наличествующие в монгольских языках настоящего и прошлого,

---

[15] Санжеев Г. Д. Старописьменный монгольский язык. М., 1964, с. 86 и след.

[16] Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963, с. 76.

[17] См.: там же, с. 80—81, где приведены следующие формы вспомогательных глаголов: *байх*, *байна*, *билээ*, *байсан*, но нет примеров с другими упомянутыми вспомогательными глаголами.

[18] Тодаева Б. Х. Грамматика современного монгольского языка. М., 1951, с. 131.

еще достаточно не изучены и не выявлены полностью», все же те сведения, которые приводит и он сам, и другие монголисты, позволяют рассмотреть их более внимательно.

Напомним, что еще в конце прошлого века один из видных и убежденных сторонников алтайской гипотезы В. Банг в статье, посвященной маньчжурскому деепричастию на *-мэ*, на наш взгляд, доказал полную возможность исторического отождествления ма. *-те* (*-мэ*) с монг. *-тиі* (<*-*n+bиі*) — суффиксальной формой имперфектного презенса изъявительной формы глагола, встречающейся в ряде монгольских языков в двух вариантах: *муі* или *-м*.

В отношении маньчжурского и некоторых тунгусских языков В. Банг допустил досадную ошибку, не связав герундий на *-мэ* (<**н+бэ*) с глагольной основой *би-* 'быть', а отождествив этот суффикс с показателем аккузатива. Для монгольского же его реконструкция вполне убедительна: деепричастие на *н-*+известная «связка» (причастие) *буі* 'сущий' от глагола *бу-* 'быть'.[19] В тех из монгольских языков, в которых ст.-монг. *буі* развилось в *ӯ~ӯ*, такого окончания либо не образовалось, либо оно дало вариант *-м* (могол., могор., баоань). Правда, по мнению Г. Д. Санжеева, монг. *-муі* восходит к двухкомпонентному (составному) суффиксу *-*м+-*уі* (?). Может быть, поэтому суффикс этот и представляется, как пишет Г. Д. Санжеев, «покрытым мраком неизвестности».[20]

Вполне возможно, что и суффикс монгольского «причастия возможности» *-мӯр~-мар* не следует пытаться генетически связывать, как это делает Г. Д. Санжеев, с отглагольным именем в орудном падеже, а связать его все с тем же глаголом 'быть': *аба-мӯр* 'доступный для получения' < *'получая-сущий', *зөө-мэр* 'грузчик', *тэс-мэ̄р~тэс-мэр* 'терпеливый', 'терпимый'.[21]

Есть основания предполагать, что и некоторые монгольские деепричастия, такие как условное (*-ба-су*), уступительное (*-бачу-*), а возможно, и предварительное (*-маr-ча-~-м-ча*), генетически связаны все с теми же глагольными словами — связками со значением 'быть'.

В том, что суффикс «перфектного претерита» (прошедшее I) *-баі~-ба, -бэі~-бэ~-ба~па—-фа~-ва~-вэ~во~-б~-в* генетически связан с глаголом-связкой «быть», видимо, трудно сомневаться. «Относительно суффикса *-ба~-бэ*, — пишет Г. Д. Санжеев, — в монголистике установлено, что он находится в этимологической связи с тюркским *-п* и маньчжурским *-фі*, показателями деепричастия прошедшего времени».[22] Действительно, в алтаистике доказывается (хотя и не всеми признается), что упомянутые здесь и некоторые другие суффиксы деепричастий алтай-

[19] Bang W. Das Gerundium auf -me im Mandschu. — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlands, 1898, Bd XII, H. 1—4.
[20] Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика, с. 121.
[21] Там же, с. 132.
[22] Там же, с. 130.

ских языков (и прошедшего, и настоящего времени), равно как и суффиксы отдельных индикативных форм (не только перфектного претерита, но и настоящего или будущего времени глагола), генетически связаны, иначе — являются морфологическими дериватами глагольных словоформ со значением 'быть', а также 'стать'.[23]

Но этим не ограничивается область дериватов монгольского глагола «быть». Подобно тунгусо-маньчжурским языкам монгольские, как нам представляется, сохранили соответствующие слова-частицы и частицы-суффиксы: *бол* 'если', *бол* (~*болбол*) ~*болбāсу* ~ *болвала* — показатель подлежащего (иногда переводится на русский искусственно — «что касается»), *ба*, *бар* союзы 'и', 'также', *jaγи-ма* (ср. тунг. *ē-ма*, *ēку-ма*) 'нечто', 'что-то', 'что за. .?', *али-ба*~*али-бар* 'кто-нибудь', 'каждый' (*али* 'какой', 'который?') *кеч-бе*~*кер-бер* 'хотя, если как-либо' (*кер* 'как?') *jа-м-бар*, *jа-мăр* 'какой?', *ej-мер* 'такой, как этот' ('этакий'), *тej-мер* 'такой, как тот', *ха-ми-γа*~*γа-мā* 'что, что за. .?', *jе-м* 'что?' и некоторые другие.

В. Котвич, из работы которого «Местоимения в алтайских языках» (1936 г.) эти примеры взяты, допускал вслед за Ж. Дени, что упомянутое выше *-мā* родственно тюрк. вопросительной частице *му*, *ми*, а также отрицательной частице *-ма*.

Интересная мысль была высказана Б. Я. Владимирцовым о происхождении отрицательных (запретительных) препозитивных частиц при повелительно-желательных формах монгольского глагола: *буй*~*бū*~*bu*~*bī*~*bi* 'не', которая представляет собой консессивную форму вспомогательного глагола *бӱ-*~*бӧ-* 'быть' — *бӱtugei* 'пусть будет'. И хотя, как замечает Г. Д. Санжеев, «с семасиологической точки зрения трудно понять, как из положительной формы консессива. . . могла получиться частица с отрицательным значением», никакого иного объяснения этой отрицательной частицы в монголоведении пока нет. Что частица эта этимологически как-то связана с ныне антонимическим модальным словом-частицей монг. *bui* 'есть' (ср. тунг.-ма. *би*~*би-рэ*, тюрк. *бар*~*вар*), сомнений быть не может. Но это тема особая. Можно лишь пока заметить, что такие отрицательные слова-частицы тунгусо-маньчжурских языков, как эвенк. *ā-чин*, ма. *а-ку*, нан. *а-ба*, *а-на* 'нет', 'без', своим первым компонентом, возможно, связаны с глагольным корнем *-а* 'быть', который в известных тунгусо-маньчжурских языках имеет теперь только значение отрицания, отсутствия чего-либо.[24]

---

[23] Подробнее см.: С у н и к О. П. Глагол. . ., с. 214 и след., где указана и рассмотрена основная литература вопроса.

[24] Г о р ц е в с к а я В. А. Формы отрицания в эвенкийском языке. Л., 1941, с. 100 и след. Ср.: С у н и к О. П. Об отрицательных формах тунгусо-маньчжурского глагола. — В кн.: Проблемы сравнительной филологии. М.—Л., 1964.

В монгольском недостаточном глаголе *а-* ‘быть’ на уровне общеалтайском можно, как кажется, усмотреть **ба-* при учете тунгусо-маньчжурских данных, в частности при учете реконструкции *би-*<**ба-р(и)* ‘быть’, а также данных тюркских языков, т. е. **ба-*~**ва-* > *а-* (с отпадением начального губно-губного).

Монг. основа *бӧ-* ‘быть’, возможно, связана с другой разновидностью пратунг. **бэ-р(и)* ‘быть’, если допустить, что в современном тунг. *би-* совпали две разновидности пратунг. **ба-р(и)* и **бэ-р(и)*, различавшиеся по огласовке, а быть может, и по каким-то лексическим значениям, получившим затем обобщение в абстрактном значении «быть».

Что касается монг. *бол-*>*бӯл(и)* ‘стать’, то основы эти находят свое соответствие не только в засвидетельствованных тунг.-маньч. *wôh-*~*ō-*~*o-*, но и в пратунг. **бол-*~**бӯл* ‘стать’ с тем лишь различием, что в тунгусо-маньчжурских языках конвергенции *би-* и *ō-*, как в монгольских и тюркских, не наблюдается.

5

В тюркских языках отмечены следующие разновидности интересующих нас алтайских глагольных основ: *ер-*~*ӓр*~*ир-* > *е-*~*ӓ*~*и-* ‘быть’ — недостаточный глагол, или связка, возводимый к пратюркскому **ӓр-* (<*ӓ-р-*?), и основы глагола *бӯл-*~*буол-*~*бул-*~*пол-*~*пул-*~*ол* ‘стать’, выступающего также в роли служебного ‘стать~быть’, возводимого алтаистами к пратюркскому **бол-* < **бол-* или **б-ол-*.[25] В качестве весьма ближней реконструкции (начало нашей эры) А. М. Щербак предложил такие праформы этих общетюркских глагольных основ: **ӓр-* ‘быть, находиться’, **пӯл-* ‘быть, происходить, становиться’.[26]

Вспомогательный глагол «быть» в архаических тюркских языках звучал, как на это указывал Н. К. Дмитриев, *эр-*, где *э*, очевидно, произносилось как русское *э* в слове «этот». Со временем *эр-*~*ир-* в силу редукции и отпадения *р* (в открытом слоге) превратилось в *э-*~*и-*. Будучи глаголом недостаточным, он не имеет всех форм, свойственных парадигме спряжения тюркских языков. Некоторые его формы превратились в модальные слова-частицы при других глаголах. Так, башкирское причастие прошедшего времени от глагола *э-*~*и-* ‘быть’ — *и-кэ-н* означает ‘оказывается, кажется’. Характерно, что при отсутствии тех или иных форм глагола *и-* вместо него в том же значении употребляются соответствующие формы другого вспомогательного глагола башк. *бул-*, который первоначально имел значение ‘делаться, стано-

---

[25] См., например: Räsänen M. Materialen zur Morphologie der türkischen Sprachen. Helsinki, 1957, S. 170.

[26] Щербак А. М. Сравнительная фонетика. .., с. 194, 196.

виться', сохраняющееся и теперь в тех случаях, когда имеются формы от *э-~и-*.[27]

Нет поэтому оснований для тюркск. праформы **бӧл-~бул-* и т. д. восстанавливать значение 'быть'. В фонетической эволюции этой же глагольной основы, как отмечал Н. К. Дмитриев, *бол-//пол* > *ол-* 'становиться' > 'быть' предполагается ступень *вол-* (*бол-* > *вол-~вол-* > *ол*), о чем свидетельствует, в частности, венг. *vol-ni* 'быть'.[28]

Наличие во всех тюркских языках слова модального типа («утвердительного имени») — як., туркм. *вар*, др.-тюрк. *bar*, узб. *вор*, аз. *вар*, тур. *var*, уйг. *пар*, чув. *пур* и т. п. 'есть', 'имеется', 'существует' (ср. тунг.-ма. *би~би-рэ*), монг. *буі~буjу* в том же значении позволяет, как кажется, по-иному подойти к проблеме пратюркского архетипа *эр~ир* > *э-~и-* 'быть'.

Опыт этимологизации тюркских *бар* 'есть' и *jok* 'нет' содержится в работе А. Н. Самойловича, где на анализе различных текстов и отдельных речений установлено, что *бар* в ряде случаев могло иметь значение 'богатый' (имущий), а *jok* 'бедный' ('неимущий').[29] Разумеется, такое значение могло возникнуть сравнительно поздно, но не в эпоху пратюркского языка или пратюркских диалектов, на которых говорили родо-племенные объединения первобытнообщинной формации. Слово *бар* несомненно связано этимологически, как и его эквиваленты в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках (в которых эта связь очевидна), со значением «быть», а затем и «наличествовать», «иметься», «иметь». Ср. чув. *пурăн* 'жить' (от *пур* 'есть') — *пур-ăн* 'быть', 'существовать', 'пребывать'.[30]

Таким образом, гипотетическая для тунгусо-маньчжурских языков праформа **ба-р~*бэ-р* > *бӣ-~би-*, а для языков монгольских **бар-* (> *ā-~ а-~*Ø), *бу-и* > *буі~би-и*, является совершенно реальной формой в тюркских языках, но к настоящему времени полностью изолированной от таких глагольных слов, как *эр-~ир-~э-~и-*, имеющих сходное значение 'быть', но совсем иное, на первый взгляд, не сопоставимое с *бар* звучание.

Этимологическое сопоставление тюркских старых и современных форм глагола «быть» с *бар~вар* имеет немало фонетических трудностей. Утрата в корнях *эр-~ир-* начального губного согласного может быть объяснена известной неустойчивостью тюркских губно-губных в инициальной, а также в интервокальной позиции. (Если служебный глагол присоединялся к знаменатель-

---

[27] Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, с. 194—195.

[28] Дмитриев Н. К. К истории аффиксов сказуемости. — В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Т. II. Морфология. М., 1956, с. 10.

[29] Самойлович А. Н. «Богатый» и «бедный» в тюркских языках. — Известия АН СССР, Отд. обществ. наук, 1936, № 4.

[30] Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка, с. 165.

ному, имеющему в исходе гласный, и иногда сливался с ним в одно цельнооформленное образование. Ср. *бо̄л-* > **вол-* > *ол-* 'стать' > 'быть').

Бо́льшую трудность представляет объяснение превращения гласных *ā~o~y* (*бāр~бор~пур*) и т. п. в *э* (*ӓ*)*~е~и*, относящиеся притом к иному сингармоническому ряду (как называют его некоторые тюркологи, к ряду «мягкому») в отличие от «твердорядных» *бāр~бор~пур*.

Следует отметить, что и в тунгусо-маньчжурских языках, несмотря на известные следы исчезнувшей ныне формы **бар~бэр*, ее рефлексы тоже имеют узкий и «мягкорядный» *ī~i* (ср. *bi-rэ*, *bi-hэ* 'есть', 'был' и т. п.), хотя в монгольских развитие предполагаемого **бар-* > *а-* не привело к такому изменению гласного.

Не предлагая здесь каких-либо окончательных решений, хотел бы обратить внимание на то, что не только в общеалтайском масштабе, а и в пределах одних только близкородственных тюркских языков огласовка (качество и количество гласного) может существенно различаться в словах, этимологическое тождество которых не может вызывать никаких сомнений. Например, почти во всех тюркских (древних, старых и новых) «мягкорядное» слово *ӓр~эр~ир* 'муж', 'мужчина', монг. *эр~эрэ*, ср. тунг.-маньчж. *бэj~бэjэ* (id.), но в чувашском ему соответствует «твердорядное» *ар*. Ср. еще чув. *арак~арка* 'подол', 'пола', в других тюркских *этэк~этек~итэк*, а в узбекском *этак*.

Не повлияла ли на изменение тюркского гласного в известных основах *эр~ир* >*э-~и-* ('быть'), во-первых, утрата губно-губного *в~w-* (если, разумеется, такая утрата происходила в пратюркском) и не произошло ли здесь хорошо известное по тунгусским языкам развитие *ар* > *эj* > *эи* ~ *и* (типа упомянутого *нар~нар'и* > *наj* > *нэи* > *ни* > *н'ӣ* 'мужчина', 'человек'). Ведь тунгусские языки и поныне сохраняют немало такого в области фонетики, что в других алтайских требует специальных сравнительно-исторических разысканий и гипотетических реконструкций. Ср. *п-~ф-* > *h-* > *Ø* — явление, наблюдаемое в тунгусо-маньчжурских, но требующее специальных реконструкций для монгольских и особенно для тюркских языков.

Если бы удалось обнаружить в каком-либо алтайском (или околоалтайском) лингвистическом материале реальные формы типа *bar~bär* со значениями 'быть', 'жить', 'существовать', развившиеся со временем в формы типа *эр-~ир-* > *э-~и-*, тогда указанные фонетические трудности были бы преодолены. Впрочем, следует заметить, что фонологическое противоположение по сингармоническим рядам *а/э*, *и/ӣ* и т. п. на уровне дальних, праалтайских, реконструкций могло быть иным. Оно могло вообще отсутствовать, подобно тому как оно и сейчас отсутствует в огласовке суффиксов.

Пока же можно сказать, что тюрк. *бāр~бар~вар* и т. д. связано с недостаточным служебным глаголом *эр-* (*ӓr-*) и не только

этимологически, но и функционально. Выступая в предикативной функции, *бар* как бы восполняет в некоторых случаях недостаточность форм глагола *эр-~ир-* наряду с глаголом с основой *бол-~ол-*, в роли служебного слова контаминирующегося, как и в монгольских языках, с *эр-*, «вытесняя» формы последнего в разряд различного рода полуокаменевших слов-частиц или суффиксов. С глагольными словами с основами *эр-~ир-* и *бол-* в различных тюркских языках, как уже упоминалось, генетически связаны модальные слова-частицы со значениями, передаваемыми по-русски «вероятно», «кажется», «наверно», «если бы» и т. п.: *эрди~иди~ине*, *эринч*, *эрки*, *эркен~икен*, *эрмиси~имис*, *эрсе~исе*, а также *болγај*, *болса* и т. п. От глагольных служебных слов со значением ‘быть’ образовались серии служебных морфем — суффиксы именных глаголов, причастий, деепричастий: *-ар~-ур~-ир*, *-а~-у~-и*, *-ми-ш*, *-γ-ма~-ма*, *-б*, *-ба-н*, *-п*, *па-н*. Некоторые из них исследованы в алтаистическом плане (с привлечением материалов тунгусо-маньчжурских, монгольских и корейского языков) А. Н. Кононовым, рассмотревшим подробно относящуюся к этой теме литературу.[31]

Весьма вероятно, что и в тюркских языках подобно тунгусо-маньчжурским и монгольским с архаическими формами глагола «быть» генетически связаны такие иногда уже омертвевшие частицы и суффиксы, как, например, *ма* ‘также, и’, отмеченные, как указывает В. Котвич, в «Кутадгу билиг» (XI в.) (ср. монг. *ба~бар*), *јä-мä*, *јä-м*, *и-ма* ‘все, всё’, ‘также’, ‘даже’, ‘и’, *нä-мä* ‘нечто’, ‘что-то’, *каи-ма* ‘какой?’ (ср. нан. *хон'би* ‘какой’, ‘как сущий?’), *кују-ма* ‘какой-нибудь’, *кајдӣ-ба* ‘как иначе’, *еди-бä*, *пидӣ-ба* ‘так или иначе’, *нä-бä* ‘нечто’, *чу-бä* ‘что-нибудь’, *нä-мä-гä*, *нä-мй-гä* ‘почем, почему?’, *ки-м* ‘что?’, а также упоминавшиеся уже вопросительные частицы *му*, *ми* и отрицательная частица *-ма*. (Примеры из указанной работы В. Котвича об алтайских местоимениях, 1936 г.).

6

Ниже мы попытаемся проанализировать дополнительно некоторые данные корейского, а также японского языков, основываясь на исследованиях Г. Рамстедта и на сведениях, которыми с нами дружески поделился известный японист Н. А. Сыромятников, решительно включающий японский язык в семью алтайских.[32]

В корейском имеется глагольная основа *i-~ø* (в ряде сложных синтетических форм усекается): *i-da* ‘есть’ (связка), *it-ta* < **i-si-*

---

[31] Кононов А. Н. Опыт реконструкции тюркского деепричастия на *-(⁰)п*, *-(⁰)б*, *-(j)⁰б*, *-(⁰)пан*, *-(⁰)бан*, *-(⁰)баны*, *-(⁰)баныӈ(н)*. — ВЯ, 1965, № 5, с. 100 и след.

[32] Сыромятников Н. А. Методика сравнительно-исторического изучения общих морфем в алтайских языках. — ПОАЯЗ, 1971. с. 51 и след.

da 'быть'. Основу эту Г. Рамстедт возводит, как и соврем. япон. *i-* (*i-ru* 'быть'), к архетипу **wi-*, отождествляя последний с тунгусо-маньчжурским *bi-*, монгольским *büi-* и с тунгусо-маньчжурскими глагольными окончаниями *-bi*, *-b*, *-wi*, *-w*, но также и с тюркским *bir* 'один' (?).

Недостаточно надежным представляется нам отождествление кор. *il-da* < **ir-da* 'происходить' с тюркским *är-~ä-~e-~i-* 'быть'.[33]

Более убедительными представляются соответствия из японского, предложенные Н. А. Сыромятниковым: *or-u* <*wor-u* 'быть'. (Последняя форма засвидетельствована орфографией, действовавшей до 1964 г., еще в XVIII в. произносилось *woru*). Форма *wi-r-u* 'быть' (>*i-r-u*) засвидетельствована исторической орфографией. (Начальный губной *w* произносился в XII—XIII в.) Корень *wi-* ('быть') в древнеяпонском имел форму *u-* < *wu-* (чередование *i/u*). Отмечена также и форма *ar-u* 'быть', 'иметься', 'находиться'. Древнеяпонские слова, как правило, не могли начинаться на звонкий согласный *b-*. Не исключена поэтому возможность, что праалтайское *b-*, реконструируемое, например, в архетипе **бар-~бэр-* или засвидетельствованное в тюркских *бар~вар~пур*, могло в древнеяпонском быть уже утраченным. (Не исключено, конечно, что и в праалтайском *b-~w-/p-~φ-* фонологически не противопоставлялись, выступая вариантами одной губно-губной фонемы).

Нам представляется, что приведенные японские формы подкрепляют предложенные выше реконструкции и проливают свет на проблему исторического (этимологического) отождествления тюркских *эр-~ир-* и *бар~вар~пур*.

Основы *бол-~бол(и)-~ол-~бо-~о-* 'стать' > 'быть' в корейском не обнаружено. Соответствующая по значению глагольная основа *toi-*, *twa-* 'стать' < **togi-* или **tobi* (?) < **tog* < **tog-i-* более убедительно сопоставляется Г. Рамстедтом с тюркским *tuγ-~tū-* 'рождаться'.[34] Нужно признать ошибочным отождествление кор. *o-da* (:*wa:on*) 'приходить' с тунгусо-маньчжурским *ō-~o-da-* 'стать', а также с монгольским **o-* (в калмыкском *ošte* 'подходящий', 'соответствующий') или с тюркским *u-* 'мочь'.[35]

Более достоверные следы алтайской основы глагола 'быть' (*bi-* *бö-*, *ā-*, *är-* < *bar-*) можно обнаружить в некоторых составных или суффиксальных формах корейского имени и глагола. Ср. окончание деепричастия *-a~-e*: *-a~-e+itta* > *atta*, *-a+iss+itta* > *-asetta* — окончание прошедшего времени индикатива; *-e* < *-e+i* (от *i-ra~ra*) — настоящее время индикатива. Ср. также глагольные имена на *-m* и на *-i*, индикативные формы на *-mu*, *-me* < *-mai*, окончания деепричастия на *-mé* и некоторые другие.[36]

---

[33] Ramstedt G. J. Studies in Korean Etymology, p. 69.
[34] Там же, с. 271.
[35] Там же, с. 74.
[36] Рамстедт Г. Грамматика корейского языка. М., 1951.

Проведенный анализ позволяет лексемы, имеющие в засвидетельствованных алтайских языках значения «быть» и «стать», равно как и различные их дериваты — служебные глаголы, модальные слова-частицы, а также целый ряд образовавшихся от них глагольных и некоторых именных суффиксов, признать во всех рассмотренных алтайских языках, в том числе в значительной мере в корейском, а отчасти в японском, во многом общими и материально, и структурно, а в плане историческом — отождествленными, восходящими к общеалтайским архетипам **ба-ра~бэ-рэ* ('быть'), **бол-~бо-ла* (?) ('стать').

Какими были исходные лексические значения этих слов в праалтайском, определить трудно. Это — особая задача сравнительно-исторической лексикологии и семасиологии. Для нас сейчас существенно иное: не являются ли приведенный материал и некоторые результаты его сравнительно-исторического изучения еще одним веским свидетельством в пользу теории генетической общности (иначе родства) алтайских языков? Принадлежащие некоторым антиалтаистам утверждения об отсутствии во всех группах алтайских языков какой-либо материальной общности в области служебных глаголов-связок (как и в области числительных и в некоторых иных группах слов из так называемого основного словарного фонда) служат иногда одним из решающих доводов против алтаистики как отрасли сравнительно-исторического языкознания, доводом против какого бы то ни было родства алтайских языков, даже самого отдаленного.

С антиалтаистами, малоискушенными в компаративистике, спорить, конечно, трудно, да и, по-видимому, бесполезно. Но на одно возражение компаративиста — автора сравнительной грамматики монгольских языков — Г. Д. Санжеева хотелось бы здесь обратить внимание.

Заканчивая свою книгу, посвященную сравнительному изучению монгольского глагола, он писал: «При историческом рассмотрении именно глагольных форм, наличных в монгольских языках, гипотеза исконного родства последних с тюркскими и тунгусо-маньчжурскими языками становится весьма сомнительной и маловероятной».[37] Думается, что «исторические рассмотрения» тоже могут быть различными, основанными на разном по объему языковом материале, на разных приемах или методах исследования.

Наш опыт сравнительно-исторического изучения морфологической структуры и системы форм глагольного слова в тунгусо-маньчжурских языках (с привлечением некоторых данных из тюркских и монгольских языков), а также результаты специального изучения двух глагольных слов и их многочисленных дериватов в алтайских языках, изложенные здесь, ни в какой мере не подтверждают упомянутых сомнений Г. Д. Санжеева.

---

[37] Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика. . ., с. 261.

У некоторых антиалтаистов (это не относится к Г. Д. Санжееву) появился в резерве еще один довод против алтайской теории: то, что в алтайских языках оказывается в плане историческом действительно общим, может выходить далеко за пределы алтайской языковой общности, оказываясь достоянием и некоторых других евразийских языков, их разных генеалогических подразделений.

Известно, что компаративисты — сторонники ностратической гипотезы в ряду других языковых семей уделяют значительное внимание и алтайской семье языков, отдаленное родство между группами которых для них несомненно. Опубликованные исследования, особенно цитированные выше «Материалы к сравнительному словарю ностратических языков» и недавно изданный «Опыт сравнения ностратических языков» (1971) В. М. Илличá-Свитыча, содержат много важного и интересного для алтаистов, хотя некоторые из приведенных в этих работах алтайских архетипов вызывают сомнения и нуждаются, как кажется, в существенных поправках.

В частности, это относится и к алтайским глагольным словам со значениями «быть» и «стать». Не повторяя того, что было сказано об архетипе **ō-* 'стать', хотелось бы заметить, что предложенная В. М. Илличем—Свитычем ностратическая праформа 'быть' *woγlʌ* (с привлечением алт. **bōl-(ōl-)* относится прежде всего к глагольному слову со значением «стать», хотя в поздние периоды истории алтайских языков и в современных монгольских и тюркских языках «стать» и «быть» нередко, как указано выше, конвергируются. Включение сюда же уральской праформы **wole-* 'быть' более правомерно, но, может быть, ее следует объединить под ностратическим «быть [2]», где алтайского нет вообще, а уральские представлены архетипом **le-* 'быть', 'стать'.

Кое-что в этих ностратических реконструкциях между алтайскими и уральскими языками оказывается сходным или общим, но прауральское **eśʌ-/aśʌ-* 'жить', 'пребывать' (ностратическое «быть [3]») значительно отдаляет в этом отношении уральский праязык от алтайского, для которого привлекается только монгольская праформа **bui-*, предложенная Г. Рамстедтом и Н. Н. Поппе (ностратическое «быть [4]»).

Очень древние генетические связи между алтайскими и уральскими языками, разумеется, не исключены, но по материалам, использованным в указанных работах, глагольные основы «быть» и «стать», равно как и их архетипы, существенно различны. А это скорее аргумент в пользу теории родства алтайских языков, как и в пользу родства уральских, но взятых раздельно. Уровень общеностратических реконструкций для современной алтаистики не может быть признан актуальным.

В. И. ЦИНЦИУС, Н. И. ЛЕТЯГИНА

К ИСТОРИИ ФОРМ МНОЖЕСТВЕННОСТИ В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ

В сфере достаточно емкой категории множества самыми рельефными, наиболее привычными и отчетливо воспринимаемыми являются те случаи, где эта категория проявляется в виде грамматических форм множественного числа имени. Восприятие грамматического множественного числа обычно облегчено наглядной оппозицией формам единственного числа, которые несут к тому же номинативную функцию, т. е. служат наименованием предметов.

Подобно многим другим языкам языки алтайской общности — тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские и корейский — располагают формальными средствами для выражения множественного числа имен, в частности имен существительных и соотносительных с ними местоимений.

Сведения о формах множественного числа и соответствующих показателях — суффиксах приводятся в каждой грамматике, в каждом грамматическом очерке любого из алтайских языков.[1]

Вместе с тем отдельные формы множественного числа уже давно стали привлекать и до сих пор привлекают специальное внимание исследователей тех или иных алтайских языков. Наибольшее число работ, в которых ставятся вопросы о выражении множественности, посвящено ряду монгольских [2] и тюркских [3] языков;

---

[1] См., например, сборники: Языки народов СССР. Т. II. Тюркские языки. М., 1966; Т. V. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Л., 1968.

[2] Библиографические данные приводим в хронологическом порядке: Ramstedt G. J. 1) Über mongolische Pronomina. — JSFOu, 1904, N 3; 2) Über die Zahlwörter der altaischen Sprachen. — JSFOu, 1907, № 24; Владимирцов Б. Я. Об одном окончании множественного числа в монгольском языке. — ДАН, Сер. Б, 1926; Козин С. А. К вопросу о показателях множественности в монгольском. — Учен. зап. ЛГУ, № 69, сер. Филолог. наук, вып. 10, Л., 1946, с. 120—135; Алексеев Д. А. О некоторых показателях множественности в бурят-монгольском языке. — Сб. трудов по филологии. Вып. 1. Улан-Удэ, 1948, с. 121—135; Daschzeden T. Über drei Plüralsuffixe der modernen mongolischen Sprache. — Altaistica, 1969, Jhrg. XVIII, H. 3, S. 475—480.

[3] Kowalski T. Zur semantischen Funktion des Plural suffixes *-lar*,

из тунгусо-маньчжурских особое внимание уделено маньчжурскому.[4]

Соответствующий материал анализировался также и в сравнительном плане в пределах каждой из языковых групп — тунгусо-маньчжурской,[5] монгольской [6] и тюркской.[7]

Наконец, может быть назван ряд работ, в которых суффиксы множественного числа рассматриваются с общеалтаистических позиций, причем предварительные суммарные выводы как будто бы свидетельствуют в пользу общности большинства формативов.[8]

Мы поставили перед собой задачу попытаться проникнуть в историю возникновения и становления грамматического множественного числа имен алтайских языков. Для этого, как нам представляется, необходимо выйти за рамки фономорфологических

---

lär in den Türksprachen. Krakow, 1936; Никифоров Г. А. 1) О значениях аффикса *-лар* в якутском языке. — Тюркологический сборник. Т. 1. М.—Л., 1951, с. 136—142; 2) Категория множественности в якутском языке. Автореф. канд. дисс., М., 1952; 3) Об аффиксе множественного числа *-т*. — Труды ИЯЛИ, Якутск. фил., 1963, вып. 4 (9), Якутск, с. 89—92; Андреев Н. А. Аффиксы чувашского языка. Категории множественности и аффиксы множественности в чувашском языке. — Записки НИИЯЛИ при Совмине Чувашской АССР, 1952, т. VI, с. 136—142; Патачакова Д. Ф. Способы выражения категории множественности в качинском диалекте хакасского языка. — Учен. зап. хакасского НИИЯЛИ, т. 10, Сер. филолог., Абакан, 1964; Данияров А. Д. Категория множественности в современном казахском языке. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1965; Летягина Н. И. 1) Выражение количественных отношений в тувинском языке.— Учен. зап. тувинского НИИЯЛИ, 1968, вып. XIII, с. 249—259; 2) Выражение количественных отношений в сфере тувинского глагола. — Учен. зап. тувинского НИИЯЛИ, 1970, вып. XIV, с. 189—195.

[4] Doerfer G. Der Numerus im Mandschu. Wiesbaden, 1962.

[5] Цинциус В. И. 1) Множественное число имени в тунгусо-маньчжурских языках. — Учен. зап. ЛГУ, сер. филолог. наук, 1946, вып. 10, с. 73—119; 2) Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков, 1949; 3) Конечные плавные в тунгусо-маньчжурских языках. — В сб. памяти академика Л. В. Щербы, Л., 1951; Benzing J. Die tungusische Sprachen. Versuch einer vergleichende Grammatik. Wiesbaden, 1956.

[6] Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. М., 1953; Poppe N. Introduction to Mongolian Comparative Studies. — MSFOu, 1955, v. 110.

[7] Дмитриев Н. К. Категория числа. — ИСГТЯ, 1956, вып. II, с. 65—71; Pritsak. Tschuwaschische Pluralsuffixe. Studia Altaica, 1957, с. 137—155; Menges K. H. The Turkic Languages and Peoples. Wiesbaden, 1968, S. 111—119; Щербак А. М. Формы числа у имен в тюркских языках. — ВЯ, 1970, № 3, с. 87—99.

[8] Poppe N. Plural Suffixes in the Altaic Languages. — UAJb, 1952, v. XXIV, N 3—4, S. 65—83; Aalto P. Altaistica. II. The suffixes *-lar*, *-nar*, *-lär*. — SO, 1952, v. XVII, N 7; Sinor D. On some Ural-Altaic Plural Suffixes. — Asia Major, N. S., 1951, vol. II, Pt. 2, p. 203—230; Кононов А. Н. Показатели собирательности-множественности в тюркских языках. Л., 1969; Vietze H.-P. Plural, Dual und Nominalklassen in altaischen Sprachen. — «Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin», Gesellschafts und sprachwissenschaftliche Reihe, 1969, Bd. XVIII, N 3, S. 481—512.

сопоставлений формальных показателей и привлечь дополнительно лексико-семантические данные.

Прежде всего нужно обратить внимание на следующее обстоятельство. В отношении алтайских языков постоянно отмечается, что форма единственного числа имени одновременно может употребляться и в значении множественного, в частности, если нет необходимости говорить о множестве каких-либо определенных предметов.[9]

Следовательно, формальная недифференцированность в числовом отношении свидетельствует не об отсутствии возможности различения «один—много», а лишь о том, что в данной речевой ситуации нет потребности выделять единичное или подчеркивать количественный аспект в связи с предметами, о которых идет речь. Таким образом, грамматическая категория множественного числа имени в алтайских языках может быть маркированной и немаркированной.

Маркированная, т. е. оформленная специальным аффиксом, форма множественного числа как бы индивидуализирует группу каких-либо предметов, выделяя их из общей массы носящих с ними одно наименование и в обобщенном восприятии нивелированных.

Далее необходимо подчеркнуть, что с точки зрения категории множества в целом к грамматическому множественному числу прежде всего тяготеют имена разнообразной совокупно-собирательной семантики, находящей в алтайских языках свое выражение как в особых аффиксальных, так и в других формах.

Отличие имен совокупно-собирательных от имен в формах множественного числа состоит в том, что если последние подключены к уровню грамматического формообразования, то первые относятся к лексическому уровню и их морфологический облик анализируется в словообразовательном плане. Тем не менее в рамках категории множества и, как мы постараемся показать ниже, в генетическом отношении формы множественного числа имен и лексемы совокупно-собирательной семантики тесно связаны одни с другими, и поэтому их необходимо рассматривать параллельно.

Включение форм, выражающих грамматическое множественное число имени, в общую сферу категории множественности позволяет исследователю алтайских языков, для формообразования и словоизменения которых характерна постфиксальная агглютинация, выйти из-под ее гипнотического влияния, поскольку в словообразовании наряду с аффиксацией широко представлен

---

[9] См., например, одну из последних работ, затрагивающих данную проблему: Иванов С. Н. Родословное древо тюрок Абу-л Гази-хана. Грамматический очерк. (Имя и Глагол. Грамматические категории). Ташкент, 1969, с. 31—48.

способ, который называют синтаксико-морфологическим [10] или синтаксическим,[11] или лексическим.[12]

Как известно, при аффиксальном формообразовании и словопроизводстве изменение грамматического значения слова или образование новой лексической единицы достигается путем присоединения к основе формального элемента — суффикса.

Указанному приему противополагается способ образования новых слов или форм на базе сочетания и сложения отдельных слов (~основ) или их корневых элементов. Иными словами, роль морфологического процесса аффиксации как бы берет на себя лексическая композиция, т. е. отдельному слову или словоформе функционально соответствует лексический комплекс. Таким образом, к способу лексической композиции мы относим редупликацию, словосложение, лексикализацию словосочетаний, лексические сращения, а также аналитические конструкции и формы.

Редупликация,[13] т. е. повтор или удвоение основы (также итератив, амредита), в языках алтайской группы используется не только как способ формообразования, но и как способ словопроизводства. Удвоению подвержены все разряды знаменательных слов (существительные, прилагательные, числительные, местоимения, собственно глаголы, причастия, деепричастия, наречия, изобразительные слова) и междометия, а также служебные слова (послелоги) и некоторые аффиксы. В каждом из лексико-грамматических разрядов повтор слов несет различную нагрузку, служит для выражения особых значений (интенсивности, многократности, разделительного множества, совокупности). Но, как нам представляется, в целом значения, вытекающие из факта редупликации, так или иначе связаны с категорией множественности.

Обратимся к анализу значений, которые придает редупликация в отдельных лексико-грамматических разрядах языков алтайской группы.

Удвоение основы имен существительных наблюдается в языках всех подгрупп — тунгусо-маньчжурской, монгольской, тюркской и корейском.

В маньчжурском языке повтор существительного выражает представление о раздельном множестве предметов, т. е. близок по функции аффиксальным формам грамматического множествен-

---

[10] См., например: К о н о н о в А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. Л., 1956, с. 101, 124.

[11] См., например: Б а с к а к о в Н. А. Каракалпакский язык. Т. II. Ч. 1. М., 1952, с. 184.

[12] См., например: О с и п о в Ю. М. Вопросы словообразования в современном тайском языке. М., 1969, с. 46.

[13] Прием удвоения основы может рассматриваться как частный случай основосложения (словосложения), см., например: П а н ф и л о в В. З. Грамматика нивхского языка. Ч. 1. Л., 1962, с. 75. — В связи с теми особенностями, которые свойственны редупликации в алтайских языках, мы выделяем ее как особую разновидность лексических комплексов.

ного числа, например: *ǯалан* ‘поколение’, ‘век’ — *ǯалан ǯалан* ‘поколения’, ‘века’,[14] *мудан* ‘раз’ — *мудан мудан* ‘всякий раз’ (досл. ‘раз-раз’). Но между аффиксальными формами множественного числа и удвоенными основами наблюдаются существенные различия в возможностях употребления.

Аффиксальные формы множественного числа в маньчжурском языке (показатели *-са, -сэ, -со; -си; -та-, тэ-; -ри*) образуют лишь наименования, относящиеся к человеку, например: *манǯу* ‘маньчжур’ — *манǯу-са* ‘маньчжуры’; *ǯуй* ‘сын’, ‘ребенок’ — *ǯу-сэ* ‘сыновья’, ‘дети’; *солҳо* ‘кореец’ — *солҳо-со* ‘корейцы’; *ҳаҳа* ‘мужчина’ — *ҳаҳа-си* ‘мужчины’; *ама* ‘отец’ — *ама-та* ‘отцы’; *эмэ* ‘мать’ — *эмэ-тэ* ‘матери’; *мафа* ‘дед’ — *мафа-ри* ‘деды’; *мама* ‘бабка’ — *мама-ри* ‘бабки’.[15] Лексические же комплексы, в том числе повторы, служат для указания на множественность не только имени лица, но и других имен существительных, например: *ǯуй ǯуй омоло омоло валинараҳу алҳуда* ‘от сына к сыну, от внука к внуку не отвергается, но берется в пример’; *ба ба хэчэн хэчэн васимбу* ‘отгоняйте от границ, от крепостных стен’.[16] Удвоению основ в маньчжурском языке обычно сопутствует оформление каким-либо падежным показателем; чаще всего это родительный падеж (суфф. *-и*∼*-й, -ни*), но встречаются и остальные падежи — дательно-творительный (суфф. *-дэ*), исходный (суфф. *-чи*) и винительный (суфф. *-бэ*). В предложении удвоенные именные основы обычно несут либо атрибутивную, либо адвербиальную функцию, например: *ǯэрги ǯэрги ҳафаса* ‘разных степеней чины’; *ҳачин ҳачин и гурун. . . ба ба и гурун* ‘различные государства’ (разного рода государства). . . ‘государства, находящиеся в различных местах’; . . . *ҕоло ҕоло и ҕашан ҕашан дэ гэму байча* ‘разыскивайте в каждом селении всех губерний’. Адвербиальная функция настолько характерна для редуплицированных основ, что наиболее типичные из них включены в словарь с переводом (на русский язык) в виде наречно-обстоятельственных оборотов, ср.: *фалҳа* ‘куст’, ‘купа’, ‘группа’ — *фалҳа фалҳа* ‘кустами’, ‘купами’ (*фалҳа фалҳа и банǯи-* ‘расти купами, кустами’); *фарси* ‘кусок’ — *фарси фарси* ‘кусками’; *ба* ‘место’ — *ба ба, ба ба и* ‘из разных мест’, *ба бадэ* ‘во всех местах, всюду’; *ǯугун* ‘дорога’ — *ǯугун ǯугун и бурула-* ‘разбежаться по разным дорогам, рассеяться во все стороны’ и т. д.[17]

Сходная с маньчжурской картина употребления удвоенных сочетаний существительных наблюдается в нанайском языке,[18]

---

[14] Захаров И. Грамматика маньчжурского языка. СПб., 1879, с. 124.

[15] Там же, с. 120—123.

[16] Приводимые фразеологические примеры заимствованы из упомянутой выше работы Дёрфера, с. 236—237.

[17] Захаров И. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875.

[18] См.: Петрова Т. И. Удвоенные и парные сочетания в нанайском языке. — В кн.: В помощь учителю школ Крайнего Севера. Л., 1957, вып. 7, с. 134—150.

что отчетливо видно из серии соответствующих примеров, приводимых как в виде изолированных лексических комплексов, так и в составе предложений:

долбо 'ночь' — *долбо-долбо* 'ночами', 'по ночам'; *Тэй пшеницава уй-ну долбо-долбо сиалохани* 'Кто-то начал по ночам ту пшеницу есть';

эри(н) 'время' — *эри(н-)-эринду* 'временами', 'время от времени'; . . . *пэрхиӡиэлэ-рэгдэ эри(н)-эринду тамн'аку воздух дэӈгэр тахани* '. . .только на западе по временам дрожал туманный воздух';

айӈгани 'год' — *айӈгани-айӈганиӡиани* 'годами', 'из года в год'; *ми, айӈгани-айӈганиӡиани халачими, этэхими, сику(н) сортава урӡучии* 'я, годами ожидая и оберегая, выращиваю новые сорта'.

При этом обстоятельства времени выражены повторами либо в форме именительного падежа (*долбо-долбо* 'ночами'), либо дательного (*эрин-эрин-ду* 'временами', суфф. *-ду*), либо творительного (*айӈгани-айӈгани-ӡиа-ни* 'годами', суфф. *-ӡиа*+суфф. притяж. 3 л. ед. ч. *-ни*).

У редуплицированных основ со значением места отмечены формы винительного, дательного и местного падежей, например: *боа* 'место' — *боа-боава* 'разные места' (вин. п., суфф. *-ва*), *боа-боаду* (дат. п., суфф. *-ду*), *боа-боала* (местн. п., суфф. *-ла*) 'в разных местах', 'всюду'.

Приведем фразеологические примеры:

Ми боа-боава сарии 'Я разные места знаю'. *Боа-боадоани нэбдэлиэ даи тэвэксэсэл очоха(н)* 'Всюду нависли огромные тучи'. *Майка(н) боа-боала бояку* 'Палатка во многих местах дырявая'.

В роли обстоятельства образа действия второй компонент удвоенного сочетания в нанайском языке чаще всего встречается в форме творительного падежа (суфф. *-ӡи, -ӡиа-, -ӡиэ-*), например:

Нучикэнӡуэ(н) тулиэлэ хопан-хопанӡиари энэхэчи 'Дети по улице шли группами'. *Енакиевӡи Ахунбаевӡи ууйрэ-ууйрэӡиэри гэсэ сорихачи* 'Енакиев и Ахунбаев сражались вместе плечом к плечу'. *Н'оанчи симатаӡи ӡиа-ӡиавари наӈгачимари хупичи* 'Они играют, забрасывая друг друга снегом'.

Второй компонент может принимать форму множественного числа ср.: *ӡиа-ӡиасилӡиари чакчакачичи.* '(Они) наскакивали друг на друга'.

В зависимости от смысловых оттенков обстоятельство образа действия, выраженное редуплицированной формой существительного, может принимать также форму винительного, дательного или направительного падежей: *Хэм найсал хэмту найсалду, ӡиа-ӡиадоари, мэнэ Родинадоари ӡобойчи* 'Все люди трудятся для всех людей, друг для друга, для Родины'. *Олокиана гусисэл ӡиаӡиачиари хукчухэчи* 'Вдруг орлы напали друг на друга'.

Помимо падежных суффиксов, все приведенные выше примеры удвоенных существительных оформлены безлично-притяжатель-

ным (возвратным) показателем множественного числа *-вари, -вэри, -ри.*

Полный повтор основы существительных в тюркских языках несет нагрузку, весьма сходную с той, которая свойственна редупликации этой группы имен в тунгусо-маньчжурских языках: удвоенные существительные в предложении, например, в турецком языке обычно играют роль обстоятельств и поэтому рассматриваются как наречия, образованные путем повтора, ср.: «Чтобы ответить на вопрос, к какой части речи следует отнести удвоенные имена существительные, необходимо учесть, что при отнесении того или иного слова к определенной части речи необходимо считаться с его морфологическими, синтаксическими и семантическими признаками. Поскольку удвоение есть признак морфологический, поскольку удвоение отражается на семантике и поскольку удвоенные существительные синтаксически используются главным образом в качестве обстоятельственной характеристики действия, то, следовательно, удвоенные имена существительные должны быть отнесены к наречиям. В зависимости от своего лексического значения удвоенные имена существительные образуют следующие разряды наречий: качественно-обстоятельственные, времени, места».[19] Приведем соответствующие лексические и фразеологические примеры: [20]

yudum yudum 'глотками' — *suyu . . .yudum yudum içti* 'выпил . . . воду глоток за глотком'; *avaz avaz haykırıyordu* — 'кричал во весь голос'; *vakit vakit, zaman zaman, ara ara* '— 'время от времени', 'изредка', 'иногда' — *vakit vakit ince bir yağmur yağıyordu* 'время от времени шел мелкий дождь'; *Anadoluyu kasaba kasaba, vilâyet vilâyet dolaşmıştı* 'Он обошел Анатолию городок за городком, вилайет за вилайетом'. *Sokak sokak, yapı yapı, adım adım Romada Romayı aradım* 'Улица за улицей, дом за домом, шаг за шагом в Риме Рим искал я!'

Помимо удвоения основы существительных, для турецких наречий такого типа отмечается оформление различными аффиксами,[21] например:

аффиксом дательного падежа (*-a, -e*): *başbaşa* 'с глазу на глаз', 'наедине'; *yanyana* 'бок о бок', 'рядом'; *kolkola* 'рука об руку'; *ardarda, üstüste* 'один за другим'; *başabaş* 'как раз'; *daradar, zorazor* 'с трудом'; *hıncahınç* 'битком';

аффиксом исходного падежа (*-dan, -den*) и дательного падежа: *baştan başa* 'с начала до конца', 'из конца в конец'; *günden güne* 'изо дня в день', 'постепенно'; *evden eve* 'из дома в дом';

аффиксом местного падежа: *yerli yerinde* '(каждый) на своем месте';

аффиксом принадлежности 3 л. и аффиксом *-li*: *başli başina* 'независимо', 'отдельно'; *boylu boyuna* 'во весь рост'.

---

[19] Кононов А. Н. Грамматика. . ., с. 301, § 640.
[20] Примеры заимствованы из указанной работы, § 641—643.
[21] Кононов А. Н. Грамматика. . ., § 646, 648.

Вместе с тем, как и в отношении маньчжурского языка, для тюркских языков полный повтор основы существительных служит средством выражения идеи множества предметов, ср. следующее высказывание: «Что же касается удвоения существительного, то здесь мы имеем своего рода приближение к категории множественного числа: *уьюр-уьюр* ‘куча-куча’ или ‘группа-группа’ = ‘кучи’ или ‘кучами’, ‘группы’ или ‘группами (в разных местах)’».[22]

Судя по имеющимся материалам, в кумыкском языке удвоенные существительные могут выступать не только в роли обстоятельств, но также определений и сказуемого, ср.: *жут-жут* ‘парами’ (дословно ‘пара-пара’); *сирив-сирив* ‘стадами’; *табун-табун турналар* ‘стаи-стаи’ (‘целые стаи журавлей’ или ‘журавли стаями’); *къат-къат тонлу* ‘в халате из нескольких рядов’ (слоев — *къат*); *къашларынгъ къалам-къалам* ‘твои брови — ряд каламов (тростниковых перьев)’ или ‘твои брови — калам на каламе (т. е. черны как калам)’.[23]

Впрочем, в турецком языке также «отдельные удвоенные наречия в зависимости от своего значения могут сочетаться с именами существительными, напр.: *sıra* ‘ряд’, ‘линия’: *sıra sıra otomobiller* ‘ряды автомобилей’ («автомобили в ряд»).[24]

При анализе субстантивных форм существительных каракалпакского языка отмечается, что «парно-повторные усилительные слова имеют семантику множественности, напр.:

тёбе-тёбе ‘горы, холмы’,

ойын-ойын ‘игры, игрушки’».[25]

При этом повтор рассматривается и как атрибутивно-обстоятельственная форма каракалпакских имен существительных, о чем можно судить на основании примеров типа *кюнде-кюнде*, *кюннен-кюнде* ‘день за днем’, *вакътын-вакътын* ‘время от времени’, *орынлы-орнына* (*отыргъыз-*) ‘(рассаживать) по местам’.[26]

Примеры удвоения существительных, аналогичные приведенным выше турецким, кумыкским или каракалпакским, могут быть прослежены и по материалам других тюркских языков, ср.:

тув. *кезек-кезээ-биле* ‘по частям’, *белүк-белүк* ‘группами’;

чув. *машарран-машарран* ‘попарно’, *вахаче-вахачепе*, *вахатран вахата* ‘временами’;

башк. *вакыт-вакыт* ‘временами’;

туркм. *баша-баш* ‘один на один’, ‘баш на баш’: *баша-баш гөреш* ‘поединок’, *баша-баш чалышмак* ‘обмениваться баш на баш’, *башлы-башына* ‘разрозненно’: *хер ким башлы-башына* ‘каждый сам по себе’.

---

[22] Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка. Л., 1940, с. 46.

[23] Примеры по работе: Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка, с. 47.

[24] См.: Кононов А. Н. Грамматика. . ., прим. на с. 301.

[25] Баскаков Н. А. Каракалпакский язык, II, ч. I, с. 185.

[26] Там же, с. 203.

Анализ материалов, связанных с редупликацией существительных в монгольском языках, позволяет прийти к выводам, аналогичным тем, которые вытекают из рассмотрения данных по тунгусо-маньчжурским и тюркским языкам.

Так, например, в грамматике бурятского языка специально выделяется способ образования наречий образа действия путем полного повтора, «которые характеризуют действия как бы более длительные, хотя и продолжающие совершаться прерывисто».[27] В числе примеров таких наречий наряду с удвоенными прилагательными приводятся и редуплицированные основы существительных: *балга балгаар ууха* 'пить глотками' (*балга* 'глоток'). Ср. также: *уе уе* 'время от времени', 'временами' (*уе* 'сустав', 'звено', 'слой', 'период'); *хирэ хирэ* 'то и дело', 'частенько', 'временами' (*хирэ* 'размер', 'мера', 'время', 'пора'); *бүлэг бүлэг* 'группы, кучки', *бүлэг бүлэгээр* 'группами', 'кучками', 'кустами' (*бүлэг* 'раздел, группа, кучка').

Не менее выразительно удвоение существительных, которое широко используется в современном монгольском языке:

Залуучууд, энэ бүхнийг ажиж, тал-тал тийшээ сурхий харцгаав 'Молодые люди, (внимательно) наблюдая все это, серьезно смотрели по сторонам' (*тал* 'поле', 'степь', 'сторона', 'место'; ср. *тал талаас* 'со всех сторон'). . . *машин машиндаа суух цаг боллоо* . . . 'настало время садиться по машинам'. *Залуучууд машин машинааса буух, ахлагч нарын зааснаар, бөөн бөөн дүүхэн зогсцогооож байлаа* 'Молодые люди сошли с машин (и) по указанию старшего остановились группами' (*бөөн* 'куча', 'комок', 'рой', 'гурьба'; *бөөн бөөн* 'кучами', 'гурьбой'). *Эрдэний сангийн аж ахуйд ирсэн залуус бригад бригадаараа салж* 'Молодежь, приехавшая в госхоз «Эрдэнэ», распределилась по своим бригадам'.

Могут быть отмечены также случаи удвоения основ существительных в роли определений: *Улс улсын хил хязгаар хэвээр байх болно* 'Границы государств останутся в прежних рамках' (*улс улс* 'государство, народ').

Что касается корейского языка, то удвоение основы существительных в нем является одним из двух средств выражения множественного числа: «этим способом выражается множественное число разделительное; под этим понимается такое множество, в котором сохраняется указание на отдельные экземпляры предметов, составляющие это множество: *сарам-сарам* 'каждый человек', 'люди', *чип-чип* 'каждый дом', 'дома'».[28] Ср. также форму наречного типа с суффиксом *-ро* (исторически — суффикс творительного падежа): *ттэ-ттэро* 'время от времени', 'неоднократно', 'изредка' (*ттэ* 'время', 'период', 'срок').

---

[27] Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М., 1962, с. 294.

[28] Холодович А. А. Очерк грамматики корейского языка. М., 1954, с. 52.

В связи с рассмотрением проблемы удвоения имен существительных в алтайских языках интересно сопоставить данные, которые предоставляет в наше распоряжение грамматика нивхского языка, где отмечается, что «наряду с суффиксальным способом, хотя и значительно реже, для выражения множественности используется также прием удвоения основы существительных. . . в противоположность суффиксальному способу выражения множественности удвоение основ существительных используется только для выражения дистрибутивного типа множества и притом в таких случаях, когда подчеркивается подразделенность того или другого множества на отдельные его члены в пространственном или временном отношении, т. е. когда сообщается не столько о факте существования данной совокупности предметов, сколько о тех единичных предметах, которые ее образуют, например: *Н'ытык н'ивγ-н'ивх к'рыγрыд'* 'Мой отец работал на людей' (имеется в виду: сначала на одного, затем на другого и т. д.); *Н'ытык н'ивγ-гу к'рыγрыд'* 'Мой отец работал на людей' (имеется в виду — одновременно на несколько человек)».[29] Удвоение основы существительного в нивхском языке может придавать и другие оттенки значения, в частности значение 'каждый', ср.: *Иф урк-урк чо ӷыӈд'* 'Он каждую ночь ловит рыбу'. *Иф ан'-ан' п'рыфрыд'* 'Он приезжает каждый год'. С присоединением усилительной частицы *ты~ды~ры* (*ти~ди~ри*) выражается идея выделительности: *Пайан-байан-ды н'заиныд'* 'Даже Пайан меня хочет бить' (с оттенком пренебрежения); *Мэн'-мэн'-ды q'ауд'* 'Даже рулевого весла нет'.[30]

Повтор основы является едва ли не наиболее простым и прозрачным видом передачи идеи множественности.[31] При этом редупликация основ существительных в языках алтайской общности, по-видимому, особенно типична при условиях, способствующих их адвербиализации, т. е. при выполнении ими функции обстоятельств. Наряду с приемом удвоения в алтайских языках имеются аффиксальные формы множественного числа. Интересно, что эти два различных способа выражения множественности внутренне взаимосвязаны, о чем свидетельствуют факты их параллельного употребления, ср.:

ма. *ǯэрги ǯэрги ҳафа-са* 'разных степеней чины' (*-са* — суфф. мн. ч.);

тур. *sıra sıra otomobil-ler* 'ряды автомобилей';

кумык. *табун-табун турна-лар* 'стаи журавлей';

---

[29] Панфилов В. З. Грамматика нивхского языка, ч. 1, с. 96.

[30] Там же, прим. на с. 97.

[31] См., например: Рифтин А. П. Из истории множественного числа.— Уч. зап. ЛГУ, сер. филолог. наук, вып. 10, 1946, с. 37—53. — К высказанной в указанной работе точке зрения, что наиболее ранним средством выражения множественного числа можно считать удвоение, присоединяются многие исследователи; ср., например: Панфилов В. З. Типология грамматической категории числа и некоторые вопросы ее исторического развития. — ВЯ, 1976, № 4, с. 38.

тув. *чеже-чеже көшке хорум-нар, шыргай өзен-нер, хая-лар аразындан шуурап баткан суг-лар ол кадайны моондактаваан* 'Сколько обвалов камней, густых ложбин и вод, которые низвергались среди скал, преграждали путь старухе' (*-лар, -лер, -нар, -нер* — суфф. мн. ч.).

Соотнесенность формы множественности, выражаемой путем удвоения основы, с аффиксальной формой множественного числа наблюдается и в нивхском языке: «Причастие изменяется по числам, однако его множественное число образуется не путем присоединения суффикса множественного числа *-ку*~*-гу*~*-гу*~*-ху*. . ., а путем удвоения основы глагола».[32] При этом причастие, выполняя роль определения, ставится во множественном числе «в порядке согласования с определяемым»,[33] ср. примеры: *Туин т'осq -зосq-му-гу hумд'-гу* 'Здесь находятся сломанные лодки'. *Н'ындох п'ры-фры-н'ивг-гу озд'-гу* 'К нам пришедшие люди встали', и т. д.

Но особенно рельефно выступают черты общности обеих форм, поскольку они выражают идею множественности (наряду с отличиями в оттенках их значений) при анализе разряда дистрибутивных (разделительных, распределительных) числительных.

В некоторых языках тунгусо-маньчжурской, тюркской и монгольской групп имеется по две формы дистрибутивных числительных, одна из которых образуется путем повтора.

Так, в маньчжурском языке разделительные числительные образуются или с помощью аффикса *-та, -тэ, -то*, или, если они употребляются в роли наречий, посредством повторения основы числительного количественного и прибавления аффикса родительного падежа *-и*, например: *ила-та* 'по три' — *илан илан-и* 'по три' (следуя один за другим или в ряд).[34]

Параллельные формы дистрибутивных числительных имеются в большинстве тунгусо-маньчжурских языков. Помимо маньчжурского, они могут быть отмечены для негидальского, удэйского, ульчского,[35] а также для орокского [36] языков. При этом суффиксальные формы образуются при помощи показателя *-тал, -тэл, -та, -тэ*, тогда как редуплицированные могут быть дополнительно оформлены аффиксом *-ǯи*, который характерен для адвербиальных членов предложения со значением обстоятельства образа действия и исторически является аффиксом творительного падежа.

Соотнесенность функций удвоенных и аффиксальных форм в тунгусо-маньчжурских языках подтверждается, кроме того, тем, что в северной подгруппе (эвенкийский и эвенский языки) числительные распределительные образуются только при помощи

---

[32] Панфилов В. З. Грамматика нивхского языка. Ч. 2. Л., 1965, с. 134.

[33] Там же, с. 137.

[34] Захаров И. Грамматика. . ., с. 103—105.

[35] См.: Цинциус В.И. Множественное число имени. . ., с. 99—101.

[36] См.: Петрова Т. И. Язык ороков (ульта). Л., 1967, с. 77.

аффикса *-тал*, *-тэл* (в роли обстоятельства образа действия с прибавлением показателя творительного падежа, т. е. *-тал-ǯи*, *-тэл-ǯи*), а в нанайском — лишь формой удвоения, ср.:

ма. *ила-та — илан-илан и* 'по три';
нег. *йла-тал — йлан-йлан-ǯи* 'по три';
уд. *ила-та — ила-ила* 'по три';
ульч. *йла-та — йланǯи-йланǯи* 'по три';
орок. *йла-тал — йла-йланǯи* 'по три';
эвенк. *ила-тал — ила-тал-ǯи* 'по три';
эвен. *йла-тал — йла-тал-ǯи* 'по три';
нан. *йлā-йлā — (йлā-йлā)* 'по три'.

Нельзя не подчеркнуть, что маньчжурский суффикс множественного числа *-та*, *-тэ*, *-то* и суффикс числительных распределительных *-та*, *-тэ* вряд ли являются случайными омоморфемами. Мы считаем, что их тождество — результат общности происхождения. Что же касается суффикса дистрибутивных числительных в форме *-тал/-тэл*, характерной для тунгусо-маньчжурских языков северной подгруппы, то он является сдвоенным показателем множественности (**-та-л*, **-тэ-л*), т. е. возник как усложнение суффикса *-та*, *-тэ* суффиксом *-л* [37] ср.:

а) Формы множественного числа имени существительного	б) Формы числительных дистрибутивных
ма. *мэйэн мэйэн и* 'по частям', *ама та* 'отцы';	*илан илан и* 'по три', *ила та* 'по три';
эвенк. *ам-тӣл* < **ам-та-ил* 'отцы'.	*илатал* < **ила-та-л* 'по три'.

Параллельные аффиксальные и редуплицированные формы разделительных числительных свойственны также монгольским и тюркским языкам.

Так, уже А. А. Бобровников относительно письменно-монгольского языка указывал, что разделительные числительные образуются не только при помощи суффикса *-γad*, *-ged*, но и другим способом, когда «дважды повторяют числительное количественное».[38]

В бурятском языке распределительные числительные также образуются либо при помощи суффикса *-гаад*, *-гоод*, *-аад*, *-ээд*, *-оод*, *-өөд*, либо путем повторения основы количественного числительного. При этом обе формы могут дополнительно оформляться суффиксом орудного падежа, ср.: *гурбан* 'три' — *гурба-ад*, *гурба-ад-аар* — *гурба-гурба*, *гурба-гурба-ар* 'по три'.[39]

Аналогичная картина наблюдается в монгольском языке, в котором наряду с аффиксальными формами широко употребительны и формы редуплицированных основ числительных, ср.:

---

[37] См.: Цинциус В. И. Множественное число имени. . ., с. 99—100.
[38] Бобровников А. А. Грамматика монгольско-калмыцкого книжного языка. Казань, 1849, с. 75—76.
[39] Грамматика бурятского языка, с. 132—134.

Харин нэг танилынхаа хүүдхүүд тус бүрт нэг-нэг зураг, хоёр-хоёр дэвтэр бэлэглэт өгөх гэсэн юм' 'Но я хотел бы подарить по одной картинке (и) по две тетради каждому ребенку одних знакомых'. *Наад номоо арав арваар нь тавь!* 'Эти свои книжки поставь по десять (штук)!' *Хорь хориороо эгнэж жагсаана* 'Строятся в ряды по двадцать (своих) человек)'. *Энэ төгрөгийг зуу зуугаар нь бооно* 'Эти деньги связывают по сто (штук)'. *Хөдөлмөрчийн цуваа мянга мянгаараа өнгөрч явна* 'Колонны трудящихся проходят тысячами'.

Суффикс разделительных числительных в монгольских языках, возводимый к праформе **-гад, *-гед (*-γad, *-ged) -ād* и т. д., интерпретируется как суффикс формы множественного числа разделительных числительных с широко представленым в монгольских языках суффиксом множественного числа *-д (-d)*.[40] Поскольку в монгольских языках может быть выделен суффикс **-га (*-γa)~-ка (-qa)*,[41] монгольский показатель распределительных числительных *-гад, -гед*, так же как и тунгусо-маньчжурский **-та-л, *-тэ-л*, должен рассматриваться с исторической точки зрения как суффикс сложный (с двумя показателями множественности), т. е. как **-га-д, *-гэ-д (*-γa-d, *-ge-d)*. Интересно, что в среднемонгольском на основании формы числительного *niži'el* < **nižigel* 'по одному' может быть восстановлен суффикс числительных распределительных **-гал, *-гел (*-γal, *-gel)*, т. е. **-га-л, *-ге-л*, где *-л* также является аффиксом множественного числа.[42]

Что касается тюркских языков, то редуплицированные формы числительных дистрибутивных свойственны большинству из них.

Удвоенные формы числительного *bir* 'один' приводятся в древнетюркском словаре: *onar ẹrkä bir bir ẹr anïy bašï urtï* 'для каждых десяти человек он назначил главой по одному человеку'; *birin birin miŋ bolur, tama tama köl bolur* 'один по одному — становится тысяча, капля по капле — будет озеро'.

В турецком языке «при удвоении числительных разделительных значение обстоятельства интенсифицируется:

Her kelimeyi teker teker . . . okudum 'Я читал каждое слово в отдельности'.

. . . esrarin birer birer kendisine çözüldügünü görüyördü '. . . он видел, что тайны одна за одной открываются ему'».[43]

В связи с рассмотрением числительных разделительных башкирского языка указывается, что «эта группа числительных использует идею абстрактных чисел для разбивки предметов по однородным группам», и отмечается, что они характеризуются суффиксами *-ар, -эр, -шар, -шэр*, причем они «часто употребляются в повторном виде . . . *берәр-берәр* (по одному), *унар-унар* (по де-

[40] Poppe N. Introduction to mongolian comparative studies, p. 250.
[41] Vietze H. Plural, Dual und Nominalklassen. . ., S. 486—492.
[42] Poppe N. Introduction to mongolian comparative Studies, p. 250.
[43] См.: Кононов А. Н. Грамматика. . ., с. 422.

сяти)».[44] Кроме того, «подобно разделительным собирательные числительные часто употребляются в повторном виде . . . : *икэу-икэу* (вдвоем), *бишэу—бишэу* (впятером)».[45]

Сходная картина наблюдается в кумыкском языке, где в значении разделительных числительных типа *бир-ер*, *бир-ер-бир-ер* 'по одному' могут употребляться собирательные с аффиксом *-ав*, *-ев* (*бир-ев* 'в одиночку') и с аффиксом *-лап*, *-леп* (*беш-леп* 'примерно впятером').[46]

В каракалпакском языке также наряду с разнообразными аффиксальными формами разделительных числительных отмечаются различные варианты редуплицированных форм, ср.: *бир* 'один' — *бирден*, *бирер*, *бирлеп*, *биревлеп* — *бир-бир*, *бир-бирлеп* 'по одному'; *екев-екев*, *еки-екиден* 'по два' и т. п.[47]

В отношении тувинских редуплицированных форм числительных прямо указывается, что они «образуются путем повторения одного и того же количественного числительного: *бир-бир* 'по одному', *ийи-ийи* 'по два', *үш-үш* 'по три'. . .» [48]

В связи с вопросом о средствах выражения идеи множественности-собирательности в алтайских языках значительный интерес представляют композиты. Мы имеем в виду прежде всего сложные слова копулятивного, или сочинительного, типа, обобщенное восприятие семантики которых, возникающее в результате превращения в единое лексическое целое разнозначных, но равноправных слагаемых в известной степени сходно с процессом обобщения раздельных равнозначных единиц при образовании форм множественного числа. Поскольку в состав подобных композит входят слова с разнообразными коррелятивными отношениями, постольку мы можем говорить, что им свойственно выражение представлений о множественном неоднородном, как например, в классическом случае передачи понятия «родители» путем сочетания слов «мать» и «отец» или «отец» и «мать» и т. п. (см. ниже). Нельзя не отметить также, что сложные слова рассматриваемого типа являются средством выражения представлений с семантикой, более обобщенной и отвлеченной по сравнению с семантическим диапазоном отдельных компонентов композит; ср., например, ма. *ғасҳа чэчикэ* 'птица+пташка'='птицы (вообще)', 'пернатые' или як. *кус хāс* 'утка+гусь'='птица'.

Как известно, «члены сложного слова, находящиеся в равноправном отношении, передают либо сходные (близкие) понятия (при этом их значения синонимичны), либо несходные понятия (в том числе и антонимичные)».[49] По характеру семантико-лекси-

---

[44] Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. Л., 1948, с. 95.
[45] Там же.
[46] Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка, с. 74.
[47] Баскаков Н. А. Каракалпакский язык, т. II, с. 233—234.
[48] Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961, с. 213.
[49] Осипов Ю. М. Вопросы словообразования. . ., с. 55—56.

ческих отношений между коррелятивными словами, образующими в алтайских языках композиты со значением неоднородного множественного, можно выделить следующие разновидности сочетаний: сочетания антонимов, сочетания синонимов и присоединительные сочетания.[50]

Функция выражения множественности при помощи композит указанных видов яснее всего проступает в наименованиях, относящихся к человеку.

Так, антонимические сочетания широко представлены среди терминов родства и свойства, где выражение неоднородного множества свойственно композитам, у которых в коррелятивных отношениях находятся слова с оппозицией значений по полу или по возрасту. Сюда относятся композиты, служащие для передачи понятий «родители», «дети», «супруги», «братья» (старший и младший), «сестры» (старшая и младшая), «брат и сестра» (младшая), «сестра и брат» (младший). Приведем соответствующие примеры:

родители (по модели мать+отец или отец+мать): эвенк., эвен., нег. *энтил амтил* (матери+отцы), п.-мо. *еке ečige*, монг. *эх эцэг*, бур. *эхэ эсэгэ*, др.-тюрк. *ana ata*, *ana baba*, тур. *ana baba*, *ög qaŋ*, туркм. *энэ ата* (мать+отец); п.-мо. *ečige еке*, др.-тюрк. *ata ana*, тат. *ата ана*, башк. *ата эсэ*, чув. *атте-анне*, як. *аҕа иҕэ*, кор. *пу-мо* [<кит.] (отец+мать);

дети (по модели сын+дочь~мальчик+девочка): др.-тюрк. *oγlan qïz*, *oγul qïz* (мальчик+девочка), тат. *ул-кыз* (сын+дочь);

супруги (по модели муж+жена): п.-мо. *ere ete*, узб. *эрў-хатун*, казах. *ерли-катынды*, кирг. *ерди-катын*, тат. *ирле-хатынлы*, башк. *ирле-катынлы*, чув. *упăшкипе арăмĕ*, *арпа арăмĕ*, кор. *пу бу* [<кит.].

братья — а) (по модели старший+младший): нан. *ā-нэу*, п.-мо. *аха degüü*, монг. *ах дүү*, бур. *аха дүү*, др.-тюрк. *aγa ini*, туркм. *ага-ини*, тат. *агай-эне*, *агалы-энеле*; б) (по модели младший+старший): др.-тюрк. *ini eči*;

сестры (по модели старшая+младшая): тат. *апалы-сеңелле*;

братья и сестры — а) (по модели старший брат+младшая сестра): п.-мо. *аха degüü*, тат. *агалы-сеңелле*; б) (по модели старшая сестра+младший брат): тат. *апалы энеле*.

Ср. также: др.-тюрк. *qul küŋ~küŋ qul* наложники (рабы+рабыни~рабыни+рабы), ма. *аҕа нэху* слуги (слуга+служанка).

Помимо терминов родства и свойства в группе композит, компоненты которых являются по отношению друг к другу антонимами, может быть отмечено еще несколько примеров со значением неоднородного множества. Сюда мы относим следующие:

сутки (по модели день+ночь~ночь+день): кирг. *күн-түнү* ~ южн. *түн-күн*;

---

[50] Ср.: Ц и н ц и у с В. И. Алтайские термины родства и проблема их этимологии. — Проблема общности алтайских языков. Л., 1971, с. 132—133.

конечности: а) (по модели нога+рука): тат. *аяк-кул*, башк. *аяк-кул*, бур. *хүл гар*; б) (по модели рука+нога): монг. *гар хөл*, бур. *гар хул*;

расстояние (по модели далеко+близко): ма. *ʒоро ҳанци*.

Имеются биномы-антонимы, противопоставление значений в которых носит менее отчетливый характер, что хотя и не препятствует рассмотрению их как лексических единиц с обобщенно-совокупной семантикой, но не позволяет причислять их к формам выражения неоднородного множества, ср., например: др.-тюрк. *jer sub* 'материк' (земля+вода).

Синонимические парные сочетания охватывают самые разнообразные семантические пласты лексики алтайских языков, хотя как словообразовательный прием характерны, по-видимому, в большой степени для языков тюркских, монгольских и корейского, тогда как в тунгусо-маньчжурских в основном лишь для маньчжурского.

Как и для антонимических биномов, значение множественности в синонимических парах наиболее отчетливо проявляется в лексике, связанной с наименованиями для людей, различного рода социальных подразделений, поселений, учреждений и т. д. Примеры:

др.-тюрк. *el kün*, *el bodun*, *uluš bodun* 'народ'; [51] *el uluš*, *el känd* 'государство', 'страна'; *el törü* 'власть'; *uluš balïq*~*balïq uluš*, *uluš känd*~*känd uluš* 'селения и города'~'города и селения'; *elig beg* 'правитель'; *elig qan* 'верховный правитель'; *uruγ tarïγ*, *uruγ qadaš*, *uruγ özlüg* 'родственники'; *urï oγlan*, *urï oγul* 'мужское потомство', 'сын'; *qul qarabaš* 'слуги', 'невольники';

п.-мо. *ail tosxun*, *asaxa tosxun*~*ašixa tosxun* 'селения'; *ail erüke* 'хозяйство', 'двор'; *uru sadun* 'родственники'; *ger büli* 'семья', 'домочадцы'; *üre keüked*, *nilxa keüked*, *nilxa baγačud* 'дети'; *ači üre* 'потомство', 'потомки';

ма. *ҳотон хэчэн* 'города'; *ʒашан тоҳсо*, *тоҳсо тунли* 'селения и деревни'; *гучи анда*, *гучу ʒарʒан* 'друзья', 'товарищи'; *анда садун* 'близкий друг'.

Компоненты композит, которые мы выделили в качестве присоединительных сочетаний, не являются по отношению друг к другу ни антонимами, ни синонимами, но воспринимаются как коррелятивные слова в силу принадлежности их к одной и той же тематической серии. Они настолько характерны для тюркских языков, что помещаются в словарях как отдельное слово или словосочетание с пометой «собирательное», «парное», поскольку в них ярко выражено значение совокупности, например:

д.-тюрк. *qïz quduz* 'девушки и женщины';

туркм. *энели гӣз* 'мать с дочкой';

---

[51] Тюркские языки дают также примеры трехчленных сочетаний синонимов, ср. др.-тюрк. *el kün bodun* 'народ', *adaš qoldaš erdäš* 'друзья-приятели', *garši ordu saraj*~*saraj ordu qarši* 'дворцы', 'дворец', 'дворцы и чертоги'.

тат. *аналы-балалы* 'мать с ребенком', *аналы-кызлы* 'мать с дочерью', *аналы-уллы* 'мать с сыном'; *аталы-кызлы* 'отец с дочерью', *аталы-уллы* 'отец с сыном'; *ата-баба* 'предки'; *ага-җиңгә* 'брат с женой', 'брат и невестка';

п.-мо. *ebüge ecige*, монг. *өвөг эцэг* 'дед', бур. *убгэ эсэгэ* 'предки'; кор. *эи-ттал* 'мать и дочь'.

Поскольку в композитах сочинительного типа оба члена равноправны, они без ущерба для смысла могут меняться местами, ср., например, др.-тюрк. *ana ata*~*ata ana* 'мать+отец'~'отец+мать'='родители' и т. п., см. выше. Тем не менее, как нам кажется, ведущим, как правило, является компонент, который в семантико-лексическом отношении выражает представление о более значимом (в социальном или ином плане), ср., например: п.-мо. *aха degüй* 'старший брат+младший брат'='братья', ма. *ǯасҳа чэчикэ* 'птица+пташка'='птицы (вообще)'.

В сложных словах подчинительного типа его компоненты не являются равноправными: один из них выступает в качестве главного члена по отношению ко второму, зависимому от него. По характеру подчинительной связи прежде всего выделяются определительные и дополнительные виды отношений. В связи с проблемой о категории множественности нам необходимо остановиться на атрибутивных сложных словах — именах существительных.

Анализируя семантические отношения между компонентами определительных композит, отмечают, что «в основе семантики многих (если не подавляющего большинства) сложных слов этого типа лежит одно общее смысловое отношение; его можно представить как отношение общего к частному, более абстрактного к более конкретному, родового к видовому».[52] Выразителем более общего, более отвлеченного понятия служит ведущий, главный член (всегда именной), тогда как на долю зависимого, подчиненного падает роль как бы носителя конкретизирующего признака. В языках алтайских зависимый компонент композиты занимает первое место, тогда как ведущий, главный член стоит на втором,[53] подобно тому как это имеет место в определительных сочетаниях. Как уже отмечалось выше, главный член — всегда имя существительное, тогда как в роли зависимого может стоять или именная часть речи (существительное, прилагательное, числительное, местоимение), или глагольная (причастие).

В алтайских языках в композитах определительного типа в качестве ведущего члена с обобщающим значением очень часто выступают существительные «человек», «люди», «народ», а также «ребенок», «дети». Они обычно входят в состав сложных слов, служащих для обозначения пола, например:

др.-тюрк. *tiši kiši* 'женщина' ['женщина', 'самка'+'человек'], *erkäk oγul* 'мальчик' ['мужчина', 'самец'+'ребенок', 'мальчик',

[52] Осипов Ю. М. Вопросы словообразования. . ., с. 63.

[53] В языке тайском, например, расположение компонентов обратное — главный член стоит на первом месте, см.: там же.

'сын', 'детеныш']; тур. *erkek çoçuk* 'мальчик' ['мужчина'+'ребенок'], *kiz çoçuk* 'девочка' ['девушка'+'ребенок']; башк., тат. *ир кеше* 'мужчина' ['мужчина'+'человек'], *ир бала* 'мальчик' ['мужчина'+'ребенок'], башк. *кыҙ бала*, тат. *кыз бала* 'девочка' ['девушка'+'ребенок']; як. *ӓр кісі* 'мужчина' ['мужчина'+'человек'], *ӓр оҕо* 'мальчик', 'ребенок мужского пола' ['мужчина'+'ребенок', 'детеныш'], *кыс оҕо* 'девочка' ['девушка'+'ребенок']; чув. *арҫын* 'мужчина' ['муж'+'человек'], *арҫын ача* 'мальчик' ['мужчина'+'ребенок'], *хӗр ача* 'девочка' ['девушка'+'ребенок'];

п.-мо. *ere kümüп*, монг. *эр хүн*, бур. *эрэ хүн* 'мужчина' ['мужчина', 'самец'+'человек'], п.-мо. *ete kümüп*, монг. *эм хүн*, бур. *эмэ хүн*, калм. *ет'кӣп* 'женщина' ['женщина', 'самка'+'человек'];

эвен. *н'ӑрӣ бэй* 'мужчина' ['мужчина'+'человек'], *н'ӑрӣ куӈӑ* 'мальчик' ['мужчина'+'ребенок'], *н'ӑрӣ hут* 'сын' ['мужчина'+'ребенок']; *асӣ куӈӑ* 'девочка' ['женщина'+'ребенок'], *асӣ hут* 'дочь' ['женщина'+'ребенок']; нег. *нӗйӑвӣ бэйэ* 'мужчина' ['мужчина'+'человек'], *нӗйӑвӣ хутэ* 'сын' ['мужчина'+'ребенок'], *асӣ бэйэ* 'женщина' ['женщина'+'человек'], *асӣ хутэ* 'дочь' ['женщина'+'ребенок']; нан. *хусэ най* 'мужчина' ['самец'+'человек'], *хусэ пиктэ* 'мальчик', 'сын' ['самец'+'ребенок'], *асӣ най* 'женщина' ['жена', 'женщина'+'человек'], *асиа пиктэ* 'девочка', 'дочь' ['женщина'+'ребенок']; ульч. *эктэ пиктэ* 'девочка', 'дочь' ['женщина', 'самка'+'ребенок']; ма. *ҳаҳа н'алма* 'мужчины' ['мужчина'+'человек', 'люди'], *ҳаҳа ӯуй* 'мальчик', 'сын' ['мужчина'+'ребенок', 'мальчик', 'сын'], *хэхэ урсэ* 'женщины', 'женский пол' ['женщина'+'люди', 'народ'], *сарҕан ӯуй* 'девица', 'дочь' ['женщина'+'ребенок'].

Ср. нивх. *утку-оӈла* 'мальчик', 'сын' ['мужчина'+'ребенок'], *умгу-оӈла* 'девочка', 'дочь' ['женщина'+'ребенок'].

Примечательно, что композиты, в которых вторым компонентом являются слова «человек», «люди», «народ», по значению соответствуют синтетическим формам множественного числа или, иными словами, синонимичны последним, как это отчетливо видно на материале маньчжурского языка, ср.:

ҳаҳа н'алма — мн. ч. *ҳаҳа си* 'мужчины'; *хэхэ урсэ* — мн. ч. *хэхэ си* 'женщины'.

Слова «народ», «люди» выступают как супплетивная форма множественного числа к слову «человек», что отчетливо прослеживается на супплетивных формах интересующих нас определительных композит, ср.:

як. *ӓр кісі* 'мужчина' — *ӓр ӯон* 'мужчины'=мн. ч. *ӓрдӓр*, *ӓрӓттӓр* 'мужчины';

бур. *эхэнэр хүн* 'женщина' — *эхэнэр зон* 'женщины' (исторически *эхэ-нэр* 'женщина' является формой мн. числа от *эхэ* 'мать');

нан. *эктэ най* 'женщина' — *эктэ гурӯ* 'женщины'=*экэсэл* 'женщины'.

Как видно из приведенных выше примеров, модели образования определительных композит для языков тюркских (якутский),

монгольских (бурятский) и тунгусо-маньчжурских (нанайский) однотипны: единственное число со словом «человек» (*кісі*, *хун*, *най*), множественное — со словом «люди» (*žон*, *зон*, *гурӯ*). В связи с приведенными выше существительными, служащими для передачи понятия «женщина», отметим также, что в бурятском, нанайском, а также в якутском языках сами эти существительные с историко-морфологической точки зрения включают в свой состав аффикс множественного числа, ср. бур. *эхэ-нэр*, нан. *эк(э)-тэ*, як. *ӡах-тар* 'женщина'; сюда же уд. *a^{h}a-нта* 'женщина', *нӣ-нта* 'мужчина'. Это обстоятельство заслуживает специального внимания еще и потому, что в ряде языков алтайской общности синтетические формы множественного числа свойственны только именам, обозначающим человека (маньчжурский, удэйский), или же образование форм множественного числа и показатели его у этой группы существительных, в частности у наименований родства и свойства, характеризуются теми или иными особенностями (языки монгольские и тунгусо-маньчжурские). Поэтому к этимологическому анализу аффиксов множественного числа, как нам кажется, целесообразнее всего подойти с опорой на данную группу существительных.

Прежде всего, имея в виду, что существительные со значением «человек», «люди» могут входить в состав аналитических форм множественного числа, необходимо хотя бы бегло охарактеризовать некоторые особенности этой группы слов.

Следует отметить, что в пределах алтайской общности даже в языках близкородственных, а в некоторых случаях и в отдельных диалектах этих языков (например, в эвенкийском языке) состав и семантика существительных со значением «человек» не отличаются устойчивостью.

Так, например, в тунгусо-маньчжурских языках в значении слова «человек» прежде всего прослеживается филиация следующего порядка: а) человек вообще — мужчина в частности; б) мужчина — добрый молодец, герой; в) человек — особь, особа, тело. При этом переплетаются значения слов трех различных корней — ***бэйэ*, ***най-ра* и ***к'ӳ(н)-сэ*. Схематически соотношения этих слов в тунгусо-маньчжурских языках могут представлены так, как показано на с. 216.

Устойчивая семантическая связь значений «мужчина» — «добрый молодец», «герой» может быть прослежена в фольклоре не только на приводившихся выше нег. *нӣйавкӣн* уменьш. от *нӣйӣвӣ* или *исэ-гдин*, уд. *йэгдиг'э* уменьш. от *исэгдин*, нан. *хусэ-гӡиэ*, но также и на ма. *ҳаҳа* 'мужчина' // нан. *ҳаҳа* 'смелый', 'храбрый', мн. ч. *ҳаҳа-сал* 'герои', 'непобедимые'.

Второй особенностью существительных со значением «человек» является тенденция к переходу их в слова с обобщенно-указательным значением, иными словами, склонность к прономинализации и далее к полной потере лексической самостоятельности, т. е. к превращению в аффиксы.

	*бэйэ		*най-ра+бэйэ		*к'ӱ(н)-сэ	
эвенк.	*бэйэ*	'человек (мужчина)'	*нӗрā-вӣ*	'мужчина (молодой)'	*исэ-ɬдин*	'охотник (добрый молодец)'
эвен.	*бэй*	'тело'	*н'ārī*		*исэ-γдэ*	
нег.	*бэйэ*	'особа',	*нӗйāвӣ*	'мужская особь'	*исэ-гдин*	'молодой мужчина'
сол.	*бэи*	'сам'	—		—	
уд.	—		*нӣ-нта*		*иɦэ-гдиэ*	
					йэгдиг'э	
уд.	*бэйэ*	'особа'	*нӣ*	'человек'	—	'мужчина'
ороч.	*бэйэ*	'тело'	*нӣ*^{e}		*(?) усхэ*	'мужская особь'
ульч.	*бэйэ*	'сам'	*н'ӣ*		*хусэ*	'самец'
орок.	*бэйэ*		*нари, -н'н'е*		*хусэ*	'добрый молодец'
нан.	*бэйэ*		*най ~ нэй*		*хусэ*	'влияние мужской силы «а» на женскую «э»'
ма.	*бэйэ*		*н'алма*		*хусэгӡиэ*	

На материале тунгусо-маньчжурских языков такой процесс утраты предметно-вещественного значения, а затем и переход из разряда частей речи в формальные показатели отчетливо прослеживается в отношении приводившихся выше существительных **бэйэ* и **най-ра бэйэ* 'человек'.

Слово *бэйэ* в ряде тунгусо-маньчжурских языков выступает не только в качестве существительного со значениями «человек», «мужчина», «тело» и т. д., но и приобретает оттенок прономинализированного имени в сочетаниях типа нег. *асӣ бэйэ* 'женщина' (женского пола особь), *нӗйāвӣ бэйэ* 'мужчина' (мужского пола особь). Кроме того, оно выполняет функцию местоимения определительного «сам», возвратного «себя» и притяжательного «свой». Так, в эвенском языке оно входит в сочетание с личными местоимениями, согласуясь с ними в падеже и принимая соответствующий личный суффикс,[54] например: *ноӈан hинду бэйдус орам бӯрӣн* 'он тебе самому (особе твоей) оленя дал'. Очень часто оно употребляется в эвенском языке в форме творительного падежа с возвратным суффиксом единственного или множественного числа, ср.: *ноӈан бэйӡӣ дуктāй-дā, таӈдāй-дā эч hāр* 'он сам ни писать, ни читать не умел' — *ноӈартан бэйӡӯр дуктāвур-дā, таӈдāвур-дā эчил hāр* 'они сами ни писать, ни читать не умели'.

В маньчжурском языке слово *бэйэ* полностью приняло на себя весь цикл взаимосвязанных функций местоимений возвратного «себя», притяжательного «свой», «собственный» и определитель-

[54] См.: Цинциус В. И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Л., 1947, с. 151—152.

ного «сам».[55] В качестве возвратного местоимения оно имеет формы единственного числа *бэйэ* 'себя' и множественного *бэйэ сэ* 'себя', например: *би бэйэ дэ аҳдамби* 'я полагаюсь на себя', *бэйэ бэ чибумби* 'сдерживаю себя'. В значении определительного «сам» местоимение *бэйэ* может употребляться в роли подлежащего или обстоятельства, например: *би тэрэ н'алма бэ бэйэ сабуҳа* 'я того человека сам видел', *бэйэ бэйэ бэ араҳа* 'сам себя умертвил'. Но употребительны также сочетания с личными местоимениями в форме родительного падежа, выступающими в данном случае в роли местоимений притяжательных, с одной стороны, и в роли заместителей личных местоимений — с другой, ср.: *мини бэйэ* 'моя особа'='я сам'='я', *сини бэйэ* 'твоя особа'='ты сам'='ты', *ини бэйэ* 'его особа'='он сам'='он', *мэни бэйэ* или *мэни бэйэ сэ*, *мусэй бэйэ~мусэй бэйэ сэ* 'наши особы'='мы сами'='мы', *сувэни бэйэ~сувэни бэйэ сэ* 'ваши особы'='вы сами'='вы', *чэни бэйэ~чэни бэйэ сэ* 'их особы'='они сами'='они'. Пример: *ини бэйэ сабуҳа* 'он сам видел'. В форме родительного падежа *бэйэй* означает 'свой', например: *бэйэй боо дэ досиқа* 'вошел в свой дом'; *бэйэй моңгон бэ бэйэ файтаҳа* 'сам себе перерезал горло' (досл. 'свое горло сам перерезал'). В негидальском языке слово *бэйэ* также употребляется вместо личного местоимения, например: *бэйэ гӯнэйӣвэн ӧн эчис дӧлдийа?*! 'Почему ты не слушаешь, что я говорю?!' (досл. 'как это ты не слушаешь слов человека', т. е. 'моих слов'). В солонском языке, попав в постпозицию, слово *бэйэ* уже превратилось в притяжательный аффикс 1 лица единственного числа *-бэйэ*, *-вэйэ*,[56] например: *хахрӑ-би~хахрӑ-вэйэ* 'моя курица', *хахрӑ-сӱл-бэйэ* 'мои курицы'.

С перемещением в постпозицию, как бы в дальнейшее развитие стадии прономинализации типа маньчжурских *бэйэ* 'особа', 'личность', 'сам', *бэйэ бэ* 'себя', *бэйэ дэ* 'себе', *бэйэй* 'свой', *бэйэйӈгэ~бэйэниӈгэ* 'свой', 'собственный', это бывшее существительное в других тунгусо-маньчжурских языках, деградировав фонетически, превратилось в рефлексивный аффикс единственного числа, т. е. *бэйэ* > *бэй* > *-бӣ* > *-мӣ~-вӣ* > *-йӣ* > *-ӣ* > *-й*. Ср. ма. *бэйэй боо* 'свой дом' // эвенк. вост. *ӡӯл-бӣ* 'свои дома', *ӡӯ-вӣ~ӡӯ-йӣ* 'свой дом', эвен. *ӡӯ-йи* > *ӡӯ-й* 'свой дом', нан. *ӡог-би* 'свой дом', *морим-би* 'своего коня' и т. д.

Помимо тунгусо-маньчжурских языков, слово *бэйэ* широко представлено в монгольских, тогда как из тюркских оно известно в виде очень старого монголизма лишь для якутского. С семантикой «тело» оно отмечается в следующих фонетических вариантах:[57] ср.-мо., п.-мо., бур., даг., орд. *beje* (*бэйэ*), монг., монгор. *bije*

---

[55] См.: Захаров И. 1) Грамматика. . ., с. 108—116; 2) Словарь, с. 485—486.

[56] Поппе Н. Н. Материалы по солонскому языку. Л., 1931, с. 116—117.

[57] Poppe N. Introduction to Mongolian Comparative Studies. — MSFOu, v. 110, 1955, p. 47.

(*бийе~бийэ*), калм. *bijə~bī*. Помимо значения 'тело', 'туловище', 'организм', а также 'личность', 'особа', что отмечалось и для тунгусо-маньчжурских языков, оно означает 'здоровье', 'рост', а также 'сторона', 'берег', ср.:[58] монг. *бүх бие*, бур. *бүхы бэе* 'все тело', монг. *бие лагшин*, бур. *бэе лагшан* парн. почтит. 'здоровье', бур. *ара бэе* 'задняя сторона', калм. *ar^{a} bijn̦~ārwijn̦* 'северная сторона'. В значении «особа», «личность» это слово, сочетаясь с формой родительного падежа личных местоимений, тождественно аналогичным маньчжурским конструкциям, ср., например, п.-мо. *minu beje*, монг. *миний бие* 'моя особа'='я'. Употребление этого существительного в качестве местоимения отмечается в словарях и грамматиках, например: «формы косвенных падежей существительного *бэе* 'тело', 'особа', 'личность' употребляются в роли возвратно-указательного местоимения, приобретая значение 'сам', 'себя'. При таком употреблении эти формы обязательно принимают частицы притяжания, например: *Ши бэеэрээ ерээрэй* 'Ты приезжай сам' (или 'лично'); *бэеэ барихa* 'сдерживать себя', 'сдерживаться'».[59] Интересны также сочетания с названиями частей тела, отмечаемые для бурятского языка: *сээжэ бэе* 'грудь', 'грудная клетка', *толгой бэе* 'голова', *амид бэе* 'половой орган'. Наконец, в бурятском языке оно с некоторыми словами, означающими потомство, употребляется для выражения собирательности: *үрэ бэе* 'дети', 'потомки', *аша бэе* 'внуки'.[60] Сходен с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими круг значений и як. *бäjä* 'тело', 'туловище'; 'туша'; 'существо', 'личность', 'особа', 'я человека'; 'свойство, отличительное качество'; 'один, без провожатых'; 'сам, себя, свой'.

Таким образом, анализ основных значений тунгусо-маньчжурского и монгольского слова *бэйэ* дает возможность установить основные этапы его исторического развития: от полноценного имени существительного через прономинализированное употребление переход в местоимение, далее, в тунгусо-маньчжурских языках, в разряд рефлексивных суффиксов. Это позволяет говорить о глубоком, скрытом, интимном характере связи слова *бэйэ* в обеих указанных языковых группах как слова, имеющего в них общее происхождение. Вместе с тем, исходя из комплекса значений слова *бэйэ* в тунгусо-маньчжурских и монгольских языках, нельзя не прийти к выводу, что в основе семантики «человек» в данном случае лежит представление о человеке как об отдельной особи, а не как о члене коллектива, хотя в бурятском языке и намечается значение совокупности.

---

[58] Примеры см.: Лувсандэндэв. Монгольско-русский словарь. М., 1957; Черемисов. Бурят-монгольско-русский словарь. М., 1961.

[59] Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М., 1962, с. 153.

[60] Высказывание Дёрфера о слове *бэйэ* как о заимствовании в тунгусо-маньчжурских языках из монгольских нам представляется необоснованным.

Следы значения множественности-собирательности, как нам представляется, более рельефно проступают в другом тунгусо-маньчжурском слове, служащем для передачи понятия «человек», а именно в т.-ма. **най-ра* (+*бэйэ*) (см. с. 216).

Прежде всего это прослеживается при постпозиционном употреблении нан. *най* (с аббревиацией конечного *-й*) в терминах родства и свойства, а также в других словах, употребляемых при обращении, например: *бари* 'друг', 'товарищ' — *бариа-на* (<**бари*+*на*(*й*)) 'друзья', 'товарищи'.[61] Выветривание вещественной, конкретной семантики слова **най-ра* 'человек' позволяют наблюдать материалы и остальных тунгусо-маньчжурских языков Приамурья — ульчского, орокского, а также удэйского и орочского. Как и в ряде других алтайских языков (см. ниже), слово «человек», «люди» в позиции определяемого, например, в нанайском языке, выступает в роли показателя субстантивации, ср. нан. *байā* 'богатый', *байā най* 'богач' (досл. 'богатый человек'), *синэ̄жī* 'бедный', *синэ̄жī най* 'бедняк', *синэ̄жī гурӯ* 'бедняки', 'беднота' (досл. 'бедный народ', 'бедные люди'). Если в нанайском языке слово *най* в этом случае еще сохраняет формальную лексическую самостоятельность, то на материалах ульчского и орокского языков мы можем наблюдать весьма выразительную картину постепенного перехода этого нан. *най*~*нэй*, ульч. *н'ī* и т. д. в суффикс, ср. нан. *хусэ най* 'мужчина' (досл. 'самец человек'), ульч. *хусэ нī*~*хусэни*, орок. *хусэн'н'е* 'мужчина'. Сюда же орок. *агдуман'н'е* (<**аг-дума*+*най*) 'старший брат' — *агдуманасал* (<**агдума*+*на*(*й*)-*сал*) 'старшие братья'), *горопчинне* — *горопчинасал* 'древние люди' и т. п.[62]

С тунгусо-маньчжурским *най* <**наи-ра*~**ниа-ра* 'человек' (эвен. *н'āрī*, орок. *нари*), принимая во внимание роль этого слова как показателя субстантивации и множественности, о чем только что говорилось выше, мы не можем не сопоставить монгольского суффикса множественного числа *-нар*, *-нэр*, *-нор*,[63] который, по свидетельству грамматик монгольских языков, например языка бурятского, «образует форму множественного числа от существительных, являющихся названиями лиц по их профессии или выражающих родственные отношения. . . например *аха* 'старший брат' — *аханар*; *багша* 'учитель' — *багшанар*; *вождь* 'вождь' — *вождьнор*; *дүү* 'младший брат' — *дүүнэр*; *эмшэн* 'врач' — *эмшэнэр*».[64]

В современном бурятском языке, как и в монгольском, функцию субстантивирующего показателя несет слово *хүн* 'человек', ср. например, монг., бур. *баян хүн* 'богач', монг. *эр хүн*, бур. *эрэ*

---

[61] См.: Петрова Т. И. Нанайско-русский словарь. Л., 1960. Краткий очерк грамматики нанайского литературного языка, с. 174, 232, 233.

[62] См.: Петрова Т. И. Язык ороков (ульта), с. 30.

[63] См.: Цинциус В. И. Выступление. — В кн.: Вопросы методов изучения истории тюркских языков. Ашхабад, 1961, с. 179.

[64] Грамматика бурятского языка, с. 73—74.

хүн ‘мужчина’, монг. *морьтой хүн*, бур. *моритой хүн* ‘всадник’. В парных образованиях слово *хүн* принимает участие для передачи представления о множественности, например, бур. *хүн зон*, *хүн хара* ‘люди’, ср. бур. *хара хүн* ‘простолюдин’. Тем не менее монгольский суффикс *-нар*, *нэр*, *-нор* с его специализированной функцией показателя множественности существительных, обозначающих человека, в генетическом отношении нам представляется безусловно связанным с существительным **наи-ра* > **ниа-ра* ‘человек’.

Но так как по своему фонетическому облику монгольский суффикс *-нар* близок тюркскому *-лар*, то их, естественно, сопоставляют друг с другом. Существующие точки зрения сводятся к следующему: [65]

а) Поливанов (1927) их сопоставляет, т. е. мо. *-нар* //тюрк. *-лар*;

б) Котвич (1950), Шинор (1952), Щербак (1959) полагают, что мо. *-нар* < тюрк. *-лар*;

в) Поппе (1944, 1957) и Шинор видят в нем монгольский составной суффикс: *-на+-р*;

г) Рамстедт (1952) считает, что мо. *-нар*, как и тюрк. *-лар*, развилось из знаменательного слова **нар* ‘сообщество’;

д) Аалто (1956) склонен обе формы, т. е. и *-нар*, и *-лар*, считать старым заимствованием из кит. *лиат*;

е) наконец, Притцак (1952) склоняется к тому, что мо. *-нар* < **нан+р* < т.-ма. *н'ер~н'al*.

Как уже отмечалось, мы со своей стороны считаем, что монгольский суфф. *-нар* развился из праформы **нар* < **нари* и т. д. (см. выше), что не исключает правомерности сопоставления его, как это думал Рамстедт, с п.-мо. *нар-маи* ‘весь’, ‘все’, а также *наир* ‘согласие’, с которым Пекарский связывал як. *нāр* ‘порядок’, ‘соразмерность’, ‘парность’ (ср. як. *нāр нāр* ‘в ряд’, ‘близко одно от другого, по группам’).

Что касается тюрк. *-лар*, то мы склонны сопоставлять его [66] с ма. *лар* (*сэмэ*) ‘толпою’, ‘битком’, ‘густо’, ср. *лэ ла* (*сэмэ*) ‘толпою’, ‘гурьбою’, ‘вместе (идти)’, *лэр* (*сэмэ*) ‘часто’, ‘дружно’,

---

[65] См.: Vietze H. Plural, Dual und Nominalklassen. . ., c. 485—486; здесь имеются в виду работы: Поливанов Е. Д. К вопросу о родственных отношениях корейского и «алтайских» языков. — ИАН, 1927, сер. 6, т. 21, № 3, с. 1195—1204; Kotwicz W. Contribution aux études altaiques. A—B, RO XVI, 1950, p. 327—368; Sinor D. One Some Ural-altaic Plural Suffixes. — AM Neue Folge, 1952, v. II, N 2, c. 203—230; Щербак А. М. Об алтайской гипотезе в языкознании. — ВЯ, 1959, № 6, с. 51—63; Poppe N. Plural Suffixes in the Altaic Languages. — UAJb, 1952, v. XXIV, № 3—4, c. 65—83; Ramstedt G. J. (Рамстедт Г. И. Введение в алтайское языкознание. Морфология, М. 1957, с. 57—62). Aalto P. Altaistica. II. The suffixes *-lar, -nar, -lär*. — SO, 1952, v. XVII, N 7, p. 10—17; Pritsak O. Tschuwaschische Pluralsuffixe. Studia Altaica. Wiesbaden, 1957, S. 137—155.

[66] Ср.: Цинциус В. И. Выступление, с. 179.

'густо', *лор* (*сэмэ*) 'без умолку', *лур* (*сэмэ*) 'густо', сюда же нан. *лур* 'струей', 'один за другим'.

Из приводившейся выше реконструкции слова **к'ӱ(н)-сэ* > нан., ульч., орок. *хусэ* 'мужчина', 'мужская особь', 'самец', эвенк. вост., эвен., нег. *исэ-гдин*, уд. *йэгдигэ* 'добрый молодец', 'герой' видно, что мы склонны его сопоставить с мо. и тюрк. **кӱн* 'человек'. Прономинализация этого существительного и его роль как слова, выступающего в качестве средства субстантивации, чрезвычайно близки тому, что мы наблюдали в отношении нан., ульч., орок. *най* > *-нӣ*, см. выше монг., бур. *баян хүн* 'богач'. Что касается п.-мо. *кӱмӱн*, то Притцак склонен выводить его из редуплицированной формы **кӱ(н)кӱн* < **гӱгӱн*, ср. ма. *ҳа-ҳа* 'мужчина'. Связь суффикса множественного числа *-кӱн/-кун*, *-гӱн/-гун* в тюркских и монгольских языках, по-видимому, сомнения не вызывает.

Примечательно использование лексемы **кӱн* в роли показателя множественного числа в нивхском языке, ср. нивх. суфф. сах. *-кун*, *-хун*, *-гун*, *-γун*, амурск. *-ку*, *-ху*, *-гу*, *-γу*.[67] Этот же формант, несомненно, входит в состав нивх. *умгу(н)* 'женщина', 'жена' < **ум-гун* < **эмэ+кун* и *утку* 'мужчина' < **ут-кун* < **эти+кун*, ср. приводившиеся выше примеры определительных сочетаний со словом «человек» в наименованиях лиц женского и мужского пола типа п.-мо. *ете кӱтӱп*, монг. *эм хүн*, бур. *эмэ хүн*, калм. *ет* kӣп* 'женщина'.[68]

В нивхском языке с приведенным выше суффиксом *-ку(н)*, *-ху(н)*, *-гу(н)*, *-γу(н)* образуются также формы репрезентативного множества с присоединением этого суффикса к именам собственным или к существительным нарицательным, обозначающим лицо, например: *Хэвгун-гу ӷӑрγот виныд'* 'Хэвгун с товарищами собираются идти в лес охотиться'; *вапак-ху тыв ызгон ин'та, арак рата* 'его тесть с товарищами и хозяин дома с домочадцами ели, пили водку'.[69] К суффиксу множественного числа этимологически возводится также нивхский присоединительный показатель *-кон*, *-хон*, *-гон*, *-γон* [70] и не без основания продуктивный суффикс *-кун*, *-хун*, *-гун*, *-γун*, служащий для образования имен собственных лиц мужского пола типа *Пал-гун* — от *пал* 'лес', (досл. 'лесной человек', *Пил-гун* — от *пилд* 'быть большим' (досл. 'большой человек'), *Эф-кун* от *эвд* 'держать', 'брать' (досл. 'берущий человек') и т. д.[71]

В свое время нами было высказано предположение об этимологической связи широко представленного в тунгусо-маньчжурских языках суффикса множественного числа *-л* с тюрко-монголь-

---

[67] Ср.: Там же, с. 179.

[68] См.: Цинциус В. И. К этимологии алтайских терминов родства, с. 134.

[69] Панфилов В. З. Грамматика нивхского языка, ч. 1, с. 113.

[70] Там же, с. 113—115.

[71] Там же, с. 53.

ской лексемой *ел~ял~ил* (*el~äl~il*) 'народ', 'племя', 'племенной союз', 'союзники', 'согласие', 'мир' и т. д.[72] В подтверждение предложенной гипотезы мы хотели бы еще раз обратить внимание как на семантический диапазон этого существительного в тюркских и монгольских языках, так и на имеющиеся здесь любопытные примеры словосочетаний, включающих его в свой состав.

Едва ли не исчерпывающий перечень основных значений слова *äl~el* в тюркских языках мы находим у Радлова, который выделяет семь семантических подгрупп, сопровождая их соответствующими фразеологическими примерами.[73] Приводим краткую сводку этих подгрупп с выключением интересующих нас словосочетаний:

1) мир, согласие (*улук мäүү äl* 'великий вечный мир');

2) племя, семья, жители одной местности, приход (*первоначально, вероятно, те, которые вместе кочуют и мирно живут*, — курсив наш, В. Ц., Н. Л.) (*Тургуд-äl* 'племя Тургутов в Анатолии'; *Басäнтīн äli*, *Убак äli* 'род Басентин, Убак');

3) народ (*äl кӱн*, *äl јон* 'народ'; *Түркістан әлiндä* 'у туркестанского народа', *Käшкар әлiда* 'у кашгарского народа'; *Казак eli* 'киргизский народ'; *кала ili* 'городские жители'; *сала ilī* 'деревенские жители');

4) страна, губерния (*Рум äli* 'Румелия'; *Сівас äli* 'Сивасская губерния');

5) собственный народ, свое племя, своя семья (*тараҕан äl* 'потомство');

6) люди прихода в противоположность собственной семье, т. е. чужие, другие (*äl äwi* 'чужой дом');

7) люди вообще (*äl äläм* 'люди', 'человечество').

Особенно важны для наших этимологических поисков происхождения суффикса множественного числа *-л(-l)* примеры словосочетаний с конструкцией первого изафета, как в приведенном выше случае тур. *Тургуд-äl* 'племя тургутов' или тел. *тараҕан äl* 'потомство'.

При частом постпозиционном употреблении существительное *ял~ел* постепенно могло терять свою предметную значимость и синтаксическую самостоятельность определяемого члена словосочетаний и приобретать роль грамматического показателя — суффикса множественного числа. Впрочем, и сочетания типа второй изафетной конструкции на тюркской почве позволяют наблюдать аналогичную картину, ср., например, *Рум ăли*, воспринимаемое как «Румелия». Что касается тунгусо-маньчжурских языков, то в них, как известно, из слов с корнем *ăл~эл* имеется ряд заимствований из монгольских языков, например, ма. *элчин* (мн. ч. *элчиса*) 'посол', 'гонец'; сюда же относится, по-видимому,

---

[72] Цинциус В. И. Множественное число, с. 118.

[73] Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1. СПб., 1888, с. 803.

ма. *элхэ* ‘мир’, ‘спокойствие’. Наконец, принимая во внимание склонность существительных с семантикой «человек», «люди» к роли субстантиваторов, быть может, следует поставить в связь мо. *el*~*il* и маньчжурское «относительное местоимение» *элэ* < ?**эл*, помещаемое «между причастием и существительным для выражения множественности и всеобщности предметов и означающее: все что, все которые»,[74] например, *бисирэ элэ ǯаҳа* ‘все вещи, все имеющиеся вещи’.

Отчетливо выраженной субстантивирующей функцией в алтайских языках обладают подобно существительным «человек», «люди» форманты множественного числа. Это особенно рельефно выступает у образований со значением обладания, но распространяется также на прилагательные и причастия. Приведем некоторые примеры.

В тунгусо-маньчжурских языках формы обладания в эвенкийском и эвенском языках с присоединением суффиксов множественного числа означают не признак по наличию предмета, а предметно воспринимаемых носителей (обладателей) признака, например: эвенк. *орочӣ* ‘оленный’ — *орочӭл* (<**ороч*+**ӭл*) ‘оленеводы’ (ср. эвен. *орач* < **орочи* ‘эвен’ — *орочӭл* ‘эвены’), эвен. *оралкӣн* ‘оленный’ — *оралкӣсал* ‘оленеводы’; нан. *хаха* ‘храбрый’, ‘смелый’ — *хахасал* ‘храбрецы’, ‘смельчаки’ (ср. ма. *ҳаҳа* ‘мужской (пол)’, ‘мужчина’ — *ҳаҳа си*, *ҳаҳа н'алма* ‘мужчины’); ма. *сайн* ‘хороший’ ,‘добрый’, ‘умный’ — *сайса* ‘хорошие люди’, ‘мудрецы’, ‘ученые’.

Как известно, в монгольских языках имена обладания характеризуются суффиксами *-ti*, *-tü*, *-tai*, *-tei*, причем «множественного числа имена на *-tai* и *-ti* не образуют и в роли таковых выступают *собирательные имена на -tan*» [75] (курсив наш, — В. Ц., Н. Л.), примеры: п.-мо. *moritu*, *moritai* ‘конный’, ‘имеющий коня’— *moritan* ‘всадники’; *ǯigūrtü*, *ǯigūrtei* ‘крылатый’, ‘имеющий крылья’ — *ǯigūrten* ‘пернатые’.

Поскольку в монгольских языках имеется показатель множественного числа *-н*, аффикс *-тан*, *-тэн* можно было бы считать сложным, т. е. *-тан* < **-та*+*н* < (?) **-та(i)*+*н*, ср. также маньчжурский суффикс множественного числа *-та*, *-тэ*, *-то*. Кстати, нельзя не отметить, что в эвенском языке имена обладания с суффиксом *-лкӣн*, *-лкэ̄н* форму множественного числа образуют предпочтительно с показателем совокупно-собирательной семантики *-сал*, *-сэл* (который с исторической точки зрения является сложным — *-сал* < *-са*+*л*), ср. приведенный выше пример *ора -лкӣн* ‘оленный’ — *ора-лкӣ-сал* ‘оленеводы’ (вместо обычной формы множественного числа для имен с основой на *н*, т. е. *ора-лкӣ-р*).

---

[74] Захаров И. Словарь, с. 75; см. также: Захаров И. Грамматика. . ., с. 117.

[75] Поппе Н. Грамматика письменно-монгольского языка. Л., 1937, с. 112.

Вряд ли такое типологическое совпадение в отношении монгольского суффикса *-*та-н* и эвенского *-*са-л* является случайностью. В эвенкийском языке имя обладания с суффиксом *-чӣ* также может принимать форму множественного числа (*оро-чӣ* 'оленный' — *орочӗ-л* 'оленеводы'). Таким образом, мы склоняемся к точке зрения тех монголоведов, которые считают, что в суффиксе *-тан*, *-тэн* конечный согласный *-н* является суффиксом множественного числа,[76] тогда как другие исследователи монгольской грамматики полагают, что *-тан* — неразложимый показатель имен с собирательным значением.[77]

Имея в виду субстантивирующую функцию форм множественного числа у прилагательных, в параллель к ма. *сайн* 'хороший' — *сайса* 'мудрецы' приведем п.-мо. *sain* 'хороший' — *said* 'сановник', 'министр' (суффиксы множественного числа — ма. *-са*, п.-мо. *-d* играют одинаковую роль).

В тюркских языках образованиям с аффиксом обладания, соотносительным др.-тюрк. *-lïγ*, *-lig*, *-luγ*, *-lüg* или азерб. *-лы*, *-ли*, *-лу*, *-лү*,[78] в высокой степени свойственна склонность к субстантивации без оформления аффиксами множественного числа.[79] Но в отношении некоторых языков, например тувинского, в грамматиках имеются определенные указания на субстантивирующую роль аффиксов множественного числа у имен прилагательных или причастий, ср.: «Имена прилагательные субстантивируются . . . путем добавления к основе прилагательного аффикса множественного числа, например:

кырган 'старый' — *кырганнар* 'старики',
аныяк 'молодой' — *аныяктар* 'молодежь',
кызыл 'красный' — *кызылдар* 'красные' (сущ.).[80]

Сюда же: «*келгеннер дыштанып турар* 'приехавшие отдыхают' (*келгеннер* — субстантивированное причастие)».[81]

В связи с широкой семантикой лексемы *эл*~*ил* (*el*~*äl*~*il*), обнимающей, с одной стороны, такие понятия, как «человек»~«люди»~«народ»~«жители»~«страна» и, с другой — «согласие»~«мир», нельзя не вспомнить о более чем сходном случае, который предоставляют в наше распоряжение материалы индо-европейских языков и, в частности, русский и другие славянские языки в связи с этимологией слова «мир», ср.:

---

[76] См., например: Алексеев Д. А. О некоторых показателях множественности в бурят-монгольском языке. — Сборник трудов по филологии. Вып. I. Улан-Удэ, 1978, с. 134.

[77] См., например: Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. М., 1953, с. 133—134.

[78] См.: Севортян Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966, с. 53—77.

[79] См., например: Кононов А. Н. Показатели собирательности-множественности, с. 104—105.

[80] См.: Сат Ш. Ч. Тувинский язык (краткий грамматический очерк). Приложение к тувинско-русскому словарю под ред. А. А. Пальмбаха. М., 1955, с. 658.

[81] Там же, с. 715.

«*мир* — укр. *мир* ‘весь мир, народ, спокойствие, согласие’, др.-русск., ст.-слав. *миръ* (и то и др. в Остром, Супр.), болг. *мир*(*ът*) ‘мир, спокойствие, свет’, сербохорв. *мȉр*, род. п. *мȉра* ‘мир, покой’, словен. *mir* — то же, чеш. *mír* ‘мир, покой, спокойствие, согласие’, польск. *mir*, в.-луж., н.-луж. *měr* — то же. Первонач. основа на *-u*, следы которой имеются в ст.-слав. и др.-чеш.; см. Гебауэр, HM 3, 1, 334; Мейе, RS 6, 131 // родственно др.-лит. *mieras* ‘мир, спокойствие’, лтш. *miers* — то же, далее алб. *mirë* ‘хороший’ (Педерсен, KL 33, 541; Фасмер, Stud. alb. Wf. I, 43 и сл.), др.-инд. *mitrás* ‘друг’, далее см. ‘милый’; см. Мейе, ét 404; М.—Э. 2, 654; Эндзелин, СБЭ 197; Бернекер 2, 60 и сл.; Траутман, BSW 175; Брандт, РФВ 22, 257 знач. «сельская община» развилось из «мир, мирное сообщество», ср. гой, изгой; см. Бернекер, там же; B_2 Шульце, Kl. Schr. 201.[82]

Интересно, что в словарях тюркских языков, например в татарско-русском словаре, среди значений слова *ил* приводятся и русское «мир», «общество», «община», причем эти переводы иллюстрируются весьма убедительными фразеологическими примерами: *ил белән* ‘всем миром (обществом, общиной)’; *бер төкерсә бер булыр, ил төкерсә күл булыр* ‘с миру по нитке — голому рубашка’ (букв. ‘если плюнет один, то это будет одно, а если плюнет мир, то образуется озеро’); *ил сүзе Идел дулкыны* ‘мирская молва, что морская (букв. волжская) волна’. Вместе с тем в этих словарях мы находим такие характерные для языков алтайской общности парные слова и другие производные, как тат. *ил-күз* собир. ‘жители’, ‘население’, *ил+су* ‘родина’, ‘родные края’, *илче* ‘посол’, ‘посланец’, ‘посланник’.

Итак, семантика слов, служащих для выражения понятия «народ», как мы видели выше, включает представление о некоей совокупности, об общности, а это последнее, в свою очередь, подразумевает согласованность → согласие → мир. Таков семантический диапазон лексемы *ел*~*ил*. Принимая во внимание наличие указанного комплекса значений данного гнезда, т. е. гнезда слов, восходящих к корню **эл*, мы получаем возможность восстановить сходные линии семантического развития и в отношении гнезда слов другого корня, фономорфологический облик производных которого претерпел столь значительные изменения, что их этимологическая взаимосвязанность не столь очевидна, как в только что рассмотренном случае. Мы имеем в виду прежде всего вероятные монгольские параллели к тунгусо-маньчжурским лексемам с корнем **най*, т. е. нан. *най*~*наі*~*неі*, ульч. *н'й* и т. д., см. выше, с. 216.

По-видимому к этому корню **най* относятся и следующие две группы монгольских слов, одна — в твердорядной, а другая — в мягкорядной огласовке:

---

[82] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. II. М., 1967.

п.-мо. *nai*, монг. *най* ‘дружественное расположение’, ‘дружба’; п.-мо. *nair*, монг. *найр* ‘мир’, ‘согласие’, ‘вежливость’, ‘добрососедские отношения’, ‘любезность’, ‘веселье’, ‘пир’; п.-мо. *nairtai*~*nairtu*, монг. *найртай* ‘согласный’, ‘сговорчивый’, ‘мирный’, ‘дружественный’, ‘любезный’, ‘вежливый’ (бур. *найргуй* ‘неприятный’, ‘неудобный’); п.-мо. *naira-*, монг. *найра-* ‘сочетаться’, ‘соединяться’, ‘смешиваться’; п.-мо. *nairal*, монг. *найрал* ‘согласие’, ‘согласованность’, ‘единение’, ‘гармония’; п.-мо. *nairaldu-*, монг. *найралда-* ‘быть в согласии’, ‘сочетаться’, ‘соединяться’; п.-мо. *nairamda-*, монг. *найрамда-* ‘приходить к согласию’, ‘мириться’, ‘устанавливать дружественные отношения’, ‘ладить’.

К этой же группе слов с твердорядной огласовкой корня **най* тяготеют п.-мо. *naiǯu*, монг. *найз* ‘друг’.

Приведем несколько примеров с мягкорядным составом гласных:

п.-мо. *nei*, монг. *ний* ‘согласие’, ‘единодушие’, ‘совокупность’, ‘совокупно’, ‘вместе’, ‘всего’, ‘итого’; п.-мо. *neiče*, *nais*~*neis*, монг. *нийе*, *нийц* ‘согласие’, ‘единомыслие’; п.-мо. *neigem*, монг. *нийгэм* ‘общество’, ‘весь’, ‘все’; п.-мо. *neidem*, монг. *нийдэм* ‘совокупность’, ‘все’; п.-мо. *neile-*, монг. *нийлэ-* ‘соединяться’, ‘собираться вместе’, ‘дружить’, ‘соответствовать’, ‘совпадать’, ‘годиться’, п.-мо. *neiče-*, монг. *нийцэ-* ‘соответствовать’ и т. д. К последней группе производных с корневой морфемой **ней* (**nei*) относится и местоимение п.-мо. *neite*, монг. *нийт* ‘весь’, ‘все вообще’, ‘совершенно все’, ‘вместе’, ‘в совокупности’, ‘всего’, ‘итого’. По значению к этому местоимению близко п.-мо. *narmai* ‘весь’, ‘все вообще’, которое, по-видимому, восходит к **наи-рмай*. Своим общим фономорфологическим обликом п.-мо. *narmai*, с одной стороны, вызывает ассоциацию о суффиксе множественного числа *-нар*, *-нэр*, с другой — о ма. *н'алма* ‘человек’ (*<*найл-ма* < **наир-ма*).

Конечные слоги п.-мо. *neite* и *nar-mai*, очевидно, придают в обоих случаях значение исчерпывающей полноты (‘все’ или ‘все вообще’, ‘совершенно все’) подобно, например, нанайскому или ульчскому суффиксу *-ту*; ср. нан., ульч. *хэм* ‘все’ — нан. *хэм-ту*, ульч. *хэм-туҳэсэ* ‘все без исключения’. Предположение Э. Пекарского о связи як. *нāр* ‘порядок’, ‘соразмерность’, ‘однородность’, ‘парность’ с п.-мо. *найир* ‘согласие’ [83] поддержано в наше время Ст. Калужиньским.[84] Таким образом, монгольский аффикс множественного числа, который Г. Рамстедт возводил к гипотетическому **нар* ‘совокупность’,[85] может быть поставлен в этимологическую связь с *найир*, т. е. в конечном счете с усложненной лексемой *най* ‘человек’, ‘люди’ (*найир* < **най*+*ир*~(?) *ер*).

---

[83] Пекарский Э. К. Словарь якутского языка, т. II, с. 1680.

[84] Kałużyński St. Mongolische Elemente in der Jakutischen Sprachen. Warszawa, 1961.

[85] Рамстедт Г. И. Введение. . ., с. 59.

В связи с вопросом о представлениях, связанных с восприятием множественности предметов, об отражении этих восприятий в языке лексическими, морфологическими и синтаксическими средствами необходимо привлечь материал, который предоставляют в распоряжение лингвиста местоимения.

Дело в том, что в формах местоимений (или шире — слов-заместителей), выполняющих в языке обобщенно-указательные функции, находят свое выражение основные категориальные свойства знаменательно-полноценных, т. е. наделенных вещественной семантикой разрядов слов (частей речи). При этом в ходе исторического языкового развития слова-заместители оказываются более консервативными, и поэтому в их формах могут сохраняться архаические черты грамматического строя.

В качестве одного из примеров, который является наглядной иллюстрацией к высказанным выше положениям, можно привести анализ данных, связанных с одним из вопросительных местоименных корней. Значительная часть языков алтайского мира (тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские) характеризуется наличием общего вопросительного элемента **кʿа-~*кʿе-*, с помощью которого образована целая группа лексем вопросительного значения (вопросительные местоимения, вопросительные наречия места, времени, образа действия, количества и, наконец, вопросительные глаголы).

Вопросительные слова с элементом **кʿа-* наиболее полно представлены в материалах ряда тюркских языков, в частности в древнетюркском.

Данные монгольских языков характеризуются наличием не только твердорядного вопросительного элемента **кʿа- > ха-*, который обнаруживается главным образом в локальных вопросительных наречиях, но и его мягкорядной разновидностью **кʿе- > хэ-*, при помощи которой сконструированы вопросительные наречия времени, образа действия и количества.

Что касается тунгусо-маньчжурских языков, то начальный вопросительный элемент **кʿа- > ха-* сохранила в интересующей нас группе слов приамурская триада, т. е. нанайский, ульчский и орокский языки, тогда как в остальных начальный согласный **кʿ* не только исчез, т. е. **кʿа- > а-(~о-)*, но и вся группа вопросительных слов носит черты супплетивности (см. таблицу на с. 228).

Из приведенных в таблице вопросительных слов нас в первую очередь интересуют те из них, которые обозначают «сколько».

Обратимся к данным тунгусо-маньчжурской группы. В этих языках представлено две разновидности слов «сколько» с корневым элементом **кʿа-*: одно с праформой **кʿа-дуи > *ха-дуи* (нан. *хадо/у*, эвенк., эвен., нег. *адӣ*, ма. *уду* [86]) и второе с праформой **кʿа-сун > *ха-сун* (ульч. *хасу(н)*, эвенк., эвен., нег. *асун*). К тун-

[86] По-видимому, ма. *уду* 'сколько' вместо ожидаемой формы * *аду* является результатом регрессивной губной ассимиляции.

Вопросительные слова-заместители с корнем *к'а- в алтайских языках

Значения	Тюркские языки		Монгольские языки			Тунгусо-маньчжурские языки			
	др.-тюркск.	тувинск.	п.-монг.	монгольск.	нанайск.	маньчж.	эвенкийск.	
что, кто, какой	*qaju~qanɣi*	*кайы*	*(jaɣun)*, *ken*	*(юу(н))*, *хэн*	*ɣай*	*ай*	*(ё-кун)*	
куда	*qanča*	*кайыже*	*kaɣasi*	*хаашаа*	*ɣao-си*	*абси*	*авакй*	
где	*qaj(u)da*, *qanda*	*кайда*	*kaɣa*	*хаа*, *хамаа*	*ɣай-ду*	*ай-дэ*	*(йду)*	
откуда	*qajudïn*, *qantïn*	*кайдыын*	*kamiɣaki*	*хаа-на-гъ*	*ɣаванʒи*	*айбичи*	*авгит*	
как	*qalï*	*канчаар*, *кер*	*kaɣaɣur*, *ker*	*хаагуур*, *хэр*	*ɣони*	*анта*	*ӧн*, *анти*	
когда	*qačan*	*кажан*	*keǯije*	*хэзээ*	*ɣӧли*	*атаʒи*	*ӧкин*, *ӓли*	
сколько	*qa(n)č*	*каш*, *чеже*	*kedüi*, *kedün*	*хэдүй*, *хэдэн*	*ɣадо/ɣ*, *ɣасу(н-)* (упыч.)	*уду*	*адй*, *асун*, *оки*	

гусо-маньчжурской разновидности *к'а-дуи > *ха-дуи весьма близко п.-мо. *ke-düi*~*ke-dün*. По своему морфологическому облику вопросительные слова-заместители *к'а-дуи~*ке-дуи, *ке-дун*, а также *к'а-сун чрезвычайно близки монгольским именам существительным с совокупно-собирательной семантикой, ср. п.-мо. *si-dun* 'зубы', *o-dun* 'звезды', *silü-sün* 'слюна', *či-sun* 'кровь' и т. д.

В северной подгруппе тунгусо-маньчжурских языков, т. е. в языках эвенкийском, эвенском и негидальском, употребляются в значении «сколько» как разновидность *адӣ* < *ха-дуи < *к'а-дуи, так и *асун* < *ха-сун < *к'а-сун: первая используется, когда имеется в виду число единично выраженных, считаемых предметов (например, сколько человек, белок, домов), тогда как постановка второй предполагает суммарное представление о массе вещества (например: сколько масла, муки, сахару).[87] Таким образом, разница в семантике между т.-ма. *к'а-дуи и *к'а-сун весьма сходна с отличиями в значениях, присущих монгольским суффиксам *-дун*, *-дӱн*, *-dun*, *-dün* (показатель совокупности мелких предметов) и *-сун*, *-сӱн*, *-sun*, *-sün* (в роли показателя наименований вещества, скоплений и т. д.).

Структурно с п.-мо. *ke-düi* и т.-ма. *к'а-дуи > *ха-дуи эвенк., эвен. *а-дӣ* тождественны производные от указательных местоимений, а именно п.-мо. *e-düi* '(э)столько', *te-düi* 'столько' (такое количе-

[87] См.: Цинциус В. И. О некоторых лексических моделях алтайских языков. — В кн.: Языковые универсалии и лингвистическая типология. М., 1969.

ство), эвенк., эвен. *эр-дӣ-н* ‘(э)столько’, *тар-дӣ-н* ‘столько’, ‘так велик’, а также эвенк. *ha-дӣ-н* ‘некоторые’, ‘частично’ и, возможно, эвен. *дӣ-н*, эвенк. *-дӣ-н* ‘размером’, ‘величиной’ (с кого, либо, со что-либо).

Если в п.-мо. *ke-düi* ‘сколько’, *e-düi*, *te-düi* ‘столько’, как и в эвенк., эвен. *а-дӣ* ‘сколько’, *эр-дӣ-н*, *тар-дӣ-н* ‘столько’, этимологический анализ первого слога приводит нас с полной очевидностью к местоименным корням, то семантика второго слога — п.-мо. *-düi*, *-dui*, эвенк., эвен. *-дӣ* < *-дуи*, *-дӯи* также довольно прозрачна: этот аффикс означает количество, множество, величину (какое количество, как много, как велик — такое количество, так много, так велик).

Нам думается, что монгольский аффикс *-дуи*, *-дӯи* следует поставить в связи с п.-мо. *düi-*, монг. *дуй-* ‘продавать, покупать оптом’ (по удешевленной цене), сюда же (?) п.-мо. *düng*, монг., бур. *дун(г)* ‘итог’, ‘сумма’, ‘результат’ (? отглагольное имя с аффиксом *-ŋ* от **düi-*, ср. п.-мо. *düŋgijer* ‘полностью’, ‘гуртом’, ‘оптом’).

На основании проведенного выше этимологического анализа монгольских и тунгусо-маньчжурских лексем со значением «сколько», «столько» и т. д. мы можем представить схему соотношения слов с морфемой **дӯи-*.

Схема соотношения лексем с морфемой **дӯи* (*düi*) в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках

Монгольские формы	Тунгусо-маньчжурские формы
* *дуй* ‘скопление, множество, большое количество однородных предметов’	
п.-мо. *düi-* ‘продавать, покупать оптом’	эвен. *дӣ-н*, эвенк. *-дӣ-н* ‘величиной с кого-либо, со что-либо’
п.-мо. *dü-ng* ‘сумма, итог’, *düng-ijēr* ‘полностью, гуртом’, ‘оптом’	
п.-мо. *ke-düi* ‘как много, какое количество, сколько’	т.-ма. **к‘а-дуи* ‘как много’. нан. *ха-до/у*, эвенк., эвен. *а-дӣ* ‘сколько’
п.-мо *e-düi*, *te-düi* ‘такое количество, столько’	эвенк., эвен. *эр-дӣ-н*, *тар-дӣ-н* ‘столько’
п.-мо. суфф. *-dui*, *-düi*, *-dun*, *-dün* существительных совокупно-собирательных:	
ši-dun ‘зубы’	(эвенк. *hā-дӣ-н* ‘часть, некоторое количество, некоторые’)
mo-dun ‘лес, деревья’	
o-dun ‘звезды’	

Несмотря на кажущуюся «банальность» реконструкции типа *к‘а-дӯи* ‘сколько’ и т. д., этимологии подобного рода отнюдь не лежат на поверхности. Так, в отношении анализа тюркского материала пока нельзя сказать, чтобы он удовлетворял нас. Местоимения со значением «сколько» образуются в тюркских языках не только с вопросительной первой морфемой *ка-*, но с другими, восходящими, правда, к вопросительным же местоимениям, например, чув. *миçе*, *минçе*, узб. *неча*, кирг. *нече* (но узб., кирг.

также *канча*). В. Г. Егоров по поводу этих слов пишет: «По-видимому, *мин-*, *нен-*, *нин-*, *кан-* представляют древнюю основу местоимения в значении „что", а аффиксы *-çĕ*, *-че*, *-ча*, *-ше* восходят к персидскому слову *чӑнд* 'сколько': *мĕн+чӑнд* > *мĕнче — минçе* > *миçе-* 'что сколько' > 'сколько'».[88] Нам же представляется, что тюрк. *-ча* и т. д. может найти свое объяснение на тюркской почве. Ср. тур. *çok* 'много, очень, весьма'. Вместе с тем в том же языке наряду с местоимениями *каç*, *nice* употребляется в значении «сколько» словосочетание *ne kadar* / *nekadar*, которое называют также вопросительно-количественным прилагательным. Слово же *kadar* — арабизм, со значением «количество, мера, величина» и входит в сочетание и с другими турецкими местоимениями: *bu kadar* 'столько', *o kadar* 'настолько'.[89]

К настоящему времени в качестве некоторых предварительных итогов анализа показателей множественного числа большинство исследователей видит в них доказательство определенной общности с фономорфологической точки зрения. Схематически это выглядит следующим образом: [90]

без гласного:	*-т/-д	*-с	*-л	*-н	*-р	-к
с гласным:	*-та	*-са	*-ла(р)	*-на(р)	*-ри, -з(тюрк.)	-ку

Вместе с тем представление о множественности может быть выражено в алтайских языках не только аффиксальным, но и лексическим путем, как об этом уже говорилось выше и как это можно еще раз убедительно проиллюстрировать на примерах, ср. п.-мо.:

lama	'лама'	*elči(n)*	'посол'
lama-s	'ламы'	*elči-s,-d*	'послы'
lama-nar	'ламы'	*elči-ner*	'послы'
lama kümün	'ламы'	*elči kümün*	'послы'
lama kümüs	'ламы'	*elči kümüs*	'послы'

С нашей точки зрения, все приведенные выше разнообразные показатели множественного числа алтайских языков развились из прошедших стадию прономинализации существительных с семантикой «человек»~«люди», «люди»~«сообщество»~«совокупность»~«все». В чрезвычайно сжатом виде, приводя только крайние точки (в качестве отправной — соответствующее имя существительное или местоимение и в роли конечной — суффикс множе-

---

[88] Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, с. 134.

[89] Кононов А. Н. указывает на различие в этих словах со значением «сколько»: *nekadar* употребляется при вопросе об общем количестве лиц, предметов — *Burada nekadar çoçuk var? Çok* 'Сколько здесь детей? Много'. Но: *Burada kaç çoçuk var? Iirmi* 'Сколько детей здесь? Двадцать'. Т. е. в данном случае желают получить точный ответ (с. 138). Морфему *-ç* А. Н. Кононов выводит из *cang* 'мера'.

[90] Ср.: Poppe N. Plural suffixes in the Altaic language, p. 77.

ственного числа), наши этимологические выводы могут быть представлены следующим образом:

суфф. *-т/-та* (кор. *та* 'все');

суфф. *-с/са* (уд. *сэ* 'род', ма. *саса* < *са*+*са* 'все вместе');

суфф. *-л* (тюрко-монг. **ел*~*ил* 'народ', 'сообщество');

суфф. *-н/-нар* (кор., т.-ма., мо. **най* > **най*+*ир* 'человек', 'народ', 'общество');

суфф. *-р/з*, *-ри* (тюрко-монг. **эр* 'мужчина', 'человек');

суфф. *-к/-ку*, *-кун* (тюрко-монг. **кӱн* 'человек', 'народ', 'сообщество').

В область категории множественности входят и такие разделы, как множественное репрезентативное и множественное вежливости. Изучение этих форм важно, так как может служить не только для полноты охвата материала, но и для понимания истории развития формальных показателей или особенности тех или иных форм. Так, например, нам представляется, что своеобразие форм множественного числа местоимений 1 и 2 лица, в частности чередование гласных, могло возникнуть на базе морфологически стертых репрезентативных форм. Сюда же тяготеют различные совместно-сопроводительные формы, присоединительные частицы, формы обладания и, по-видимому, не только имя побочных результатов действия, но и формативы имен склонности и т. д.

Формы множественности в алтайских языках прошли долгий путь развития. По тем или иным причинам на уже имеющиеся образования наслаивались новые показатели, в общем отвечающие требованиям одной и той же продолжающей действовать модели, например: эвенк. *акунасал* < **а-ку(н)-на(й)-са-(и)л*.

Приведенное выше эвенк. *акунасал* 'старшие братья' является одной из разновидностей форм множественного числа существительного *акин* 'старший брат' (ср. ма. *аҳун*), которое, с нашей точки зрения, представляет собой архаическую композиту **а-кун* (*а-* активное, мужское начало+*кун* 'человек').[91] Морфема *-на-* — суфф. совокупно-собирательный, исторически восходящий к существительному *най(р)* 'народ', 'сообщество'. Наконец, суфф. *-сал* — удвоенный показатель мн. числа *-са*+*(и)л*. В целом же перед нами исторические напластования четырех формативов, которые в языках алтайской общности каждый в отдельности используется для обозначения множественности.

---

[91] См.: Цинциус В. И. К этимологии алтайских терминов родства. — В кн.: Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972, с. 40—45, 70.

О. П. СУНИК

МЕСТОИМЕНИЯ «САМ» / «СВОЙ» И ИХ МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕРИВАТЫ В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ

1. Вводные замечания

Во всех алтайских языках широко употребительны местоименные слова, общее значение которых прежде всего может быть охарактеризовано посредством категории определительного местоимения, такого, например, как русское *сам (сама, само)*, *сами*. Ср. нан. *ми мэнэ*, *си мэнэ*, *н'оан'и мэнэ* 'я сам', 'ты сам', 'он сам' и т. п., что по значению соответствует также франц. *moi-même*, *toi-même*, *lui-même*.

С другой стороны, те же алтайские определительные местоимения, выступая в роли препозитивного определения, соответствуют по значению безлично-притяжательным (иначе — «возвратным местоимениям-прилагательным»), таким, например, как русск. *свой (своя, свое)*, *свои*. Ср. франц. *son (il aime son travail* — 'он любит свою работу') и т. п. Еще один поясняющий пример из нанайского: *мэнэ апом-би* 'свою шапку', *мэнэ зод-до-и* 'в своем доме' и т. п.

Иными словами, подобно тому как алтайские личные местоимения в различных синтаксических функциях соответствуют по своим смысловым значениям то предметно-личным местоимениям, таким, например, как русск. *я*, *ты*, *он*, *мы*, *вы*, *они*, то лично-притяжательным типа русск. *мой*, *твой*, *его*, *наш*, *ваш*, *их*, так и алтайские определительные местоимения со значением «сам», «сами» могут вместе с тем иметь значение притяжательное — «свой (своя, свое), свои». Но в отличие от вышеупомянутых лично-притяжательных последние являются безлично-притяжательными (иначе — общепритяжательными) местоимениями.

В ряде других случаев те же алтайские определительные местоимения, выступая в функции приглагольного дополнения (прямого или косвенного) и принимая при сем формы соответствующих к о с в е н н ы х падежей, соответствуют по своему смысловому значению формам возвратного местоимения, таким, например, как русск. *себя*, *себе*, *собою*, *(у) себя*, *(о) себе*, *(от) себя* и. т. д. Ср. нан. *мэн-ду-и* 'у себя' или 'в своем' и т. п.

Именно поэтому (и только поэтому!) в различных грамматических исследованиях по многочисленным алтайским языкам или

их отдельным диалектам (наречиям, говорам), особенно в исследованиях, написанных по-русски, интересующие нас алтайские местоимения очень часто, но без должных на то оснований определяются (иногда с оговорками) как «возвратные» или «рефлексивные», а образованные от них безлично-притяжательные суффиксы (иначе — «частицы»), свойственные субстантивным (или субстантивированным) именам некоторых алтайских языков (монгольских, тунгусских), признаются безоговорочно «возвратными» («рефлексивными»), хотя грамматические значения этих суффиксов всегда являются только безлично-притяжательными и в отличие от лично-притяжательных ('мой', 'твой', 'его' и т. д.) «переводятся» посредством русск. 'свой', 'своя', 'своё', 'свои' и т. п. Но не посредством 'себя' (>-ся~-сь) — возвратных форм, свойственных не именным, а глагольным словам русского языка: *мою-сь*, *учат-ся* и т. п.[1]

Наблюдаются известная аналогия и полный структурный параллелизм в общем поссесивном (притяжательном) значении и в истории образования (происхождения) между лично-притяжательными суффиксами алтайских языков — морфологическими дериватами соответствующих личных местоимений, с одной стороны,[2] и суффиксами безлично-притяжательными (иначе — общепритяжательными или субъектно-притяжательными) — морфологическими дериватами упомянутых выше алтайских определительных или безлично-притяжательных (иначе — «возвратных») местоимений «сам / свой» — с другой стороны.

Отсутствие в алтайских языках собственно возвратных местоимений и соответственно возвратных суффиксов, свойственных индоевропейским языкам, в частности русскому, и наличие в них — в алтайских языках — особой системы определительно-притяжательных местоимений («сам / свой»), а также в ряде языков их морфологических дериватов (безлично-притяжательных форм имени) — одна из существенных структурно-типологических черт грамматического строя алтайских языков, объединяющая эти языки и противопоставляющая их другим, в том числе языкам индоевропейской семьи, в частности славянским, а в их числе русскому.

Отсутствие в некоторых алтайских, прежде всего в тюркских языках, упомянутых морфологических дериватов интересующих нас местоимений — безлично-притяжательных суффиксов имени (при наличии соответствующих местоимений) вносит в решение

---

[1] Подробнее об этом в статье: С у н и к О. П. К вопросу о возвратных местоимениях в алтайских языках. — ПОАЯз, 1971, с. 263 и след.

[2] См.: K o t w i c z Wł. Les pronoms dans les langues altaiques. Kraków, 1936; в работе учтены результаты изучения алтайских личных местоимений в сравнительном плане от исследований М. А. Кастрена (1850 г.), О. Бётлингка (1951 г.), В. Шотта (1860 г.) до В. Радлова (1899), Г. Рамстедта, В. Банга, Н. Поппе, В. Богородицкого, К. Грёнбека и некоторых других работ нашего века.

проблемы происхождения материальной и типологической общности грамматического строя алтайских языков дополнительные трудности, но вместе с тем побуждает признать тему предлагаемой работы заслуживающей особого внимания алтаистов.[3]

Заметим, что до недавнего времени этой теме большого внимания в алтаистике не уделялось. Так, например, в указанной обобщающей работе Вл. Котвича, посвященной сравнительному изучению алтайских местоимений (личных, вопросительных, указательных), определительное (или «возвратное») местоимение даже не упоминается, а при рассмотрении суффиксов местоименного происхождения об интересующих нас безлично-притяжательных формах имени сказано только следующее: «Наряду с личными притяжательными суффиксами мы встречаем в алтайской области возвратно-притяжательный (безличный) суффикс, который обозначает принадлежность субъекту и в польском (как и вообще в славянских) языке соответствует местоимению *swój*. Он существует во многих монгольских и тунгусских языках».[4]

Ссылаясь на это специальное исследование алтайских местоимений (1936), В. Котвич в своей посмертно опубликованной работе «Studia nad językami altajskimi» (Kraków, 1953),[5] отмечая особую сложность вопроса, вновь возвращается к данной теме, намереваясь дополнить уже известные выводы новыми.

По его мнению, отсутствие в алтайских языках самостоятельных притяжательных и возвратных местоимений (т. е. местоимений типа русск. *мой*, *твой*, а также *свой* и т. п.) «алтайские народы старались заменить родительным падежом личных местоимений, которые они ставили перед определяемым словом» (заметим в скобках, что далеко не всегда в подобных случаях употребляется родит. падеж этих местоимений). Потом, как пишет В. Котвич, произошло перемещение личных местоимений с положения препозитивного в постпозитивное.[6]

Отметим со своей стороны, что личные местоимения в любом положении (препозитивном или постпозитивном) не равнозначны так называемому алтайскому «возвратному» местоимению или «возвратно-притяжательному» (безличному) суффиксу со значением *swój*.

Считаясь с этим, В. Котвич далее пишет: «Из трудного положения, создававшегося в связи с отсутствием возвратных местоимений, монголы вышли, использовав особую частицу *ban~ben*, *yan~yen* (*iyan~iyen*), а иногда *γan~gen* (*ʿan~ʿen*), которая

---

[3] В Секторе алтайских языков Ленинградского отделения Института языкознания выполнено специальное исследование — кандидатская диссертация С. Л. Чарекова, посвященная безлично-притяжательным формам имени в монгольских языках в сравнении с другими алтайскими (1975).

[4] K o t w i c z Wł. Les pronoms. . . .

[5] К о т в и ч В. Исследование по алтайским языкам. (Перев. с польского). М., 1962.

[6] Там же, с. 159.

присоединяется к концу слова. Она восходит, вероятно, к слову *beye* 'человек, тело, сам', широко распространенному в алтайских языках».[7]

Указав, что в маньчжурском это же слово (т. е. *бэjэ*) в форме род. падежа (*бэjэ-и*) выступает в роли «возвратного местоимения» (со значением «свой»), подобно тому как и личные местоимения в форме того же родительного падежа выступают в роли личнопритяжательных местоимений, В. Котвич приходит к следующему выводу: «Подобным же образом могли поступить и монголы: *beje* в родительном падеже со значением „свой, собственный" они сначала употребляли перед определяемым словом, а затем после него». Со временем это постпозитивное *beje* могло слиться с определяемым словом и стать настоящей частицей, а потом и суффиксом. На всей территории распространения монгольского языка, указывает В. Котвич, на месте старой частицы *ben*, *yen*, засвидетельствованной памятниками письма XIII в., уже окончательно вырабатывается «притяжательно-возвратный суффикс»: *-ān∼-en* (калм. ордос.) *-ā∼-ē* (бурят., халх., даг.) или *-ga*, *-ya* (после долгих гласных).[8]

Не входя пока во многие существенные детали, следует со всей определенностью сказать, что общие линии образования и развития определительного местоимения («сам > свой»), как и пути развития его морфологических дериватов — безлично-притяжательных суффиксов, свойственных многим алтайским языкам, В. Котвич наметил здесь несомненно верно, хотя и далеко не исчерпывающе.

Прежде чем перейти к рассмотрению и сравнительному анализу относящегося к данной теме лингвистического материала, остановимся более подробно на общеграмматическом понятии «возвратности» (или «рефлексивности») действия и способах его выражения в некоторых разноструктурных языках.

2. Несколько замечаний о грамматической категории «возвратности»

С позиций общей научной грамматики возвратным (иначе — рефлексивным) может быть признано только такое предметно-местоименное (иначе — субстантивно-прономинальное) слово, которое, выступая в функции объекта, всегда «замещает» лицо (или имя), являющееся вместе с тем субъектом (агенсом) данного словосочетания или предложения. Ср. русск. *не щадить себя*, *думать о себе*, *любоваться собой* и т. п., а также *я (ты, он) думал о себе. Мы (вы, они) думали о себе* и т. п., где *себя*, *себе*, *собой* — формы возвратного местоимения, не имеющие ни личных, ни родовых,

[7] Там же, с. 160.
[8] Там же, с. 161.

ни числовых различий, свойственных так или иначе другим разрядам имен или некоторым иным разрядам местоимений русского языка.

В сходной по значению функции в ряде других индоевропейских языков (а иногда и в русской нелитературной речи) могут выступать и формы косвенных падежей не возвратных, а предметно-личных местоимений (1-го и 2-го лица ед. и мн. числа). В аналогичной функции способны выступать еще и косвеннопадежные формы отдельных в той или иной степени прономинализированных существительных. Ср. русск. диалектное: *А мы-то нам ндравимси* (лит. *мы себе нравимся*), *мы (вы, они) своего брата в обиду не дали* (вместо *мы, (вы, они) себя в обиду не дали*) и т. п. В некоторых германских и романских языках возвратное местоимение выступает, как известно, только в синтаксических конструкциях с субъектом (агенсом), выраженным «третьими лицами». Ср. немецк. возвратный глагол *sich waschen* ('мыть себя' ~'мыться'): *ich wasche mich* ('я мою меня'), *du wäschst dich* ('ты моешь тебя'), но *er wäscht sich, sie waschen sich* ('он моет себя', 'они моют себя'), где в отличие от форм винительного падежа для местоимения первых двух лиц (*mich, dich, uns, euch*) в конструкциях с подлежащим, выраженным третьим лицом, объект выражается неизменяемой формой возвратного местоимения *sich*, но не формой винительного падежа соответствующих личных местоимений (*ihn* 'его', *sie* 'ее', *sie* 'их'), употребление которых лишило бы эти конструкции всякой «возвратности».

Но несмотря на известное сходство функций и близость общих смысловых значений, косвенные падежи приведенных выше предметно-личных местоимений, так же как и сходные по функции неместоименные слова (прономинализованные существительные), возвратными местоимениями не становятся. Возвратным является только такое предметно-неличное (иначе — безличное, не обладающее категорией грамматического лица) местоименное слово, которое не может употребляться в функции подлежащего, сказуемого или определения. Оно монофункционально. Это всегда прямое или косвенное дополнение. Ему не свойственна поэтому форма номинатива, оно лишено сколько-нибудь развитой системы словоизменения и словообразования.

В индоевропейских языках, в которых наличие возвратного местоимения как особой грамматической категории бесспорно, это местоимение употребляется либо в связи с субъектом, выраженным любым лицом (славянские, балтийские языки), либо только с субъектом, выраженным третьим лицом местоимения или любым существительным (германские, романские языки): *себя, ся, se, sich* и т. п. суть местоимения возвратные.[9]

---

[9] Следует отметить, что в русской грамматической традиции «возвратным» именуется не только «местоимение-существительное» *себя*, но иногда и «местоименное прилагательное» *свой*, с бо́льшим основанием называемое также

В алтайских языках, как и в некоторых других, например в уральских, специальной категории возвратного местоимения, равно как и глагольных возвратных суффиксов (вроде русск. *-ся*, *-сь*), на наш взгляд, нет, хотя сходные в функциональном отношении средства выражения общего грамматического понятия «возвратности» в них несомненно имеются. Без должных на то оснований эти особые средства алтайских языков и именуются обычно возвратными (рефлексивными) местоимениями или еще и возвратными (рефлексивными) суффиксами имени (во многих грамматиках монгольских и тунгусских языков).

Сравнительному анализу средств выражения понятия «возвратности» в различных алтайских языках, обнаруживающих в этой области немало общего, посвящены многие из последующих страниц предлагаемой работы.

3. Об определительных местоимениях «сам/свой» в тюркских языках

Обзор относящихся к нашей теме материалов мы начнем с многочисленных и наиболее подробно описанных в литературе языков тюркской группы — языков, близкое родство которых является очевидным и не вызывает никаких сомнений.

Так, в тюркских языках Советского Союза, судя по данным грамматических очерков 23 языков,[10] в десяти случаях устанавливаются «возвратные местоимения» (языки азербайджанский, башкирский, казахский, крымско-татарский, ново-уйгурский, туркменский, узбекский, хакасский, шорской, барабинских татар), в четырех случаях такие же местоимения называются «определительными» (языки киргизский, кумыкский, татарский, гагаузский), «лично-возвратными» (языки карачаево-балкарский, чувашский, якутский), «возвратно-определительными» (тувинский), «лично-определительными» (алтайский), «сложными личными местоимениями» (каракалпакский, ногайский) и т. п.[11] И только в одном грамматическом очерке вопрос о терминологическом определении тех же местоимений остался открытым: слово *öз~эз* (диалекты караимского языка), пишет К. М. Мусаев, «всегда употребляется с аффиксами принадлежности, склоняется, принимает аффиксы мн. числа и выражает то, что в ряде грамматик

«притяжательным» (принадлежащий себе). Ср., например, академическую Грамматику современного русского литературного языка (М., 1970, с. 307) и Словарь русского языка С. И. Ожегова (М., 1972, с. 649) (и то и другое издание под редакцией Н. Ю. Шведовой).

[10] Языки народов СССР. Т. II. М., 1966.

[11] Ж. Дени в своей известной грамматике турецкого языка такого же рода образования называл «усиленными личными местоимениями» (§ 302) и переводил их на французский — *moi-même*, *toi-même*, *lui-même* и т. д. (D e n y J. Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli). Paris, 1920, p. 204—205).

именуется „возвратным местоимением“: *эз-им* ‘я сам’, *эз-ин* ‘ты сам’, *эз-и* ‘он сам’ и т. д.».[12]

Слово *ӧз~эз* в таком же или сходном значении и в тех же функциях, но с некоторыми фонетическими вариациями (в орфографическом написании, *өз*, *уз*, *озь*, *ӱз*, *ӱс*, *оьз* и т. п.) встречается в многочисленных тюркских языках — древних, новых и новейших (обобщенно — *ӧz* или *ӧз*).[13] В речи оно употребляется либо в абсолютной (безаффиксальной) форме, либо чаще — в личнопритяжательной (с суффиксами принадлежности), склоняемой по всем падежам, не исключая и именительный.

В первом случае (абсолютная форма) *ӧз* выступает в роли препозитивного определения, например, кирг. *өз колум* ‘сам рука-моя’ — ‘своя (или моя собственная) рука’. Тогда это нечто сходное по значению с определительно-притяжательным местоимением. Ср. русск. *свой*, *своя*, *своё*, *свои* или с прономинальным прилагательным — русск. *собственный* (*-ая*, *-ое*). Ср. с конструкциями типа *мен колум* ‘я рука-моя (моя рука)’, в которых личные местоимения *мен* ‘я’, *сен* ‘ты’, *биз* ‘мы’, *сиз* ‘вы’ (подобно *өз* ‘сам~сами’) многими специалистами признаются не личными, а притяжательными (по русскому переводу?). Следовательно, *өз* ‘сам (*-а*, *-о*, *-и*)’ в атрибутивной функции — ‘свой, своя, своё, свои’.

Но ни *ӧз* ‘сам’, так же как и *ӧз* ‘свой’, к категории возвратности никакого отношения, естественно, не имеют. Это — не более чем определительные или «определительно-притяжательные» местоимения.

Во втором случае (лично-притяжательная форма) то же слово *ӧз* является не определением, а определяемым, принимающим, как и многие другие существительные в роли определяемого, суффиксы принадлежности: *мен өзүм* ‘я сам-мой’ (я сам), *сен өзүң* ‘ты сам-твой’ (ты сам), *ал/ол өзү* ‘он сам-его’ (он сам) и т. п. Иногда такого же рода определительные словосочетания, в которых первый член (личное местоимение) факультативен, поясняются в целях передачи их структурных особенностей при помощи искусственного русского перевода (как это делали Н. Ф. Катанов, С. Е. Малов, Н. К. Дмитриев и др.) — ‘моя самость’, ‘твоя са-

---

[12] Языки народов СССР, т. II, 269.

[13] В качестве, должно быть, весьма ближней пратюркской реконструкции в «Списке общетюркских односложных слов», относимых к началу нашей эры, А. М. Щербак предлагает архетип этого местоимения в виде **ӧс* (в русской фонетической транскрипции) ‘сам’, ‘существо’, ‘сущность’, ‘жизнь’. См. его «Сравнительную фонетику тюркских языков» (Л., 1970, с. 195). Наиболее полно *ӧз/ӧz* в разных фонетических вариантах и смысловых значениях в тюркских языках рассмотрено Э. В. Севортяном в его «Этимологическом словаре тюркских языков» (М., 1974, с. 506—507). Здесь же проанализированы некоторые опыты этимологизации этого полисемантического слова («тело», «сердцевина» и т. п., а также «личность», «душа», «сам» «свой» и т. п.) в сравнении с монгольскими соответствиями и некоторыми тунгусскими данными.

мость', 'его самость' и т. д. (Ср. англ. *myself*). Но и в этом случае (на что, между прочим, указывает и так называемый буквальный перевод) никакой возвратности местоименное слово *өз*~*ӧz* и т. п. не выражает.

И только некоторые косвенные падежи местоимения *өз*, склоняемого, как сказано выше, всегда в его лично-притяжательных формах, «соответствуют» (т. е. могут переводиться на русский и другие индоевропейские языки) возвратным местоимением *себя*, *se*, *sich* и т. п. Но и это «соответствие» может быть, как подчеркивал Н. К. Дмитриев, далеко не всегда. Оно устанавливается в целях не столько грамматических, сколько литературно-переводческих.

В трактовке «возвратного» местоимения, происходящего от корня *үҙ*, башкирский язык (как и другие тюркские) стоит ближе к западным (индоевропейским) языкам, чем к русскому (и другим славянским или балтийским).

Русскому *я берегу себя*, *ты бережешь себя*, *он бережет себя* и т. д. в башкирском, как и во всех тюркских, структурно-грамматически соответствует: *мин үҙемде һаҡлаймын* 'я самого меня («мою самость») берегу', *һин үҙеңде һаҡлайһың* 'ты самого тебя («твою самость») бережешь', *ул үҙен һаҡлай* 'он самого его («его самость») бережет', и т. д.[14]

Только при субъекте, выраженном «третьими лицами» (местоимением 3-го лица или существительным), лично-притяжательная форма местоимения-существительного *өз* (башк. *үз-е*+суфф. одного из падежей объекта) может в известной мере «соответствовать» тому, что в индоевропейских языках выражается с помощью специальной категории возвратного местоимения. Ср. башк. *ул уны һаҡлай* 'он его (не себя!) бережет', *ул үҙен һаҡлай* 'он самого-его (себя!) бережет'.

Из данного противопоставления должно быть видно, какими средствами пользуются тюркские языки в тех случаях, когда говорящим на них необходимо выразить то, что носителями других языков (не алтайских) выражается особой категорией возвратного местоимения или особыми глагольными возвратными формами, отсутствующими в тюркских языках.

Тюркское местоимение *өз* 'сам (-а, -о)', «самость», в атрибутивной функции — «свой (-оя, -ое)», относящееся к разряду определительных местоимений, в плане семантико-грамматическом («категориальном») является именем (или восходит к имени) с предметно-грамматическим (субстантивным) значением «сущность, сердцевина, самая основа».[15]

Следует вместе с тем отметить, что полисемантическая тюркская основа *ӧz*-, встречающаяся в той или иной фонетической форме

---

[14] Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, с. 104—106.

[15] Там же, с. 105.

с тем или иным набором значений, не всегда и не во всех тюркских языках связана с выражением интересующего нас определительного местоимения. Ср. др.-тюрк. (по ДТС) *öz* 'сущность', 'жизнь', 'нутро', 'сердцевина', *öz-öz* 'свой (свои)', но *öz kentü* (*~kendü*) 'сам', *öz kiši* 'свояк' («свой человек»), тур. *öz* 'внутренность', 'сердцевина', 'сущность', як. *үөс* 'сердцевина', 'середина', 'центр' и т. п. Сходные значения имеют и морфологически членимые аз. *өзәк* (<*өз-әк*), туркм. *özeg* (*özen*), тув., казах., ног. *өзек*, к.-калп. *өзек*, кирг. *өзөк*, тат., башк. *үзәк*, узб. *узак* и т. п. В чувашском в таком же значении выступает *вар~варӑ* 'середина', 'центр', 'сердцевина', 'желудок', 'живот'.[16]

Другие средства выражения в отдельных тюркских языках местоименного значения «сам > свой» будут рассмотрены ниже. А здесь отметим некоторые опыты этимологизации общетюркской основы *öz-*.

Е. Э. Бертельс тюрк. местоимение *öz* возводил к существительному со значением 'тело'.[17]

В. Г. Егоров связывает это местоимение с глагольной основой древнетюркского *ö-* 'думать' > *öz* 'сердцевина', 'внутренность', 'сам'.[18]

Если первая из этих этимологий находит подтвердительные семантические аналогии в ряде алтайских языков, то какие-либо доказательства для второй, как кажется, отсутствуют.

Сходные по значению, звучанию и грамматической структуре местоименные словоформы отмечены и во многих уральских (преимущественно угро-финских) языках — формы, которые также в различных грамматических описаниях этих языков квалифицируются по-разному: чаще как «возвратные местоимения» («сам / свой»), реже как «определительные местоимения» («сам / свой») или «местоимения усилительные», а также как «усилительно-личные» ('я сам', 'ты сам', 'он сам' и т. д.).[19]

Тюркскому «возвратному местоимению *öz~өз~үс* и т. п. соответствуют уральские «возвратные» или «определительно-притяжательные» местоимения с основой *ač~as~ič~iz~iʒ'~əc'~iš*: карел. *iče* 'сам' (*mie iče* 'я сам' и т. д.), вепск. *iče* 'сам' или 'свой', водск. *ize*, *izze* 'сам', ливск. *ī'ž* 'сам', мар. *ške* (<*iš-ke*) 'сам' или 'свой', эрзянск. *es'* 'свой', 'собственный', саамск. *iʒ'* 'сам' и другие подобные.

В сочетании с местоимениями личными указанные выше основы получают лично-притяжательные суффиксы и, как в языках тюркских, образуют «возвратные» (они же — «определительные»,

---

[16] См.: Егоров В. Е. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, с. 47.

[17] См.: Труды Среднеазиатского гос. ун-та. Нов. сер. Вып. 3. Ташкент, 1945, с. 31.

[18] Егоров В. Г. Указ. соч., с. 47. Подробнее см.: Севортян Э. В. Указ. соч., с. 507.

[19] Языки народов СССР. Т. III. М., 1966.

«усилительные и т. п.) формы: коми *aćym* 'я сам' (<'сам-мой'), *aćyd* 'ты сам' (<'сам-твой'), *ačyc* 'он сам' (<'сам-его') и т. д. Либо, если основа *ac'* ~*as'* и т. п. находилась в постпозитивном по отношению к личным местоимениям положении (ср. карел. *mie iče* 'я сам'), образовались так называемые усилительные формы личных местоимений типа мордовских: *mon-s'* 'я сам', *ton-s'* 'ты сам', *son-s'* 'он сам' и т. д. или (в том же значении) *mon-c'*, *ton-c'*, *son-c'* и т. д., где *-s'* ~*-č* < *as'* ~*ač* и т. д.[20]

Ссылаясь на работы Е. Итконена, Х. Паасонена, Б. Коллиндера и некоторых других, Б. А. Серебренников убедительно показал, что включение основы *ač* и т. п. в систему притяжательных суффиксов является свидетельством того, что основа эта была в прауральском языке именем существительным и что ее сопоставление с данными некоторых современных языков — хант. *is* 'душа', манс. *is*, *jis* 'тень' позволяет формы типа *ačym*, *aćyd*, *aćys* и т. д. возвести этимологически к значениям 'моя душа', 'твоя душа', 'его душа' и т. д.[21]

Общность материальная, структурно-типологическая и историко-этимологическая между «возвратными» местоимениями ряда засвидетельствованных тюркских и ряда финно-угорских языков — тюрк. *öz-im* 'я сам' < 'мое нутро', 'моя сердцевина', 'мое тело' и т. п., финно-угорск. *ač-ym* 'я сам' < 'моя душа', 'моя тень' и т. п. — требуют каких-то серьезных разъяснений. С позиций противников алтайской (resp. урало-алтайской) теории здесь, по-видимому, никакой проблемы нет: случайное совпадение, результат конвергентного развития или, что казалось бы проще всего, — заимствование.

Думается, что это один из тех немалочисленных случаев, когда установить, кто у кого «заимствовал», оказывается равносильным игре в чет и нечет.

Не является ли данный пример свидетельством в пользу существования каких-то, пусть весьма древних, но генетических связей между тюркскими и финно-угорскими, а в конечном счете и между алтайскими и уральскими языками? Ведь даже если древние уральскоязычные племена когда-либо и «позаимствовали» у древних алтайских племен название для души-сердцевины (противоположное предположение нам по ряду соображений кажется менее вероятным), то произойти это могло так давно, столько тысячелетий тому назад, что подобные «заимствования» не могут

---

[20] Там же, с. 184 и 207. Ср.: Серебренников Б. А. Историческая морфология мордовских языков. М., 1967, с. 90, — где эти формы объяснены совсем по-иному: «Усилительная форма образуется путем присоединения к основе личного местоимения определенного постпозитивного артикля *-s'* (эрз. форма) или *-c'* (мокш. форма)».

[21] Серебренников Б. А. 1) Историческая морфология мордовских языков, с. 93; 2) Историческая морфология пермских языков. М., 1963, с. 201.

иметь принципиального отличия от того, что вообще может быть признано общим праязыковым достоянием тех или иных современных народов, говорящих ныне на совершенно разных языках.[22]

В ряде северо-восточных тюркских языков отмечены несколько иные по звучанию, но тоже, на наш взгляд, квазивозвратные местоимения. Так, по данным, приведенным в известном труде Н. Ф. Катанова,[23] а также по материалам цитированного выше сборника «Языки народов СССР» (т. II) и Древнетюркского словаря (Л., 1969) можно привести следующие слова (или основы слов), употребляемые в абсолютной (безаффиксальной) или чаще в лично-притяжательной форме и называемые «местоимениями возвратными»: койб. *бöz*, тув. *пот~под-* или *бот~бод-*, хак. шор. *пос~поз-*, алт. *бой~бойы-*, як. *бэйэ~бэй-*, ср. монг., тунг.-ма. *беје~bije*, *бэјэ~бэј*) и т. п.

Здесь кажется излишним приводить и характеризовать примеры употребления этих местоимений в речи, поскольку они в полной мере соответствуют тому, что уже было выше сказано о местоимении *öz*. Как и это последнее, выступая в безаффиксальной форме в роли препозитивного определения, *пот~пос~бой* и т. д. имеют значение «сам» / «свой». В форме же лично-притяжательной (с суффиксом принадлежности) они означают 'я сам' (<'сам-мой'), 'ты сам' (<'сам-твой'), 'он сам' ('сам-его') и т. д. Они также склоняются и в косвенных падежах при субъекте (агенсе), выраженном 3-м лицом местоимения или существительным, могут «соответствовать» возвратному местоимению русского и других языков, в которых возвратные местоимения имеются.

Основа рассматриваемых местоименных слов достаточно надежно этимологизируется. Ср. тув. *пот* 'тело', 'существо', 'рост', 'особа' — *под-ум~бод-ум* 'я сам' < 'моя самость' < 'моё тело', 'моё существо' и т. п.[24]

Установленные Н. Ф. Катановым и другими тюркологами межъязыковые соответствия начальных и конечных согласных позволяют с достаточной надежностью отождествить в плане историческом тув. *пот~бот под-~бод-*) с однокорневыми словами ряда других тюркских языков сходного звучания и такого же значения.

---

[22] Отметим, что в уже цитированном «Списке общетюркских односложных слов» Щербак А. М. восстанавливает пратюрк. **iч* (*ič*) 'нутро', 'чрево'. Ср. во многих современных тюркских языках *ич*, *ӣч*, *йч*, *ӣш*, *иш*, *йш*, *ӓш*, *ис* и т. п. 'внутренность', 'внутренний мир', 'внутренности', 'сердцевина' и т. п. М. Рясянен исторически отождествлял тюрк. *ič* 'нутро' и фин. *itse* 'сам' (<'*душа'). Подробнее см.: Севортян Э. В. Указ.соч., с. 388—391.

[23] Катанов Н. Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903.

[24] К. Грёнбек возводил эти местоимения к существительному *boδ* 'тело'. См.: Grönbech K. Der türkische Sprachbau. Kopenhagen, 1936, S. 33.

Так, еще Н. Ф. Катанов в тув. *пот* (*~бот*)*~под-* (*бод-*) 'рост', 'существо', 'особа', 'тело', а в формах лично-притяжательных, таких как *под-ум* 'я сам' («моя самость») и т. д., отмечая соответствие (переход) конечного тувинского *т* (*t*) > *й* (*j*) или *т* (*t*)*~д* (*d*) > *з* (*z*) в ряде других тюркских, сопоставлял тув. *пот* (*~бод-*), тат., башк. *буй* (*buj*), тур., аз., кирг., ног., гаг., караим. и др. *бой* (*boj*), узб. *бӧй* (*bӧj*), алт., телеут., бараб. *пой* (*poj*), уйгур. *бот* (*bot*), караг. *пот* (*pot*), койб., *пос* (*pos*), ж.-уйг. *поз* (*poz*), т. е. *пот/д~бот/д~пос/з~пой~бой*; ср. также др.-тюрк. *bod~boδ* и т. п. — прономинализованные существительные с широким кругом значений 'тело', 'туловище', 'рост', а в некоторых случаях и 'сам', весьма сходные по значениям и функциям приведенным выше другим тюркским *öz~ös~*як. *üos~*чув. *var* (*~vară*).

А. К. Боровиков в одной из последних своих работ, отмечая возникающие в тюркологии противоречия в понимании формы отдельного слова, писал, что «так называемые возвратные местоимения в тюркских языках этимологически связаны обычно с существительными в значении „тело“, „рост“, „стан“, „сущность“ (тув. *bot*, алт. *boy*, хак. *pos*, як. *bäyä*, туркм. *ö:z*, казах. *öz*, тат. *üz*, башк. *üδ*, др.-уйг. *käptü*, тур. *kendi*, каракалп. *kesi*, чув. *χăγ* и т. д.)». «Когда-то, — замечает автор, — это значение, судя по языку памятника XI в. „Кутадгу билиг“, осознавалось, о чем свидетельствует его согласование: *meniŋ ma özüm kör ayar oxšadi* (Н, 61, 1) (т. е. 'я же сам похожу на это, подобен этому)', но в живых тюркских языках, где эта связь утрачена, линия согласования перестроена: узб. *men özüm bilämän* 'я сам знаю', каракалп. *men kesim bilmen* 'я сам знаю' и т. п.».[25]

Имеющиеся в алтаистике опыты реконструкции интересующих нас форм тюркских местоимений с инициальным лабиальным согласным (*p-~b-*) носят, как нам представляется, весьма ближний характер, т. е. по форме и значению совпадают с тем, что зафиксировано в некоторых современных тюркских языках и их диалектах. Так, например, по М. Рясянену, пратюркской формой этого местоимения-существительного является **boδ*,[26] а по А. М. Щербаку, — **поδ* (**роδ*) 'тело', 'туловище', 'рост'.[27]

Из иных, но тоже квазивозвратных местоимений в отдельных тюркских языках отмечаются, как уже упоминалось выше, тур., гаг., кум., карач.-балк. *кенди*, *кес* < *кенс*, формы которых подробно описаны в соответствующих грамматических работах, но этимологическое значение которых еще не выяснено.

Как указывает А. Н. Кононов, вопрос об этимологии тур. *kendi* не решен: С. Е. Малов связывал его со словом *kin* 'пупок',

---

[25] Боровков А. К. Агглютинация в тюркских языках. — В кн.: Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.—Л., 1965, с. 119—120.

[26] Räsänen M. Materialen zur Morphologie der türkischen Sprachen. Helsinki, 1957, S. 39.

[27] Щербак А. М. Указ. соч., с. 196.

а Е. И. Убрятова выводила его из *kend* ‘собственность’+*i* — афф. принадлежности и т. п.[28] При решении этого вопроса, пишет А. Н. Кононов, важно иметь в виду, что в разных тюркских языках в качестве исходной основы возвратных местоимений служат главным образом такие слова, как *bod*, *boy*, *poz* со значением ‘тело’, *öz* ‘самость’, ‘сердцевина’ и упомянутое *kendi*.

К этому следует прибавить еще и чув. *ха-*: *ха-м* ‘я сам’, *ху* (*хăв*) ‘ты сам’, *хă-й* ‘он сам’, *ха-мăр* ‘мы сами’, *хă-вăр* ‘вы сами’, *хă-й-сем* ‘они сами’.

В. Г. Егоров указывает, что в других тюркских языках соответствующего родственного слова нет, но что чув. *хам* ‘я сам’ и т. д. могло образоваться от местоимения *хай* ‘тот самый’, ‘упомянутый’+*мин* (*ман*) ‘я’=‘упомянутый — это я’.[29] Этимология неубедительная.

М. Рясянен чув. *ха-* возводит к праформе **oka*, не связывая его ни с чув. *вар*~*варă* ‘середина’, ‘центр’, ‘сердцевина’ и т. п., ни с другими тюркскими словами, от которых образовались так называемые «возвратные» местоимения.[30]

Особого внимания заслуживают в этой связи некоторые данные якутского и долганского языков.

Как уже упоминалось, якутское определительное (иначе — «лично-возвратное») местоимение связано не с известной тюркской основой як. *ӱӧс* (<*öz*) ‘сердцевина’, ‘середина’ и т. п., а со словом, широко распространенным в тунгусо-маньчжурских и монгольских языках *бэjэ*, которое якутоведы толкуют как «сам» (<«тело»): *мин бэйэ-м* ‘я сам’, *эн бэйэ-ҥ* ‘ты сам’, *кини бэйэ-тэ* ‘он сам’ и т. д., что формально (или «буквально») может быть передано как ‘моя самость’, ‘твоя самость’, ‘его самость’, но также и как ‘мой собственный’, ‘твой собственный’, ‘его собственный’ и т. д. Ср. *мин бэйэ-м дьиэ-м* ‘мой собственный дом’ (формально — «моей самости дом-мой»), *эн бэйэ-ҥ дьиэ-ҥ* ‘твой собственный дом’ («твоей самости дом-твой»), *кини бэйэ-тин дьиэ-тэ* ‘его собственный дом’ («его самости дом-его») и т. д.[31]

В качестве служебного слова — «заместителя» предмета обладания (в нашем случае существительного *дьиэ* ‘дом’) может выступать якутская основа *киэн-* ‘что-либо принадлежащее тому или иному предмету-лицу’ (иначе — «принадлежность», «собственность»). Ср. *киһи киэн-э* ‘человек принадлежность-его’ («принадлежащее человеку», «человеческое»), *киһи-лэр-им киэн-нэрэ* ‘людям -моим принадлежащее-им’ («принадлежащее моим людям») и т. п., где *-э* и *-нэрэ* — суффиксы принадлежности 3-го лица ед.

---

[28] Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, с. 175—176.

[29] Егоров В. Г. Указ. соч., с. 285.

[30] Räsänen M. Materialen zur Morphologie. . ., S. 39.

[31] Эти и другие примеры приведены по статье Е. И. Убрятовой «Служебное слово *киэн* в якутском языке» (в кн.: Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятипятилетию. М., 1953, с. 279 и след.).

и мн. числа. Других лично-притяжательных суффиксов (в отличие, например, от основы *бэйэ-* 'сам'~'самость' < 'тело', а также и иных существительных) як. *киэн-*, как указывает Е. И. Убрятова, не принимает. Но в языке долган (некогда, как предполагается, оякученных эвенков), сохраняющем, что подчеркивает Е. И. Убрятова, в своем диалекте много такого, что в собственно якутском уже утрачено, наблюдается полный параллелизм в оформлении (а в известной мере и в грамматическом значении) местоименных основ *бэйэ-* и *г"эн-* (~як. *киэн-*): (*мин*) *бэйэ-м г"эн-им* 'мой собственный' (формально — «(я) самость-моя принадлежность-моя» или «моей самости принадлежность-моя»). Такого же типа формы имеются для всех лиц и чисел ('твой собственный', 'его собственный', 'наш, ваш, их собственный').

Функциональное тождество долганских и отчасти якутских определительных местоимений, образованных от именных основ *бэйэ* и *г"эн-~киэн*, позволяет предположить семантическое сходство или тождество их исходных значений. На тунгусо-маньчжурском материале основа *бэjэ~бэj* в плане историко-семантическом разъясняется прежде всего как существительное со значением 'человек', 'мужчина', 'персона', 'личность', а также 'тело', 'утроба', а в ряде случаев 'сам', 'сам лично', 'собственной персоной'.

Якутское местоимение *бэjэ* 'сам' (<'тело'), видимо, более позднее тунгусо-монгольское заимствование. Что же касается местоимения *киэн-~г"эн-*, то не связано ли оно этимологически с як. *кини* 'он', а также с *киси* (~*кеши* и т. п.) (общий корень **ки-*) — 'человек'? Ср. *кен-ди*, *кен-с* > *кес* 'сам' в ряде тюркских языков. На возможную этимологическую связь тюрк. *ким* (**ки-м* 'кто?') и др.-тюрк. *кӱн* 'люди', а также монг. (бур.) *хун* 'человек' и як. *кини* 'он' имеются указания в алтаистической литературе.[32]

Не менее сложной оказывается и проблема пратюркской и общеалтайской реконструкции тюркской местоименной основы *δz-*, обнаруживающей, как мы видели, сходство с соответствующими местоименными основами ряда уральских (угро-финских)языков, но не находящей такого же рода соответствий ни во всех известных тюркских, ни тем более в других алтайских языках.

Может показаться, что одна часть тюркских языков, где «возвратным» местоимением является *δz*, родственна в этом отношении уральским, а другая часть, где в той же функции выступает **боδ* (*бой~пой~буй* и т. п.), — монгольским и тунгусо-маньчжурским. С позиций противников алтайской теории, часть тюркских языков заимствовала «возвратное» местоимение из уральских, другая часть из монгольских или тунгусо-маньчжурских, а третья (где местоименные основы *кинди* или *ха-*) — еще из каких-либо иных. Теория заимствований или языкового смешения в отличие

---

[32] См.: Кононов А. Н. Грамматика. . ., с. 177, где указаны соответствующие работы В. Шотта (1836 г.) и В. Котвича (1936 г.).

от алтайской теории во всех трудных случаях по существу не объясняет эти случаи, а лишь уходит от их объяснения.

Для решения вопроса следует еще раз обратиться к проблеме «дальней» реконструкции тюрк. формы *ōz*.

Основываясь на известном звуковом соответствии (переходе) тюрк. *z*~чув. и монг. *r*, М. Рясянен, ссылаясь на исследования Г. Рамстедта и других алтаистов, реконструирует для пратюркского архетип **ōr* (>*ōz* > *öz*~*üs* и т. п.).[33]

Возведение тюрк. *-z* (~*-δ*~*-s*) к *-*r* находит подтверждение не только в чувашском *var* (*вар*~*варй*) 'сердцевина' и т. д., но и в соответствующих данных монгольских и тунгусских языков (о чем подробнее ниже).

Значительно бóльшие трудности представляет сравнительно-историческое освещение эволюции гласного в интересующем нас местоимении **ōr* — *ō*~*ü*~*y*, соответствующего дифтонга в якутском *üö* и сочетания *wa* (*ва*) в чувашском.

Вопрос о долготе начального гласного *ō*~*ē* (в слове *ōz* < **ōr*) был в свое время обстоятельно рассмотрен Л. Лигети в связи с общим исследованием проблемы так называемых первичных долгих гласных в тюркских языках.[34]

Сопоставляя др.-тюрк. *ōz* 'сам' (франц. '*soi-même*'), 'сердце', 'внутренность' с данными других тюркских (*üös*, *ōz*, *ūs*, *ūis*, *ōiz*, *ūzäk* и т. п., а также с равнозначным монг. *öger*, *öber*, *öbesün*, *ö'er-*, *ö'es-* 'сам', 'свой', Л. Лигети выдвинул следующую схему возможной эволюции интересующих нас форм: тюрк. *ōz* < **ōr* могло, во-первых, развиться, пройдя ступени **öiz* < **öjüz* < **övüz* (ср. монг. *öbes-ün*), во-вторых, **öβes-ün* (алтайский ряд) и, в-третьих, **oir* > **ojür* > чув. **əvar* > *var* (ср. монг. *öger*, *öber* < **öβer*).

Таким образом, долготу гласного *ō* в местоимении *ōz* < **ōr* Л. Лигети объясняет (возводя этот гласный к сочетаниям *öi*~*öju*~*övü*) выпадением гипотетического интервокального консонанта и образованием удвоенного, а затем долгого гласного. Мысль эта подтверждается и сравнением родственных форм монгольских языков: *öger-e*, *öber*, *ö'er*; *öber-ü-ben* ('сам'), халх. *ōr*, *ōrō*, бур. *ōr*, *ōhδn*, что соответствует пратюрк. **ōr*, чув. *var*, др.-тюрк. *ōz* и т. д.[35]

Но в каком, спрашивается, историческом отношении находятся два тюркских архетипа **ōr* 'сердцевина', 'сущность', 'тело' > 'сам' и **boδ* 'тело', 'существо', 'особа' > 'сам'? («Возвратные» местоимения чув. *ха* < **ока*, а также тур. *kendi* и т. п. остаются пока в стороне).

По этому вопросу нам известно одно важное замечание — гипотеза, предложенная Н. А. Баскаковым. Комментируя известный труд В. Котвича «Исследование по алтайским языкам» (в рус-

---

[33] Räsänen M. Materialen zur Morphologie. . ., S. 39.

[34] Ligeti L. Les voyelles longues en turc. — «Journal Asiatique», Paris, 1938, v. CCXXX; ср.: Бишев А. Г. «Первичные» долгие гласные в тюркских языках. Уфа, 1963.

[35] Ligeti L. Les voyelles longyes en turc, с. 191, 198 и др.

ском переводе), Н. А. Баскаков — в связи с тем, что В. Котвич, рассматривая определительные местоимения тунг. *män*, монг. *öber* и тюрк. *öz*, находил два последних несомненно близкородственными, но не имеющими ничего общего с тунг. *män* 'сам', 'собственный', — заметил (примечание 38): «Весьма соблазнительна также мысль о единстве происхождения возвратных местоимений в тюркских языках *boj*∼*pos*, *pozi*, с одной стороны, и *öz* — с другой, если иметь в виду слабую позицию губно-губного *b*∼*p* в тюркских языках (ср. *bol* > *ol* 'быть')».[36]

Такого же рода мысль уже приходилось развивать автору этих строк в одном из докладов, посвященных сравнительному изучению так называемых возвратных местоимений в алтайских (особенно тунгусо-маньчжурских) языках.

Нам представляется возможным пратюркские архетипы **ðr* и **boð* (с учетом материалов других алтайских языков) возвести к общеалтайскому **bör*∼**bör'i* — имени с весьма широким кругом значений: 'племя', 'человек', 'мужчина', 'тело', 'утроба' и т. п., рефлексами которого могут быть широко известные *beje*∼*bej* 'человек', 'мужчина', 'тело', а возможно, и *er*∼*ere* 'муж', 'мужчина', а также их дериваты, отразившиеся в формах алтайских определительных («возвратных») местоимений и в безлично-притяжательных («возвратных») суффиксах, свойственных монгольским и тунгусским языкам: *-ben*/*-ban*, *-bər(i)*∼*-bar(i)*, *-wər(i)*∼*-wari*∼*-əri*∼*-ari* и т. п.

Если такое предположение окажется оправданным (некоторые доказательства в его пользу приводятся ниже), то пратюрк. **ðr* (с опорой на чувашскую форму *var*(*ă*)) можно было бы возвести к праалт. **bör'i*∼**bör* > **wör'i*∼**wör* > **ðr* > *ðz*∼*üös*∼*öz*∼*üs*, а северо-восточную пратюрк. **boð* признать другой разновидностью, другим рефлексом того же праалтайского архетипа, сохранившего (в отличие от **ðr*) начальный губной (*b*∼*p*), но развившего конечный согласный иными путями: *ð*∼*z*∼*s*, *d*∼*t*∼*j*, которые не могут быть (в отличие от *z*) возведены к праалтайскому согласному **r* непосредственно.

Качественные и количественные варианты гласных *ð*∼*üö ö*∼*ü*∼*ä* (*ə*, *ə*)∼*a* (ср. чув. *var*∼*vară*) можно объяснить влиянием предшествующего губно-губного (*b*∼*p*, *b*∼*w*) и его утратой в формах типа тюрк. *öz* < **ðr*.

4. Об определительных местоимениях «сам»/«свой» в монгольских языках

Как уже упоминалось выше, в монгольских, а также в тунгусо-маньчжурских языках и структурно-типологически, и материально наблюдается много общего с тем, что имеется в ряде

[36] См.: Котвич В. Исследование по алтайским языкам. (Перевод с польского). М., 1962, с. 359 (примечание Н. А. Баскакова).

тюркских определительных (определительно-притяжательных) местоимений, с той лишь существенной разницей, что в большинстве монгольских и во всех тунгусских, кроме этих так называемых «возвратных» местоимений, установлены еще и «возвратные» частицы, или «возвратные» суффиксы существительных, с включением в разряд последних различных субстантивированных форм слов, образованных от прилагательных, причастий, местоимений, числительных, некоторых наречий.

Можно признать установленным, что монгольские и тунгусские безлично-притяжательные частицы, или суффиксы, со значением «свой», «своя», «свое», «свои» подобно лично-притяжательным частицам или суффиксам этих (и не только этих) языков со значениями «мой», «твой», «его», «наш», «ваш», «их» являются морфологическими дериватами соответствующих местоименных слов, во многом, хотя и не целиком, совпадая с ними материально.

Не только реконструированному пратюркскому **ŏr* < **bör*, но также и реально засвидетельствованным тюркским местоименным основам *böz*~*pot*~*pos*~*boj*~*buj*, а также *var*~*vară*, *ŏz*~*üz*~*üs*~*üos* и т. п. в монгольских языках по функции и значению соответствуют в значении определительного местоимения ст.-письм. *öber-ijēn*~*öbē-sü-ben*~*öber-en*~*öber-ün*~*öber* ‘сам’~‘самого’ (форма ед. числа), *öbēr-sed-ijēn*~*öbē-süd-ijen* ‘сами~самих’ (формы множ. числа).

По функции это формы скорее винительного падежа (формы прямого объекта), на что указывают выделенные дефисами безлично-притяжательные суффиксы *-ijēn*~*-ben*~*-en*~*-ün*, но употребляются эти формы в значении именительного падежа. Их формальное значение можно передать так: «сам-свой», «сами-свои».

Местоименная основа *öber-* ‘сам’, *öber-sed-* ‘сами’ выступает наряду с другой однозначной и более употребительной *beje-* ‘тело’ > ‘сам’.

Безлично-притяжательные формы местоимений образуются от тех же основ с помощью суффикса родительного (притяжательного) падежа, например *öber-ūn* ‘самого’ (самому принадлежащее), по-русски «свой~свои», если субъект обладания в ед. числе, *öbēr-sed-ūn*~*öbē-süd-ūn*, ‘самих’ (самим принадлежащее, -щие), если субъект обладания во мн. числе.

В функции возвратного местоимения, соответствующего по значению русск. *себя*, *себе* и т. п., обычно выступает основа *beje-* в формах безлично-притяжательного склонения: *beje-bēn* ‘себя’ (букв. ‘тело-свое’, ‘самость-своя’, *beje- de-gēn* ‘себе’ (‘телу-своему’, ‘самости-своей’) и т. п.

В многочисленных монгольских языках и образующих эти языки диалектах (наречиях, говорах) исследователи этих языков отмечают значительные фонетические модификации как интересующих нас местоименных основ, так и особенно безлично-притяжательных суффиксов, оформляющих эти местоименные и прочие именные слова. Так, основе *öber-* соответствуют

в современном письменном монгольском и бурятском *өөр*~*өөр-өө* ‘сам’, (*өр-ин* ‘своего~свой’, *өр-и-гэ* ‘самого-своего’, т. е. ‘себя’), калм. *эвр-эн* ‘сам’ или ‘свой’ («принадлежащий самому-своему») и т. п. Наряду с формами *ӧр*~*ӧрӧ*~*ӧрӣ* употребляются *ӧдо*~*ӧһөдө*, *өһөп* и некоторые другие.

Основа *beje* имеет варианты *бијэ*~*бij*~*бӣ* и некоторые другие.

Безлично-притяжательные суффиксы *-bɛ̄n*~*-bān* < **βɛ̄n* и такие их варианты (алломорфы), как *-gen*~*ijen*~*-ɛ̄n*, присоединяясь непосредственно к основе слова или к основе в форме того или иного из косвенных падежей, редуцируются до одного удвоенного (или долгого) гласного *-ee*~*-ɛ̄*, *-aa*~*-ā*, *oo*~*ō*.

Значение, которое они придают слову, может быть по-русски передано с помощью определительного местоимения *свой*, *своего*, *своему*: ‘свой дом’, ‘своего дома’, ‘своему дому’ и т. п. — так называемое «возвратное склонение», не имеющее именительного падежа.[37] Основа имени+возвратный суффикс дают винит. падеж «возвратного» склонения: соврем. монг. *гар-аа* ‘руку-свою’ (винит. п.), *гэр-ээ* ‘юрту-свою’, *морио* (<*мори-оо*) ‘лошадь-свою’ и т. п.

Монгольские безлично-притяжательные суффиксы (окончания) не различаются по числам: **-βɛn* > *-bɛ̄n*~*-gen*~*-ijen*, а в современных монгольских языках, как сказано, редуцируются до одного удвоенного (долгого) или простого гласного, который, сливаясь с конечным гласным основы имени или гласным суффикса косвенных падежей («возвратного» склонения), образует один соответствующий долгий или удвоенный гласный: *beje* ‘тело’, *beje-ɛ̄r-ɛ̄* ‘сам’, ‘своим телом’ (орудный падеж *-eer*+*ee* < *-*βɛn* — суффикс безлично-притяжательного склонения); Ср. *bodo beje-ɛ̄r-ɛ̄* ‘сам лично’, *beje-e* ‘тело свое’ (т. е. по-русски ‘себя’) *ӧӧр*, *ӧӧрӧӧ* ‘сам’, *ӧӧр-in*~*ӧӧр-in-gӧӧ* ‘свой’, ‘собственный’, *ӧӧhen* ‘сам’, *ӧӧhen-ei* ‘свой’, *ӧӧherӧӧn* ‘сам’ и т. п.

Монгольские местоименные основы **ӧβɛn*~**ӧβɛr* (**оβе-n*~*ӧβе-r*)~*ӧber*~*ӧӧhen*~*ӧӧr* в отличие от сходного по функции *beje* не имеют столь же ясной этимологии на почве самих монгольских языков, как это последнее *beje* ‘тело’, ‘организм’, ‘особа’ > ‘сам’. Но сравнение с вышеприведенными данными тюркских языков (*ӧz* < **ӧr* ‘сердцевина’, ‘середина’, ‘основа’, ‘тело’ > ‘сам’) позволяет предполагать, что и монг. *ӧbɛ̄r*~*ӧӧhen*~*ӧӧr* первоначально было именем с близким или таким же, как в тюркских языках, значением.

На это указывает и встречающееся в монгольских языках существительное *ӧrӧ*~*ӧre*~*ӧr* (ср. пратюрк. **ӧr*) со значениями ‘внутренность’, ‘сердцевина’, ‘аорта’.[38]

---

[37] См., например: Тодаева Б. Х. Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. М., 1951, с. 71 и след.; Черемисов К. М. Бурят-монгольско-русский словарь. (С приложением краткого грамматического справочника). М., 1951.

[38] См.: Poppe N. Lautlehre. . ., p. 109.

Можно предположить, что в плане историко-морфологическом *öbēr*∼*ōhen* и т. п. членимо на архаический корень (основу) **ö-* (<**ör-*?) и архаический суффикс **-bēr*∼**-bēn*, рефлексами которого являются засвидетельствованные безлично-притяжательные суффиксы тех же языков — *-bēn*∼*-gen*∼*-(i)jen*∼*-n*∼*-e* <-**βen*. Иными словами, возможно, что в прамонг. **ör-ber* заключена некая как бы редуплицированная форма общеалтайской именной основы 'сам-сам', 'сам-свой' и т. п.

Подтверждения для этого предположения, на наш взгляд, могут дать некоторые факты из тунгусо-маньчжурских языков, к рассмотрению которых мы и переходим.

5. Об определительных местоимениях «сам»/«свой» в тунгусо-маньчжурских языках

В маньчжурском языке в отличие от всех тунгусских в качестве «возвратного» употребляется только прономинализированное существительное *бэjэ*, известное тунгусским, а также монгольским языкам, из тюркских — якутскому.

Маньчж. *бэjэ*, в форме множ. числа *бэjэ-сэ* имеет все падежные формы, свойственные существительным, и в зависимости от контекста может означать 'тело' ('плоть'), 'туловище' ('рост'), 'талия', 'утроба', 'существо', 'личность (особа, персона)', но не 'человек', 'мужчина' и т. п., как в ряде тунгусских языков. В качестве же слова местоименного оно означает 'сам' или 'сами' (*бэjэ*, *бэjэ-сэ*), а также 'свой∼свои' (*бэjэ-и*, *бэjэ-сэ-и*), имея в последнем случае форму родительного (притяжательного) падежа и предшествуя тому или иному определяемому: *бэjэ-и боо* 'свой дом' («самого, самому принадлежащий дом»), *бэjэ-й хусун* 'своя сила' (∼'свои силы') и т. п.

Наряду с обычными формами личных местоимений — *би* 'я', *си* 'ты', *и* 'он', *бэ* 'мы', *мусэ* 'мы (с вами)', *сувэ* 'вы', *чэ* 'они' в маньчжурском литературном языке, как подчеркивает И. Захаров, были широко употребительными в речи образованных лиц более учтивые, или более вежливые формы, которые И. Захаров характеризует как состоящие из «притяжательных местоимений родительного падежа со словом *бэjэ* 'тело, особа'»: [39] *мини бэjэ* 'моя особа', '*сини бэjэ* 'твоя особа', *ини бэjэ* 'его особа', *мэни бэjэ* (∼*бэjэсэ*) 'наши особы', *мусэ-й бэjэ* (∼*бэjэсэ*) 'наши (с вами) особы' *чэни бэjэ* (∼*бэjэсэ*) 'их особы'. Такого рода местоимения можно истолковать и на тюркологический манер: 'моя самость', 'твоя самость', 'его самость' и т. д., отметив лишь, что в маньчжурском нет соответствующих лично-местоименных притяжательных суф-

[39] Грамматика маньчжурского языка, составленная И. Захаровым. СПб., 1879, с. 108; см. также: П а ш к о в П. К. Маньчжурский язык. М., 1963, с. 30 и след.

фиксов, а форма родительного—притяжательного падежа личных местоимений, стоящих перед определительным местоимением *бэjэ*, *бэjэсэ* ‘сам, сами’, является совершенно обязательной (нефакультативной). Если же маньчжурские личные местоимения имеют в такого рода сочетаниях форму именительного падежа, то же местоименное слово *бэjэ* оказывается в роли определительного — «сам~сами»: *би бэjэ*, *си бэjэ*, *и бэjэ* и т. д. означают ‘я сам’, ‘ты сам’, ‘он сам’.

В роли «возвратных» выступает то же определительное местоимение *бэjэ* ‘сам’, но в функции приглагольного дополнения, оформленного в данных случаях суффиксом винит. падежа *-бэ*: *бэjэ-бэ тувабумби* ‘показывать себя (представлять себя)’, *бэjэ-бэ дасамби* ‘усовершенствовать себя’, *бэjэ-бэ арамби* ‘умерщвлять себя’, *бэjэ-бэ кимчимби* ‘умерять, сдерживать себя’ и т. п.

Из сказанного выше должно быть ясно, что только русский смысловой (литературный) перевод с помощью возвратного местоимения (русск. *себя*) дает повод для истолкования маньчж. *бэjэ-бэ* ‘самого’ (винит. падеж) в качестве «возвратного», так же как русский перевод *бэjэ-и* (род. падеж) ‘свой’ позволяет то же местоимение (‘самого’, ‘самому принадлежащий’) зачислить и в разряд «притяжательных».

Сходства и различия в употреблении *бэjэ* и связанные с этим особенности в его грамматическом толковании могут быть показаны с помощью следующих типичных примеров: *би (~мини бэjэ)*, *си (~сини бэjэ)*, *и (~ини бэjэ) алаха* ‘я, ты, он сказал’, *би бэjэ*, *си бэjэ*, *и бэjэ алаха* ‘я сам, ты сам, он сам сказал’; *би (си, и) бэjэ-и боо-дэ досика* ‘я (ты, он) в свой («самого, самому принадлежащий») дом вошел’; *мини (сини, ини) бэjэ сабуха* ‘я (ты, он) сам видел’, *би (си, и) тэрэ н'алма-бэ бэjэ сабуха* ‘я (ты, он) того человека сам видел’, но *би (си, и) бэjэ-бэ сабуха* ‘я (ты, он) самого (вин. пад.) видел’ (т. е. себя видел), ср. *би (си, и,) бэjэ бэjэ-бэ хаjраха* ‘я (ты, он) сам самого (-себя) жалел’, *би (си, и)бэjэ-и монгон-бэ бэjэ фаjтаха* ‘я (ты, он) свое горло сам перерезал’ (т. е. зарезался).

Неместоименное значение существительного *бэjэ* ‘тело’, ‘рост’, ‘утроба’, ‘чрево’ и т. п. выявляется с помощью анализа таких, например, маньчжурских выражений, как *бэjэ амба* ‘рост большой’ (большерослый), *бэjэ осохон* ‘рост малый’ (малорослый), *бэjэ н'охушун* ‘тело голое’ (голый, обнаженный), *бэjэ-дэ охо* (*~бихэ*) ‘беременная’ («в теле, в утробе стало, сделалось, было») и т. п.[40]

Ни лично-притяжательных, ни безлично-притяжательных («возвратных») суффиксов (или частиц) в маньчжурском, как известно, нет. Привлекавшиеся для сравнения с тунгусскими безлично-притяжательными суффиксами сходное по звучанию маньчж.

[40] См.: Полный маньчжурско-русский словарь, составленный И. Захаровым. СПб., 1875.

бэри-бэри ‘каждый по себе’, ‘сам собою’, ‘порознь’, ‘вразброд’ к данной теме, по-видимому, никак не относится.[41] Ср. монг. (халх.) *бури* ‘весь, каждый, всякий’. В маньчжурском это слово (монголизм), как и подобные другие, редуплицировано: *мэни-мэни* ~ *мэймэни* ‘всякий, каждый, сам по себе’, *ja-ja* ‘всякий’, *aj-aj* ‘что-либо’, ‘что-нибудь’, *вэ-вэ* ‘какой-либо’, ‘кто-нибудь’ (*ja* ~ *aj* ‘что?’, *вэ* ‘кто?’).

Во всех тунгусских языках широко распространено родственное с маньчжурским и монгольским существительное *бэjэ* ~ *бэj* с широким кругом значений:

эвенк. *бэjэ* ‘человек’, ‘мужчина’, ‘муж’, ‘самец’, ‘люд(и)’, ‘поколение’, ‘эвенки’ (ср. *бэjэ-ди* ‘человеческий’, ‘эвенкийский’), ’тело’, ‘личность’, а в ряде особых случаев и ‘сам ~ сами’;

эвен. *бэj* ‘человек’, ‘мужчина’, ‘муж’, ‘самец’, ‘личность’, а также в особых случаях ‘сам ~ сами’: *бэj-ӡӣ* ‘сам лично’ (ед. ч.), *бэj-ӡӯр* ‘сами лично’ (мн. ч.);

солон. *бэjэ* ~ *бojo* ~ *бэиjэ* ~ *бэj* ‘человек’, ‘мужчина’, ‘муж’, ‘тело’, ‘туловище’, но и ‘сам’, ‘сами’;

негид. *бӧjб*, ороч. *бэjэ*, орок. *бэjэ*, нан., ульч., уд. *бэjэ* ‘тело’, ‘туловище’, ‘личность’, а в ряде случаев и ‘сам ~ сами’ (‘сам ~ сами лично’).

Обычно в грамматиках тунгусских языков «возвратными местоимениями» называют только некоторые формы таких слов, как нан., ульч., уд., ороч., орок. *мэнэ* ~ *мэн*, эвенк. *мӭнэ-кӭн* / *мӭнэ-кӭр*, эвен. *мӭн-кӭн* / *мӭр-кэр*, негид. *моно-хон* ~ *манахан* и т. п.[42]

Маньчжурским *мини бэjэ*, *сини бэjэ*, *ини бэjэ* и т. д. в нанайском, ульчском соответствуют лично-притяжательные формы: (*ми*)*бэjэ-и*, *(си)бэjэ-си*, *н'оани бэjэ-ни* ‘я сам’ (‘я самость-моя’), ‘ты сам’ (‘ты самость-твоя’), ‘он сам’ (‘он самость-его’) и т. п. Ср. аналогичные по типу формы в якутском и других тюркских языках. Но в отличие от последних в нанайском, ульчском, как и в прочих тунгусских языках, то же *бэjэ*, как и все иные существительные, может иметь и безлично-притяжательные формы: нан. (*мэнэ*) *бэjэ-и*, *(мэнэ) бэjэӡи-и*, *(мэнэ) бэjэ-ду-и* и т. п. ‘свою личность’ (=‘себя’), ‘своей личностью’ (‘сам лично’), ‘в своей личности’ (‘у себя, в себе’) и т. п. Разумеется, и такие тунгусские формы могут быть переданы в структурно-грамматическом отношении подобно соответствующим тюркским с помощью таких «буквальных» переводов, как «я личность-моя», «ты личность-твоя», «он личность-его» или «сам тело-свое», «сам телом-своим», «сам в телесвоем» и т. п. Связь этого прономинализованного слова с исходным именем существительным несомненна.

Никто из специалистов подобного рода тунгусские формы возвратными местоимениями, как кажется, никогда не признавал.

---

[41] Цинциус В. И. Сравнительная фонетика. . ., с. 273; ср.: Бойцова А. Ф. Категория лица в эвенкийском языке. Л., 1940, с. 59.

[42] Бойцова А. Ф. Категория лица. . ., с. 47 и след.; Цинциус В. И. Сравнительная фонетика, с. 270—273.

Это — притяжательные формы существительного *бэjэ*, склоняемого по общим нормам склонения существительных. Безлично-притяжательная форма его с нулевым падежным показателем (форма, свойственная номинативу) функционирует как форма прямого дополнения, обычно выражаемого винительным падежом (в простом, беспритяжательном, склонении и в склонении лично-притяжательном), что относится к склонению всех существительных, не исключая полностью и предметно-местоименное слово вроде нан. *мэн~мэнэ* 'сам' / 'свой'.

Приведенные выше тунгусские местоимения типа *мэнэ~мэн, мэнэ-кэн / мэнэ-кэр* и т. п., если они выступают в роли подлежащего или постпозиционного определения, переводятся на русский 'сам', 'сами' и признаются специалистами в этих случаях «определительными местоимениями». Те же местоимения, если они выступают в роли препозиционного определения (типа нан. *мэнэ-усим-би* 'сам огород-свой', 'свой огород'), называются «возвратно-притяжательными». В случае же употребления тех же местоимений в роли дополнения (прямого или косвенного) они именуются «возвратными», так как переводятся на русский — 'себя', 'себе', 'у себя' и т. п. Утверждается, что в данной функции возвратные местоимения являются заместителями личных местоимений в тех случаях, когда субъект действия имеет самого себя своим объектом.[43] Возвратные местоимения рассматриваются (по их значению) как косвенный падеж местоимений личных 1-го, 2-го и 3-го лица, т. е. 'я себя', 'ты себя', 'он себя' и т. д. вместо 'я меня', 'ты тебя', 'он его' и т. д.[44]

Вот пример типичной трактовки «возвратных местоимений» в одном из тунгусских языков из числа так называемой нанийской (или амурской) подгруппы — в языке сахалинских ороков (ульта). «Местоимение *мэнэ~мэн* в зависимости от сочетания с другими словами может иметь различные значения: 'сам, сами' и 'свой, свои'. В первом случае оно выступает в роли определительного местоимения, во втором — как притяжательное (не самостоятельное). Возвратные местоимения, по существу, есть падежные формы из основы *мэн-* с возвратно-притяжательным оформлением».[45]

В отличие от рассмотренной выше прономинализированной основы ма. *бэjэ-* (ед. ч.), *бэjэ-сэ-* (мн. число) местоименная основа *мэн-* в орокском, как и в других нанийских языках (нанайском, ульчском, удэгейском, орочском), по числам не различается («общее число»). Но оформляющие эту основу, как и основы других существительных, безлично-притяжательные суффиксы имеют в орокском две числовые формы: при единственном числе действующего лица (агенса) *-би~-и~Ø*, а также *-пи*, при множествен-

---

[43] Бойцова А. Ф. Категория лица. . ., с. 47.
[44] Там же.
[45] Петрова Т. И. Язык ороков (ульта). Л., 1967, с. 65.

ном числе действующего лица (агенса) *-бари~-бэри~-(а)ри~(э)ри~-ри*, а также *-пэри*.

Одной из особенностей склонения орокского определительного местоимения *мэнэ~мэн* 'сам~сами', 'свой~свои', склоняемого только по формам безлично-притяжательного типа склонения, является то, что в функции приглагольного прямого дополнения оно оформляется безлично-притяжательными суффиксами *-пи* (ед. ч.) или *-пэри* (мн. ч.), в то время как в формах других косвенных падежей вслед за суффиксом соответствующего падежа следуют иные варианты безлично-притяжательных суффиксов *-и~∅* (ед. ч.), *-(э)ри* (мн. ч.). Сливаясь с конечными гласными падежных суффиксов, они образуют различного рода фузионные соединения (иногда флективного типа). Так, формы некоторых совершенно различных падежей становятся в этих случаях омофоничными: местный I *-ду-и* > *-ʒи*, творительный *-ʒи-и* > *-ʒи*, совместный *-нду-и* > *-ʒи* (форма ед. ч.), *-ʒиэри* > *-ʒэ̄ри* (творительный мн. ч.), *-нду-эри* > *-ʒэ̄ри* (совместный мн. ч.).[46]

В грамматической литературе имеется особая точка зрения на такого рода формы местоимения *мэнэ*. В трех рассмотренных функциях в нанайском языке формы эти признаются не разными формами одного местоименного слова, а тремя разными лексемами 1) *мэнэ* 'сам' — «определительное местоимение», 2) *мэнэ* 'свой' — омоним первого — «возвратно-притяжательное», 3) *мэ̄-пи*, *мэн-ду-и* — 'самого-своего' (='себя'), 'самому-своему' ('себе') — «возвратное местоимение» — самостоятельное слово, хотя и близкое по значению двум первым омонимичным словам.[47]

Следуя этому почину, пришлось бы нанайское личное местоимение *ми* 'я' (в функции подлежащего) признать омонимом *ми* 'мой' (в функции определения) — «лично-притяжательное местоимение» (?), а *мим-бивэ* 'меня' (винит. падеж), *мин-ду* 'мне' (дат. падеж) особым словом, хотя и близким по значению первым двум омонимам (*ми* 'я', *ми* 'мой'), чего, как кажется, еще никто не предлагал и едва ли когда-нибудь предложит.

По ряду особенностей так называемых «возвратных» местоимений тунгусские языки делятся на две неравные группы.

В эвенкийском, эвенском интересующие нас местоимения различаются по числам: *мэ̄н-* — основа ед. числа, *мэ̄р-* — основа мн. числа; эвенк. *мэ̄нэ-кэ̄н*, эвен. *мэ̄н-кэ̄н* 'сам (-а, -о)', эвенк. *мэ̄нэ-кэ̄р*, эвен. *мэ̄р-кэ̄р* 'сами'.

Дифференциация по числам осуществляется здесь посредством морфологизированного чередования согласных *н* (ед. число) и *р* (мн. число); ср. *орон* 'олень', *орор* 'олени' и т. д.

В других тунгусских языках *мэ̄н~мэ̄нэ* 'сам, сами' по числам, как сказано, не различаются.

---

[46] Там же, с. 66.

[47] Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Т. 1. М.—Л., 1959, с. 252 и след.

Общей же чертой для всех тунгусских языков, что отличает их от монгольских, оказывается дифференцированность по числам безлично-притяжательных («возвратных») суффиксов, являющихся (подобно суффиксам лично-притяжательным) своеобразными морфологическими дериватами местоимения *мэ̄н-/мэ̄р-*. Ср. эвенк. *мэ̄р-вэр*, эвен. *мэ̄р-бур*, нег. *мэ̄н-мэj*, ороч. *мэ̄-бej ~мэ̄-ббэjи*, уд. *мэ-фэй*, ульч., нан. *мэ̄-пэри* 'сами-свои' (='себя' при множ. числе агенса) и соответственно *мэ̄н-ми*, *мэ̄н-ӣ*, *мэ̄н-ми*, *мэ̄-ми*, *мэ̄-ми*, *мэ̄-пи* 'сам-свой' (='себя' при ед. числе агенса).[48]

Общей чертой является для всех тунгусских языков и то, что безлично-притяжательные суффиксы (так же как и лично-притяжательные) следуют при склонении существительных за суффиксами падежей. Показатель винительного падежа *-бэ ~-ба*, *-вэ ~-ва*, *-мэ ~-ма* и т. п. в формах безлично-притяжательного склонения отсутствует. Сходные по звучанию суффиксы безличного притяжания выполняют при этом как бы двойную функцию: они одновременно указывают и на притяжательность ('свой~свои'), и на форму прямого дополнения, что и дает повод считать эти формы формами винительного падежа не только «возвратных» местоимений, но и существительных вообще. Ср. нан. *буэ мэнэ усим-бэ тарихапу* 'мы сами огород (винит. падеж) засеяли', *буэ мэнэ усим-бэри тарихапу* 'мы (сами) огород-свой засеяли', *ми мэнэ мэ̄пи силкочии* 'я сам «самость-свою» (=себя) мою', *буэ мэнэ мэ̄пэри силкочипу* 'мы сами «самости-свои» (=себя) моем'.

Эвенкийский, негидальский отличаются от других тунгусских языков тем, что в их диалектах наряду с указанными выше безлично-притяжательными формами местоименных основ *мэ̄н-/мэ̄р-* 'сам~сами', 'свой~свои' (таких, как *мэ̄н-мӣ* 'сам-свой' (='себя'), эвенк. *мэ̄р-вэр ~мэ̄р-вэл*, нег. *мэ̄р-мэj* 'сами-свои' (='себя') и т. д.) употребляются и лично-притяжательные формы тех же местоименных основ. По сведениям О. А. Константиновой, в большинстве говоров эвенкийского языка «употребляются определительные местоимения, образованные от общей с возвратными местоимениями основы *мэ̄н-* и соответствующих лично-притяжательных суффиксов, а именно: *мэ̄н-мӣ* 'я сам' (формально — «сам-мой», «самость-моя», что внешне совпадает и с «сам-свой» или «самость-своя»=«себя», — О. С.) *мэ̄н-ни* 'ты сам', *мэ̄н-ин* 'он сам', *мэ̄р-вун*, *мэ̄р-ты* 'мы сами', *мэ̄р-рун ~мэ̄р-сун* 'вы сами', *мэ̄р-тын* 'они сами'».[49]

---

[48] Длительность гласных в рассматриваемых местоименных основах (*ӣ/э*), как в некоторых безлично-притяжательных суффиксах, в разных источниках отражается по-разному.

[49] Константинова О. А. Эвенкийский язык. М.—Л., 1964, с. 129; ср.: Бойцова А. Ф. Категория лица. . ., с. 60, а также с. 69, где в фонетически неточной записи приведены и аналогичные негидальские формы: *манми* 'я сам', *мajси* 'ты сам', *ман'ин* 'он сам'.

«Возвратное» местоимение в негидальском, судя по новым данным, звучит не *ман* или *мон* и не *манахан* или *моноxон* (формы с уменьшительным суффиксом), а *мэ̄н* (~*мэ*^{n}*н*), *мэ̄нэ-хэ̄н*. Их безлично-притяжательные формы не

Формы эти, в которых первые члены конструкции — личные местоимения *би* 'я', *си* 'ты', *нуңан* 'он' и т. д. — факультативны, склоняются, имея все формы падежей, не исключая и винительный: *мэ̄н-мэ-в* 'меня самого', *мэ̄р-вэ-вун* 'нас самих' (или «самость-мою», «самости-наши» и т. п.).

В изданной на эвенкийском языке литературе чаще употребляются в таком же значении беспритяжательные формы определительного местоимения «сам~сами» — та же основа *мэ̄н-*, но с суффиксом уменьшительности *-кэ̄н* (ед. ч.) или *-кэ̄р* (мн. ч.): *би (си нуңан) мэ̄нэ-кэ̄н* 'я (ты, он) сам', *бӯ (мит, сӯ, нуңартын) мэ̄нэ-кэ̄р* 'мы (мы с вами, вы, они) сами'.

Оформление определительного местоимения *мэ̄н (~мэ̄нэ)* «уменьшительным суффиксом» не может, конечно, служить средством (или признаком) образования особого разряда эвенкийских определительных местоимений от местоимений безлично-притяжательных («возвратных»), в роли которых выступают также *мэ̄н* (ед. ч.), *мэ̄р* (мн. ч.), но переводятся в этих случаях на русский 'свой', 'свои', точно так же, как оформление этих основ (*мэ̄н/мэ̄р*) словоизменительными суффиксами личного или безличного притяжания (при склонении их) не может быть признаком производства особых разрядов местоимений — «лично-определительных» или «безлично-возвратных».

В эвенкийском языке, как и в других тунгусских, имеется лишь одно особое местоимение *мэ̄н* (мн. ч. *мэ̄р*), относящееся к разряду определительных ('сам, сами'), которое в зависимости от разных синтаксических функций может соответствовать по своему смысловому значению русским то определительному, то притяжательному, то возвратному местоимениям. Но установление тех или иных грамматических разрядов тунгусо-маньчжурских словоформ на основе их русских смысловых эквивалентов (переводов) далеко не всегда приводит к верным результатам и является принципиально ошибочным вообще.

«Возвратные местоимения» эвенского языка, т. е. безлично-притяжательные формы косвенных падежей определительного местоимения *мэ̄н* 'сам/свой', *мэ̄р* 'сами/свои' не имеют, судя по опубликованным данным, форм лично-притяжательных. Одной из их особенностей является то, что в отличие от соответствующих эвенкийских определительных местоимений с суффиксом уменьшительности (*-кэ̄н/-кэ̄р*) эвенские местоимения образуют такие

ман-ми, а *мэ̄н-мӣ* и не *ман-моj*, а *мэ̄н-мэ̄j* и т. п. Поэтому приведенные выше негидальские лично-притяжательные формы следует записать как (*би*) *мэ̄н-ми* 'я сам' («я самость-моя»), (*си*) *мэ̄j-си* 'ты сам', (*нуңан*) *мэ̄н'-ин* 'он сам' и т. п. Ср.: Мыльникова К. М., Цинциус В. И. Материалы по исследованию негидальского языка — Тунгусский сборник, I, Л., 1931, с. 153—154; Колесникова В. Д., Константинова О. А. Негидальский язык. — Языки народов СССР. Т. V. Л., 1968, с. 116. В известном «Гольдско-немецком словаре» (1900) В. Грубе интересующие нас местоимения записаны как *tonė*, *tan*, *tany* (с. 119), что весьма далеко от их подлинного звучания.

уменьшительные формы как от основы ед. ч., так и от основы множ. числа: *мэ̄н-кэ̄н* ‘сам’, *мэ̄р-кэ̄р* ‘сами’, в отличие, например, от сходных по значению прономинализованных форм *бэ̄j-зӣ* ‘сам’, *бэ̄j-зур* ‘сами’, числовые различия которых отмечены только в формах безлично-притяжательных суффиксов *-и* (ед. ч.), *-ур* (мн. ч.).

Итак, в отношении интересующего нас местоимения все известные тунгусо-маньчжурские языки делятся прежде всего на две неравные группы:

1) маньчжурскую, в которой в роли определительного местоимения «сам/свой» выступает только прономинализованное существительное *бэ̄jэ*, в котором отсутствуют как лично-, так и безлично-притяжательные формы;

2) тунгусскую, в которой в аналогичной роли употребляется прежде всего местоимение *мэ̄н~мэ̄нэ* ‘сам/свой’, имеющее в формах косвенных падежей безлично-притяжательные суффиксы, а в отдельных языках или их диалектах наряду с этим и суффиксы лично-притяжательные.

Прономинализованное существительное *бэ̄jэ~бэ̄j* в тунгусской группе языков в роли определительного местоимения употребляется лишь спорадически, оформляясь при этом, как правило, безлично-притяжательными суффиксами, свойственными всем существительным или субстантивированным словам из других частей речи.

Языки тунгусской группы в свою очередь разделяются в этом же отношении на две подгруппы:

1) эвенкийско-эвенскую, в которой не только безлично-притяжательные суффиксы, но и местоименные основы *мэ̄н~мэ̄нэ* различаются по формам числа — единственного и множественного *(мэн-/мэр-)*;

2) все другие языки, в которых по числам дифференцированы только безлично-притяжательные суффиксы, но не основы соответствующих определительных местоимений со значением «сам/свой». К ним относятся языки негидальский, солонский, орочский, удэгейский, орокский, ульчский и нанайский (*мэ̄н-* общее число — «единственно-множественное»).

Оформляя разные по составу гласных и по конечным согласным имена, безлично-притяжательные суффиксы во всех тунгусских языках имеют сингармонические варианты (разная огласовка) и различные варианты начальных согласных (ассимиляция на стыках основы и суффикса или суффикса безлично-притяжательного с предшествующим ему иным суффиксом).

Поскольку интересующие нас местоименные основы по составу гласных относятся во всех тунгусо-маньчжурских языках к одному и тому же сингармоническому ряду, в нижеприведенной сводке (табл. 1) безлично-притяжательных суффиксов тунгусских языков мы ограничимся одним в отношении гласных вариантом этих суффиксов (в форме множ. числа), отмечая наиболее харак-

Таблица 1

Безлично-притяжательные суффиксы при единственном числе субъекта действия

Предшествующие звуки	Языки								
	эвенк.	эвен.	нег.	сол.	нан.	ульч.	орок.	ороч.	уд.
Согласные шумные:									
а) звонкие	*-ви*	*-и*	*-ви*	*-ви*	*-би*	*-би*	*-би*	*-би*	—
б) глухие	*-пи*	*-и*	*-пи*	*-ви*	—	—	—	—	—
	-ви								
Сонанты:									
носовые	*-ми*	*-ми*	*-ми*	*-ми*	*-би~*	*-би~*	*-би~*	*-ми*	*-ми*
					(-пи)	*(-пи)*	*(-пи)*		*-би*
б) л-/р-	*-би*	*-би*	*-би*	*-би*	*-би*	*-би*	—	—	*-би*
	-ви								
Гласные	*-ви~*	*-и~*	*-ји*	*-ви*	*-ји~*	*-ји~*	*-би~*	*-ви~*	
	-ји	*-ј*			*-и*	*-и*	*-ви~*	*-ји~*	*-и*
							-и	*-и*	

терные варианты их согласных — чередование губно-губных *б-*, *в- (w-)*, *м-*, *п-*, *ф-*, и *Ø-* (их выпадение).

Значительное единообразие фонетических вариантов этого безлично-притяжательного суффикса, а также его звуковое сходство с лично-притяжательным суффиксом 1-го лица ед. ч. в ряде тунгусских языков (эвенк., эвен., нег., сол., уд., нан.) было уже отмечено и рассмотрено А. Ф. Бойцовой.[50] Необходимо лишь подчеркнуть, что приведенные выше варианты безлично-притяжательного суффикса не во всех перечисленных языках находятся в непосредственной (синхронической) зависимости от предшествующего им звука основы или звука иного предшествующего суффикса. Только в диалектах эвенкийского и эвенского языков, в которых вследствие усечения конечных гласных основы и устойчивости конечного *-н* наблюдается значительное разнообразие ауслаутных согласных — шумных (звонких и глухих), назальных *-н*, *-ŋ*, *-м*, а также плавного *-л* и дрожащего *-р*. В других языках (особенно в удэгейском, ульчском, нанайском, орокском, орочском) преобладают основы и суффиксы с конечными гласными, конечный *-н*, а в удэгейском и *-л*, выявляется при наращении некоторых суффиксов. Из шумных согласных в нанайском и ульчском встречаются *-г* (*~-л*) в небольшом числе основ, а также *-л* и *-р*.

Ср., например, безлично-притяжательные формы ед. числа уд. *кусигэ-и* ‘нож-свой’, *ами-ми* (*<*амин-ми*) ‘отец-свой’, *ха-би*

[50] Бойцова А. Ф. Категория лица..., с. 131 и след. (табл. 35).

Таблица 2

Безлично-притяжательные суффиксы при множественном числе субъекта действия

Предшествующие звуки	Языки								
	эвенк.	эвен.	нег.	сол.	нан.	ульч.	орок.	ороч.	уд.
Согласные шумные:									
а) звонкие	*-вэр*~*-вэл*	*-ур*	*-вэj*	*-бэли*	*-бэри*	*-бэри*	*-бэри*	*-бэjи* *-ббэjи*	—
б) глухие	*-пэр*	*-ур*	*-пэj*	—	—	—	—	—	—
Сонанты:									
а) носовые	*-мэр*~*-мэл*	*-мур*	*-мэj*	*-бэли*	*-бэри* (*-пэри*)	*-бэри* (*-пэри*)	*-бэри* (*-пэри*)	*-бэjи*~*-ббэjи*	*-фэи*
б) л/р-	*-вэр*~*бэр*~*-бэл*	*-бур*	*-бэj*	*-бэли*	*-бэри*	*-бэри*	*-бэри*	—	*-фэи*
Гласные:	*-вэр*~*-вэл*	*-вур*	*-вэj*	*-вэли*	*-(в)эри*	*-(в)эри*	*-(в)эри*	*-ббэjи*~*-бэjи*~*-бэj* *-вэj*	*-фэи*

(<**хал-би*) ‘братья-свои’, *мэ̄-ми* (<**мэн-ми*) ‘сам-свой’ (=‘себя’); нан. *цала-и* ‘рука-своя’, *апум-би* (<*апун-*) ‘шапка-своя’, *зог-би* ‘дом-свой’, но *мэ̄-пи* ‘сам-свой’ (=‘себя’), *мэн-ду-и* ‘самому-своему’ (=‘себе’, ‘у себя’) и т. п.

Сочетание губно-губного *в* с гласными *и* / *е* ни в нанайском, ни в ульчском, ни в удэгейском не наблюдается. Они развились в *-jи*~*-и* < *-ви* < *-би*. Нет такого варианта безлично-притяжательного суффикса и в эвенском (эвенк. *-ви*~эвен. *-и*). Несколько необычной кажется и эвенская форма *мэ̄н-ӣ* (вместо ожидаемой, как в эвенк. *мэ̄н-ми*).[51]

Вторичный (более поздний) характер вариантов интересующего нас суффикса — таких, как *-ви*~*-jи*~*-и*~*-j* — представляется несомненным. Они развились из *-би* (~*-бӣ*). Вариант *-ми* (~*-мӣ*) — результат ассимиляции *б* под влиянием предшествующего *н*: *-би* > *-ми*. Как возник нанайско-ульчский вариант *-пи*, пока не ясно. Видимо, это связано с отпадением конечного *н-* или *р-* в основе местоимения *мэн-*/*мэ̄р-* и переходом *м*/*б* > *п*.

Исходным (основным) вариантом суффикса мн. ч. подобно суффиксу ед. числа *-би* (*-бӣ*) следует признать форму *-бэри*,

---

[51] См.: Цинциус В. И. Сравнительная фонетика. . ., с. 270—271 (табл. XIV). Предложенные здесь формы возвратных местоимений эвенского типа и для ороч., уд., нан. и ульч. *мэн-и*, наряду с известными *мэ̄-ми*, *мэ̄-пи*, практически не зарегистрированы.

изменившуюся в интервокальной позиции (после предшествующих гласных) в *-вэри* (*-wэри*)∼*эри*, а в позиции перед носовыми согласными в *-мэр*∼*-мэл*∼*-мур*∼*-мэj* и т. п. Развитие *р'и* > *ju* или *р* > *j*, а затем и *j* > *и* > ∅, равно как и фонетическое чередование финальных или медиальных *р*/*л* (эвенк: *-бэр*∼*-бэл*, нан. *-бэри*∼солон. *бэли*), — явление, широко распространенное в тунгусских языках и давно описанное в специальной литературе. Известна и тенденция к отпадению конечного *и* и некоторых других гласных в ряде тунгусских языков (эвенском, эвенкийском, негидальском): *-бэри*∼*-бэр*∼*-бур*∼*-бэj* и т. п. Оглушение (ассимиляция) *б* под влиянием предшествующего глухого и переход его в *п* (а в ряде случаев и в другие согласные) тоже является обычным фонетическим процессом, отмечаемым в ряде тунгусских языков. Ср. опущенные в наших сводках такие фонетические варианты безлично-притяжательных суффиксов, как эвен. *-кӣ* < *-вӣ*∼*-бӣ*∼*-пӣ*, *-кэр* < *-вэр*∼*-бэр*∼*-пэр* и некоторые другие.[52]

Несколько необычными (в синхронно-фонетическом аспекте) кажутся нанайско-ульчские суффиксы *-пи*/*-пэри* в местоимении *мэ̄пи*/*мэ̄пэри* (при других основах *-би*/*-бэри*∼*-и*/*-(в)эри*), а также удэгейская форма *-фэи* (*мэми*/*мэфэи*), употребляемая при всех основах независимо от их фонетических особенностей: (*мэнэ*) *кусигэ-фэи* ‘свой нож’, *ами-фэи* ‘свой отец’, *ха-фэи* ‘свои братья’, но при ед. числе субъекта соответственно — (*мэнэ*) *кусигэ-и*, *ами-ми*, *ха-би* и т. п. Уд. *-фэи* несомненно восходит к *-пэри*, форме, свойственной нанайскому и ульчскому местоимению *мэ̄-пэри*. Чередование *б*/*п* в этих языках наблюдается в отдельных формах типа нан. *боа-л-па*, ульч. *бӣ-р-па* ‘по улице, снаружи (вне дома)’, где *-па* — фонетическая разновидность общетунгусского суффикса винительного (определенного) падежа: *-ба*/*-бэ*, *-ва*/*-вэ*, *-ма*/*-мэ*, *-па*/*-пэ* и т. п.

Не возникли ли интересующие нас варианты суффиксов *-пи*/*-пэри*, а затем и *-фэи* под влиянием прежней формы местоименной основы с конечным *л*/*р* — **мэр*∼**мэл*, сохранившись пережиточно и после утраты этих **л*/*р*?

О том, что конечные согласные местоименной основы тунгусской *мэ̄н-*/*мэ̄р-*, равно как и конечные согласные соответствующих безлично-притяжательных суффиксов, проявляют своеобразную неустойчивость (редуцируются, усекаются, чередуются и т. п.), уже упоминалось.

Приведем еще примеры из исследования Г. М. Василевич, посвященного диалектологии эвенкийского языка.

Наряду с известными определительными местоимениями эвенк. *мэ̄н*, *мэ̄р* (в уменьшительной форме *мэ̄нэ-кэ̄н*, *мэ̄нэ-кэ̄р*), которые выступают либо в роли подлежащего (‘сам’, ‘сами’), либо в роли определения (‘свой’, ‘свои’), эти местоимения могут иметь, как

---

[52] Константинова О. А. Эвенкийский язык, с. 62 (табл. 5); Бойцова А. Ф. Категория лица. . ., с. 131, 133 и др.

и существительные, лично- и безлично-притяжательные формы. Первая (типа *мэ̄н-ми* 'сам-я', *мэ̄р-вун* 'сами-мы') употребляется либо в роли подлежащего, либо в роли дополнения. Вторая (типа *мэ̄н-ду-ви* 'самому-своему', '*мэ̄р-ду-вэр* 'самим-своим', по-русски *себе, у себя*) выступает в роли дополнения. Но встречаются и особые редуплицированные формы этих местоимений, именуемые Г. М. Василевич «возвратно-взаимными». Они образуются из «удвоенного корня возвратного местоимения с опущенным конечным *-н*»: [53] *мэ-мэ* (<*мэн-мэн*), суффикса собирательности *-ги*, показателя мн. числа *-л* и безлично-притяжательного суффикса мн. числа: *мэмэ-ги-л-вэр* 'друг друга' или 'сами-свои' (по-русски *сами себя*). Ср. еще «возвратно-взаимные» формы с основами *мэ̄-мэн*, *мэ̄-мэ̄р-*, *мэр-мэри-л-*, также оформляемые безлично-притяжательными суффиксами мн. числа и имеющие то же значение.[54]

Приведенные редуплицированные формы определительного местоимения служат, на наш взгляд, дополнительным подтверждением того, что и безлично-притяжательные суффиксы этих местоимений являются своеобразным повтором (редупликацией) тех же местоименных корней, ставших сначала притяжательно-предикативными словами-частицами, а затем и обычными суффиксами не только соответствующих местоимений, но и всех существительных в широком смысле этого термина. Это дает основания считать безлично-притяжательные суффиксы подобно лично-притяжательным морфологическими дериватами соответствующих местоименных слов.

Историческая связь интересующего нас местоимения в тунгусо-маньчжурских языках, как и в других алтайских, с именами существительными, подвергшимися прономинализации, несомненна. И тем не менее вопрос о происхождении тунг. *мэ̄н~мэнэ*, несмотря на выдвинутые специалистами гипотезы, прежде всего *мэнэ* < *бэjэ*, остается, на наш взгляд, нерешенным.

6. Проблема происхождения алтайских определительных местоимений «сам»/«свой»

В. Котвич, много занимавшийся сравнительным изучением алтайских местоимений, не находил ничего общего между тунгусским определительным местоимением *män* 'сам' / 'собственный', с одной стороны, и несомненно близкородственными, по его словам, монг. *öber* 'сам' и тюрк. *öz* 'сам' — с другой.[55] Вместе с тем он находил, что тунгусские «возвратно-притяжательные» суф-

[53] Василевич Г. М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1948, с. 33.

[54] Там же, с. 206, 238, 266, 285 и др.

[55] Котвич В. Исследование по алтайским языкам. . ., с. 165, 172 и след.

фиксы, как и соответствующие монгольские, «произошли от монгольско-тунгусского существительного *beje* 'человек, тело, сам'».[56] Как сказано в комментарии к этому выводу В. Котвича, к такому же самостоятельному слову с реальным значением «человек, тело, сам» восходят и тюрк. *öz*, *boj*, *pos*.[57]

Если при этом учесть, что В. Котвич с некоторыми, правда, оговорками согласился с выводом А. Ф. Бойцовой, согласно которому не только тунгусские безлично-притяжательные суффиксы, но и само местоимение *män* развились из того же монгольско-тунгусского слова *beje*, то заключение об отсутствии чего-либо общего между тунг. *män* и соответствующими монгольскими формами окажется логически неоправданным. Но к этому вопросу мы еще вернемся, а сейчас рассмотрим взгляды В. Котвича относительно происхождения тунгусских безлично-притяжательных суффиксов. В качестве их о с н о в н ы х вариантов принимаются формы ед. числа *-w'i*, *-m'i*, *-b'i*, которым во множественном числе соответствуют *-war*, *-mar*, *-bar*. Последние, как предполагает В. Котвич, были когда-то образованы от формы *-wan*, *-man-*, *-ban*. Заметим, что варианты суффиксов мн. числа здесь приведены только эвенкийские и в огласовке, не связанной с тунг. местоимением *män* (т. е. *мэн*). Формы *-wan*, *-man*, *-ban* являются чисто гипотетическими, и ни в одном из тунгусских языков реконструировать их на основе имеющихся материалов невозможно. Более реалистической могла бы быть реконструкция *-*bän* (или *-*бэн*), ср. прамонг. *-*βen*, а также эвенк. *мэн-/мэр-* (основы определительного местоимения 'сам~сами'). Маловероятными представляются и предполагаемые В. Котвичем пути эволюции гипотетических *-wan*, *-man*, *-ban*: утрата конечного *n* и замена гласного *a* гласным *i* в формах ед. числа. *-w'i*, *m'i*, *-b'i*.

Остается неясным, как данное предположение В. Котвича связано с высказанной им же другой гипотезой, согласно которой монгольские безлично-притяжательные частицы, а затем и суффиксы, возникли из формы родительного падежа слова *beje* 'человек, тело, сам' в постпозиционном положении к определяемому имени, о чем уже было сказано выше.

В алтаистике имеется и другая гипотеза относительно происхождения форм интересующих нас безлично-притяжательных суффиксов, высказанная до появления работ В. Котвича об алтайских местоимениях.

Так, еще в 1930 г. Н. Н. Поппе в книге «Дагурское наречие», а затем и в «Материалах по солонскому языку», не рассматривая подробно форм «возвратного» (в дагурском) или «определительного» (в солонском) местоимения, уделил большое внимание «возвратно-притяжательному» (в дагурском) или «безлично-притяжательному» (в солонском) суффиксам, рассмотрев их форму в сравне-

[56] Там же, с. 171.
[57] Там же, с. 358 (прим. 37).

нии с другими монгольскими и тунгусскими (эвенкийскими) данными.

Определительное местоимение в дагурском *ĕ̄ŋ*, восходящее к **öβen* (монг. *öbe-r-ün* ‘свой’, *öbe-s-ü-ben* ‘сам собою’, бур. *ӧрӧ* ‘сам’, *ӧдӧ* ‘сами’), а также *wĕ̄p-* ‘сам’, *wĕ̄p'i* ‘свой’ (=монг. *öberün*). Безлично-притяжательные формы, выражающие понятия «свой», передаются удлинением конечного гласного склоняемой основы, а если он долгий или имеет *-ŋ* < **n*, то суффиксом *-бӯл* (*~-мӯл~-мāл~-мэ̄л*), равнозначным старомонг. *-βen*. Конечный *-л* в дагурском суффиксе < монг. *-n*, а гласный *ӯ* < **e*. Следовательно, даг. *-бӯл~мӯл* < **ben~*-men* < **-βen*, что соответствует эвенк. *-ши~-ни~-ми* (ед. число) и *-wар~-wер* (*-пар*, *-мар*) — форма мн. числа. Считая конечный *-р* в суффиксе *-wер~-wар* показателем мн. числа от основ на *н*, Н. Н. Поппе реконструирует для тунгусского праформу *-*βen*, тождественную монгольской *-*βen*,[58] которая, впрочем, по числам никак не дифференцирована, на что следует обратить особое внимание.

В солонском (обособленный диалект эвенкийского языка) определительное местоимение *тӭ̄ӭ̄*, иначе — *мэ̄(н)* ‘сам’, *тӭ̄п-ӡi-wi* — форма творит. падежа, но не с «лично-притяжательным», а, по-видимому, с «возвратно-притяжательным» суффиксом (т. е. не *-bi*, а *-wi*) ‘самим-своим’, ‘самостью-своей’ (т. е. ‘собой’ *тӭ̄nin* — форма, определяемая как генитивная, ‘самого’, ‘свой’. Другие формы этого местоимения не приведены.[59]

Безлично-притяжательные суффиксы в солонском — для ед. числа обладателя *-bi~-wi*, для мн. числа — *-bӭli~-wӭli*, где показателем множ. числа является не *-r*, а *-li*, хотя в других случаях, как отмечает Н. Н. Поппе, ни *-r*, ни *-li* в качестве показателей множественности в солонском не встречаются. Суффиксом множественного числа здесь выступает *-sul~-sal~-sӭl*, при соединении которого с основами на *-n*, *-r* эти последние отбрасываются.[60]

Заметим, что солонские *-бэли~-вэли* довольно близки соответствующим нанайско-ульчским *-бэр'и~-(в)эр'и*, в которых слог *-р'и* тоже с показателями множественности в нанайском не отождествляется.

Числовые различия между безлично-притяжательными суффиксами подобно числовым различиям между личными местоимениями *би* ‘я’, *бэ~бӯ~буэ* ‘мы’ связаны не столько с показателями *-р(и)~л(и)*, сколько с различиями в огласовке: *си/су* ‘ты’/‘вы’ и т. п. Возможно, что в какой-то мере в числовых различиях суффиксов *-бэр(и)~-бэл(и)* и *-би~-ви* сказывается и чередование *-р(и)~-л(и)*/Ø, но ни в нег. *-бэj*, ни в ороч. *-бэји~-бэj*, ни в уд.-*фэи* (*~-фӯ*) это различие никакой роли не играет, а невозможность редукции и полной утраты морфологически существенного

[58] Поппе Н. Н. Дагурское наречие. Л., 1930, с. 156—157.
[59] Поппе Н. Н. Материалы по солонскому языку. Л., 1931, с. 111.
[60] Там же, с. 118, а также 111.

различительного признака ставит, на наш взгляд, под сомнение изложенную гипотезу.

Учет особенностей фонетического развития ауслаута тунгусо-маньчжурских слов, в частности развития *эр'и* > *эји* > *эј* > *эй* > *ӣ*~*и*, а также учет соответствующих данных других алтайских языков (не только безлично-притяжательных суффиксов, но и местоименных слов, от которых они могли произойти) побуждает нас вернуться к той гипотезе происхождения числовых различий между интересующими нас суффиксами, которая была уже кратко изложена.[61]

Более вероятным представляется в качестве основных (исходных) принять не современные тунгусские формы ед. числа *-бӣ*~*-пӣ*~*-мӣ*~*-ви*~*-и*, как предлагал В. Котвич, а формы, имеющие в современных языках значение мн. числа, т. е. безлично-притяжательные суффиксы, употребляемые при мн. числе субъекта действия: *-бэр(и)*~*-пэр(и)*~*-мэр(и)*~*бэл(и)*~*-вэл(и)*~*-бӱр*~*-мӱр*~*-бӱл*~*-мӱл*~*-бэј*~*-пэј*~*-мэј*~*-вэј*~*-фэи* и т. п., восходящие, как и соответствующие местоименные основы, к общеалтайскому архетипу **бӧр*~**бӧрӧ*~**бӧр'и* — к имени с весьма широким кругом значений ‘человек’, ‘люд, племя’, ‘народ’, а затем ‘тело’, ‘утроба’ и т. п., различными рефлексами которого являются и многие имена существительные и прономинализованные слова — в том числе определительные местоимения «сам~сами», «свой~свои», а в языках монгольских и тунгусских еще и безлично-притяжательные частицы или суффиксы — морфологические дериваты указанных местоименных слов.

Дифференциация этих местоимений, а в тунгусских языках и суффиксов по числам — явление относительно позднее, происходившее так или иначе в каждой из групп алтайских языков в разное время и своими особыми путями.

В языках тюркских такой дифференциации не произошло. В монгольских по числам дифференцированы соответствующие местоимения, но не связанные с ними безлично-притяжательные частицы или суффиксы. В тунгусо-маньчжурской группе по числам могут различаться в маньчжурском местоименные слова *бэјэ / бэјэ-сэ*, но не частицы-суффиксы, которых в нем нет (как и в языках тюркской группы). В языках же собственно тунгусских по числам дифференцированы иногда и местоименные основы, и соответствующие местоименные суффиксы (эвенкийский, эвенский), а иногда только местоименные суффиксы (все другие тунгусские языки).

Принимая в качестве основной (исходной) формы суффиксы, имеющие в современных тунгусских языках значение множественности, мы тем самым признаем их (до того, как возникли коррелятивные формы единичности-множественности) формами о б-

---

[61] С у н и к О. П. К вопросу о возвратных местоимениях в алтайских языках. — Проблема общности алтайских языков, с. 276 и след.

щ е г о числа — «единственно-множественного», т. е. не имеющими первоначально какой-либо определенной числовой характеристики.

Формы единичности образовались, на наш взгляд, путем фонетической редукции (*-бэр(и)* > *бэји* > *-бэј*~*-бэи* > *-бӣ*~*-би*) прежде не дифференцированных по числам форм общего числа. Но прежние (исходные) формы не исчезли начисто, а сохранились в несколько измененном фонетическом виде, став в противоположении формам редуцированным (*-би*~*-ви*~*-и*) формами множественности. И произошло это только тогда, когда сложились формы единичности. Такому развитию двучленной оппозиции безлично-притяжательных суффиксов могли способствовать ранее возникшая система противопоставления по формам грамматического числа личных местоимений, а также их морфологических дериватов — личных местоименных суффиксов или, как их называют монголоведы, лично-притяжательных частиц и лично-предикативных суффиксов. Безлично-притяжательные суффиксы единственного числа по своей огласовке (*и*/*i*) совпадают с личными местоимениями 1-го и 2-го лиц того же числа, а безлично-притяжательные суффиксы множественного числа по своей огласовке (*э*/*ӳ*) близки личным местоимениям первых двух лиц множественного числа. Ср. *-би*~*-ми*~*-ви* 'свой' и *би*~*ми* 'я', *-би*~*-ми*~*-ви*~*-и* 'мой', *си* 'ты', *-си* 'твой', *-бэр(и)*~*-пэр(и)*~*-вэр(и)-бур*~*-мур* 'свои' и *бӯ*~*буэ*~*бэ* 'мы', *-бун*~*-мун*~*-бу*~*-му*~*-пу* 'наш', 'наши' и т. п.

Закреплению за прежде не имевшими числовых значений безлично-притяжательными суффиксами значения множественности могла содействовать также и свойственная некоторым тунгусским языкам дифференциация по числам существительных путем противопоставления основам с *-н* основ с *-р* (в частности, *мэн-*/*мэр-*) или основам с конечным гласным основ с *-л* (первые — ед. число, вторые — множественное).

Тунгусские местоименные основы *мэн-* (ед. число), *мэр-* (мн. число) или *мэн-*~*мэнэ-* (общее число), морфологическими дериватами которых мы признаем тунгусские безлично-притяжательные суффиксы, видимо, генетически как-то связаны с монгольско-тунгусским прономинализированным *бејe*~*бијe*, *бэјэ*~*бэј* 'человек, мужчина, личность, сам', но связь эта далеко не очевидна. Попытка А. Ф. Бойцовой возвести тунг. местоимение *мэн* к этимологически достаточно ясному *бэјэ* (попытка, о которой одобрительно отозвался В. Котвич) при более внимательном подходе оказалась несостоятельной, так как основывалась на неправильно зафиксированной и неверно понятой ульчской форме «*бэјэн*» (>**бэн* > **мэн*). Но в ульчском, как и во всех иных тунгусо-маньчжурских языках, а также в языках монгольских, это слово имеет в качестве основной форму *бэјэ*. Что же касается формы *бэјэн* (или даже *бэјэ*^{н}), то в действительности это лично-притяжательная форма 3-го лица ед. числа: *бэјэн*, точнее — *бэјэ-ни* 'тело-его',

'сам-он' или 'он-лично'. Более удачной кажется попытка вывести безлично-притяжательный эвенк. суффикс *-ми* из того же *бэjэ* (>*бэj* ~ *б'и*), который в местоимении *мэн-ми* под влиянием предшествующего *н-* мог перейти в *-ми*. Но это не объясняет развития ряда других форм, таких как нан., ульч. *-пи*, а также *-пэри*~*-бэри*~*-(в)эри*~*-ри*, а также эвенк. *-вэр*~*-мэр*~*-вэр* и т. п. Значительно перспективнее кажется нам предположение о «повторении» в постпозиции видоизмененной со временем той же основы местоимения *мэн/мэр-*, ставшей со временем частицей или суффиксом.

Любопытно, что в «Схеме фонетического и семантического развития слова *бэjэ*», в которой в качестве рефлексов этого слова помещены местоимения 1-го лица ед. и мн. числа *бу* 'мы', *би* 'я', и то же *бэjэ* с различными значениями по языкам, в том числе со значением 'сам', 'себя', тунгусское местоимение *мэн-/мэр-* вообще отсутствует, хотя приводится монг. *öber* 'сам', *öberün* 'свой'.[62]

Заслуживает внимания сопоставление В. Котвичем тунг. *мāн* 'сам' с монг. *мöн*, калм. *мin* 'тот самый', 'действительно есть', 'именно',[63] и особенно сопоставление Г. Рамстедтом тунг. *мē̄н/мē̄р* 'сам~сами' с корейским **mon* > *mōm* 'тело', 'личность', 'человек', 'сам',[64] в форме винит. падежа *мом-ыль* 'самого'(=русск. 'себя'), что видно из примеров (по Корейско-русскому словарю, составленному А. А. Холодовичем): *мом* 'тело', 'сам', *мом-ыль* (вин. падеж) 'себя', *мом-ыль тольлида* 'поворачивать себя' (оборачиваться), *чайуроун мом-и тведи* 'свободным человеком стать' (освободиться), *мом-ыль мэда* 'себя завязать' (повеситься) и т. п.

Разумеется, в плане сравнительно-грамматическом идентификация тунг. *мэн* с приведенными сходными словами монг. *мöн*, *мin*, кор. *mōm* < **mon* крайне затруднена из-за различий в огласовке и семантике.

Но в поисках этимологии тунг. *мэн/мэр* и соответствующих безлично-притяжательных суффиксов необходим учет всего, что относится к данному вопросу, в том числе и структурно-типологических параллелей — фонетических, семантических и морфологических.

Ведь, как мы пытались показать, даже в близкородственных группах алтайских языков, например в тюркской, далеко не все, что в современных или древних языках связано с выражением грамматического понятия «возвратности», может быть (и должно быть) возведено к единым пратюркским архетипам. Между тюрк. *кенди* и тюрк. *ōz* < *ōр*, а также чув. *ха-* < **ока* имеется в плане грамматическом и семантическом много общего. Но возведение всех этих или подобных форм к единой пратюркской праформе,

---

[62] Бойцова А. Ф. Категория лица. . ., с. 70—71.

[63] Котвич В. Исследование по алтайским языкам. . ., с. 172.

[64] Ramstedt G. J. Studies in korean etymology. Helsinki, 1949, S. 151.

конечно, невозможно. Тем более это невозможно в плане общеалтайском.

Предположение, согласно которому уже на уровне гипотетического протоалтайского состояния, отдаленного от времени существования засвидетельствованных алтайских языков (древних, новых и новейших) многими тысячелетиями, могло бы быть протоалтайское местоимение со значением «сам/свой» с его морфологическими дериватами (безлично-притяжательными суффиксами), означало бы в лучшем случае наивный или примитивный историзм в науке о языке.

Едва ли возможны сомнения в том, что такие грамматические категории слов и служебных морфем, какими, в частности, являются слова и суффиксы, связанные с выражением «возвратности», возникали на достаточно позднем и высоком уровне развития языка и абстрактного мышления его носителей. Происходить это могло даже в языках близкородственных разобщенно, своими, пусть сходными, но разными путями. Когда же речь идет о языках отдаленнородственных, каковыми алтаисты признают языки алтайской общности, то поиски в общеалтайском или протоалтайском состоянии всего того, что имеется в засвидетельствованных алтайских языках (в нашем случае протоалтайского местоимения со значением «сам / свой»), представляются нам лишенными всякого смысла.

Речь может идти лишь о поиске неких общих л е к с и ч е с к и х прототипов, послуживших в иные, более поздние периоды развития алтайских языков, основой для развития, в частности, местоимений, именуемых часто «возвратными».

На наш взгляд, который основывается на учете опыта научной алтаистики (сложившейся в начале XX века), по данным только одной группы близкородственных языков, относимых к алтайским, практически невозможны надежные праязыковые реконструкции, если их не подменять так называемыми ближними реконструкциями — «праформами», не отличающимися от того, что имеется в тех или иных реально засвидетельствованных языках.

Для дальнейших опытов этимологизации тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, корейских местоимений со значением «сам» $>$ «свой», в том числе для этимологизации и реконструкции архетипов тунгусских местоимений *мэ̄н~мэ̄нэ* и их морфологических дериватов, необходимо привлечение всего, что так или иначе связано в алтайских языках с выражением грамматической категории возвратности. Это и прономинализированные существительные со значением «племя», «народ», «человек», а также «тело», «рост», «личность (персона)» и «нутро», «сердцевина», «основа», «существо» и т. п.

Многие из слов этого типа были приведены и рассмотрены выше на основе имеющихся в алтаистике материалов и исследований. Но этим не исчерпываются материалы, относящиеся к данной теме.

Так, например, тюрк. *öz* < **ör* 'внутренность', 'сердцевина' > 'сам' имеет в монгольских не только прямое семантическое соответствие *öber* 'сам', но и *öго~öre~ör* 'сердцевина', 'внутренность', ср. чув. *вар* < *ӧр*, а это последнее может быть связано с эвенк. *ур~ури-гдэ* 'живот', 'желудок', а также *урӯ* 'родственник', *урӯл* 'зародыш', 'самец', *ур-кэн* 'сын', 'юноша', *ур бэjэ* 'молодец (фолькл.)', 'самец', 'человек'. Ср. монг. *ere~эр*, тюрк. *ӓр~ир* 'самец', 'мужчина', *uri* 'сын', 'юноша' и т. п. Не связано ли это генетически с тунг. корнями *пур-~фур-~hур-~ур-* 'дитя', 'дети', 'потомство'? И не связаны ли генетически монгольско-тунгусское *beje~bije~бэjэ~бэj* с тюркско-монгольским *эрэ~эр* (<**βer*?) 'человек', 'мужчина', а впоследствии и 'сам / свой'?

Восходят ли все эти слова — прототипы алтайских определительных местоимений — к одному общему протоалтайскому полисемантическому слову или в них конвергировались сходные по значению и звучанию разные слова тех или иных алтайских языков, сказать трудно.

Ясно лишь одно, что историко-этимологическая связь между этими ныне различными, хотя и сходными по значению и звучанию словами, тесно связанными с соответствующими местоимениями, несомненна, многообразна и в каждой из групп алтайских языков своеобразна. Возникла ли эта связь путем влияний и заимствований на уровне групповых праязыков (пратюркского, прамонгольского, пратунгусского), или она восходит к предполагаемому протоалтайскому состоянию, для сравнительно-исторического изучения алтайских определительных местоимений «сам~сами» не так уж существенно. Могло быть и то и другое.

В заключение необходимо подчеркнуть, что несомненная материальная и структурно-типологическая общность в области того, что служит во всех алтайских языках средством выражения грамматического понятия возвратности (различные формы определительных местоимений или некоторых прономинализированных существительных, соответствующих по значению русск. *сам*, нем. *selbst*, англ. *self*, лат. *ipse*, франц. *même*, а также *свой~свои* и т. п.), не может быть объяснена случайными совпадениями или результатом поздних заимствований. Приведенные материалы и их сравнительный анализ свидетельствуют в пользу научной теории, объясняющей общность алтайских языков их очень древними генетическими связями, а не одними только взаимовлияниями в более поздние эпохи контактного развития уже обособившихся групп близкородственных языков — тюркской и монгольской, монгольской и тунгусо-маньчжурской.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В БИБЛИОГРАФИИ

ВЯ	— Вопросы языкознания, М.
ДТС	— Древнетюркский словарь. Л., 1969.
НИИЯЛИ	— Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.
ССТМЯ	— Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1975.
CAJ	— Central Asiatic Journal, Wiesbaden.
JSFOu	— Journal de la Sosiété Finno — Ougrienne, Helsinki.
MSFOu	— Mémoires de la Sosiété Finno — Ougrienne, Helsinki.
UAJb	— Ural-Altaische Jahrbücher, Wiesbaden

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ

аз.	— азербайджанский язык
алт.	— алтайский язык
англ.	— английский язык
араб.	— арабский язык
бараб.	— язык барабинских татар
башк.	— башкирский язык
бох.	— боханский говор бурятского языка
бур.	— бурятский язык
венг.	— венгерский язык
вепск.	— вепский язык
водск.	— водский язык
гаг.	— гагаузский язык
даг.	— дагурское наречие монгольского языка
дж.	— джагатайский язык (=чагатайский, старо-узбекский)
драв.	— дравидские языки
др.-мо.	— древнемонгольский язык
др.-тюрк.	— древнетюркский язык
др.-уйг.	— древнеуйгурский язык
др.-яп.	— древнеяпонский язык
ж.-уйг.	— язык желтых уйгуров
и.-е.	— индоевропейские языки
иран.	— иранские языки
казах.	— казахский язык
калм.	— калмыкский язык
караг.	— карагасский язык (=тофаларский)
караим.	— караимский язык
каракалп.	— каракалпакский язык
карач.	— карачаевский язык
карел.	— карельский язык
кирг.	— киргизский язык
койб.	— койбальский язык
ма.	— маньчжурский язык
мар.	— марийский язык
мо.	— монгольские языки
мог.	— могорский язык (=монгорский)
могол.	— могольский язык
монг.	— монгольский язык
монгор.	— монгорский язык
наманг.	— наманганский говор узбекского языка
нан.	— нанайский язык
нег.	— негидальский язык
орок.	— орокский язык
ороч.	— орочский язык

орх. — орхонский язык
п.-мо. — старописьменный монгольский язык
праалт. — праалтайский язык
пратюрк. — пратюркский язык
саамск. — саамский язык
самод. — самодийские языки
скр. — санскрит
сол. — солонский язык
ср.-кор. — среднекорейский язык
ср.-мо. — среднемонгольский язык
ст.-мо. — старомонгольский язык
ст.-узб. — староузбекский язык
тат. — татарский язык
тиб. — тибетский язык
тоб. — язык тобольских татар
тоф. — тофаларский язык
тох. — тохарский язык
тув. — тувинский язык
тунг. — тунгусские языки
тунг.-ма. — тунгусо-маньчжурские языки
тур. — турецкий язык
туркм. — туркменский язык
тюрк. — тюркские языки
уд. — удэйский (удэгейский) язык
удм. — удмуртский язык
узб. — узбекский язык
уйг. — уйгурский язык
ульч. — ульчский язык
урал. — уральские языки
ф.-уг. — финно-угорские языки
хак. — хакасский язык
халх. — халхасский диалект монгольского языка
хант. — хантыйский язык
чаг. — чагатайский (=староузбекский) язык
чж. — чжурчженьский язык
чув. — чувашский язык
чулым. — язык чулымских татар
шор. — шорский язык
эвен. — эвенский язык
эвенк. — эвенкийский язык
эрзянск. — эрзянский диалект мордовского языка
як. — якутский язык

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие редактора 3

И. В. Кормушин. Каузативные формы глагола в алтайских языках 10

Д. М. Насилов. Формы выражения способов глагольного действия в алтайских языках (в связи с проблемой глагольного вида) 88

О. П. Суник. Глаголы «быть» и «стать» в алтайских языках и их морфологические дериваты 178

В. И. Цинциус, Н. И. Летягина. К истории форм множественности в алтайских языках 197

О. П. Суник. Местоимения «сам»/«свой» и их морфологические дериваты в алтайских языках 232

Список сокращений 269